

Н. Н. Орлова

„Осенний листопад...“

(Мои воспоминания)

Москва
2008

От автора

В юности дни кажутся длиннее, солнце светит ярче, а жизнь представляется бесконечной, сорокалетние люди воспринимаются как старики, кажется, что все можно успеть...

Скоро мне исполнится 75 лет. Очевидно, что многое теперь невозможно – родить ребенка, перечитать любимые книги, прочитать что-то новое, следить за газетами и принимать, что происходит в стране и в мире, активно участвовать в жизни общества. Довлеют прошлые представления о мире, «ржавеют» мозги... Время утекает, как песок, исчезает быстрота реакции и движения, налезает болезни. Года два тому назад подумала – надо бы написать о родных и близких мне людях, о времени, в котором жила и о запомнившихся событиях ушедших лет. Далекое не все знают о той далекой нашей жизни, о родственниках, о многих из которых я сама узнала лишь после смерти папы из его записок.

Так возникла идея написать свои воспоминания. В них нет строгой хронологической последовательности, это скорее отдельные рассказы о разном.

Они, прежде всего, адресованы сыну, его жене Тане и моим внукам, ведь они живут совсем в другом, измененном мире, и даже в другой стране. Наверное, это еще кому-нибудь будет интересно.

*В сиреновом лесу бульвары хороши,
Осенний листопад Москву заворошил.
Не знаю, почему я вспомнила про это –
И песня невпадал, и память невпадал...
Не знаю, почему мне вдруг напомнил лето
Шальной осенний листопад.*
Д. Сахаров

*Нина Николаевна Орлова (Визжилина).
1932–2007*

Мои родители

Мама

Наша мама, Мария Ивановна, урожденная Рябчикова, родилась 21 марта 1913 года (по паспорту – 1912 года, прибавила себе год, чтобы взяли на работу) в г. Ростове Великом в большой и очень бедной рабочей семье. Отец мамы умер молодым от туберкулёза, и бабушка осталась с шестью детьми – четырьмя дочерьми: Лизой – её я не видела никогда, только слышала о ней, – Марусей, Ниной и Раей и двумя сыновьями – Ваней и Федей. Дети рано шли работать, в основном на льнопрядильную фабрику.

Из родственников я знала мамину маму – бабушку Нину Федоровну, маленькую старушку, весьма шуструю и веселую. Она была малограмотная, совсем не понимала, что такое телефон. Сняв трубку и услышав чей-либо голос, произносивший «Алло», говорила, сильно окая, всегда одну и ту же фразу: «Никого дома нет» и опускала трубку на рычаг независимо от того, что говорят дальше. Бабушка приезжала к нам несколько раз и некоторое время жила у нас, помогая маме по хозяйству. Умерла она в 1960 году где-то на Западной Украине или в Молдавии, куда поехала навестить дочь Елизавету. Мама плакала, хотела поехать на похороны, но папа её не отпустил, опасаясь за ее здоровье.

Знала я и тетю Нину, которая жила и умерла в Ростове. Она довольно часто приезжала к нам на два-три дня за маслом, колбасой, сыром и т. д., так как в Ростове в то время практически ничего из продуктов не было (1960–1970-е годы).

Любопытно, что в маминой семье оказалось три Нины – бабушка, тетя и я. На мой вопрос, почему так получилось, мама сказала, что просто забыли о том, что я буду третья... Впрочем, меня сначала хотели назвать Раей, но тут, видимо, вспомнили, что в семье уже есть одна Рая – младшая мамина сестра. Я видела её один или два раза, когда она ненадолго

приезжала в Москву, но помню ее лишь по фотографии, где она молодая красивая блондинка. Она умерла рано – ей было 23–24 года – от сердечной недостаточности.

Хорошо помню дядю Ваню – Ивана Ивановича Рябчикова, добродушного и веселого толстяка небольшого роста, страстного любителя рыбалки и водочки.

Он почти каждый год ездил на соревнования по рыбной ловле, неоднократно был в составе жюри соревнований или его председателем. Как все ростовцы, дядя Ваня сильно окал, мы подтрунивали над ним, называли его Ванюшенька-душенька. Он часто приезжал к нам из города Иванова, где жил и работал на ткацкой фабрике и куда я, Серёжа и мама уехали в начале войны на несколько месяцев.

Когда мой сын Лёша подрос, он со своим отцом Олегом и моим братом Колей летом ездили к дяде Ване, с которым они жили в палатке на берегу речек. Одна была длинная и узкая, другая – короткая и широкая, поэтому Олег называл их «Сосиской» и «Колбаской». Там дядя Ваня кормил их свежепойманной рыбой, травил рыбацкие байки.

В 18 лет, работая на льнопрядильной фабрике в Ростове Великом, мама познакомилась со своим будущим мужем Николаем Алексеевичем Визжилиным. Они поженились в Москве, где мама прожила до своей кончины в 1986 года, покидая столицу только во время эвакуации в войну. А еще летом она увозила нас куда-нибудь в деревню, где за небольшие деньги снимала комнату или террасу в крестьянском доме.

Первая такая «дача» была под г. Ногинском в 1937–1938 гг. в деревне Пешково на реке Клязьма.

Мама осмотрела не один дом в деревне. В доме, который выбрала мама, жили три женщины: старшая – тётя Поля (уже не работавшая), средняя – тетя Маня, работавшая в Ногинске на фабрике, и младшая – тётя Даша, бывшая монахиня из монастыря где-то под Гжелью.

Маме очень пришлось по душе необычайная чистота и уют этого дома – идеально выскобленные стёклышком стол и полки, лавки и пол, сиденье в туалете – всё это постоянно тщательно мылось. Посуда блестела от чистоты. В горнице стояли большущие пьалы, на которых тётя Даша стегала красивые ватные одеяла, многие из которых долгое время, даже после войны, были у нас в Москве. Там же, в углу горни-

*Мария Ивановна Визжилина (Рябчикова).
Москва. Декабрь 1945 года*

цы, стоял блестящий большой иконостас – перед ним всегда горела лампада. Пространство этого дома, мне кажется, помню до сих пор.

Маме, естественно, понравился не только дом, но и опрятные, славные и приветливые хозяйки. Она стала просить их сдать нам на лето терраску, однако, неожиданно получила отказ. Как выяснилось, из-за того, что папа был коммунист. Они просто боялись, ведь они были религиозными, а монастырь, где жила тётя Даша, закрыли коммунисты.

Не знаю, какие доводы приводила мама, да только хозяйки не только сдали терраску, но вскоре и весь дом был предоставлен в наше распоряжение – ели вместе за одним столом с хозяйками. Отношения сложились самые теплые, душевные не только с мамой, но потом и с папой, когда он вернулся из Таджикистана.

Однажды родители и их друзья Прощины, которые жили в той же деревне, сидели на берегу Клязьмы и играли в карты. Я барахталась в воде возле берега на мелководье и смотрела, как ребята постарше ныряли, и решила тоже попробовать нырнуть. Мама рассказывала, что вдруг услышала чей-то крик: «Чей ребёнок тонет?!» Оглянувшись, увидела, что тонет её ребёнок. Родители и Прощины бросились меня спасать, благо «нырнула» я возле берега. Всё обошлось, но с той поры я довольно долго боялась воды и не умела плавать.

Помню ещё, как уронила, стянула с сундука Серёжку, которого мама положила, чтобы перепеленать. Ростика я была маленького и не могла со своей высоты рассмотреть братишку, а очень хотелось, вот и потянула за пелёнку. О последствиях умолчу... Теперь, Сергей, когда хочет меня «уесть», говорит, что все его недостатки именно оттого, что я уронила его в младенческом возрасте...

Думаю, что в отсутствие папы маме было достаточно трудно управляться с двумя малыши детьми и скудными материальными возможностями. И вот что сделала мама. Взяла на руки Серёжу и отправилась в ЦК ВКП(б), предварительно записавшись на приём к секретарю ЦК А. А. Андрееву. Ему она описала в красках ситуацию и попросила, чтобы папу вернули из Таджикистана, – он работал там

заместителем Наркома республики по просвещению, – потому что она с малыми, часто болеющими детьми ехать к нему не может – там неподходящий климат. Вскоре папа вернулся в Москву и стал приезжать к нам в деревню, там же провел и отпуск.

Этот мамин поступок говорит о её бесстрашном, решительном характере – шел 1938 год.

Ростов Великий – родина моей мамы

И в деревне, и после рождения Коли маме помогала тётя Даша, которая подолгу жила у нас в Москве и стала практически членом семьи, а когда Коля подрос, и её монастырь восстановили, она уехала туда, и больше я её не видела. А женщина она была славная – добрая, отзывчивая, конечно, верующая. Потихоньку от родителей пыталась учить меня молиться...

Вторая наша дача в предвоенное лето 1940 года была на станции «Платформа 42 км» по Казанской железной дороге в поселке, где жили работники ЦК, так называемая госдача. Там мама водила меня в деревню и поила парным козьим молоком, которое мне ужасно не нравилось – тёплое, слишком жирное и сладкое. Брр! Но кто-то, может быть,

врач, сказал, что для поправки моего хилого здоровья нужно поить меня именно этим молоком.

В субботу мы обычно ходили на станцию встречать папу, гуляли по платформе и ели мороженое. Его продавала тётя в белом фартуке, через плечо у неё висела деревянная коробка, разделённая пополам. В одной половине был лёд, в другой – мороженое. Были у неё и круглые вафли, на которых были разные имена, и специальная круглая металлическая формочка на палочке с движущимся дном. На дно закладывалась вафля с выбранным тобой именем, потом ложкой накладывалось мороженое, затем снова вафля. С помощью палочки дно поднималось и выталкивало зажатое между вафлями мороженое. Ах, как было вкусно!

Два лета после войны (1945–1946 гг.) мы жили в Мамонтовке, тоже на госдаче. Тогда я начала интересоваться растениями, делала какие-то клумбы и выращивала цветы.

Летом 1947 (1948?) года мы жили под Москвой по Киевской железной дороге в деревне Алабино, где мама сняла комнату или терраску, сейчас уже не помню. Лето было жаркое, но рядом была небольшая речка, куда мы с Серёжей бегали купаться.

И в этом месте не обошлось без ЧП. В это время у нас жил большой сибирский, очень пушистый серый кот Барсик, которого мы привезли из Москвы. Вскоре он заболел бешенством, и нам с Сергеем было предписано ехать в Москву в спецклинику, где нам сделали уколы в живот и объявили, что таких уколов нужно сделать 40 (!) чтобы не заболеть, при этом нельзя купаться и пить спиртное (слава Богу, тогда мы его ещё и не пробовали).

Ходили слухи, что в то лето было много случаев бешенства у домашних и диких животных, в частности, у лис, в результате того, что немцы, которые оккупировали эти места во время войны, отступая, специально заразили некоторых животных бешенством. После этой истории родители запретили нам брать в дом кошек, а жаль.

Истории с животными были и до войны. Вот одна из них. Мы с мамой поехали в зоомагазин на Арбат, чтобы купить какого-нибудь зверька, долго выбирали и выбрали кролика большого и толстого, который, как оказалось, был беременной крольчихой. Привезли его (т.е. её) домой. Клетки

у нас не было, и мама отодвинула от стенки диван, поставила его углом, настелила на полу газеты и посадила туда крольчиху. Поскольку мама вообще очень любила делать перестановки мебели, то это изменение в расположении дивана у папы не вызвало удивления. Но уже через день в воздухе появился некий неприятный запах, на который обратил внимания папа, когда по обыкновению после ужина прилёг с книжкой на диван отдохнуть. В первый день маме как-то удалось убедить отца, что запах случайный, но уже через день папа обнаружил кролика. Последовал скандал, слёзы, но приговор отца был неумолим – убрать кролика из квартиры. Пришлось везти его обратно на Арбат в зоомагазин, а чтобы совсем не огорчать меня и Серёжу, мама купила взамен небольшой аквариум и золотых рыбок.

У мамы был неистовый темперамент, который, в частности, проявлялся, как я уже говорила, в бесконечных, почти еженедельных перестановках мебели. Обычно папа приходил с работы поздней ночью, когда мы уже спали, и ложился спать, не включая свет, чтобы нас не будить. Однажды он посетовал Калисе Васильевне (сотрудница папы по ЦК ВКП(б), о ней я расскажу позже): «Понимаешь, захожу в комнату, иду туда, где стояла моя кровать, и обнаруживаю вместо нее ... стол». Такое случалось нередко.

Когда мы жили на Кутузовском проспекте, мама, воспользовавшись тем, что папа лежал в больнице, решила сделать очередную, на сей раз фундаментальную перестановку – переместить кухню в переднюю, а кухню превратить в комнату, прорубив из нее в комнату папы еще один вход. Так и сделала, однако надо было как-то объяснить такую перемену папе, который вскоре вышел из больницы. Переступив порог квартиры, он направился к себе в комнату и удивлением обнаружил, что ее дверь загорожена книжным шкафом. Поскольку другого входа в его комнату раньше не было, то он с недоумением посмотрел на маму. Тут началось самое интересное.

«Коля, Коля! – воскликнула мама, отступая от двери папиной комнаты и жестами приглашая его следовать за собой. – Ты не волнуйся, у нас теперь все стало гораздо лучше, чем прежде». Отец пошел за ней и увидел все содеянное: новый вход в его комнату и – самое главное, – что не только

раковина, но и газовая плита были вынесены в коридор. Он сказал, что так делать не полагается, потому что газовую плиту нельзя ставить далее чем на три метра от окна. Новое место плиты было от окна гораздо дальше. Мама, глазом не моргнув, сказала: «Ты знаешь, Коля, приходил газовщик и сказал, что все в порядке», хотя никакого газовщика мы не вызывали, а перестановку делал слесарь. При этом мама по-

*Моя бабушка
Нина Ивановна Рябчикова
(Торгашина)*

казала руками, какое расстояние было от окна до плиты раньше, а затем, не опуская рук, и сделав какое-то невероятное «па», сказала, что и теперь расстояние от плиты до окна такое же. Папа настолько опешил, что не сразу все понял. Через некоторое время все пришлось вернуть на свои места.

С 1948 по 1960 год мы жили летом в деревне Улиткино недалеко от теперешнего городка Космонавтов. Там рядом с домами начинался лес, полный грибов и ягод, и была речка, названная папой Переплюшкой – так мала и узка была она. Но для нас это было блаженство – на речку можно было ходить одним, речка мелкая, вода чистая и тёплая. В Улиткино жили сначала в доме тёти Фроси, с которой у мамы, как всегда и с другими соседями, сложились самые тёплые отношения, потом перебрались к Сахаровым, в дом побольше, стоявший на краю деревни, у самого леса. В Улиткино мама ставила рекорды по сбору грибов, очень здорово она умела их искать. Папа досадовал, т.к. догнать её в этом

деле никак не мог. Мне кажется, что я полюбила грибную охоту именно там. Последний раз я была в Улиткино летом 1958 года перед рождением Алёши.

Когда родился Алёша, летом я с ним жила на Зеленоградской на даче у родителей моего мужа – Орловых, и мама с папой лишь иногда навещали нас.

Дача в Зеленоградской – это деревенский сруб с пристройкой верхнего этажа, где жили Наталия Павловна и Юрий Александрович, там же был его небольшой рабочий кабинет. Внизу маленькая комната-кухня с печкой и плитой, она же столовая в холодные дни, и комнатка, где жила Мария Ростиславовна, мать Наталии Павловны, а также большая горница с печкой, впоследствии разделённая пополам. К дому была пристроена большая терраса, на которой стоял длинный стол и две широкие лавки. За этим столом по воскресеньям и праздникам собиралась большая семья Орловых – Мария Ростиславовна, Юрий Александрович, Наталия Павловна, Сева и Люся, Рома и Галя, Олег и я, Наталочка и внуки – Миша и Юра (сыновья Севы и Люси), Настя и Никита (дети Ромы и Гали), мой сын Алёша и дочь Наталочки Лиза – и гости, приезжавшие повидаться с Орловыми. Среди гостей бывали мои родители, мой брат Коля, Заварзины и друзья Ромы. Иногда за столом собиралось человек 20–25.

Летом 1961 года мама с папой ездили на месяц к друзьям – Гурию Осиповичу (давнему товарищу отца по учебе в вузе, который в то время был ректором ленинградского текстильного института) и Татьяне Самойловне Арефьевым под Ленинград, в Комарово. С ними ездили Коля, Алёша и Сергей. Туда же после командировки в Сухуми, где наша группа работала в обезьяньем питомнике, приезжала и я. Мне кажется, родителям там было хорошо.

В последний раз мама выезжала на природу ко мне в Малинники под Калинин летом 1971 года в дом, который мы купили с Н. П., моим вторым мужем. Там же перед домом растёт рябина, посаженная моей мамой...

Много тяжёлых переживаний выпало маме во время войны. Первые бомбежки Москвы, отъезд в Иваново и быстрое возвращение в Москву, эвакуация, во время которой с мамой случилась беда.

На каком-то пустынном разъезде перед станцией Шарья, когда все спали, мама проснулась и, отодвинув с окна маскировку, увидела колонку с водой. Решив набрать воды, взяла пустое ведро, надела чьи-то сапоги и пошла к колонке. Когда она почти набрала воды, вдруг услышала стук колес и увидела, что наш состав медленно тронулся.

*Моя мама Мария Ивановна
и ее сестра Раиса Ивановна*

Можно представить её ужас – в вагоне дети и муж, а она одна в глухом пустынном месте без документов, денег, одежды... Не бросая ведра, мама побежала к составу, догнала его у последнего вагона, когда уж и сил не было бежать. К её счастью, в это время какой-то мужчина вышел в тамбур покурить. Увидев маму, он протянул ей руку и закричал, чтобы она бросила ведро и крепче держалась. Однако мама закинула ведро в вагон (как же без ведра-то!?) и попыталась забраться на площадку тамбура. Беда была в том, что в вагоне не было ступенек, а была лишь скоба, куда она успела вставить ногу. Чужие сапоги были ей велики, и мама почувствовала, что они стали сползать с ног и один из них начал задевать за колесо – поезд увеличивал скорость. Мужчина кричал, чтобы она сбросила сапоги, но она этого

тоже не сделала, понимая, что сапоги вещь необходимая и достать их во время войны вряд ли возможно. В конце концов, мужчина всё-таки втянул маму на площадку, где она сразу потеряла сознание...

В это время проснулся отец и, не увидев мамы, пошёл выяснять, где она. Вышел в тамбур и, выглянув в дверь, увидел маму, висящую в конце состава, куда он немедленно и побежал.

Война была тяжёлым испытанием для мамы. Одна в Барнауле с двумя детьми, постоянный страх за папу, всякие беды с нами, довольно голодная, как и у всех, жизнь.

Там же весной 1942 г., когда почти стаял снег, но земля была ещё тверда, как камень, мы с Женей Прощиным пошли гулять и решили покачаться на качелях – доске, поставленной на какое-то возвышение. На один конец доски сели мы с Женей, на другой – трое каких-то малышей, качались и радовались. В это время подошла девочка Инна, постарше и покрупнее нас, и мы предложили ей тоже покачаться. Она села к малышам, отчего наш конец качелей резко прыгнул вверх, а мы с Женей полетели вниз – я лицом в землю, Женя сверху на меня. Удар был сильный, я с трудом поднялась на ноги. Из носа закапала кровь, Женя стал скорее собирать кое-где сохранившийся подтаявший снег, прикладывая его мне к носу, повторяя, с ужасом глядя на меня: «Не очень заметно. Пошли домой!». Когда мама открыла дверь, она едва удержалась на ногах от того, что увидела – на моём лице торчал только огромный распухший нос и под глазами кровоподтёки... Не очень заметно! Оказалось, что у меня перелом носа и легкое кровоизлияние в мозг.

С этим я пролежала дома около месяца. Тогда же мама повела меня в военный госпиталь, где я страшно испугалась при виде забинтованных людей с коричневыми лицами и руками. Это были обожжённые танкисты и летчики, которых мазали раствором марганцовки. Хирург предложил сделать мне пластическую операцию носа, к счастью, мама отказалась от такой операции.

После Барнаула весной 1942 года мы переехали в Кострому, где жили у друзей родителей – дяди Гурия и тёти Тани Арефьевых. Она работали, и все заботы о доме и детях легли на маму, а детей в Костроме стало четверо – две дочери

Арефьевых – моя одногодка Тамара (десяти лет) и Ирина чуть моложе Сергея (пяти лет).

Было голодно, не было ни масла (иногда получали по карточкам или покупали на рынке льняное), ни сахара, ни многого другого. Нам, детям, выдавали по одному кусочку сахара к чаю, взрослые обходились без сахара. И вот мы с Тамарой придумали сэкономить сахар и немного накопить его в подарок родителям к празднику – к 7 ноября или Новому году, теперь уже не помню. Сшили мешочек и стали складывать туда маленькие кусочки сахара, оставшиеся от нашего чаепития. Мешочек повесили на гвоздик, вбитый на заднюю стенку письменного стола. К празднику мама затеяла генеральную уборку и, отодвинув стол, обнаружила этот мешочек со странным содержимым – мокрые сахарные кусочки слиплись в один серый комок. Комок был, конечно, съеден родителями с удовольствием.

Мама изо всех сил соблюдала режим экономии и больше всех страдала от голода. От недоедания у неё начался фурункулёз, трудно было не только двигаться, но и сидеть, лежать и даже стоять. И всё равно приходилось работать по дому. Всё это мама мужественно переносила и в письмах папе об этом не писала, но часто просила вызвать нас в Москву. Однажды она не выдержала и написала папе огромное письмо на нескольких страницах, которые были исписаны только одной фразой: «Коля! Забери меня отсюда!» Мама всегда была догадлива, поэтому решила, что такое письмо надежнее всяких подробных описаний покажет папе, как ей тяжело.

Летом 1942 года мы с мамой жили под Костромой в Лунёве, в деревне на высоком берегу Волги. За домом сразу начинался лес с грибами, ягодами и щавелем, в деревне можно было купить немного картошки и другие овощи, так что стало легче прокормиться.

Это было тревожное время – шла битва за Сталинград. По Волге из Сталинграда время от времени шли суда, обшитые защитными маскировочными часто закопчёнными щитами, а за ними – пятна мазута...

Много тяжких переживаний было у мамы по поводу наших частых болезней. В конце войны, когда мы жили уже на Кутузовском проспекте, у меня обнаружили ревмакордит

и ревматизм ног, и мама возила меня в школу на санках... Слава Богу, это прошло.

Особенно много и тяжело болел в детстве Сергей. Всякий раз мама лежала с ним в больнице. Она вспоминала, что однажды наступил день, когда врач предупредил маму, чтобы она готовилась к худшему. В тот день была гроза, Сереже стало совсем плохо, мама не отходила от него ни на минуту – меняла пелёнки, поила, давала лекарства и т.п.

Она спасла его от смерти...

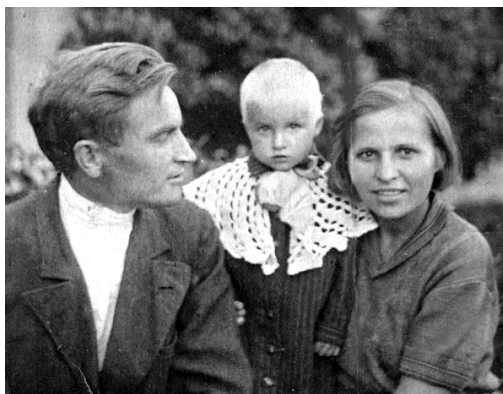
Во время Серёжкиной болезни в доме хозяйничал папа – варил бульоны, жарил картошку и т.п. В то воскресенье папа сварил курицу, и мы отправились в Сокольники в больницу. Было холодно, долго ехали до Сокольников, потом обратно, изрядно замёрзли и проголодались, радовались, что дома нас ждёт вкусный горячий куриный бульон и курица. Каково же было наше разочарование, обида и гнев папы, когда дома он увидел сдвинутую крышку на кастрюле, в которой уже не было курицы, найденной после недолгих поисков под кроватью, изрядно обглоданной. И довольного кота, блаженно растянувшегося на диване. Естественно, отец, будучи очень брезгливым человеком, не только выбросил курицу, но и вылил бульон, в котором побывали кошачьи лапы и морда. Никогда до этого я не видела папу в такой ярости – схватив валенок, он гонялся за котом, лупил его и обзывал ворюгой и негодяем.

Кончилась война. 14 октября 1945 года родился Коля. Его рождение было тяжёлым и едва не стоило жизни маме. Брат родился весом около 5 кг и ростом в 53 см (это при мамином росте в 152 см!). Мама потеряла много крови и лежала в роддоме более двух недель. Когда она вернулась домой, папа ходил на рынок, покупал печёнку, слегка обжаривал её и кормил маму, чтобы восстановить гемоглобин крови. Мама была слаба и бледна, зато младенец был огромен!

Думаю, что жизнь мамы вряд ли можно назвать лёгкой, но мама была удивительно стойким, мужественным и энергичным человеком. Она легко сходилась с людьми и умела дружить, всегда была жизнерадостна и общительна. С этими её качествами связан один забавный эпизод. Маме часто приходилось ходить со мной к врачам в кремлевскую поликлинику на улице Калинина (ныне Воздвиженка).

Однажды в декабре 1940 г., когда мы ждали очередного приёма у невропатолога, рядом с нами сел невысокий полный человек в очках, заговорил со мной, потом с мамой. Оказалось, что это Самуил Яковлевич Маршак, стихи которого я читала и любила.

Поговорив с ним, рассказав ему о своих детях, мама пригласила Маршака к нам в гости на встречу Нового года.

*Мои родители и я.
Москва. 1933 год*

Он обещал прийти. К встрече готовились, мама напекла пирогов, приготовила всякой всячины, кроме того, заставили трёхлетнего Серёжу выучить стихотворение Маршака, пообещав ему за это премию... Как ни удивительно, Маршак пришёл. И вот настал торжественный момент. Сережу поставили на стул, и он прочитал:

*Кремлёвские звёзды над нами горят,
Повсюду доходит их свет,
Хорошая Родина есть у ребят
И лучше той Родины нет!*

И сразу без паузы: «А тепель племию давайте!». Долго и весело смеялись, Маршак был доволен...

После войны в праздники в Московском Кремле устраивались правительственные приёмы, на которых папа по долгу службы должен был присутствовать вместе с мамой. Помню, как мама готовилась к этим приемам. Купила «грацию» – корсет, который утягивал её пополнившую после рождения Коли фигуру, надевала длинное, специально сшитое для этого платье и отправлялась с папой в Кремль.

Все, кто знал маму, всегда отмечали её гостеприимство, её удивительное умение готовить. Конечно, все праздники – 7 ноября, новый год, 8 марта, 1 мая, день Победы и дни рождения – сопровождались обильным и вкусным застольем. Во время войны и некоторое время после её окончания продукты выдавались по карточкам, притом только самые необходимые – сахар, соль, мука, крупа, (в войну ещё по лендлизу

*Моя мама и я.
Послевоенные годы*

*Моя мама и брат Сергей.
Послевоенные годы*

из США – сгущёнка, колбасный фарш и консервированная кукуруза). Приходилось стоять в длинных очередях, в которые мама вставала с ночи, утром её сменяла я, если училась во вторую смену.

Несмотря на скудность продуктов, мама ухитрялась вкусно готовить (я уж не говорю о более благополучных временах), – то тушёнка по-ростовски (картошка с мясной тушёнкой), то солянка из капусты, рыба под маринадом, прекрасные блины, и, конечно, пироги – это были, по-моему, самые вкусные пироги, чаще с капустой, или с рисом и яйцами, реже – с мясом. Пироги мама готовила каждую неделю. А какие куличи мама пекла к Пасхе! По её рецепту до сих пор пекут куличи я и некоторые сотрудники нашей кафедры, кто получил мамин рецепт.

Мама очень любила мороженое и пиво и часто говорила: «Я бы дала Сталинскую премию тому, кто их придумал».

Невозможно забыть мамины высказывания. Она, как истинная уроженка Ростова Великого была бойка и остра на язык и, не задумываясь, выдавала «перлы», от которых со смеху живот сводило. Вот примеры.

Мне исполнялось 50 лет. Ко мне должны были приехать родственники и друзья – большая компания. А Коля вдруг сказал маме, что вряд ли сможет поехать ко мне. Это очень удивило маму. «Неужели ты не поедешь почтить память своей сестры!?» – воскликнула она...

Летом 1957 года в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Почти все девушки ходили тогда в ситцевых пестрых юбках «солнце-клеш» и косынках из той же ткани. Сшила себе такой наряд и дочь хозяина дома в Улиткино Люся Сахарова. И вот мама, увидев ее однажды идущей за водой в ситцевой косынке, вдруг вымолвила фразу, от которой мы все: отец, гости, Коля и я буквально повалились от смеха: «Люся! А ты носишь юбку-то, которая на голове платочек?» Прошло некоторое время, и я сообразила, что мама произнесла самый короткий набор слов, подходящий для этого случая. Если следовать правилам грамматики, то нужно было спросить: «Люся! А носишь ли ты юбку, сшитую из той же ткани, из которой сшита твоя косынка?», но в этом случае число слов увеличивалось бы почти вдвое. Мама предпочла эту фразу сократить вопреки всем нормам русского языка, но при этом все поняли, о чем она спрашивала.

Однажды к нам на Кутузовский проспект пожаловали гости в связи с каким-то праздником. Мама, как всегда, долго готовилась к этой встрече и, конечно, волновалась. Приветствуя гостей за столом, она от хлопот и волнений вместо того, чтобы сказать: «Мы всегда рады видеть вас в нашем доме, здесь вы всегда найдете приют и угощение, приходите чаще, не стеснясь, в любое время и т.д.», произнесла: «Дорогие друзья, как хорошо, что вы пришли! Пейте, ешьте, веселитесь. До свидания!» Смысл ее слов дошел до гостей только после двух-трех рюмок. Один из них, видимо, впервые попавший в наш дом, вдруг спросил: «А что, нам уже пора уходить?»

В один из летних дней мы всей семьей решили совершить прогулку на речном трамвайчике по Москве-реке. Папа купил билеты и пропускал нас по очереди по узкому трапу на палубу. Мама шла первой, папа замыкал шествие. На папе была шляпа. Речной кондуктор, естественно спросил у мамы

билет, на что мама, указав на папу, произнесла: «Билет там, в черной шляпе».

Не было случая, чтобы для нас, детей и папы, да и для каждого, кто приходил в наш дом, не оказалось чего-нибудь

*Моя мама и мой брат Коля.
Кратово. 1946 год*

вкусенького. Однажды, когда я ещё была замужем за Олегом Орловым, которого мама очень любила и уважала, он приехал к ней после работы.

– Олег, – спросила мама, – что ты предпочитаешь: борщ или грибной суп?

– Я бы, пожалуй, съел борщ, – ответил Олег.

– Ой, Олег, а борща-то у меня нет.

Мы долго веселились по этому поводу – вот до чего может довести обожание.

Естественно, свадьбы в семье готовились и проходили по «высшему разряду» – было много гостей, много еды, вина, подарков, песен, плясок и веселья.

Необыкновенно ласкова и внимательна была мама по отношению к рождающимся внукам – Алёше, Саше, Боре и Кате. Помогала, чем могла.

Интересно было наблюдать маму на рынке, она задорно и умело торговалась и была искренно рада, когда ей удавалось выторговать что-либо подешевле.

Мама любила людей, дружеские встречи, застолье, петь песни под гитару, на которой играл папа, лихо отплясывать на этих встречах. В последний раз она плясала на своём семидесятилетии. Но танец был уже другой – медленный и недолгий – уже тогда мама была серьёзно больна.

Помню, как весной 1985 года в последний раз видела маму на улице, идущую в магазин. Она шла медленно, спина согбенная, походка шаркающая. Я уезжала с Кутузовского домой, перешла проспект и ждала автобуса, а мама шла по противоположной стороне. «Вот что делают с человеком болезни и старость», – подумала я тогда, вспомнив, как лихо отплясывала мама чечетку в молодости.

Вскоре маму увезли в Центральную клиническую больницу в Кунцеве, где она пролежала больше двух месяцев. При выписке домой в конце лета 1985 года врач предупредил меня, что состояние мамы плохое и можно ждать всяких неприятностей. После больницы мама уже не вставала...

13 или 14 февраля 1986 года мне на работу позвонил Коля и сказал, что маме совсем плохо, отказали почки, он вызвал скорую и просит скорее приехать, чтобы уговорить маму ехать в больницу, куда она ехать никак не хотела, говоря, что хочет умереть дома.

Естественно, я немедленно приехала. К этому времени приехали и врачи, которые были удивлены набором лекарств, которыми лечили маму, и сказали, что нужно немедленно везти её в реанимацию. Мама очень просила оставить её дома, а мы с Колей мучительно решали, как быть. Но после того как врачи сказали, что без интенсивной врачебной помощи мама может скончаться очень скоро, возможно этой ночью, все наши сомнения отпали, мы решили использовать последний шанс на спасение – везти её в больницу. Помню, как её выносили на носилках из квартиры, как она отмахивалась от нас, потому что не оставили её дома. На улице к машине скорой помощи подошла Оля Солдатова, и

мама сказала ей фразу, которая до сих пор звучат в душе: «Прощай, мой милый»... Не нам...

В субботу и воскресенье я звонила в больницу из автомата (у меня тогда ещё не было дома телефона), узнавала только, что состояние мамы по-прежнему критическое и она в реанимации. Думала, что в понедельник–вторник можно будет её навестить. Вместо этого в понедельник утром, 17 февраля 1986 г., раздался звонок в дверь – приехали Коля и Сергей – мама умерла, не дожив месяца до 73 лет.

Очень смутно помню похороны, людей, приехавших проститься с мамой, и поминки, к которым я всю ночь пекла много МАМИНЫХ блинов...

Отец

Для меня отец всегда был и остается образцом скромности, честности, порядочности и преданности делу.

Выходец из крестьянской семьи, в которой было 9 детей, отец в 12 лет ушел из села работать на ткацкую фабрику «Саратовская мануфактура».

В марте 1970 года умер любимый старший брат отца – генерал-майор Советской армии, первый начальник Калининского суворовского училища, потом начальник Саратовской школы «Выстрел», Виктор Алексеевич Визжилин. Мы с папой почти сутки ехали вдвоем в купе в Саратов на его похороны. На протяжении всего пути папа рассказывал о своем детстве, о 1930-х годах, о войне.

До сих пор не могу простить себе, что не записала тогда этих рассказов. Казалось, что невозможно их забыть. Но прошло время, и в памяти остались лишь отголоски этого разговора, хотя это был единственный откровенный разговор обо всем, что меня интересовало. Я задавала вопросы, папа отвечал и анализировал, почему происходило то или иное событие...

Он рассказал, как трудно они жили, особенно после смерти матери, которую папа практически не помнил, как суров был его отец, как в иные годы голодали и лишь по праздникам получали по кусочку масла и сладкого. Думаю, что из-за этого папа до старости любил хлеб с толстым слоем

масла и меня кормил тем же, когда мама лежала в больнице с Сергеем, и Алешу (моего сына), когда он был маленьким...

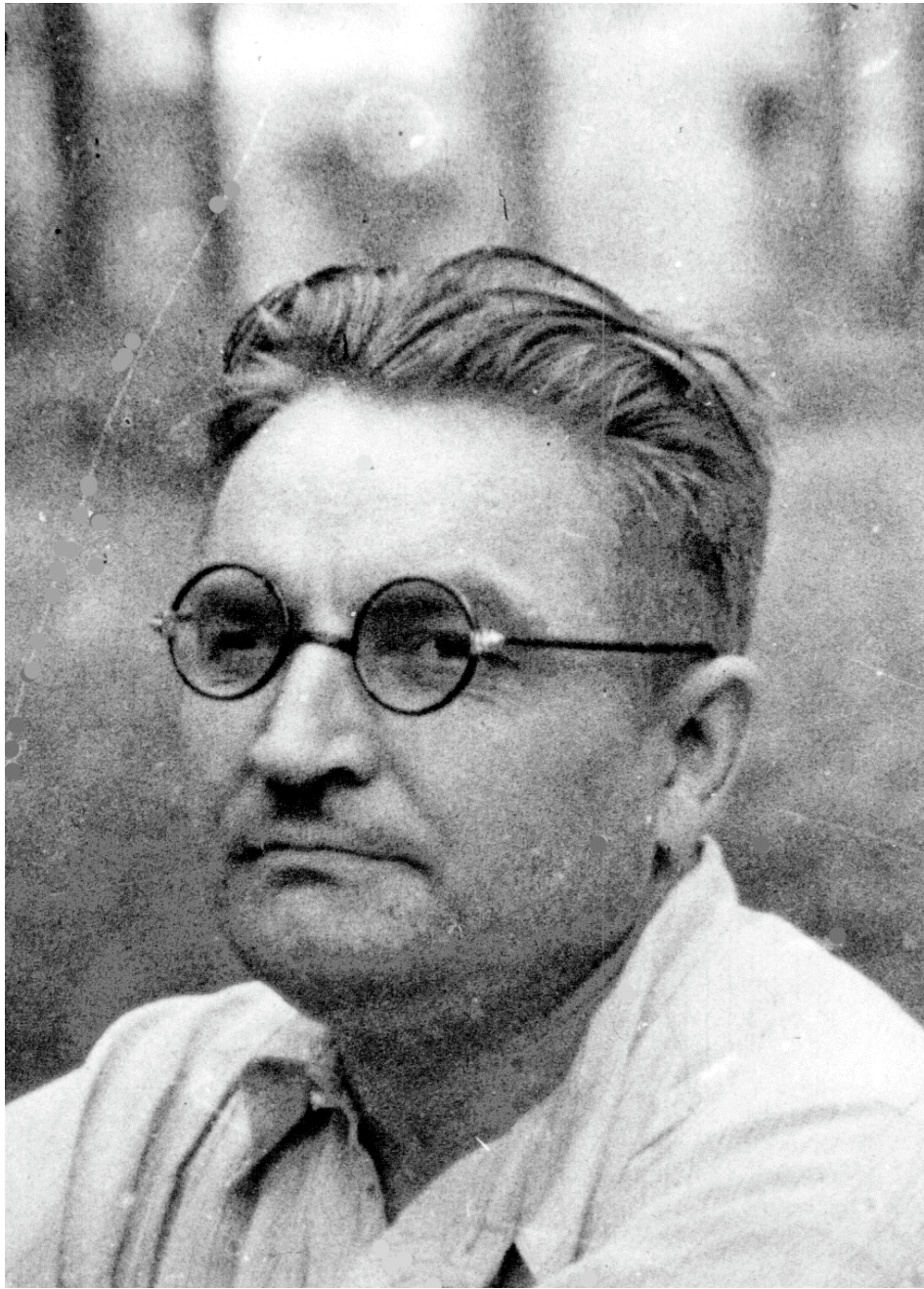
Революцию отец встретил в возрасте 14 лет в Саратове. Для них, бесправных и бедных рабочих, это была радость и надежда на лучшую жизнь. Ходили на митинги и демонстрации, пели революционные песни. Были и дурацкие моменты, в частности, отец с досадой на себя рассказал, как молодежь устраивала шествия против духовенства, распевая глупые частушки и неся на палках карикатуры на попов, ставили какие-то антирелигиозные, не слишком умные сценки.

В 18 лет отец был призван в армию и направлен служить на Черноморский флот. Однако, по прибытии в Крым, на медицинской комиссии у него обнаружили начальную стадию туберкулеза легких, и его комиссовали. Тяжело и стыдно, говорил папа, было возвращаться в Саратов после пышных торжественных проводов в армию и мечтаний о флотской службе на Черном море. Потом лечение, снова работа на фабрике, рабфак. В сентябре 1926 года он вступил в партию большевиков – ВКП(б). В 1927 году, как лучший выпускник курса, был направлен на учебу в Москву. Поступил в Московский текстильный институт, где в 1932 году получил высшее образование. Там же закончил аспирантуру и стал работать преподавателем кафедры сопротивления материалов, избирался секретарем парткома института, а потом работал заместителем декана общетехнического факультета.

Позже мы с Колей попросили отца написать о своей жизни, о времени и событиях, свидетелем и участником которых он был. Папа удовлетворил нашу просьбу, но успел подробно написать лишь о своем безрадостном детстве, о неласковом отце, которому в одиночку пришлось содержать большую семью, о братьях и сестрах, давая им краткие, но очень емкие характеристики. На основе этих записок я составила родословную папиной семьи.

Вот что папа рассказал о своем отце, матери и братьях, о своем детстве и работе на фабрике до и после революции.

«Отец, **Алексей Григорьевич Визжилин**, был человеком среднего роста с русой бородой. Своего хозяйства не имел. Работал по найму, неохотно и не больше двух-трех ме-

*Мой отец Николай Алексеевич Визжилин.
Москва. 1948 год*

сяцев подряд, работать не любил (хотя пока дети были маленькими, ему, очевидно, пришлось поломать свой хребет) и мать часто называла его лодырем. Самое большое, что он делал, – это сеял небольшую полоску проса или бахчи, причем пахал кто-нибудь из односельчан, а полоть и убирать урожай должны были дети после работы на фабрике. Отец был грамотен, очень любил читать, водки не пил, я не помню, чтобы он когда-нибудь выпил рюмку водки. В детстве я слышал разговоры о том, что отца пороли за участие в крестьянском движении в 1905 году, но сам он об этом говорить не любил.

Односельчане относились к нему с уважением, часто зимними вечерами приходили к нему и вели долгие неторопливые беседы о бесправном положении крестьян, о грубости и рукоприкладстве волостного начальства, о деревенских новостях. Слушая беседы отца с мужиками, я не мог не замечать, что его разговорная речь отличалась от речей его собеседников-односельчан. Он меньше матерщинничал, фразы строил и слова произносил более правильно.

Никогда в семье не было разговора о том, кто были родители моего отца, чем они занимались, где жили, и откуда произошла такая странная фамилия – Визжилины».

Деда своего – папиного отца – я никогда не видела и узнала о нем только из записок, написанных папой в 1960-е годы.

«Мать, **Прасковья Павловна Визжилина** (в девичестве Павлова) была, как говорили, высокая, худая, стройная женщина. Черты ее лица почти стерлись в моей памяти. Мать была неграмотная, вечно придавленная заботами о куске хлеба. Жаловалась на деспотизм мужа, на его нежелание работать. Часто на этой почве между отцом и матерью происходили ссоры. Мать вечно была занята стряпней, стиркой, шитьем и починкой одежды и белья мужа и детей. Редко можно было видеть мать веселой. Иногда, штопая носки или прилаживая заплатку к штанишкам ребятишек, она напевала. Мать, видимо, любила детей. Но я не помню, чтобы она кого-нибудь из нас ласкала. У матери было девять детей, да десятый умер в детстве. Кажется, теперь моей матери присвоили бы звание «Мать-героиня», но в то время такая большая семья была сплошным несчастьем.

Мать вела и соединяла семью, семья существовала и держалась на ней. По воскресеньям пекла пироги. Вот воскресное летнее утро, кончилась обедня. Наша большая семья садится за стол. На столе большой ведерный самовар и пироги с картошкой или капустой, напеченные на подсолнечном масле в русской печи на противнях ...

Мать умерла при мне и брате Александре в 1919 году в возрасте 48 лет, когда мне было 16.

Смерть матери была первым тяжелым горем, которое я перенес. Забившись в угол сарая, я горько плакал, а старший брат Александр утешал меня и плакал сам. Семья после смерти матери распалась – ушел из дома на фабрику Григорий, ушел в армию Виктор, а потом и я стал жить в фабричном поселке. <...> Бабушку, папину маму, мы тоже не знали.

Брат Григорий был высокий, стройный парень, человек умный, способный, любимец матери. С ранних лет он пошел работать на фабрику, где заработал туберкулез легких и, по видимому, туберкулез позвоночника. В 1915 году был призван в царскую армию, попал в учебную команду, дослужился до звания унтер-офицера. С уходом брата в армию мать возложила на меня обязанность писать Гриньке письма. И много раз перечитывать письма, приходящие от него, которые она, в конце концов, заучивала наизусть и дословно пересказывала соседкам... В начале 1917 года брат был демобилизован по болезни. В 1918 году вступил в коммунистическую партию, отслужил один год в Красной армии, и снова демобилизовался по болезни. Работал на фабрике председателем кооператива, затем директором совхоза (подсобного хозяйства фабрики). Начиная с 1919 г. часто болел, подолгу лежал в больнице и с 1922 года до дня смерти лежал дома. Умер он весной 1924 года в возрасте 28 лет. Парторганизация фабрики организовала ему гражданские похороны. На похоронах играл оркестр, а когда закончился траурный митинг и гроб понесли на кладбище, непрерывно в течение 10 минут гудел мощный фабричный гудок – прощальный гудок человеку, потерявшему здоровье на фабрике. Похороны моего брата были, пожалуй, первыми гражданскими похоронами на фабрике – без попа, с музыкой и речами.

Брат Виктор родился 18 апреля 1901 г. С 11 лет начал работать на фабрике съемщиком на прядильных машинах – труд в то время тяжелый и изнурительный. В мае 1913 г., подгоняемый ударами ремня старшего съемщика, второпях ударил дном железного ящика для шпуль по кисти правой руки и повредил безымянный палец. Тут же он был отправлен в фабричную больницу, где врач наложил на палец, который был сломан, швы. Виктор с забинтованным пальцем, весь в слезах явился домой. Целую ночь он кричал, не переставая, мать утешала его, возилась с ним всю ночь. На утро вся рука у него до локтя вздулась, вспухла. Его отправили в Саратов в частную лечебницу, где ему ампутировали половину среднего пальца на правой руке. За увечье Виктора администрация фабрики выплатила 99 рублей, деньги по тому времени, особенно для нашей семьи, не малые. На эти деньги отец купил на сплаву на Волге рубленый сруб избы и сарай и откупил в деревне кусок земли».

О своем детстве папа написал так:

«Я родился и провел детские годы в деревне. Место моего рождения – село Хмелевка Александровской волости, Саратовского уезда. Саратовской губернии (ныне Ворошиловский район Саратовской области).

Село Хмелевка – большое село (в нем насчитывалось до 200 дворов) с красивой белой церковью – располагалось на правом берегу протоки Волги – речке Песчаное, в 20–25 км от Саратова. Основное русло Волги находилось в 4–5 км от села. Пахотные земли, расположенные вокруг села, принадлежали помещику Шахматову. В период моего детства в селе еще существовал «барский двор» с двумя домами, один из которых после революции был занят под школу, другой – под сельсовет. При барском дворе был большой яблоневый сад и красивый пруд. В Хмелевке была церковно-приходская трехклассная школа, которую закончили мои старшие братья – Григорий и Виктор – и я.

Я очень люблю Чехова. Не могу назвать ни одного из русских писателей, произведения которого я читал бы и перечитывал с таким большим удовольствием, с каким многократно читал рассказы Чехова и его чудесную повесть «Степь». Известно, что Чехов прожил трудную жизнь. Чехов,

по словам его брата, часто с горечью говорил: "В детстве у меня не было детства". Чехов родился в Таганроге, где его отец имел бакалейную лавку.

С ранних детских лет он вынужден был сидеть в мрачной холодной лавке, не имея возможности отдаться детским увлечениям и забавам. И, видимо, поэтому все его рассказы о детях написаны с оттенком грусти.

*Виктор Алексеевич Визжилин –
генерал-майор Советской Армии*

Но в то проклятое время миллионы сверстников Чехова жили во сто раз хуже, чем он сам. Детство Ваньки Жукова (рассказ Чехова "Ванька") или детство Варьки (рассказ "Спать хочется") было куда безрадостней. А сколько таких Ванек и Варек было в старой царской России.

Меня и моих братьев и сестер в детстве не баловали, детство наше было безрадостным. С тех пор, как я себя помню, наша семья жила в маленькой избушке, крытой почерневшей от времени соломой. Избушка эта принадлежала, помнится, двоюродной сестре моей матери. Более убогого жилища трудно себе представить. Как размещалась в нем наша довольно большая семья – я теперь не представляю. В моей памяти не сохранилось ни одного сколько-нибудь яркого или интересного впечатления. В памяти вижу себя все время выполняющим какую-нибудь работу – ведь работать по найму

Проф. Н. И. ИВАНОВ

СБОРНИК ЗАДАЧ ПО СОПРОТИВЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАНИЕ ДЕСЯТОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено Министерством высшего образова-
ния СССР в качестве учебного пособия
для высших технических учебных заведений

*С. Митрофановичу
Климову Александру
В знак признания
его помощи в осуществлении
работы по С-М.
25/11/48 Н. И. Иванов*

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

*Автограф профессора Н.И. Иванова,
заведующего кафедрой сопротивления материалов
Московского текстильного института,
научного руководителя Н.А. Визжилина*

я начал очень рано, с 7–8 лет, и эта работа казалась мне тогда очень тяжелой и изнурительной, очевидно потому, что я был мальчишка хилый и болезненный... Нередко платой за работу была бадейка молока, которую я иногда приносил домой. Чаще я работал за то, что вместе с хозяевами завтракал, обедал и ужинал. Мать была довольна даже такой платой, т.к. можно было не готовить дома «на лишний рот».

*Николай Алексеевич Визжилин
в студенческие годы*

Весной часто это был посев семян огурцов. Возделывание огурцов было делом трудоемким. Для посадки огурцов сохой вскапывались борозды. Вслед за сохой шел работник с железными граблями и рыхлил борозду; за ним шел второй работник, который мотыгой делал неглубокую ровную борозду; вслед за ним шел третий работник, обычно подросток, с чашкой в руках с мокрыми пророщенными семенами и бросал семена в борозду; наконец, за подростком шел еще один работник, засыпавший деревянным скребком бороздку. Это была самая ответственная часть работы, т.к. нужно было засыпать семена не очень глубоко, чтобы не затруднить

появление всходов, и не слишком мелко, чтобы семена не засохли и их не выклевали птицы. На мою долю выпадала посадка семян. Идешь с чашкой, согнувшись в дугу, семена мокрые, клейкие. Их надо осторожно отделять друг от друга, не поломав ростков, и рассаживать на одинаковом расстоянии друг от друга. Когда пройдешь одну борозду длиной 50–70 метров, то спину еле разогнешь. Другие работы – прополка проса и огурцов, молотьба, рытье картошки, заготовка семян огурцов. Запомнилась не тяжелая, но нудная работа, которая называлась у нас так – «выпускать семечки», это заготовка семян огурцов. Это заготовка производилась, когда кончался сезон сбора огурцов и в поле оставались только переспелые огурцы – «желтяки». Их собирали, сваливали в кучу, около нее ставили большую колоду. Возле нее садился кто-нибудь из взрослых, разрезал каждый огурец вдоль пополам и бросал половинки в колоду. Вокруг колоды сидели подростки, перед каждым из них стояло ведро или миска.левой рукой бралась половина огурца и правой рукой с помощью деревянной ложки выпускалось содержимое огурца в ведро. По мере наполнения емкости, ее содержимое выливалось в большую кадку, где все этокисло несколько дней, а затем, когда семена отделялись, все содержимое кадки промывалось на речке в большом решете. Вся слизь уплывала, а семена из решета высушивались на солнце.

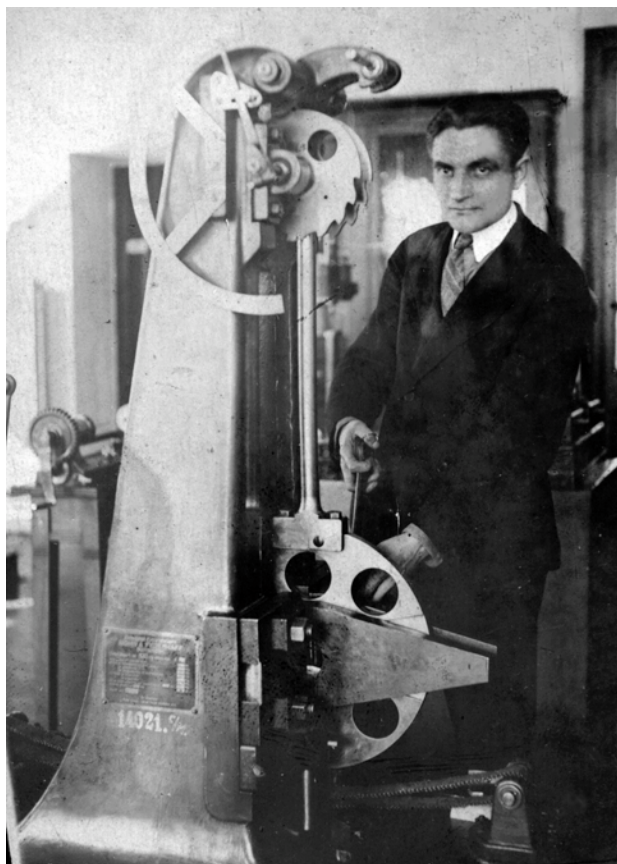
К работе по найму в селе я привлекался весной, летом и осенью. Зимой учился в школе и выполнял только мелкие домашние работы – рубка дров для печки, подноска воды из реки и т.п., которые в счет не шли и не считались обременительными.

Семья была большая: отец, мать, девять детей – пять мальчиков и четыре девочки: старшая Анна, Александр, Наталия (1893), Григорий (1896–1924), Виктор (1901–1970), Николай (1903–1976), Павел (1908), Мария (1910), Евдокия (1912), и одна девочка умерла в раннем детстве.

Своего жилья не было, ютились в маленьких комнатухах в избах родственников, только последние годы жизни в деревне была поставлена своя, хоть и небольшая, изба. Дети спали либо на печке, либо вповалку на полу.

Все мальчики в возрасте 11–12 лет работали зимой на фабрике, а летом по найму на селе.

Жили впроголодь. Утром вся семья сидит за столом в ожидании завтрака. Перед каждым деревянная ложка и кусок хлеба. Мать ставит на стол большую деревянную чашку дымящейся похлебки.

*Николай Алексеевич Визжилин –
преподаватель сопромата
Московского текстильного института.
1930-е годы*

Это картофельный суп, заправленный двумя ложками пшена или ложкой муки, сдобренный двумя ложками душистого подсолнечного масла. Мы все взапуски начинаем хлебать из общей чашки. Чашка быстро пустеет. Завтрак окончен. Через час-полтора после такого завтрака мы уже начинаем клянчить у матери: "Дай кусочек!" (хлеба). За обедом та же похлебка или щи из кислой капусты без мяса, заправленные постным маслом. На второе пшенная каша, иногда с тыквой. Иногда вместо каши подается на стол жаровня с картошкой, приготовленной на подсолнечном масле в русской печи. На ужин изредка была бадейка молока, которая стоила 10 копеек (1–1,5 литра). В нее крошили ситный хлеб и все начинали хлебать из этой общей миски.

В праздничные дни варилась молочная каша или лапшевник на молоке. В дни получения зарплаты варились щи с мясом или солониной. Мясо вынималось из чугуна и мелко крошилось на тарелке, все брали его руками – вилок в доме не было.

За болтовню и баловство за столом отец бил нас деревянной ложкой по лбу...

Учиться в школу я пошел осенью 1911 года, когда мне еще не исполнилось 8 лет. В школе была всего одна комната и две учительницы.

Одна постоянно жила в школьном здании, ежегодно приезжала новая учительница, которая вела занятия в первом классе. В классе было 25–29 человек, большинство – мальчики.

К учительнице, живущей в селе, относились все с большим уважением, и она отдавала все, чтобы дать детям максимум знаний за три года пребывания в школе.

Запомнился первый день моего пребывания в школе. Учительница начала с опроса учеников – фамилия, имя, сколько лет, а потом спрашивала: "Ты грамотный?" Ребята отвечали, что грамотные. "А читать и писать умеешь?" Следовал ответ: "Нет, не умею", "Какой же ты грамотный". Наконец очередь дошла до меня. Я уже догадался, как надо отвечать и сказал, что я неграмотный. Учительница похвалила меня за этот ответ, чем я очень гордился, рассказывая дома о первом дне занятий в школе...

В наш класс пришла молоденькая, 18–19-летняя учительница, Вера Артемьевна Архипова, которая обратила на меня внимание и каждый день оставляла меня "без обеда". Это считалось наказанием, которое заключалось в том, что после занятий наказанные сидели в школе за дополнительными занятиями еще час-полтора, а потом убирали класс.

Обычно после дополнительных занятий учительница брала меня с собой на квартиру, где кормила меня обедом, а затем занималась со мной. Благодаря этим "наказаниям" я быстро научился читать, и был, пожалуй, лучшим учеником в классе. "Хромало" у меня чистописание.

Я пристрастился к чтению и прочитал все книги из школьной библиотеки. Это были сборник произведений А.С.

Пушкина, несколько рассказов Л. Толстого, рассказы Мамина-Сибиряка и др. Мне очень нравились стихи М. Лермонтова, поэму "Демон" я знал почти всю наизусть. Были в библиотеке также две книги, которые вместе со мной читал мой отец. Это "Юрий Милославский" и "Князь Серебряный".

Что дала мне школа? В школе я научился читать и писать, выучил таблицу умножения и знал четыре действия арифметики.

Кроме того, школа старалась воспитать нас соответствующим образом. Нам всячески внушали, что русский человек – это патриот, а его патриотизм в том, что он готов умереть "за веру, царя и Отечество". Каждый первый урок утром мы начинали с пения гимна "Боже, царя храни", а заканчивали уроки пением молитвы "Царю небесный". Но все эти прививавшиеся нам в школе понятия развеялись, как дым, когда я попал в фабричную казарму.

Школа была закончена в 1913 году, и я направился работать на хлопкопрядильную фабрику "Саратовская мануфактура", которая находилась ниже по течению Волги в двух километрах от села. При фабрике – поселок, где жили рабочие и служащие, на расстоянии 250–300 м от здания фабрики – две длинные кирпичные двухэтажные казармы, между ними фабричная лавка. Кроме казарм в поселке были сотни полторы одноэтажных домиков, принадлежавших хозяевам фабрики, где также жили рабочие, была и фабричная больница на 10–12 коек.

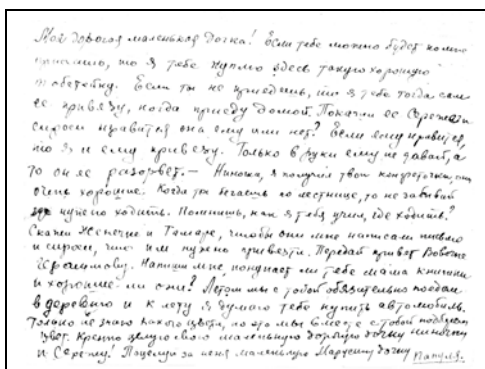
Среди живущих в казарме взрослых и детей не было и тени уважения к царю, церкви, попам.

Фабрика работала в две смены. Первая начинала работу с четырех часов утра и работала до 9 утра. Вторая – с 9 до 14 часов, с 14 до 18 снова работала первая смена, а с 18 до 22 – снова вторая. Таким образом, с 4 утра до 22 часов работа не прекращалась ни на минуту, то есть каждая смена работала по 9 часов. Восьмичасовой рабочий день был установлен после Октябрьской революции.

Утром в 3.30 раздавался первый фабричный гудок. Гудок был басовый, низкого тона и был слышан в течение 4–5 минут не только в фабричном поселке, но и в ближайших деревнях, расположенных в 1,5–2 км от фабрики. В 3.50 раздавались два коротких гудка, в это время рабочие толпой

входили в фабричный двор. За 5 минут до начала работы, в 3.55, двери фабрики закрывались. Рабочие, пришедшие после этого, записывались и штрафовались, как опоздавшие.

Около 25–30% рабочих составляли приходящие из деревень, расположенных недалеко от фабрики, крестьянские парни и девушки, которые работали только зимой, а на лето уходили обратно в деревни работать по найму. Между рабо-

*Письмо папы ко мне
накануне войны*

*Рисунок, который прислал мне папа
из Таджикистана*

чими и служащими проводилась резкая грань. Служащие учитывались по отдельному табелю, дома для них были более благоустроенные, даже баня для служащих была отдельная.

На фабрике я провел свои лучшие годы. Там вступил в комсомол, там же был принят в кандидаты партии. Именно тогда, в 1922–23 гг., мы, фабричная молодежь, почувствовали плоды революции.

Окончилась гражданская война, окончился свирепствовавший в Поволжье страшный голод. Мы сыты, стали впервые считать себя полноценными людьми, с нами считаются, мы беремся за учебу. Комсомольская организация на фабрике выросла до ста человек, издает стенную газету, устраивает массовые вечера, походы, экскурсии и т.д.

О своей работе на фабрике в этот период я всегда вспоминаю с большим удовольствием. И что за беда, если я не имел тогда ничего, кроме одних штанов, пары рубашек и френча, сшитого из старой солдатской шинели брата, покрашенной в синий цвет!

...Лето 1923 года. Выходной день. Яркий солнечный день. У пристани под парами пароход "Саратовская мануфактура",

плещут на солнце яркие косынки, цветные кофты девчат. Мы едем в село Синенькое. Красивое село, живописно раскинувшиеся на правом гористом берегу Волги. Мы причаливаем под звуки духового оркестра, который лихо играет "Белебейский марш" (по-видимому, название идет от города Белебея. – Н.О.) – кроме этого марша оркестр вряд ли тогда умел играть что-нибудь еще. Вся деревня на берегу.

Мой отец со своим сыном Сергеем

Мой отец со своим сыном Колей

Организуется митинг. На крыше парохода – Петя Кропотов, это наш "солидный" оратор. Он произносит речь. Вряд ли мы понимаем, о чем он говорит. Да и слушать не очень хочется. Жизнь так хороша! Солнце светит так весело! Каждый чувствует себя счастливым и свободным. Оратор награждается дружными хлопками.

Мы идем в клуб. Там начинается суета. Мы ставим пьесу. Как она называется? Не все ли равно. Важно, что все участники играют с воодушевлением. Потом концерт. <...> Поздно вечером усталые, но счастливые и довольные, мы возвращаемся домой».

Мне хочется, чтобы папины записки о том, как ему и его сверстникам – крестьянским детям жилось в детстве, об особенностях учебы в школе и о работе на фабрике до революции, прочитали мой сын, внуки и Таня. Из этих записей, мне кажется, станет ясно, почему была революция, что она дала беднякам-крестьянам. Полные записки эти хранятся у брата Коли.

В 1930–1931 годах в составе группы «парттысячников» отец был направлен на ткацкую фабрику в Ростов Великий, где и познакомился с мамой. Еще в юности он решил, что

должен жениться на девушке из небогатой семьи, и его выбор был вполне осознан, да и как было не полюбить симпатичную, живую, веселую девушку! Они прожили вместе 45 лет до смерти папы, жили дружно, в любви и согласии. Мама очень уважала отца, оберегала его от ненужных домашних забот и неприятностей. По воскресеньям, когда отец отдыхал, мама запрещала нам шуметь.

Среди друзей отец особенно был близок с Максимом Петровичем Горбачевым, преподавателем Московского текстильного института. Они часто и подолгу беседовали, встречаясь друг с другом, знаю, что много говорили о литературе, о «текущем моменте», но темы их разговоров мне были недоступны – мала была... После войны Максим Петрович первым из папиных друзей ушел из жизни, отец очень горевал.

Друзей было не так уж много, но они были близкими надежными людьми. Это Михаил Федорович Герасимов, до войны служивший в советском посольстве в США, Александр Андреевич Вавилов, с которым папа работал в Таджикистане, Александр Васильевич Прошин, заместитель министра текстильной промышленности СССР, Гурий Осипович Арефьев, ректор Костромского и Ленинградского текстильного институтов, Иван Павлович Семин, долгое время работавший в ЦК КПСС и разных издательствах, Петр Павлович Кузнецов, сотрудник министерства железнодорожного транспорта, и его жена Калиса Васильевна, которая вместе с папой работала в ЦК КПСС, Петр Федорович Струнников, заведующий отделом ЦК, позднее – Юрий Александрович Орлов (мой свекор, о нем речь впереди) и Александр Иванович Голяков (генерал-лейтенант, тесть Коли). С ними отец обсуждал разные темы, с некоторыми отдыхал во время отпуска, играл в преферанс и в шахматы. Особенно часто «сражался» в шахматы с П.П. Кузнецовым и И.П. Семиным и искренне радовался, когда выигрывал. В преферанс играли семьями, парами – муж и жена, причем иногда родители мои бранились, если кому-то из них казалось, что партнер сыграл неправильно.

В компании друзей папа вместе с мамой пел, аккомпанируя себе на гитаре. Часто все вместе пели «Окрасился месяц багрянцем», «Когда я на почте служил ямщиком»,

*Николай Алексеевич Визжилин
открывает вечер,
посвященный советско-французской дружбе.
Особняк ВОКСа. 1957 год*

«Степь да степь кругом» и другие народные песни. Позже, когда я уже училась в старших классах, папа пел редко, но любил слушать, как мы с Иришей, моей любимой школьной подругой, пели на два голоса – Ириша первым, я, играя по слуху на пианино, – вторым. На этих вечеринках никогда не видела отца пьяным и никогда не слышала, чтобы он сквернословил. От вина он становился более открытым и веселым, шутил, пел и читал стихи.

После войны по воскресеньям вместе с папиными сослуживцами мы часто ездили на автобусе в дом отдыха в Мамонтовку, всю дорогу пели военные и другие песни, папа просил меня запевать, что я и делала с удовольствием. Вообще в нашей семье все были довольно музыкальны: папа, позже братья Сергей и Коля играли на гитарах, и даже выступали со сцены. Со школьных времен и до сего дня я не только пела в хоре и дуэтах, но даже руководила мужским ансамблем и разными хорами.

Теперь не могу восстановить в памяти время, когда отец начал работать инструктором в ЦК – нет никого в живых, кто мог бы об этом сказать. Думаю, что это было где-то в конце 1930-х годов. В 1937 году его направили заместителем наркома просвещения в Таджикистан, где он проработал около двух лет. В это время родился Сергей, и приехавшего из Сталинобада папу некоторое время звал «дядей». О том, как отец вернулся, я уже писала.

На работу в ЦК он уходил рано утром, возвращался далеко после полуночи – таков был стиль работы партийных работников при Сталине. Очевидно, это отнимало много физических и душевных сил, поэтому в редкие дни отдыха папа подолгу лежал, читая, или спал, так что отца мы видели редко.

Изредка к нам приезжал дядя Витя, которого перед войной произвели в генерал-майоры, и они с папой подолгу обсуждали положение в стране и мире, говорили о неизбежности войны с Германией, недоумевали по поводу Пакта, заключенного с Гитлером. Эти разговоры я слышала, хоть почти ничего в них и не понимала. Незадолго до начала войны отец заболел – открылась язва желудка. Помню, как мама каждый день готовила «протирушку» из овсянки и давала ее отцу на работу. Почти в это же время у папы началась

глаукома, которая привела к почти полной слепоте одного глаза. В связи с этим отца на фронт не взяли. Он был записан в команду химзащиты, дежурил на чердаках во время бомбежек, разгружал дрова, ежедневно занимался Всевобучем.

Отец переживал, трудился денно и нощно, лишь на несколько месяцев уезжал в Барнаул, где работал в райкоме партии, а потом до конца войны находился в Москве, однажды сопровождал на фронт монгольскую делегацию. Могу сказать, что в войну практически мы папу не видели. Но сохранились его очень трогательные письма, которые он писал мне в Кострому, так же как раньше из Таджикистана. Рисовать папа не умел, а потому наклеивал в письма разные картинки. Из Таджикистана папа прислал мне 15 писем, а в войну в Барнаул – 9, в Кострому – 14.

Какие это были письма!

В них столько любви, нежности, заботы о моем здоровье, хороших добрых пожеланий и советов, радости по поводу моих даже самых маленьких успехов. И в конце обычно – «поцелуй за меня Сереженьку и мамочку, слушайся ее», а также передавал всем приветы.

А в войну кроме этого писал, чтобы не скучала, что всё скоро кончится, и мы опять будем вместе. Письма храню и иногда перечитываю.

Некоторые из них теперь почти совсем выцвели от времени.

Вот одно из писем из Таджикистана.

«Моя маленькая милая девочка! Шлю тебе большой и горячий привет!

Получил твое письмо и твои рисуночки и очень им обрадовался. Ты пишешь очень хорошо и хорошо рисуешь. Я тебе посылаю еще одну картиночку. Напиши, нравится ли она тебе. Скажи Жене, что я ему купил хорошую пушку. Она стреляет очень хорошо, но если он будет тебя обижать, бить и кусать, то я ему пушку не привезу. Передай привет Томусе и Вове. Поцелуй за меня Сережу. Я целую тебя крепко, крепко! Пиши мне ответ, но много не пиши. Если у тебя ручонка устанет, то бросай писать. Больше гуляй на улице, но не бегай и не утомляйся.

Жду от тебя письма. Твой папуля. 1937 г.» (Мне пять лет)

Письмо в Барнаул, 19 мая 1942 г.

«Здравствуй, моя дорогая дочка!

Вчера получил от тебя письмо, которое ты написала после болезни. Очень рад, что ты стала помощником командира тимуровской команды. А кто же у вас командир? Вы и Сережу примите в свою команду. Ты все пишешь, что скучаешь. Ну, немного потерпи! Сейчас еще нельзя ко мне приехать, а вот в конце лета видно будет. У нас тоже стало тепло, и мы ходим без пальто. Наконец растаял лед и у нас на Якиманке. Мне сказал дядя Шура, что вы с Женей сдавали экзамены и получили хорошие оценки, а ты одну отличную. Я очень рад твоим успехам и поздравляю тебя. Как прошел у тебя день рожденья? Наверное, хорошо. Мне не нравится, что Сереженька говорит нехорошие слова. Скажи ему, чтобы он этого не делал. Горячо целую тебя, мамочку и Сереженьку. Всем привет. До свидания. Твой папа». (Мне 10 лет).

Десятилетняя работа папы в ЦК закончилась плохо – ему объявили выговор и уволили. Вот как об этом рассказывали близкие. В загранкомандировку оформляли какого-то человека, этим делом занимался непосредственный папин начальник и друг, Петр Федорович Струнников, заведующий отделом. Оформление подобного рода дел тогда было очень строгое и дотошное, особенно проверяли, нет ли родственников за границей. И, когда оформление было почти закончено, Петра Федоровича увезли в больницу с обострением язвенной болезни. Вследствие этого заканчивать оформление командировки пришлось папе. Он не стал проверять, то, что уже сделал П. Ф., т.к. безусловно, ему доверял, и подписал выездные документы.

Тут вдруг выяснилось (наверное, по каналам КГБ), что у мужика где-то за границей есть родственники. Отцу и в голову не пришло объяснить, что дело оформлял не он. И грянул гром – выговор и отстранение от должности заместителя заведующего отделом. Другие, скорее всего, более обстоятельные причины папиного увольнения мне, конечно, неизвестны...

После увольнения из ЦК в 1948 году отец некоторое время был без работы, лежал на диване, повернувшись к стене, молчал и даже читал редко.

Только много позже, после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии, я узнала о том, что происходило в стране в эпоху Сталина, и поняла, что отец ждал ареста. Поэтому и не сразу открывала мама дверь, спрашивала, кто стучит.

*Глубокоуважаемому
Николаю Алексеевичу*

Г. Н. КУКИН, А. Н. СОЛОВЬЕВ, В. И. БУДНИКОВ,
А. И. ДМИТРИЕВА, А. А. СТРЕПИХЕЕВ, Т. А. МОДЕСТОВА,
А. Д. ПЛАТОВА

*в знак искреннего уважения
и симпатии на добрую
память*

УЧЕНИЕ О ВОЛОКНИСТЫХ
по поручению коллегий
МАТЕРИАЛАХ
авторов

10. Х. 1949

Г. Кукин
ТЕКСТИЛЬНЫЕ ВОЛОКНА

Под редакцией Г. Н. Кукина

Д о п у щ е н о
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебника
для текстильных вузов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Москва — 1949 — Ленинград

*Автограф профессора Г.Н. Кукина,
заведующего кафедрой
технологии волокнистых материалов
Московского текстильного института*

После вынужденного «отпуска», отца назначили директором Московского текстильного института, в котором он проработал несколько лет. А потом по решению ЦК КПСС был направлен на работу заместителем председателя правле-

ния Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

В этот период отец ездил за границу в составе и во главе правительственных делегаций, был в Австрии, Болгарии, Венгрии, Китае, Чехословакии. Возвращаясь из поездок, рассказывал нам о странах, о людях, встречах, обычаях, отношении к СССР, показывал фотографии.

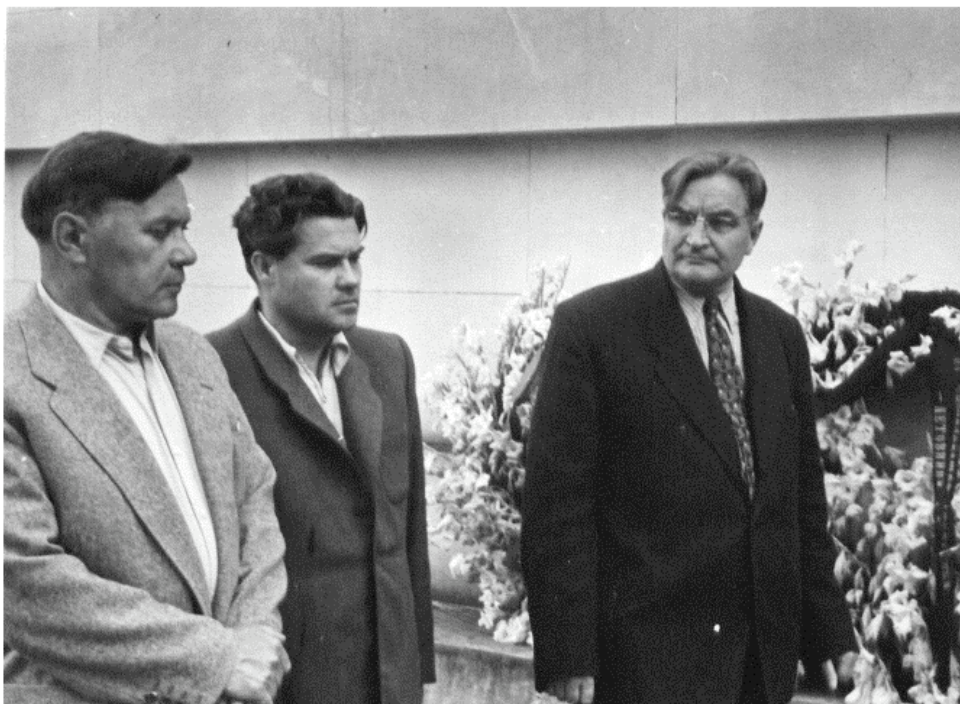
Одно время, в молодости, отец был увлечен фотографированием, занимался этим с удовольствием, у нас хранится много его снимков.

Всякий раз, приезжая из-за границы, отец привозил нам и друзьям какие-нибудь подарки. Помню, из Китая он привез шкатулки и маленькие гобелены, отрез черного шелка с золотыми розами, из которого мама сшила себе праздничное платье, перешитое потом мне, оно до сих пор висит в моем шкафу, из Болгарии – красную дубленую куртку, разные мелкие сувениры и пр. Тогда было принято дарить главам и членам делегаций щедрые подарки от разных организаций и правительств. Лишь после смерти отца, когда мы с Колей поехали в ВОКС за какими-то документами, узнали, что подарков было много и довольно дорогих. Узнали, потому что нам предложили их забрать, но папа сдавал их в фонд ВОКСа, он считал невозможным брать их себе. Не взяли их, конечно, и мы.

Вообще скромность, совесть и честность всегда отличали отца – он никогда не позволял себе как-то возвышаться над людьми, никогда не ронял достоинства, ненавидел ложь и подхалимаж, за что его уважали не только друзья, но и все, с кем работал.

По статусу в ВОКСе отцу полагалась персональная машина, которой он пользовался только по назначению – по работе, запретив маме использовать ее для домашних нужд. Исключение делалось по праздникам, когда мама ездила куда-то в центр за праздничным пайком, в котором были, насколько помню, бутылка вина, колбаса, сыр, какие-нибудь консервы и конфеты. Да еще, когда мне пришло время рожать, меня отвезли в роддом на ул. Веснина на машине и забирали из роддома на ней же. Надо сказать, что с шоферами, которые водили эту машину: Дмитрием Ивановичем и Павлом Кирилловичем у родителей установились дружеские

отношения, особенно сердечные, конечно, с мамой, которая любила угостить их чем-нибудь вкусненьким, попотчевать чайком и т.п. Мама иногда по секрету от отца договаривалась с ними (чаще с Дмитрием Ивановичем) и ездила по своим делам. Но когда об этом узнавал папа, он негодовал. При этом никогда не повышал голоса ни на нас, ни, тем более, на маму.

*Советская делегация в Болгарии возлагает цветы
к памятникам героям Плевны.*

*Слева направо:
народный артист СССР Б.П. Чирков,
писатель П.Н. Воронько
и Н.А. Визжилин (глава делегации)*

Он произносил несколько мало приятных фраз и долго не разговаривал с тем, кто, по его мнению, поступил неправильно.

Скромн и непритязателен был папа в отношении одежды, но любил чистые рубашки и отглаженные брюки. Вплоть до выхода на пенсию у него было всего два или три костюма, в одном из которых – черном, парадном – мы его и хоронили...

Незадолго до пенсии отцу предложили взять дачный участок под Москвой, но он отказался, считая неприличным иметь собственность, когда большинство людей в СССР ее не имело.

На лето родители снимали комнату с террасой в подмосковной деревне Улиткино. Кстати, у большинства его друзей уже были дачи. А я до сих пор жалею, что отец отказался от дачи, так как уверена, что она продлила бы жизнь родителей. Вместо своей дачи родители ездили в гости на дачи друзей – на несколько дней или недель к Кузнецовым под Москву в Радищево и к Арефьевым под Ленинград в Комарово.

Папа был человеком сдержанным, редко проявлял свои чувства и переживания, хотя помню, что когда я была маленькая, укладывая меня спать, папа садился у моей постели, гладил меня по голове и говорил что-то ласковое.

Папа любил нас сильно и нежно, только сдержанность не позволяла ему открыто проявлять это чувство. Но в его письмах ко мне из Таджикистана, а также в войну из Москвы в Барнаул и Кострому и в военных записках я нашла много нежных слов о нас с Сережей.

*Автограф
писателя Мартина Викромасинга –
секретаря ЦК компартии Цейлона*

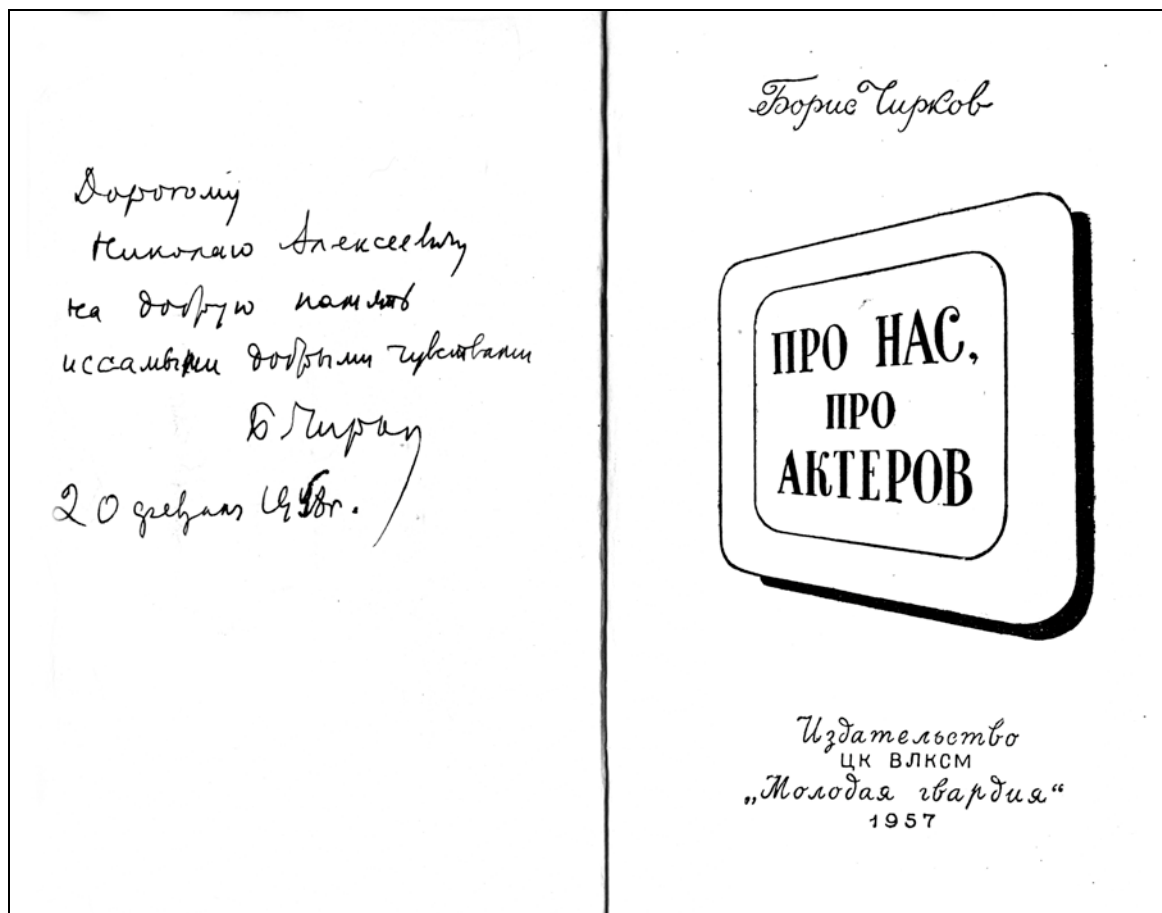
To
Nikolai Vezilin
with best wishes from
Martin Wickramasinghe
16. 5. 1959

The Buddhist
JATAKA STORIES
and
THE RUSSIAN NOVEL

by
MARTIN WICKRAMASINGHE

THE ASSOCIATED NEWSPAPERS OF CEYLON LTD
LAKE HOUSE
COLOMBO

*Автограф народного артиста СССР
Бориса Петровича Чиркова*

Письмо в Барнаул.

«19.04.42. Здравствуй, моя маленькая дочка! Шлю тебе горячий привет. Ты все скучаешь? Так уж нам с тобой не везет. То ты уехала в санаторий на три месяца, а я в – Таджикистан на год, потом ты опять в Иваново, а теперь мы с тобой опять разошлись. Но скоро уже это кончится, и заживем мы как следует вместе. Следи за Сережей, чтобы он не бегал, куда не надо, и не брал руки в рот, а то опять наглотается каких-нибудь вредных палочек и ему будет очень плохо...

По Москве-реке идет лед. Видела ли ты ледоход на реке Обь? Обязательно сходите посмотреть, это очень интересно.

Поздравляю вас с праздником 1 мая, желаю вам весело провести этот день. Горячо целую тебя, моя крошка. Папа».

Из письма в Кострому.

«21.08.42. Здравствуй, моя маленькая дочка! Шлю тебе горячий привет! Привет Сереженьке. Не забыл ли он меня, мой маленький мальчик?

Хорошенько поправляйся за лето, не скучай, во время ложись спать, слушайся маму и не огорчай ее. Береги Сереженьку, следи за ним, не обижай его и смотри, чтобы он не набрал нехороших слов...»

Письмо в Кострому.

«6.11.42. Здравствуй, моя голубоглазая дочка! Горячо целую тебя! Получил твое письмо. Очень жалею, что ты болеешь, моя маленькая. Но думаю, что ты поправляешься и уже опять пойдешь в школу.

Ты стала так хорошо писать, прямо замечательно, вот я, когда учился, то у меня по письму всегда были “посы” и “неуды”. Писать я до 20 лет не мог научиться хорошо. Из школы приходил весь в чернилах, умудрялся испачкать и нос, и волосы, а руки почти по локоть. Но вот научился писать – ничего теперь пишу.

Когда у тебя болит голова, то ты в школу не ходи. Это ведь не так страшно, если ты пропустишь несколько уроков.

Я очень рад, что ты написала хорошее письмо бойцу. Вот когда пишешь бойцу на фронт, нужно постараться писать очень хорошо. А когда пишешь мне, то не трать на это много времени, лучше отдыхай. Мне ведь о тебе мама много пишет. Желаю тебе успеха во всем. Горячо целую. Привет Сереже и мамочке. Привет Тамаре и Иринке. Будь здорова, не скучай. Целую тебя крепко. Папа».

А вот из военных записок:

«...Милый мальчик! (Это обращение к брату Сергею. – *Н.О.*) Хотел бы я вложить в эти строки тебе всю мою любовь к тебе, мой дорогой крошка. Когда ты вернешься домой, это будет для меня твое второе рождение.

Нина очень смышленная девочка. Она очень деликатная. До бесконечности привязана ко мне. В глазах у нее была такая мольба, когда она в Иванове говорила мне: “Папа, не уезжай!” Какой это был жалобный тон, и как она на меня смотрела. Мне было так ее жаль, мою драгоценную маленькую девочку!

...Вчера вернулся из Иванова. Нина совершенно погибает, она стала худа до невозможности, вся прозрачная, тоскует. Вчера прочел ее открытку, которую нашел дома. Милыми каракулями она пишет: “Папочка, как только ты уехал, нам стало еще скучней. Приезжай к нам, а то я без те-

*Ректор Ленинградского текстильного института
профессор Гурий Осипович Арефьев с супругой,
Н.А. и М.И. Визжилины.
Поселок Комарово. 1961 год*

бя жить не могу". Моя бедная, маленькая, милая крошка. Твои дивные лучистые глаза так милы. Сколько грусти чувствуется в них, когда ты узнаешь, что папа уезжает, каким восторгом сияют они, когда ты слышишь, что приехал папа. Нина учится. Она уже читает книжки самостоятельно.

...Нина ушибла голову, заболела и просит, чтобы мне об этом не писали. Маленькая, милая, деликатная крошка.

...Нина с азартом прочла книжку "Приключения Геккельберри Финна". Вчера принес ей "Приключения Тома Сойера".

...Стоит жить, чтобы иметь таких малышей, как Нина и Сережа.

...Как тяжело было бы потерять вас, мои бесценные! Вы моя жизнь, в вас моя радость!»

О поездке на фронт с Монгольской делегацией в декабре 1942 года.

«06.12.42. На Ярославском вокзале встречал Монгольскую делегацию – Чойболсана и других – вместе с Деканозовым, Щаденко и Меркуловым*.

11.12.42. В 22.35 отъехали от станции Ховрино на Северо-Западный фронт.

12.12.42. Прибыли в Бологое. Нас встречали два полковника, через час выехали на станцию Едрово по направлению к станции Русса. Северо-западный фронт занимает линию от озера Ильмень до озера Селигер, от станции Русса до города Осташков. Эта линия установилась примерно с августа – сентября 1941 года. Целый день провели в разговорах за столом. Фронт чувствуется только потому, что много военных. Вечером была военная тревога. Завтра на машинах выезжаем в 11-ю армию, ближе к фронту. В 9.50 выехали на позиции.

Летом 1950 года я уезжала на каникулы в Крым по приглашению Павла Ивановича и Анны Ивановны Титовых, родителей моей дорогой Иришки. Накануне отъезда у меня

* Чойболсан – лидер монгольской компартии, Деканозов – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Германии накануне войны, заместитель наркома иностранных дел СССР (?) (расстрелян), Меркулов – заместитель наркома Государственной безопасности СССР (расстрелян), Щаденко – заместитель наркома обороны СССР по кадрам,

поднялась небольшая температура, и заболел живот, но я не стала говорить об этом маме, боясь, что она оставит меня дома, и я не увижу Иришки и Крыма. Приехала в Симферополь в роскошный особняк с большим садом, где росли персики, груши, вишни и т.п. Отец Ириши был тогда первым секретарем обкома Крыма, кстати, при Хрущеве он был одним из тех, кто выразил несогласие по поводу решения о передаче Крыма Украине, за что и поплатился – был снят с должности.

На следующее утро нас с Анной Ивановной и Иришиной бабушкой отвезли по крутой горной дороге под Алушту на обкомовскую дачу. Большая белая красивая дача стояла на горе над морем, вокруг росли разные южные растения, которые я прежде видела только на картинках.

Меня предупредили, чтобы не пробовала никаких плодов и шишек. Я, конечно, потихоньку всё это отведала, не глотая. В 12 часов ночи отключали электричество – после войны соблюдался режим экономии.

Вскоре я почувствовала себя совсем плохо – очень болел живот, поднялась температура. Пыталась терпеть, но не выдержала и поползла к Иришкиной кровати. Начался переполох, все решили, что я отравилась – пришлось сознаться, что шишечки пробовала.

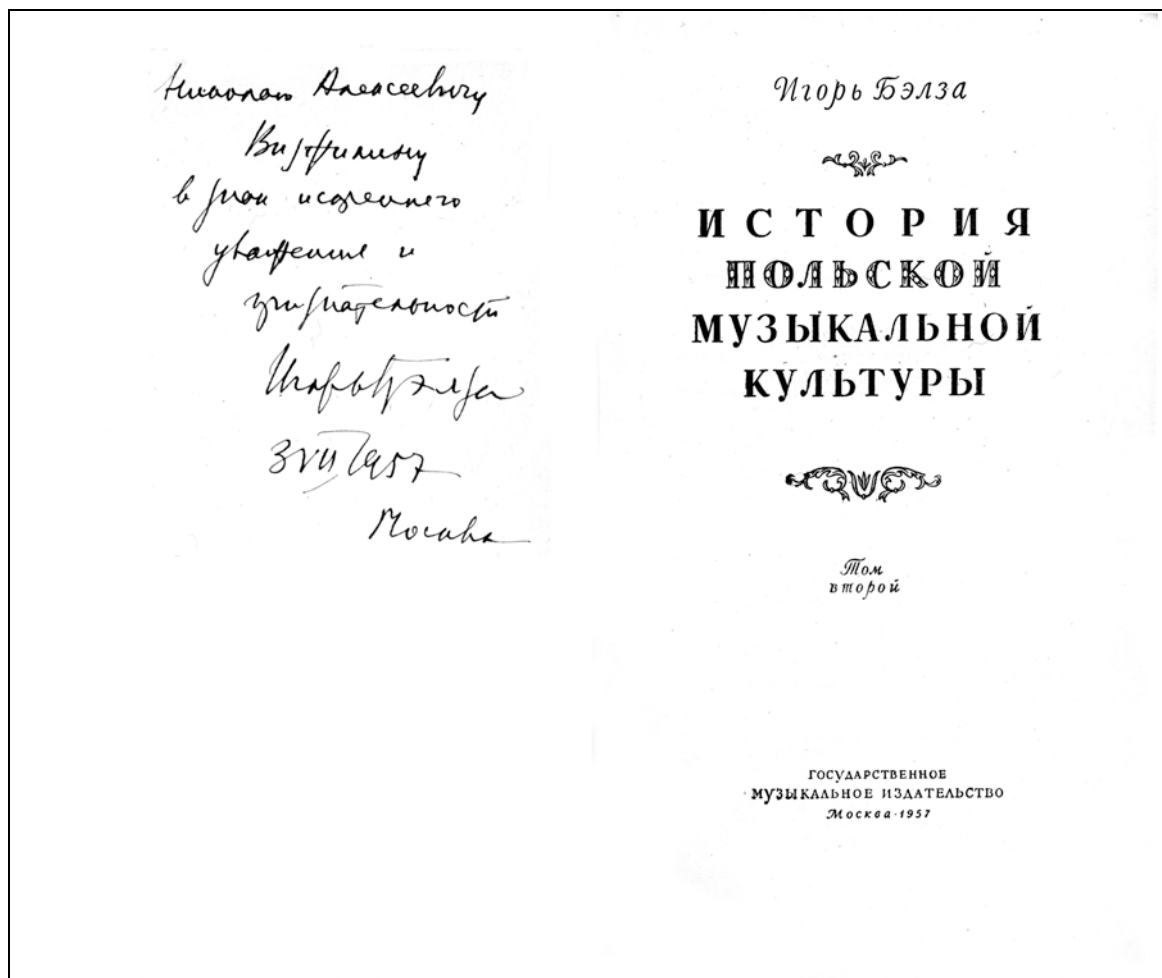
Зажгли свечи, бабушка Иры напоила меня каким-то травяным отваром, но это не помогло, боль не отпускала, началась сильная рвота. Меня вынесли на большущую открытую веранду, и сквозь боль и жар я увидела красивейший южный восход солнца, которое постепенно поднималось над водой...

К счастью, утром за Иришей приехала машина, чтобы возить ее на урок музыки в Симферополь. Повезли и меня туда же, сразу к врачам, которые тут же установили, что нет Никакого отравления, а у меня аппендицит и нужна срочная операция, которую немедленно и сделали.

В больнице провела всего неделю – при моей худобе, за которую главврач величал меня «сухим тараканом», все заросло быстро.

Все это было полной неожиданностью для родителей Ириши, Павел Иванович немедленно связался по телефону с моим папой. Обрисовал ситуацию, сказал, что, по мнению врачей, без операции я могу умереть, и задал смешной воп-

рос – дает ли папа согласие на операцию (операция между тем давно шла). Об этом мне рассказал впоследствии папа. Не желая волновать раньше времени маму, он скрыл от нее всю эту историю и рассказал о ней только после сообщения о благополучном исходе операции. Были, как и предполагал папа, и «охи», и «ахи», и слезы, и волнение. Мама вспоминала, что, ничего не зная о случившемся, была удив-

*Автограф
Игоря Святославовича Бэлзы*

лена и удручена тем, что отец, приехавший в Улиткино на субботу и воскресенье, вдруг вечером заявил, что ему необходимо быть на работе и тут же уехал в Москву...

После операции, как только мне разрешили сесть, я написала письма папе и маме. В ответ на одно из писем я получила такое послание от папы. Привожу часть письма.

«Получил твое письмо и отвез его в деревню. И там мама его с чувством декламировала Калисе Васильевне и Петру Павловичу, не подозревая, что ты написала не о действитель-

ном положении дел, а прислала самое настоящее "сочинение на вольную тему". Ну, это и хорошо. Мама думает, что все в порядке и не беспокоится. Думаю, что если бы она всю эту музыку знала, то тебе от этого легче бы не было, а ей было бы очень плохо.

Я еще беспокоюсь о тебе. Судя по письму, которое ты прислала мне, ты еще плохо себя чувствуешь. Будь осторожна. Возможно, что этот дрянной отросток тебе все время мешал и от него у тебя были недомогания. А поправиться тебе очень нужно. Теперь для страны нужны люди не только морально здоровые, но и здоровые физически.

Первое, как я надеюсь, у тебя есть, а вот второго не хватает.

А видно ты здорово струсила? А я и сам чуть не упал, когда Павел Иванович позвонил мне и сказал, что операция нужна немедленно, срок ему дали один час, и я вынужден был дать немедленно согласие, надеясь на то, что там все обеспечат хорошо. Каждый день я звонил по четыре раза в Симферополь. Здесь говорил с врачом, и она сказала, что все это пустяки и быстро пройдет. Тебе шлют привет все наши друзья. В трудные для тебя дни все они звонили мне и справлялись, как у тебя дела. Дома у нас все в порядке. Сережа заболел и уже поправился, Коля тоже поправился. Мама купается каждый день в любую погоду.

В деревне очень хорошо.

Целую. Папа».

Конечно, как у нас в семье было заведено, к Новому году, ко дню рождения и к праздникам – 7 ноября, 8 марта, 1 мая и Дню Победы родители присылали поздравления. Вот одно из них.

«Дорогая Нина!

Поздравляю тебя с днем рожденья и желаю тебе и Алеше доброго здоровья и хороших успехов.

Мне приятно знать, что ты идешь по хорошей дороге и впереди у тебя ясное и светлое будущее. Желаю тебе хорошо воспитать Алешу, сделать из него честного, правдивого и доброго гражданина, похожего на своего деда – Юрия Александровича.

Крепко целую тебя и Алешу. Папа. Май 1965 год».

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА

ТОДОР ПАВЛОВ

ЗА МАРКСИЧЕСКА
ЕСТЕТИКА,
ЛИТЕРАТУРНА
НАУКА И КРИТИКА

СТАТИИ, ДОКЛАДИ, ИЗКАЗВАНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ТОМ ВТОРИ

1937—1955

*Мобачини
Николае Александру
с плаини комунистич-
ески приквали.*
Д-р М. М. М.

СОФИЯ

ИЗДАНИЕ НА БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

1955

Автограф президента Болгарской Академии наук академика Тодора Павлова

Отец много читал, чтение вообще было у него любимым занятием до конца жизни.

Даже во время войны, в короткие минуты отдыха, он читал. В течение 1942–1944 гг. он прочитал: О. Генри, Гауптмана «Во власти океана», С. Льюиса «Мистер Беббит», «Дача на стремнине», «Мистер Бенжинг в дни мира и дни войны», К. Дойла «Маракотова бездна», А. Чехова – Собрание сочинений, т. 1, Г. Уэльса «Фортуна на колесах»,

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Авторизованный перевод с украинского

Борисы Николаю
Алексеевичу замечательному,
правдивому человеку — от платона
Сергея! На дружбу!

Платон Воронько

Москва

11. 8. 53
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1953

Автограф советского писателя Платона Никитовича Воронько

Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Мак Гиля «Дети мрака», Дайама О. Флоэрти «Мистер Гильхули», Стендаля «Арманс», М. Горького «Жизнь Максима Кожемяки», В. Шишкова «Пурга», «Таежный волк» и другие произведения.

Он хорошо знал русскую классику, его любимым писателем был А. П. Чехов, чьи произведения часто цитировал по памяти. Из поэтов любил Блока, Есенина, Маяковского, прекрасно читал их стихи — «Двенадцать» и

«Стихи о прекрасной даме» Блока, «Левый марш» Маяковского и разные стихи Есенина.

Его интересовала не только художественная, но и политическая, и мемуарная литература. Он собрал обширную библиотеку, где были собрания сочинений А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Чехова, А. Куприна, Ф. Достоевского, Л. и А. Толстых, М. Лермонтова, Н. Лескова, С. Есенина, С. Сергеева-

*Н.П. Орлова, М.И. Визжилина, Н.Н. Орлова и Н.А. Визжилин
на отдыхе. 1960-е годы*

Ценского, А. Блока, Г. Успенского, Н. Телешова, И. Бунина, К. Паустовского, М. Горького, Д. Мамина-Сибиряка, В. Шишкова, М. Шолохова и многих других классиков русской литературы, а также сочинения зарубежных писателей – У. Шекспира, Лопе де Вега, А. Мюссе, А. Франса, Д. Лондона и О. Бальзака, Ч. Диккенса, Э. Золя, Г. Мопассана, П. Мериме, Ж. Верна, М. Твена и других. Есть в ней сочинения римских и греческих авторов, и произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также уникальная подборка книг по дипломатической практике, которые он штудировал.

Конечно, отец всегда читал газеты и переживал все неудачи и глупости, которые происходили в стране.

Папа очень привязался к Алеше. После развода с Олегом и моего переезда с Алешкой в квартиру на улице Новаторов,

папа в течение нескольких лет (с 1967 по 1971 г.) ежедневно приезжал к нам, занимался с Алешкой уроками, читал и рассказывал ему разные истории, жарил картошку, если я не успевала приготовить обед. Вечером он уезжал домой, и мы с

*Н.А. и М.И. Визжилины, Н.Н. и О.Ю. Орлов в особняке ВОКСа.
1958 год*

Алешей обычно стояли у окна, махали на прощанье руками, провожая его взглядами до остановки.

С каждым годом походка отца становилась более медленной, в последние годы он ходил, тяжело опираясь на палку, останавливался, поворачивался к нашему окну и поднимал руку.

Настал момент, когда он уже не мог ездить к нам, и мы виделись с ним только, когда приезжали на Кутузовский.

В 1976 году у отца случилось подряд три инфаркта. Первый – в середине февраля. Папа пролежал около месяца в больнице и говорил, что не предполагал, что так сильно может болеть сердце.

Второй инфаркт случился в мае. Ночью мне позвонила мама, сказала, что папе плохо, что вызвали скорую помощь.

Поймав на улице какую-то машину, быстро приехала на Кутузовский в тот момент, когда папу уже выносили на носилках из квартиры. Помню, как один из санитаров сказал, что надо нести вперед головой, а не ногами. В этот раз отца довольно быстро, через несколько дней подняли с постели и заставили ходить. Дня за четыре до его смерти я в очередной раз приехала его навестить и дольше, чем обычно, была у него.

Пожалуй, никогда до этого он так не разговаривал со мной – говорил о маме, о том, что беспокоится за нее, что надо бы ей больше помогать, уговорить не стирать, а носить белье в прачечную; говорил о Сергее и о Коле, еще об Алеше, сетовал, что ему не хватает общения с Олегом, советовал поддерживать связь с Ю.А. и Н.П. Орловыми.

В тот вечер я собиралась в ресторан на встречу с выпускниками кафедры, у которых была куратором. Папа шутливо попросил «не напиваться». Это была моя последняя встреча с папой. Позже, уже после его кончины, я поняла, что наш разговор в больнице по существу был его наказом мне...

*М.И. Визжилина, Н.А. Визжилин, Н.Н. Орлова и Н.П. Орлова
на отдыхе в подмосковной деревне Улиткино.
1960-е годы*

Спустя дня три после этого разговора, 8 июня, отец позвонил маме и сказал, что ему разрешили принять душ. Мама удивилась, т. к. прошло всего две недели его пребывания в больнице и посоветовала не очень хорохориться и

*Вице-президент
Союза обществ дружбы с зарубежными странами
Николай Алексеевич Визжилин
и Чрезвычайный и Полномочный посол Японии в СССР
Суемицу Кадоваки
на официальной церемонии создания
Общества дружбы «СССР–Япония».
Москва. Дом дружбы с народами зарубежных стран.
1958 год.
Фотография
из японской газеты «Сан»*

не слишком долго мыться. А через несколько часов из больницы сообщили, что папа скончался – врачи не смогли его спасти.

Он стал собираться в душ, наклонился к тумбочке, чтобы взять чистое белье, упал и умер – случился третий инфаркт. Было ему 72 года, он не дожил шести месяцев до своего 73-летия.

Свое состояние, в которое привело меня сообщение о смерти папы, описать не могу. Все было как в тумане, мы с

*Встреча главы делегации ВОКС Н.А. Визжилина
с заместителем Председателя
Китайской Народной Республики
маршалом Чжу-Дэ.
Пекин. 1954 год.*

*Фото корреспондента китайской газеты
«Женьминьжибао»*

Колей ездили в больницу за папиными вещами и выпиской о его смерти, ходили по каким-то учреждениям, собирая необходимые справки. Голова работала плохо, все время хотелось плакать.

В день похорон мы с Колей первыми приехали в морг, где уже стоял гроб. Отец казался спящим – лицо светлое, спокойное, ни тени страдания или боли. Положила в карман его пиджака свою фотографию, долго смотрела на него, не в силах осознать потерю. Похороны на Кунцевском кладбище помню плохо, помню только, что народу было много, но назвать кого-нибудь не могу, кто-то выступал на гражданской панихиде, да еще помню, что рядом со мной, кроме мамы, Коли и Алеши был Стасик Куст (один из начальников курса, который тогда работал со мной в деканате).

А потом были поминки, блины, речи друзей, сослуживцев, шофера Дмитрия Ивановича, мое пение любимого папиного романса «Темно-вишневая шаль».

Через год мы с мамой и Колей заказали и поставили памятник на могиле отца, посадили цветы и часто приходили к могиле.

Вот и все. Теперь прошло уже более 30 лет со дня смерти отца. Вспоминаю его часто и горжусь тем, что у меня был такой замечательный папа.

После смерти родителей в душе образовалась пустота – ушли навсегда любимые родные люди, всегда приходившие на помощь. Они понимали и прощали, принимали тебя с радостью и теплотой, когда бы ты ни пришел, и что бы с тобой ни случилось. Хотя в жизни и наших отношениях иногда не все было гладко и безоблачно. Приходится только теперь жалеть о том, что не всегда прислушивалась к их советам, считая, что сама уже могу все решать.

Только потеряв родителей, начинаешь понимать, что они для меня значили. Как хотелось бы сейчас посидеть с мамой и папой, поговорить с ними, поцеловать их, услышать их родные голоса.

Очень хочу, чтобы мои внуки Даша и Гриша поняли это.

Внуки мои, любите и берегите маму и папу. Старайтесь не огорчать их, прислушивайтесь к их советам. Помните, что они имеют большой жизненный опыт и никто так, как родители, не желают вам добра, и готовы даже многим пожертвовать ради вашего благополучия.

Мои братья

Сергей

Маленького Сережу практически не помню. Он родился 3 июня 1937 года, когда мне исполнилось всего 5 лет. Запомнились лишь некоторые события – как я уронила его с сундука в Пешково и как он сверзился на трехколесном велосипеде с лестницы в Лунево на Волге. Да еще помню рассказ мамы, как в Костроме Сережка залез на широкие перила балкона в квартире Арефьевых, и как она его оттуда снимала, подкрадываясь, как кошка, и, нежно приговаривая, чтобы он стоял смирно. Приблизившись к нему, она схватила его и здорово отлупила. А было ему тогда 5 лет.

Вот что писал о маленьком Сереже в 1941–1945 гг. мой папа.

14.04.41. «С. заболел дифтеритом в тяжелой форме, отправлен в больницу. Дома без него скучно.

Сережа очень смывленный и бойкий мальчик. Ласковый, очень обидчивый. Когда обижается, то плачет горько, не могу смотреть на это. Милый мальчик! Когда были в Кратово, на даче, ночью объявили воздушную тревогу. Маруся с ребятами спряталась в щель, я сидел на пенечке под деревом. Сережка вылез из щели – "Я с тобой посизу". Дальше разговор – "Его расстлелять надо", – "Кого? ", – "Котолый отбой дает, сто нас целый час в тланшее делжит". Мой славный малыш. Хочется мне, чтобы ты сохранился и прожил жизнь более весело, чем это удалось мне.

Сереже сшили брюки... Воображаю, как он форсит, мой маленький. Чувствует себя в них очень хорошо, но говорит – "Мне сшили брюки без загнуток" (нет манжет). Мой славный маленький мальчик, как ты забавен и мил!

В выходной день были на с/х выставке. С., увидев на улице, как чистильщик обуви чистит кому-то ботинки, воскликнул: "Папа, смотри, ноги чистит!"»

12.05.42. «Из Барнаула приехал Гусаров (давний товарищ моего отца, – *Н.О.*). Он видел Сережу и Нину.

Дух захватывает от желания схватить Сережку на руки, расцеловать, послушать его милый забавный лепет!

Мой дорогой маленький славный мальчуган. Мне стоит только на минутку закрыть глаза, и я вижу твою плутовскую

*Мой брат Сергей
в возрасте 10 лет*

рожицу. Ты сидишь на стуле, перевернутом вверх ногами. Это твой «ЗИС»...

Сергей более бесшабашен, чем Нина, и мало заботится о том, чтобы о нем было хорошее мнение».

19.06.42. Из письма Нине: «Сережа ведет себя посредственно, говорит нехорошие слова».

15.09.42. «Сережа стал выговаривать букву "р". Послушать бы его».

07.02.44. «Мальчишка шустрый. Мы разучиваем с Ниной новый Гимн Советского Союза. Он отказался принять участие в этом и сидел молча. Однако, как оказалось, Гимн он выучил и даже музыку усвоил.

Сергей болел всю зиму – грипп, ангина, воспаление среднего уха, воспаление надкостницы и проч. без конца».

26.01.45. «Сергей заболел скарлатиной. Лежит в Русаковской больнице в Сокольниках вместе с матерью (пролежал там до 3.03.45.– *Н.О.*)»

1.09.45. «Сергей пошел в первый класс, за вторую четверть – отличник».

13.02.45. «Навестили с Ниной "узников" в больнице. Сережа худ до прозрачности, но такой же живой и остроумный мальчик, каким был до болезни».

23.03.45. «Сережа перешел во второй класс с отметками 5 по всем предметам, хотя пропустил много занятий по болезни.

Мне бы дожить хотя бы до тех пор, пока Сереже будет 17–18 лет. Все-таки была бы надежда, что он уже воспитан, как надо. И вышел на самостоятельную дорогу...»

* * *

Школьные годы Сергея я не помню совсем – ни как учился, ни с кем дружил. В памяти осталось только, что Сергей поступил в текстильный институт, его участие в институтском ансамбле, где он играл на гитаре, саксофоне и пел, его ранняя женитьба.

Летом 1958 года поехал отдыхать на юг и привез оттуда девицу Ларису, на которой вскоре, 14 февраля 1959 года, женился. Их брак оказался неудачным: начались скандалы в семье, и их союз распался. Сергей стал часто выпивать, чем крайне огорчал родителей.

Через некоторое время Сергей познакомился с Валентиной Ивановой, выпускницей Московского текстильного института – того же, что и кончал Сергей. Она вскоре стала его второй женой. У них родился сын – Саша. Они поселились в доме родителей Вали в Очаково. Отец было возрадовался, однако и этот брак оказался неудачным.

В 1990 году, когда я ушла из Университета, Сергей предложил мне купить совместно дом в деревне. Я согласилась, и он начал ездить по Подмосковию и Калужской области в поисках дома. Наконец сообщил, что неплохой дом нашел под Калугой в 20 км. от города Юхнова и повез меня в этот дом в деревне Крутое.

Домов в деревне было немного, около 20, хотя до войны их было больше 100. Часть из них сожгли немцы во время оккупации, часть были разрушены во время боев, некоторые были увезены в другие места. Вокруг деревни луга и леса, смешанные и березовые, на краю деревни – маленькая, довольно чистая речушка и два небольших пруда. Место благодатное. За речкой большущий лес.

*Н.А. Визжилин со своим сыном Сергеем
на вечере в Колонном зале Дома Союзов.
1950-е годы*

В нашем доме была одна большая комната с огромной русской печкой, большие сени, пристройка метров 16–18. Был большой участок – 29 соток! Около входа в дом росла сирень, против входа – большая яблоня. За амбаром была луговина, в центре и вокруг которой росло несколько яблонь. Все это мне очень нравилось. Четыре года подряд: с 1990 по 1994 гг., Сергей приезжал в Крутое, часто и жил там во время отпуска, с удовольствием занимался обустройством дома и участка.

Сергей сделал большую застекленную терраску и крыльцо, подновил крышу. В Москве сварил довольно большую теплицу, привез и установил ее за домом. Поставил забор вокруг всего участка. Мы дружно с удовольствием занимались всем этим, а также ходили в лес за грибами. С нами жили мои внуки, Даша и Гриша. По вечерам играли с Сергеем в карты, вспоминали случаи из нашей жизни, обсуждали перемены в стране. Я радовалась, уверенная в том, что родители, безусловно, радовались бы за нас.

Потом Сергей заболел, и я целую неделю провела в больнице рядом с ним. Брат вышел из больницы практически здоровым. Снова стал приезжать ко мне в деревню, где я после отъезда Леши с семьей в Америку, жила одна.

Наступил 1998 год, подорожал бензин, продукты, и Сергей стал приезжать очень редко и через год предложил продать дом в деревне и купить что-нибудь поближе к Москве. После долгих неудачных поисков в течение марта – апреля мы купили дом с участком в 12 соток под Малоярославцем в Ерденево.

Дом – хороший деревянный сруб с печкой с плитой, с терраской и небольшим крыльцом, была также летняя кухня, еще один маленький домик и небольшой сарай. Участок украшал большой дуб, растущий в центре участка, вокруг него росло 5 яблонь и несколько слив. Были там и кусты черной, красной и гранатовой смородины, красная и черноплодная рябины, ирга и японская айва. Кроме того, на участке был водопровод с двумя кранами и два небольших прудика. На месте одного из них я сделала альпийскую горку, посадив там разные низкие красивые растения.

Три года Сергей довольно часто ездил ко мне, перестроил крыльцо, сделав его побольше, с помощью знакомых ребят поменял электропроводку. Снова были всякие беседы, чаепития, игра в картишки, поездки по окрестностям для выяснения мест для рыбной ловли. Оказалось, что сравнительно недалеко от нашего участка есть большие пруды, где разводится рыба и разрешается за небольшую плату ее ловить. Казалось, что все хорошо, ничто не предвещало беды.

Однако, с мая 2002 года Сергей стал жаловаться на постоянные боли в горле, при этом он сильно хрипел. Поездки его в Ерденево прекратились.

Зимой 2003 года, вернувшись из Америки, куда я в очередной раз ездила к Алеше, я узнала, что Сергей в больнице, куда его увезли на скорой помощи, так как он стал задыхаться. Тут же поехала к нему. 30 мая лечащий врач Сергея сказал мне, что брату необходима операция, после которой Сергей не сможет говорить.

4 июня 2003 года ему сделали эту операцию. Накануне у Сергея был день рождения, и я приезжала его поздравить. Прощаясь со мной, он сказал, что, я в последний раз слышу его голос. Было очень горько, и страшно жалко его... День он пролежал в реанимации, а с 6 июня уже начал вставать.

После возвращения Сергея домой я постоянно ездила к нему, готовила еду, ходила в магазин, в поликлинику за рецептами и в аптеку, словом, помогала, чем могла. Продолжая жить в Ерденево, каждую неделю приезжала навещать Сергея. Однако скоро поняла, что долго так продолжаться не может – дорога до Москвы занимала 4 часа, я очень уставала, а Сергей по состоянию здоровья не мог ездить в Ерденево.

Было решено продать дом. Летом 2006 года я нашла покупателей, два раза съездила с ними в Ерденево, объяснила, как ухаживать за разными растениями, и, наконец, в конце июля дом был продан.

Сергей, будучи от природы сильным и здоровым мужчиной сумел оправиться после операции, однако ездить нам с ним уже было некуда...

Из писем Сережи.

«Здравствуй, Нинушка!

Во-первых, поздравляем тебя с рождением сына. И желаем всего хорошего – здоровья, счастья, успеха тебе и сыну. Это, конечно, хорошо, что у тебя сын. Ты не обижайся, что я желал тебе двух девчонок, всегда надо желать наоборот, а то не сбудется. В общем, я стал дядькой, а мать и отец – бабушка и дедушка. Чудно!

Целую. Сережа. 22.01.59».

«Здравствуй, Нина!

Слушай, постольку, поскольку твой муженек болен, сына твоего придется принимать мне. Как ты, не возражаешь? Доверишь мне сию драгоценную ношу, или нет?

Нинок, судя по твоей последней записке, настроение у тебя отличное. Племянник мой по твоим рассказам, вполне подходящий парень. В общем, ты не осрамилась. Ну, вот и все. Крепко целую. Сережа».

Коля – Николай Николаевич

Младший из моих братьев, Коленька, родился 14 октября 1945 года, когда мне исполнилось 13 лет.

Домой он попал только через две недели после рождения, в связи со сложностями и трудностями маминых родов.

Вопреки моим ожиданиям, из роддома привезли не крошечного, морщинистого, красного и лысого младенца, а красивого упитанного мальчика с карими глазами и темными волосами, весом более 5 килограммов!

Он сразу мне понравился, был довольно спокойный, кричал редко, в основном, когда хотел есть или когда у него болел животик. Долго выбирали ему имя, и в один прекрасный день папа с Сережей пошли в ЗАГС и, возвратившись, папа сказал, что братика зовут Коля – Николай Николаевич. Для родителей, особенно для папы, это был поздний ребёнок – маме 32 года, папе 42. Естественно, они его очень любили, оберегали и гордились им. Мы как-то само собой отошли на второй план. Время шло. И вот Коленька уже начал садиться, потом вставать в кроватке, ползать и, наконец, самостоятельно ходить, однако родителей беспокоило, что он долго не говорил, насколько помню лет до 3-х или даже до 4-х. Простые слова – «мама», «папа», «дай», «на» – произносил, но фраз не говорил. И вдруг сразу заговорил связно, предложениями. То-то была радость! Помню один курьезный случай, когда брату было лет пять. У родителей по поводу какого-то праздника собралась, как обычно, большая компания друзей. Сидели за столом, выпивали, ели вкусности, как всегда приготовленные мамой. Было весело, рассказывали забавные истории из жизни и разные анекдоты. Среди гостей был папин товарищ-сослуживец Охотин. Он смеялся чаще и громче всех. Вдруг в одну из маленьких пауз раздался голос ребенка – Коленьки: «Папа, гони ты этого Охотина, что он так громко смеётся!»

Долго все смеялись по этому поводу, а фразу эту, сказанную маленьким Колей, вспоминаем до сих пор.

Часто мы с мамой или реже я одна, ходили с Колей гулять к нам во двор, иногда я выходила с ним к школе № 56, которая стояла в нашем дворе, где потом учились мои братья, и реже – на крутой берег Москвы-реки за школой. Однажды пошла с ним посмотреть на праздничный салют.

Н.Н. Визжилин. 1996 год

За рекой громко стреляли пушки, в небе расцветали яркие огни. Мне было весело и интересно, а Коля вдруг испугался и заплакал. Пришлось срочно уходить с берега и успокаивать братика...

К пяти годам Коля стал достаточно крупным ребенком, при этом у него были длинные, до плеч, слегка волнистые каштановые волосы. Хорош он был необычайно. Редкая женщина, проходя мимо, не останавливалась и не говорила: «Ах, какая хорошенькая девочка!», на что обычно Колюня, нахмурившись, серьезно говорил: «Я не девочка, я мальчик!», вызывая умиленные улыбки и добрый смех. В это время папа, всерьез занявшись фотографией, сделал немало снимков. Как не хотелось маме срезать Колины кудри, но пришлось это сделать, чтобы посторонние не смущали ребёнка.

Дома я играла с братиком в разные игры, рисовала ему всякие картинки – людей, дома, машинки, зверушек и т. п., рассказывая о них какие-то истории. Играть с ним любила. Когда он подрос и научился читать, писала ему письма с картинками в санатории или больницы – в раннем детстве он

нередко болел. Коля с мамой и моей подругой Ирой Титовой приезжали ко мне в Звенигород, где проходила наша летняя практика после второго курса Биофака. Звенигород оставил в его памяти приятные воспоминания.

Колюне Визжилину – два года

В 1953 году Коля пошел в школу. Учился в младших классах отлично, повзрослев, много читал, позже увлекался книгами И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», шпарил наизусть целые страницы. Если мне не изменяет память, ребята его класса ставили какие-то сценки из этих книг.

Учение давалось Коле легко, но в старших классах началась какая-то буза – Коля стал иногда прогуливать уроки, перестал учить некоторые предметы, в частности, географию, по которой получал двойку. Родителей вызвали в школу. К счастью, эта буза длилась недолго.

Я в то время уже работала в школе «с особым режимом», и мама попросила меня пойти к классному руководителю и узнать, в чем дело. Разговор вышел дурацкий – учительница, доведенная ребятами, была возбуждена и говорила, что Коля способный ученик, но лентяй, что работать в их классе труд-

но и неприятно. Я с высоты своего опыта учителя и классного руководителя предлагала какие-то меры (вроде оставления после уроков и карцера!), чем привела учительницу, которая к тому же была значительно старше меня, буквально в шок... Разговор не получился.

В школе у Коли было много друзей. Хорошо помню толстенького малоподвижного Диму Носова, мама которого, как выяснилось позже, преподавала у нас на Биофаке историю КПСС, и, конечно, темноволосого красавца с голубыми глазами, Мишу Петрова, шутника и балагура, с приятным голосом, с которым Коля и я пели вместе разные песни и романсы.

Летом 1965 года я с Алёшей, Коля и Миша ездили летом в Крым. Мы были «дикарями», то есть ехали без путевок. На горе над Алуштой в каком-то небольшом доме сняли проходную комнатку, отгороженную от хозяев занавеской, и славно прожили там около месяца. Получали удовольствие от моря, солнца, купания, разных приятных разговоров, ходили гулять по горам, посетили дачу писателя Новикова-Прибоя (?) – большой красивый дом с прекрасным видом на море.

А еще помню сильнейший ливень, вымочивший нас до нитки и доставивший нам массу удовольствия. Крупные капли прыгали по асфальту, мгновенно образуя ручьи – потоки дождевой воды. Мы сняли обувь и шлёпали, как в детстве, по этим потокам.

В 1968 году Коля был на производственной практике на заводе в Ленинграде. Жил в общежитии, иногда ездил в гости к Арефьевым в Комарово.

Практика занимала не слишком много времени. Он писал, что в свободное время занимается английским языком, ходит на разные концерты, в частности, слушает органные концерты Иоганна Себастьяна Баха, ансамбль цыганской музыки, ходит на лекции по европейской музыке, которые сопровождалось музыкальными произведениями, просмотрел почти все новые фильмы. Сам читал лекции, в частности, о Леониде Красине.

Весьма серьезно писал о своих трудностях – во-первых, об отсутствии выработанной с детства привычки к ежедневному черновому труду, и, во-вторых, об отсутствии широкого и прочного образования.

Со временем Николаша преодолел эти сложности, и вот уже не одно десятилетие подряд трудится с утра до вечера: либо за компьютером, либо над рукописями, либо реставрирует мебель. Что касается его образованности, то тут он достиг многого и в инженерии, и в издательском деле, и в писательстве.

Когда были живы наши родители, в их доме довольно часто собирались Колины друзья, мы пели романсы и любимые песни, обязательно «Бородино», читали стихи, танцевали, выпивали, словом, радовались жизни.

Одноклассники Коли почти каждый год в течение десятков лет собирались в квартире родителей справлять очередную годовщину окончания школы, Приглашали на эти встречи и меня.

Необычайно весело, бурно праздновалась свадьба Коли с Олей. Вино лилось рекой, произносились тосты, дарили подарки, пели многократно «Ах, эта свадьба, свадьба пела и плясала»...

В годы моей учебы в университете встречи с Колей происходили не так уж часто, у меня началась новая «взрослая» жизнь, появились новые знакомства не только с ребятами моего курса, но и со старшекурсниками, среди которых были талантливые замечательные люди. Коля в это время учился в младших классах.

Все эти обстоятельства не влияли на наши с Колей отношения. Когда не было возможности общаться, мы писали друг другу письма.

Вот два письма Коли ко мне.

«29.12.65 г.

Милая сестра моя!

Я, было, собрался написать тебе длинное письмо с разными моими философскими мыслями на жизнь, но передумал. Это, я думаю, тяжеловато для новогоднего поздравления. Отложим это до следующего раза. Скажу тебе только, что ты для меня одна из самых близких и дорогих людей, а если подумать, то я не назову, пожалуй, человека, который был бы мне ближе, чем ты, хотя, ты знаешь, у меня много хороших друзей. Все это не красивые слова, не желание сделать тебе приятно. Все это – плод долгих дней и

разговоров, проведенных с тобой и, самое главное,— многих дел, сделанных с тобой.

Я думаю, что будет довольно глупо, если среди новогодних моих пожеланий будет пожелание, чтобы наши отношения остались прежними. Я думаю, что ты понимаешь, почему это глупо...

Просто я хочу пожелать тебе самого большого счастья. И не только в новом году, а на всю жизнь. Поцелуй Алешу. Твой младший брат".

Из письма Коли ко мне после моей защиты диссертации, 1968 г.

«Моя дорогая сестра.

По некоторым обстоятельствам я не имел возможности поздравить тебя немедленно после твоей защиты. Я полагаю, что это пустое несоблюдение формальности не дает тебе оснований предполагать какое-либо отсутствие внимания с моей стороны.

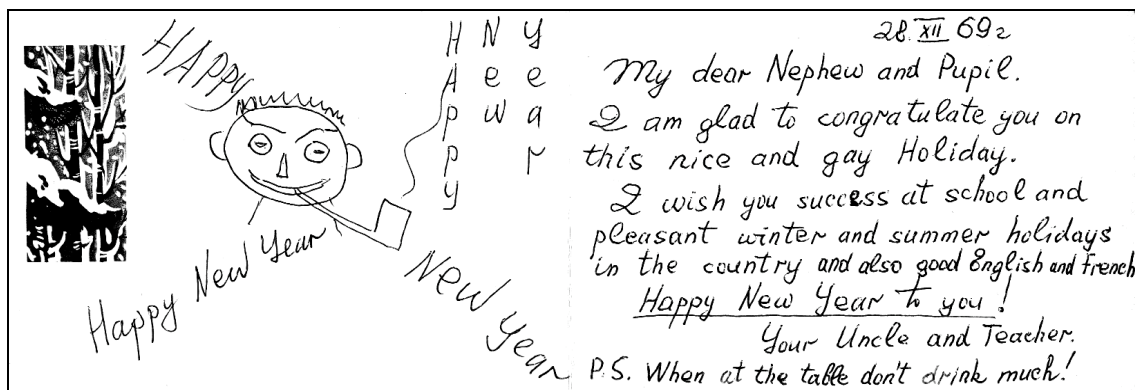
Тем более, что такое поздравление не может выразить те чувства настоящей гордости, искреннего уважения и огромной радости, которые я испытываю по отношению к тебе, к той работе, которую ты столь кропотливо и добросовестно выполнила.

Я желаю тебе, моя милая, еще больших успехов в твоём труде, настоящей радости и удовлетворения от твоей работы, и светлого счастья.

Я бы очень хотел, чтобы на полях науки ты всегда оставалась для меня таким же примером и надежным ориентиром, как и была раньше.

Твой младший брат Николай Визжилин».

*Новогоднее поздравление
брата Коли, присланное Алёше из Ленинграда*

Потом я вышла замуж, родила Алешу, начались разлады с Олегом, закончившиеся разводом. В это время Коля поступил в текстильный институт, наши встречи и разговоры были очень редки, знаю, что он очень переживал по поводу моего развода, т. к. ему нравился Олег и его родители, и он любил Алёшку, к которому иногда приезжал поиграть. Разница в возрасте между ними была такая же, как и между Колей и мной – 13 лет...

После окончания института Коля остался в нем, защитил кандидатскую диссертацию по текстильному машиностроению, получил звание доцента.

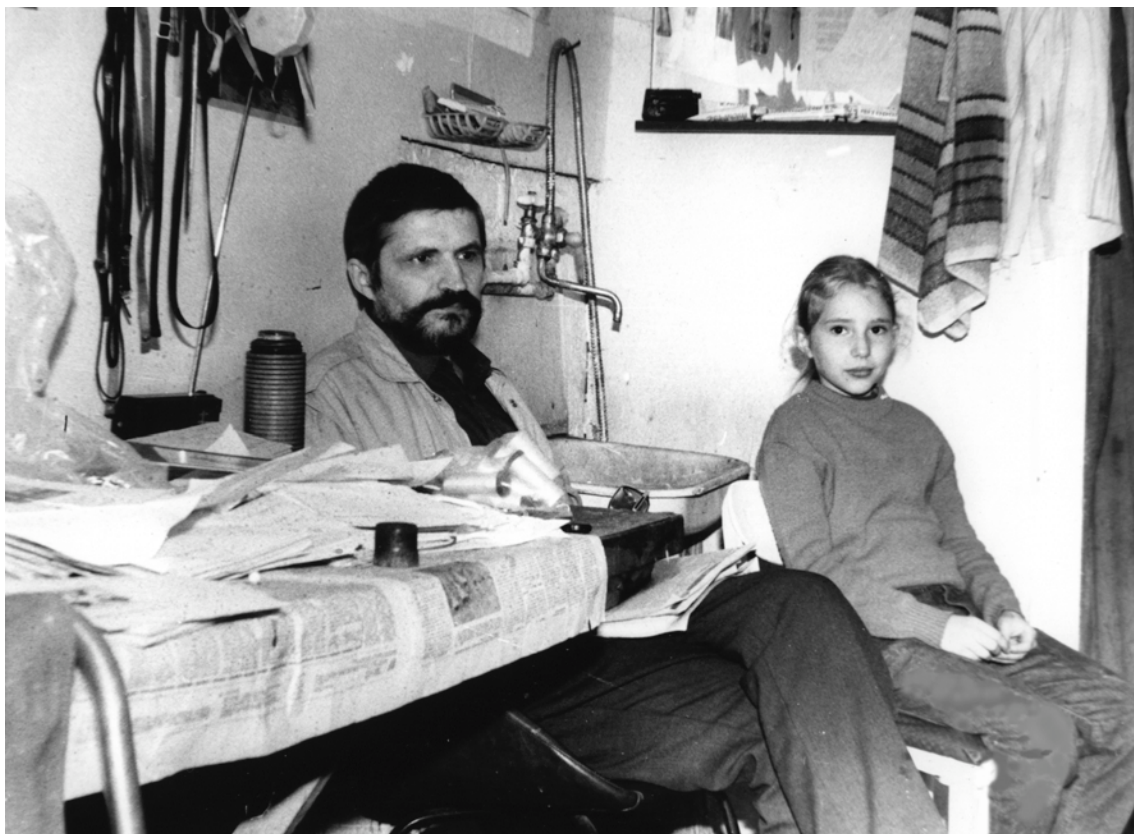
Доцент Николай Николаевич Визжилин нравился студентам, ведь он мог не только просветить их по специальности, но отлично знал историю Москвы, творчество русских художников, писателей, знал архитектуру, умел играть на гитаре... При этом он не только занимательно рассказывал об этом, но и проводил прекрасные экскурсии по Москве. На одной из них была и я – это экскурсия по Якиманке, где прошли мои детские годы. Пересказывать её содержание не буду, многое забылось, но осталось светлое чувство от эмоционального рассказа, в котором для меня было много нового, и гордость за брата.

В 1979 году со своими студентами Коля ездил в ГДР на производственную практику. Рассказывал о своих впечатлениях и о Дрездене, где в каком-то кафе пришлось ждать транспорт. За соседним столиком сидели немцы, пили пиво, громко и резко разговаривали.

Казалось, рассказывал Коля, что вот-вот они встанут, вскинут руки в фашистском приветствии и запоют какой-нибудь немецкий гимн. От этого поначалу было жутковато. Когда Коле надоело все это видеть и слышать, он стал громко разговаривать со студентами. Услышав русскую речь, немцы моментально умолкли.

Еще в институте Коля увлекся изучением культурного наследия России, прочитал множество книг по истории страны, по живописи и архитектуре, стал активно сотрудничать с Обществом охраны памятников истории и культуры и в комиссиях по сохранению исторической Москвы. Тогда же начал печататься в СМИ.

В то время он познакомился со многими художниками, архитекторами, писателями, с некоторыми из которых у него завязалась тесная дружба. Благодаря их совместной деятельности в Москве удалось сохранить многие исторически ценные здания, например, церковь Михаила Архангела на Погодинской улице, дом Шаляпина на Новинском бульваре, усадьбу XVIII века в Мещанских переулках, Школьную улицу.

*Н.Н. Визжилин со своей дочерью Екатериной
в фотолаборатории ростовского кремля*

Среди его друзей художников хорошо помню художника Славу Забелина и архитектора Витю Виноградова. С профессором живописи Забелиным Коля дружил до последних дней его жизни. Слава умер в 2001 году. Они помногу часов проводили в беседах на самые разные темы, очень часто на длительное время ездили в Ростов Великий работать.

Так длилось четверть века. Потеря Славы для Коли была потрясением, от которого он не оправился, по-моему, до сих пор, хотя прошло уже много лет.

Новые друзья предложили Коле совсем новую работу – участие в издании альманаха «Памятники Отечества» и с 1979 года Ник. Ник. стал редактором этого альманаха, о

выходе в свет которого много лет хлопотали лет выдающиеся деятели советской культуры.

Этой работе Коля отдавался полностью, со страстью и радостью. Альманах с первого же номера привлек к себе внимание и обрел своих читателей.

Однако эта работа была связана не только с удовольствием, но и с массой неприятностей и переживаний. Постоянные вызовы «на ковер» к партийному начальству разных уровней, которое никак не понимало, почему в альманахе много места занимают тексты и фотографии храмов и монастырей. Придирки дурацкие, можно сказать безграмотные, изматывали Колю, заставляли сильно нервничать. Это раздражало Колю, ведь, в альманахе, кроме этого, было много материалов, посвященных литературным и художественным памятникам, а также памятным датам, связанным с историей Отечества и др. Обо всех мытарствах, которые выпали на его долю при издании «Памятников Отечества» Ник. Ник. сам подробно написал в своих воспоминаниях «Былое. Повесть странника» (М., 2006)

Мне особенно памятны и по душе номер, посвященный 150-летию со дня гибели А.С. Пушкина, наполненный Интересными материалами и прекрасно художественно оформленный, а также номер, выпущенный к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Над оформлением альманаха Коля работал с художником Валентином Фирсовичем Гореловым, который, в частности, оформлял и другие книги, в частности, посвященные Пушкину. С той поры у меня на полке с книгами Пушкина, стоит рисунок Вали Горелова, выполненный тушью, на котором изображен молодой Пушкин.

Не уверена в хронологии, которую здесь привожу – с датами у меня всегда были трудности, – но для меня главное не она, а те встречи, события и ощущения, которые связывали и связывают меня с Колей.

С удовольствием вспоминаю время, когда он неожиданно приехал ко мне в деревню Крутое. Это случилось 6 сентября 1998 года, на следующий день после печально известного дефолта. Тогда в деревне я жила уже без внуков, они уехали в Америку.

Был тихий теплый вечер, я чем-то занималась в доме. Вдруг в заднюю дверь сеней раздался стук. «Кто там?» – спросила я. «Кто, кто? Конь в пальто», – последовал ответ. Это был Коля. До ночи слушала его печальную повесть о жизни. На другой день сходили в Щелканово на центральную усадьбу нашего колхоза, заплатили за электричество, закупили разных продуктов и немного вина.

Коля пробыл у меня две недели – с 6 по 21 сентября, и мы много разговаривали о жизни, вспоминали разные случаи, разговоры часто прерывались буйным весельем по поводу прекрасных Колиных рассказов о разных эпизодах его жизни, исполненных артистически, с мягким юмором.

Несколько раз мы ходили в лес, собирали редкие уже тогда белые грибы и разговаривали. В одном из таких походов Коля рассказал мне о своем взгляде на декабристов. Он не считал их, как это было принято в нашей истории, предшественниками революционеров, «разбудивших Герцена», а полагал, что были они молодыми, очень образованными, но не слишком зрелыми людьми, которые не ведали, к чему может привести страну их деятельность.

В Крутом Коля перевел пять сонетов Шекспира, эти переводы, записанные его рукой, есть в моей записной книжке.

Вот один из них.

*Не превратят мою любовь в кумир –
Подножье каменного бога.
С тех пор, как славлю мир,
Хвала людская мне убога.*

*Добро я полюбил навечно,
И мои строфы постоянно –
Сегодня, завтра, бесконечно
Красу его вмещают неустанно.*

*Добро, правдивость и краса,
Сливаясь воедино,
Преображают все мои слова
И образуют в сердце круг единый.*

*Все три сокровища, подаренные людям навсегда,
Создали мир – добро, правдивость и краса.*

Этот и еще несколько Колиных переводов сонетов Шекспира – переводов, которые он целиком посвятил мне, опубликованы в его книге «Да исправится молитва моя...» (М., 2002) и размещены сейчас в Интернете.

С моей подачи Коля открыл для себя Сергея Довлатова, рассказы которого я дала ему прочитать. Они ему очень понравились.

По вечерам после ужина, мы играли в карты в «подкидного дурака», продолжая беседовать. Счет игры записывали, Коля почти все время проигрывал и очень этому удивлялся – как это он, такой умный, не может обыграть меня, женщину – существо, по его мнению, менее умное, чем мужчина. Было сыграно, насколько я помню, более 100 партий! Никакой злости, между тем не было, только одни шутки и постоянный смех.

Коле очень понравилось в Крутом – и ширь полей вокруг деревни, и тишина, и покой, и свежий воздух, и на удивление хорошая погода, и доброжелательные жители.

Проводив Колю, я пришла домой и записала в своей записной книжке: «Брат необыкновенно талантлив и умен, хоть и не слишком гибок во взаимоотношениях со своей семьей, оттого ему и бывает так тяжело со своими домочадцами. Хочется надеяться, что когда-нибудь это поправится».

Помню, как Коля вместе с коллективом редакции альманаха переехал в особняк на Тверском бульваре, с каким рвением отдавался приведению в порядок этого сильно побитого временем здания, его капитальным ремонтом, реставрацией и художественным оформлением всех его комнат. В результате получился замечательный уютный двухэтажный дом, где собирались друзья-единомышленники, авторы альманаха, куда приезжали многие писатели и художники. Накануне августа 1991 года Коля был вынужден уйти из редакции альманаха, «править бал» там стали какие-то посторонние люди. Дальнейшая судьба особняка печальна: в 2004 году его отобрали у редакции, а затем снесли. Сейчас он восстановлен, конечно, не в прежнем виде, только, кто его арендует и кому он принадлежит – неизвестно...

После 1991 года Коля продолжил редакционно-издательскую и журналистскую работу в разных издательствах, в

том числе в издательстве Московской Патриархии, публиковался в СМИ у нас в стране и за рубежом, написал и издал четыре свои книги: «Ростов Великий. Историческое эссе», «Да исправится молитва моя...», «Былое. Повесть странни-

Академик МАИ Н.Н. Визжилин

ка», «Ростов Великий в истории Отечества». Он член Союза журналистов г. Москвы.

По совокупности опубликованных трудов в 1996 году он был избран академиком Международной Академии Информатизации по отделению русско-славянского искусства.

В Коле меня всегда поражала и восхищала его способность переключаться с одного дела на другое, умение начать и профессионально освоить что-то новое. Так, решив освоить

английский язык, он поступил на вечерние курсы и за полтора-два года освоил язык настолько, что был приглашен переводчиком сопровождать по нашей стране гостей АН СССР, в частности, президента союза познавательных обществ США – важную персону. Ездил с ними в Ленинград, Ташкент, Киев и другие города.

Коля еще освоил непростое дело реставрации старинной мебели и время от времени занимается этим, приводя в порядок старую приобретенную им в антикварных магазинах мебель, превращая ее в произведения искусства.

Решив совершенствовать свое тело, Коля усиленно занимался контактным каратэ, бегом, играл в теннис, сделался стройным и красивым (впрочем, красив он был всегда, красив и теперь, несмотря на возраст и лишние килограммы).

Получив инженерную специальность, он полностью переключился на совершенно другую область деятельности – не только стал профессиональным редактором и литератором, хорошо знающим историю России, но и освоил почти все профессии, связанные с редакционно-издательским и типографским делом.

1990-е годы были печальными для нашей страны. Многие специалисты, в том числе и известные деятели культуры, часто оказывались без средств к существованию. Вот и Коле перед уходом на пенсию пришлось два года работать сторожем.

Однако сейчас он по-прежнему активно занимается творчеством: издал написанную им во время сторожевой службы книгу «Былое», постоянно ездит работать в Ростов, закончил и издал большую книгу об этом городе, много времени уделяет рукоделию, столярничает. Этому мы с Олей очень рады, так как нерадостный период его последней работы ухудшил Колино здоровье и часто вызывал у него приступы хандры и депрессии.

Еще бы! Я представляю, как ему, творческому человеку, профессиональному журналисту со степенями и званиями, было тяжело сутками высиживать в полутемной комнате без окон, занимаясь проверкой пропусков у входящих и выходящих посетителей. Надеюсь, что впереди у него еще много любимой работы и новых книг.

Мой сын Алёша

В возрасте 18–19 лет я временами стала задумываться о замужестве, о семье... В мечтах хотелось иметь большую семью, хотя бы трёх детей, лучше – больше!

Но жизнь сложилась совсем не так, как думалось. Замуж я вышла довольно поздно, после окончания Университета, в декабре 1958 года в 26 лет. И ребёнок родился только один.

Беременность проходила не очень легко, зато ребёнок рос не по дням, а по часам. Примерно за две недели до родов в женской консультации Первой градской больницы, где я наблюдалась, врач, взвесив меня в очередной раз, посоветовал мне есть поменьше, слишком крупный для моего сложения ребенок растёт, трудно будет рожать... Это меня огорчило, т. к. есть хотелось всё время. На очередной прогулке с Юрием Александровичем сказала ему об этом предписании врача, на что Ю. А. посоветовал не обращать внимания на этот совет, так как скоро роды, и мне потребуется много сил. Так я и сделала.

Роды прошли благополучно, продолжались около 12 часов, пришлось помучиться. 20 января 1959 года появился на свет мальчик, событие невероятно радостное для меня, потому что именно мальчика и хотела! Он оказался, как и предсказывал врач, действительно большим – рост 53 см, объём головы 52 см, вес 4 кг 70 г, это при моём росте 150 см. Ребёнка похлопали, он закричал громко и довольно низким голосом, его показали мне, я удивилась, увидев на головке длинные черные волосы, и унесли в комнату для младенцев. Меня вскоре отвезли в палату, где лежала недавно привезенная женщина, как оказалась, моя хорошая знакомая, Нелли Фадеева, – мы вместе учились в школе. Несколько дней спустя она родила двойню – двух крошечных мальчишек, каждый весом чуть больше килограмма.

Замечательно отреагировал Олег на моё сообщение по телефону о размерах сына. С изумлением и некоторым

ужасом в голосе спросил, узнав о размере головы: «В диаметре!!?»».

На следующий день Лёшку принесли кормить. Он сразу взял грудь и стал активно сосать, а я почувствовала, что у меня слабеют руки и, я могу его уронить.

С трудом дала знать об этом Нелли, она вызвала сестру, Лёшу унесли, что ему явно не понравилось – он стал кричать,

Алеше – 2 года

требуя молока. За большой вес и громкий голос в роддоме Алёшку звали «генералом».

В качестве вознаграждения за сына Олег прислал мне кактус – с цветами в январе тогда были трудности, попросту говоря, их тогда не продавали.

Наконец, меня с Лёшкой выписали из роддома, нас встретили Олег, моя мама и брат Коля и отвезли на машине домой, на Ленинский проспект д. 13, где у нас с Олегом была маленькая узкая комнатка.

С января 1959 года начался годичный отпуск «по уходу за ребёнком» – удивительно приятное, светлое, радостное

время. Какое наслаждение было пеленать, кормить, целовать его плотненькое тельце, ручки и ножки в перетяжках, осторожно постригать нежные, маленькие, красивые ноготочки, наблюдать за улыбкой, появляющейся на его мордашке! Заботы были приятные – во-время покормить (по часам), помыть, перепеленать, погулять. Пеленая, оставляла ему открытыми ручки, на которые надевала специально сшитые мной варежки, чтобы он не мог себя оцарапать. Вообще к рождению ребенка нашла ему разных распашонок, чепчиков и «слюнявчиков», вышивала на них гладью птичек, цветочки и пр. Взвешивая сына каждую неделю на специально купленных весах, вела запись изменения веса и роста, которую сохранила до сих пор.

Здесь часть этих записей.

Дата	Вес	Рост
20.01.59	4070 г	53 см
04.02.59	4420 г	
12.02.59	4680 г	
20.02.59 (1 месяц)	4840 г	
12.02.59	4840 г	
20.03.59 (2 месяца)	6000 г	62 см
20.04.59 (3 месяца)	6650 г	
20.05.59 (4 месяца)	7222 г	
20.06.59 (5 месяцев)	7860 г	72 см
20.07.59 (6 месяцев)	9690 г	
20.10.59	10300 г	79 см
20.11.59	10380 г	
20.01.60 (1 год)	10000 г	
5 лет 8 мес.	19 кг	150 см
12 лет		
14 лет		

Было радостно видеть, как быстро Алешка растет и развивается, реагирует на голос, что-то «гулькает». Записывала я и его реакцию на игрушки, и появление зубов, и умение сидеть, и всякие забавные истории.

8.03.59 – Второй день играет погремушкой, подвешенной над кроваткой – ударит ручкой и смотрит. Первые игрушки,

на которые он реагировал – медведь и лебедь. В мае он берет игрушки в ручки и улыбается.

В июле – сидит без поддержки.

Первый зубик – нижний правый резец – прорезался в 6 месяцев, к году их стало 16...

Июнь 1961. Леша толкает Настю и приговаривает – «Иди в песок». На вопрос: «Что ты делаешь с Настей?» – отвечает: – «Я ее в песок загоняю».

Увидел трясогузку, спросил, как она называется. Сева и Миша тотчас принялись импровизировать – трясопузка, трясолешка, трясопина... Леша подумал, засмеялся и сказал – Трясонастя...

Корова «бычит»...

Ноябрь 1961 – «Хочу поехать на этом лошади»; «Мама, до свиданья, не забудь надеть перчатки». Олег долго не отвечал на какой-то Лешин вопрос, «Папа, когда с тобой говорят, нужно отвечать».

Леша: «Папа, мы поедem к Лизочке?» – Олег: «К нижечке, К лижечке...» – Леша: «Мы поедem к ЛИЗАВЕТЕ?»

Зима 1962 – Вверх КАРМАШКАМИ. Насте: «Уходи, нехорошая женщина!»

Февраль 1963 – научился говорить букву «р»...

Я с гордостью возила Лешку в коляске на прогулку в Нескучный сад и по тихой Донской улице.

Серьезные заботы возникли, когда Лёше было около года. Начался диатез, ножки, ручки, попка, а позже и лицо покрывались красной сыпью, которая вызывала зуд и беспокойство, он стал плохо есть, капризничать, плохо спать и плакать по ночам. А сыпь начинала мокнуть и образовывать корку. На что была реакция, не ясно до сих пор. Моя мама и Наталия Павловна вызывали разных врачей, которые давали разные советы, сводившиеся к тому, что из диеты надо убрать то одно, то другое. В один отнюдь не приятный день я пришла с работы, и мама вынесла мне вялого, измученного зудом, покрытого мокнущей коростой Алёшку и стала что-то говорить об очередном враче. Это было невыносимо, я взбунтовалась против врачей, которые никак не помогли моему мальчику, и сказала, что никаких врачей больше не надо, буду лечить его сама. Лечение продолжалось несколько месяцев и заключалось в том, что я посадила его на голодную диету, давала каши, сваренные на растительных отварах, да иногда понемногу собственное

молоко. Лёша стал поправляться – исчезла короста, стала постепенно исчезать сыпь и вместе с ней зуд. К сожалению, за время лечения он сильно похудел, на фотографии, сделанной в это время, сидит худенький, глазастый мальчик со светлыми волосами, которому чуть больше года. К тому времени чёрные волосы, бывшие у него при рождении, сменились мягкими светлыми.

Месяцев в пять Лёшка стал садиться, а потом и вставать в кроватке, подтягиваясь на ручках за её спинки. Дальше – больше, началось хождение по кроватке, потом ползание по полу и хождение за ручку. Чтобы облегчить ему этот процесс, приобрели так называемые «ходунки» – трусики, прикрепленные к квадратной раме на колесиках. И тут он попытался бегать, почувствовав устойчивость.

Но опыт оказался неудачным, Лёшка всё время падал, цепляясь колесиками за все, что хоть сколько-нибудь выступало, от «ходунков» пришлось отказаться. И вот, наконец, он пошёл сам. Это произошло 20 января 1960 года, когда ему исполнился ровно год. В тот день приезжали гости, и, конечно, моя Иришка с мужем, Валей Чанышевым, который профессионально занимался фотографией, он сделал несколько снимков, где Лёша запечатлен самостоятельно стоящим, купающимся и т. д.

К этому времени мы уже показывали Алёшке детские книжки с картинками, учили различать разных зверюшек, находить на картинках дома, машинки, девочек и мальчиков и т. д. Учили, и не без успеха, говорить простые слова – «мама», «папа», «дай» и т.п.

Летом в течение шести лет ездили летом на дачу в Зеленоградскую. Когда Лёша был совсем маленький, а я уже вышла на работу, у него была няня, женщина средних лет, она ездила тогда и на дачу. Потом Алёшу опекали Наталия Павловна и домработница Маруся, вырастившая всех детей Наталии Павловны и Юрия Александровича. Я ездила к Алёше каждый день, он очень не любил, когда я уезжала, плакал, потом, конечно, успокаивался и прекрасно играл на участке. Часто забирался куда-нибудь в кусты и не откликался на зов. Однажды Маруся, не найдя его, позвала его не как обычно: «Лёша, где ты? », а сказала: «Лёша, иди сюда, я тебе что-то дам...»,

Лёшка тут же вылез из кустов со словами: «Маруся, что ты мне даёшь?»

Часто ходила с Лёшей в лес или по улице до железной дороги, где ждали поездов и, провожая их, с удовольствием махали вслед рукой. Дедушка, Ю. А., приезжая на дачу, любил катать внуков на тележке, показывал мальчикам разные инструменты, что-то рассказывал им.

Ездили на дачу и зимой, благо в доме было две печки, и неизменная дорогая Маруся. Вечерами иногда ходили в лес, причём Лёшка шел по заснеженной дороге впереди без страха и сомнения. Олег однажды соорудил из снега целую крепость со входами и выходами, окнами, бойницами и траншеями, где ребята целыми днями с удовольствием играли.

Сын вообще рос довольно спокойным, любил самостоятельно часами играть с какой-нибудь машинкой, гулять. Когда он немного подрос, стала иногда возить его в Главный Ботанический сад, на территории которого тогда работала, осенью ему особенно нравилась валяться в кучах палой листвы, а зимой – в сугробах.

После года Алёша довольно быстро заговорил, любил, сидя у меня на руках, тихонечко постукивать пальчиком по моей щеке: – Ах ты, мой черноглазенький! – Когда-то я ему так сказала.

Лет с пяти Лёша уже мог читать самостоятельно, делал это с удовольствием, даже когда это ему не разрешалось, в частности, в постели перед сном. Однажды довольно поздно, когда Лёшка по моим представлениям должен был видеть уже не первый сон, я увидела полоску света под дверью его комнаты, вошла и обнаружила, что он читает, поставив лампу на кровать и накрывшись одеялом.

Когда мы переехали в 1964 году на улицу Новаторов, Лёша часто один гулял под окнами во дворе, благо машин тогда на улице почти не было. Время от времени я смотрела за ним в окно, когда наступало время, звала его домой, и он поднимался по лестнице на пятый этаж. Ездили мы и на Ленинский проспект к Олегу, бабушке Тате и дедушке Юре, ездили и на Можайку, к моим родителям. Помню один забавный случай, когда мама, как всегда, очень обрадовалась и кинулась целовать Лёшку, а он вдруг отстранился и произнес серьезно: «Мужчинам не к лицу целоваться!» Потом он говорил, и весьма решительно, моим родителям, приходя в их дом: «Дедушка и бабушка! Только не целоваться».

Я работала, и надо было как-то определяться с Лёшей, не оставлять же его одного дома, ведь ему было всего 5 лет. Решила определить его в детсад Академии наук, который находился на Ленинском проспекте за зданием Транспортного агентства.

Это было тягостное время – он никак не хотел туда ходить, почти каждый день, отправляясь туда, плакал, ждал меня в конце дня на лестничной площадке у дверей детской комнаты, вцепившись ручками в перила. Пришлось очень скоро прекратить это мучение и с помощью Наталии Павловны Лёша попал в частную группу, в доме, где жили Орловы. Туда же ходила и Лёшина двоюродная сестра Лиза. С ребятами занималась милая пожилая пенсионерка, бывшая учительница, Нина Павловна. Она читала им, играла с ними, водила гулять в парк. Лёшке в группе нравилось. Там же ребята обедали и полдничали, ели то, что привозили утром родители. Олег сделал фанерный ящичек для перевозки еды, он состоял из трёх отделений – две полочки для первого и второго блюда и отделение для третьего – киселя, компота и т. п.

Каждое утро, взяв с собой еду в ящичке, мы отправлялись с Лёшей в группу. Район, где мы жили, был новый, автобусы ходили редко и бывали здорово переполнены, иногда из-за тесноты ящичек раскрывался, содержимое проливалось.

Тогда я звонила Наталии Павловне, она что-нибудь готовила и относила Лёше на обед.

Входя в автобус, Лёшка немедленно начинал искать надпись о стоимости билета, провоза багажа и штрафа за несоблюдения правил. Она была написана либо просто на стенке автобуса, либо на специально прибитой дощечке.

Найдя её, Лёша с удовлетворением констатировал, что она «прибита», или огорчался, если она была всего лишь написана на стенке. По дороге, если удавалось сесть, он называл буквы на вывесках, а позже стал складывать из них слова.

Когда Алёша подрос, несколько раз я устраивала для него «Детские праздники». Предварительно детям и их родителям рассылались специально сделанные, напечатанные на машинке и как-то раскрашенные билеты, в которых сообщались дата и программа праздника. В программе были конкурсы на лучший рисунок или карикатуру, исполнение стихов и песен. Позже, когда ребята уже начали учиться,

были конкурсы сочинений на заданную тему. Каждый раз конкурсы были разные. До сих пор у меня хранятся рисунки, карикатуры и сочинения с этих праздников.

Некоторые из них есть в этих записках. После рассмотрения работ и их обсуждения специальное жюри из родителей торжественно объявляло результаты и вручало призы победителям – книжки или игрушки, конфеты.

Алеше – 7 лет

Иногда через кинопроектор показывали ребятам какой-нибудь фильм. Хорошо помню, да и ребята, наверное, помнят фильм Чарли Чаплина «Малыш». Потом было вкусное угощение. Праздники проходили весело и дети – двоюродные братья и сестры, а также Лешины друзья – с удовольствием к ним готовились.

С 1967 по 1970 г. лето мы проводили в деревне Васюсино (Нью Васюки), стоявшей на высоком берегу Большой Волги, между Калязиным и Угличем. Места роскошные – большой лесной массив и прекрасный сосновый бор с высоченными строевыми соснами, в лесу полно грибов и черники, широченная Волга с чистой водой. В этой деревне удалось

снять у двух стариков крошечное крылечко, под крышей. В нем слева была лестница, справа от неё небольшая площадка, на которой стояла кровать и маленькая тумбочка. На ночь на верхнюю ступеньку лестницы и на козлы, поставленные внизу, накладывалась широкая доска (по-видимому, бывшая дверь), на которой спал Алёшка. Почти ежедневно ходили в лес, Алёша азартно собирал грибы, особенно радовался, когда находил белый, ел в лесу с куста чернику, с любопытством разглядывал змей, которые почти всегда встречались в одном и том же месте. Иногда катались на лодке. Лёша подолгу лежал на берегу в «дозоре», взяв в руки палку-«ружьё» и завернувшись в большой старый прорезиненный коричневый плащ... Однажды совершили пеший поход в Углич, ночевали в палатке, и Лёшке это понравилось.

Перед отъездом в Москву всякий раз ходили прощаться с лесом. Однажды, отправившись туда перед отъездом, нашли место, где росло большое количество маленьких свеженьких маслят, росших «ведьмиными кольцами», Быстро набрали корзину и пошли в деревню их обрабатывать. Обрабатывали – очищали от пленок и мариновали - далеко за полночь, зато привезли в Москву 10-литровый бидон маринованных отборных малюсеньких, размером с двух и трехкопеечные монеты, маслят! Ни до, ни после этого случая мне ни разу не удавалось находить на одном месте столько маслят, да еще в кольцах.

В сентябре 1966 года Алёша пошел в первый класс. Школа, где он учился, была рядом с домом, учёба в начальной школе давалась легко, оценки по всем предметам были 4 или 5. Очень часто приезжал к нам мой папа – «дедушка Коля» – и помогал, если что-то Алеше было не ясно.

Небольшие проблемы начались класса с 5-го, когда вместо одной учительницы, спокойной и доброжелательной Нины Георгиевны, появилось несколько учителей-предметников. Главное, что из-за не очень грамотных или просто равнодушных к предмету или детям учителей, вера в непогрешимость учителя была поколеблена.

Так, на уроке литературы и русского языка учительница, она же – классный руководитель – назвала автором стихотворения «Белеет парус одинокий» А.С. Пушкина. Лёша поднял руку и сказал, что это стихотворение написал

М.Ю. Лермонтов, а не Пушкин. Ещё пару раз он поправил эту учительницу, и отношения с ней были испорчены – она не могла простить ему этого. Однажды вызвала меня в школу и сказала, что Лёша ведет себя нескромно, позволяет себе делать ей замечания, и произнесла фразу, ошеломившую меня: «Он слишком много знает!» – «Разве это плохо?!» – ответила я.

Несколько лет до школы и в первых классах по настоянию бабушки Таты Лёшу обучали французскому языку. Одна из учительниц, выпускница Смольного института, Зинаида Константиновна, очень интеллигентная высокая пожилая дама, приезжала на урок к нам на улицу Новаторов, она находила у Лёши несомненные способности к языку, он же не проявлял в учёбе особого рвения. Однако до сих пор помнит какие-то французские слова и может прочесть несложные фразы.

По картинкам в детской книжке я пыталась научить Алёшу простым английским словам – стол, стул, мышка, заяц и т.п. Все слова с неопределённым артиклем «а». Попросила повторить. Он быстро правильно назвал много предметов, дошёл до изображения крысы, на миг задумался и радостно произнес: «а крыс!»

Начиная с 6-го класса, Лёша сидел дома один, мой папа больше к нему ездить не мог из-за болезни. Лёша приходил домой, разогревал обед, ел и должен был делать уроки. Мои воспитательные функции сводились к тому, что я периодически звонила ему с работы, спрашивала, все ли в порядке, пообедал ли, какие успехи в школе, начал ли делать уроки. Практически всегда получала положительные ответы на свои вопросы. Только вечером, когда я, усталая и иногда раздраженная, появлялась дома, начиналось какое-то короткое общение, проверка уроков и т.п.

Иногда к Лёше, якобы помогать в учёбе, приезжал «дядя Коля», мой младший брат. Они, конечно же, не столько занимались уроками, сколько радостно на свободе балбесничали. Однажды, шутя, устроили потасовку, стали кидаться подушками и разбили окно. Сразу весь пыл борьбы пропал, стали думать, что делать. Собрались и поехали за стеклом в хозяйственный магазин «1000 мелочей» на Ленинский проспект. Привезли стекло домой, стали вставлять, оно снова треснуло... Снова съездили, купили, вставили, но не очень хорошо, т.к. оно стало дребезжать при

малейшем сотрясении, вызывая у меня удивление. Только спустя много времени Коля объяснил причину этой «странности» и рассказал мне эту историю.

Класса с 7-го или 8-го домой к Лёше стали приходить его школьные товарищи – Андрей Братусь, Коля Барковский (сосед по лестничной площадке), какие-то девочки, из них помню только Таню Карманову, ей, как мне казалось, нравился Лёшка.

Чем они занимались днём, было мне неизвестно, но, похоже, что не уроками.

Лёшка отрастил длинные до плеч волосы, причем не было никакой возможности уговорить его постричься, стал учиться играть на гитаре, часто уезжал в компанию Лизы, вел практически бесконтрольную жизнь.

Отношение к учебе изменилось, в дневнике стали часто появляться тройки и двойки, иногда даже за поведение. Мои разговоры и внушения не достигали цели. «Всё равно, – говорил Лёша, – из школы меня выпустят, плохие оценки и низкий средний балл – ерунда...» Всё это, конечно, меня беспокоило, мне хотелось, чтобы сын хорошо закончил школу и пошел учиться дальше – в институт.

Однако откровенных душевных разговоров становилось все меньше, хотя я была уверена, что Лёша остаётся таким же добрым, ласковым сыном и хорошим человеком.

Однажды Лёша спросил меня, нельзя ли нарисовать на обоях берёзку на месте, где было какое-то пятно. Подумав, я разрешила. Через несколько дней просьба повторилась, и я снова разрешила. А потом, уже не спрашивая разрешения, Алёша вместе с Анрюшкой Братусём разрисовали все стены гуашью, причем неудавшиеся рисунки они замазывали зубной пастой. А на стенах чего только не было – солнце, деревья, какие-то физиономии, звери, птица Буревестник с маленьким толстеньким тельцем и крошечными ангельскими крылышками, был там и Иисус и коллажи – Лёшины и Андрюхины физиономии, приклеенные к каким-то дядям во фраках и т. д. Так что, когда спустя несколько лет стала делать ремонт, то с трудом отдирала намертво прилипшие к стенам обои.

В течение нескольких лет – после 5-го, 6-го и 7-го классов – во время моего отпуска, продолжавшегося 1,5–2 месяца, Алёша отдыхал со мной в деревне Малинники, где в 1970 году был куплен дом. Деревня, где не раз гостил А.С.

Пушкин в имении Осиповой-Вульф, расположена между Старицей и Берновым (Тверская губерния).

Места благословенные – кругом леса, поля, в деревне маленькая деревянная часовенка, недалеко от нашей избы – ключ с прозрачной и вкусной водой, куда, как говорили, ходил и Пушкин, рядом с деревней небольшая, неглубокая, но очень чистая речка Тьма. Там в омуте мы купались, там же Лёша ловил рыбу – плотву, окуньков, ершей, голавликов.

Дом в Малинниках – это деревенская изба с сенями и небольшим крыльцом без двери, но под навесом, где я готовила на керогазе. Трапезничали за столом, стоявшим на улице перед крыльцом. К сеням был пристроен довольно обширный скотный двор, где когда-то держали корову и кур, там же – туалет – небольшая кабинка с дверью, которая не запиралась и куда проходили по узенькому мостику из сеней. В один из первых дней, пока я занималась уборкой и чисткой дома, приводила его в порядок, вдруг куда-то исчез Лёша. Оказалось, что он соорудил шлагбаум на мостике перед туалетом. При опускании шлагбаума на кружочке, прибитом к нему, виднелась надпись: «Занято».

Дом стоял на краю деревни, отгороженный от деревни высоким земляным откосом, поросшим травой, он был предпоследним в ряду. За домом – огородик, где на двух-трёх грядках я выращивала зелень, морковь и свеклу.

И снова, как в Васюках, начались многочасовые походы по лесам за черникой и малиной, которая росла всюду, недаром деревня называлась Малинники, и, конечно, за грибами, среди которых преобладали белые. В Малинниках однажды был небывалый урожай шампиньонов, которые росли всюду, особенно на лугах, где пасли скот – тогда в деревне еще было немало коров. В течение нескольких дней мы собирали шампиньоны большими корзинами, выбирая только мелкие экземпляры. Я жарила их, варила супы и готовила очень вкусные жюльены со сметаной и сыром. Кроме грибов и малины на вырубках росло огромное количество земляники – один раз мы набрали десятилитровое ведро! Так что в Москву, кроме сушеных, соленых и маринованных грибов, привозили много разного варенья.

Обнаружилось, что Алёша неплохо ориентируется в лесу.

Ходили и на место бывшей усадьбы Вульф, ездили в Берново в Пушкинский музей и в Старицу – милый маленький

Татяна Александровна Орлова (Плевако)

старинный городок. Показали нам омут и место, где когда-то стояла мельница, описанная Пушкиным.

Уже в первый год и позже перед домом и на откосе посадили несколько рябин, берез и елок, принесенных из леса.

Познакомились и подружились с соседями. В основном это были пожилые женщины или вовсе старушки. К одним из них раз в неделю ходили в баню, иногда отправлялись в магазин за хлебом, сметаной, крупой и пр. в соседнюю деревню, Крутцы, т.к. в Малинниках не было магазина – слишком мало в деревне жило людей. Молоко и картошку покупали в деревне. Познакомились и подружились с некоторыми соседями. Жилось славно.

Недостатком всего этого великолепия была долгая дорога с двумя пересадками: сначала электричкой до Калинина, потом автобусом до Старицы, где снова пересаживались на автобус, ехавший до Бернова. Он-то и привозил нас в Малинники. Дорога лежала в 200–300 метрах от деревни, поэтому рюкзаки и сумки приходилось до дома тащить на себе. Это путешествие занимало почти целый день. После того, как в 1976 году была куплена машина «Жигули», добираться до деревни стало намного проще, веселей и быстрее – примерно 4 часа. Часть лета Лёша, которому исполнилось уже 17 лет, проводил в Зеленоградской или в Москве, после 8-го класса был с Олегом на Дальнем Востоке, на острове Путятин.

Как-то летом Алёша и Андрей Братусь на 3–4 дня ездили на велосипедах по местам боёв под Москвой. Как выяснилось много позже, когда Лёша сам стал отцом, что они ездили гораздо дальше, например, в Калужскую область под Юхнов, где во время войны шли жестокие бои. Доезжали на электричке до Калуги, а дальше на велосипедах ехали по заранее намеченному маршруту. Мне же об этом не говорили, чтобы я не волновалась и не запретила такие поездки. Должна признать, что основания для этих опасений, к сожалению, были.

Из этих походов ребята привозили не только какие-то сведения о боях, но, обследовав траншеи, воронки и блиндажи, везли пробитые осколками наши и немецкие каски, котелки, патроны.

Вообще уже тогда Алёша стал интересоваться историей прошедшей войны, читал воспоминания наших полководцев.

Этот интерес сохранился у него до сих пор (2007 г.), теперь на полке у него в американском доме много книг о войне не только ее участников, героев, но и историков, и немецких военачальников, и не только на русском языке.

Всякий раз, когда ребята собирались в очередную «военную» экспедицию, просила Алёшу писать мне с дороги каждый день хоть несколько строк, чтобы я знала, что у него всё в порядке, и давала ему открытки с нашим адресом. Один раз под рукой оказались только поздравительные открытки, посвященные 8 марта. И почти каждый день Лёшка радостно присылал мне поздравления с 8 марта и краткими сведениями о себе, что выглядело достаточно забавно – ведь было лето.

Кончилась, наконец, школа. Аттестат у Лёшки был весьма посредственный, много троек, соответственно низкий средний балл.

Куда дальше? Когда он учился в старших классах, речь часто заходила о биологии, но после школы Лёша заявил, что «хватит биологов в нашей семье» и решил поступать на Физфак МГУ. Я не верила, что он сможет туда поступить. Однако, сдав вступительные экзамены с одной тройкой по математике, летом 1976 года он был зачислен на Физфак – дело в том, что там был низкий проходной балл.

После экзаменов Алёша отправился на месяц в стройотряд на нашу Биостанцию на Белое море к Николаю Андреевичу Перцову. Надеюсь, что эта поездка была ему на пользу.

Неожиданная легкость поступления в МГУ и простое юношеское легкомыслие привели к тому, что в первом полугодии Лёшка почти не занимался, «валял дурака». Дело кончилось тем, что он после очередного провала на зачете по математике пришел домой и объявил, что подал заявление об уходе с физфака, т. к. математику он все равно сдать не сможет. «И что ты собираешься делать!?» – «Пойду поработаю в какой-нибудь конторе, я тут присмотрел недалеко, у метро «Калужская», а потом пойду служить в армию». Эта новость была для меня полной и убийственной неожиданностью, тем более, что в это время я работала заместителем декана по учебной работе на Биофаке и делала все, чтобы ребята хорошо учились. Было до слез обидно, что прозевала, иначе не назовешь, собственного сына, занимаясь чужими детьми. Поделилась своим горем с начальниками курсов Биофака, которые тогда работали со мной. Один из

них – Станислав Васильевич Куст, бывший военный летчик, посоветовал отправить Лёшу в военкомат, чтобы он там записался на подготовительные курсы призывников для получения какой-либо военной специальности. Кроме того, эти курсы давали отсрочку от армии до осени, можно было снова попытаться поступить в какой-нибудь ВУЗ. Лёша сходил в военкомат и записался на курсы радиотелеграфистов, куда стал ходить раза три в неделю.

Относительно поступления Лёшки на работу в какую-то контору я категорически воспротивилась и с помощью Олега Лёша устроился на работу на большой завод «Красный пролетарий». Работа там, конечно, Лёшке не понравилась – он был «мальчиком на побегушках», т. к. учить его не стали ничему, уверенные в том, что весной он загремит в армию. Поработал он так до июня, потом уволился и стал готовиться снова к поступлению на Физфак МГУ(!). Предложила ему заниматься с репетиторами, но он категорически отказался. И стал интенсивно готовиться сам. Как не странно, снова сдал экзамены с одной тройкой и снова поступил!

Но теперь уже мне не надо было все время напоминать ему, что надо заниматься, он стал активно учиться, и даже как-то я услышала, что он по телефону объяснял кому-то из сокурсников, как надо решать какую-то задачу. Мои волнения окончательно прекратились, когда Лёша благополучно сдал первую сессию. Тогда же на первом курсе он вошел в агитбригаду Физфака и сходил в один зимний агитпоход в Надым. На этом его активная общественная деятельность и завершилась.

На третьем курсе Лёша поступил на кафедру низких температур. Контролировать и помогать ему в учебе я не могла, т. к. в его предметах совсем ничего не понимала. Насколько я помню, ему иногда помогал Олег. Однажды попросила Лёшу, чтобы он объяснил, что такое эти низкие температуры. Он подумал и сказал, что все равно вряд ли я пойму, что это просто «ну, очень низкие температуры». Этим и закончились мои попытки понять, чем занимается сын.

На Физфаке Алёша встретил девушку, Таню Плевако, которая в декабре 1982 года стала его женой. Меня в свои отношения с ней Лёша не посвящал, только я видела, что он серьезно влюблен: после учёбы часто ездил к ней на Преображенку (в другой конец Москвы), и возвращался позд-

но ночью с последним поездом метро, ходил с ней в концерты и кино, дарил цветы, писал письма.

Тогда же, чтобы иметь больше карманных денег, Лёша самостоятельно устроился на работу дворником, лишних денег у меня не было, и он получал от меня лишь на дорогу, на обед и на кино. Проработал одну зиму, вставал очень рано, шел разгрести снег, чистить дорогу и тротуары и т.п. Проявлял мужской характер.

После 5-го курса, летом 1982 года Лёша с Таней в большой компании, где были Юрик Орлов, Серёжа и Таня Ребрики и еще какие-то ребята, отправились в байдарочный поход на Урал. Ожидала их к определённому сроку, но они не появились к этому времени, и в течение нескольких дней после этого от них не было никаких вестей. Надо ли объяснять, в какое волнение это меня привело! Подняла на ноги родителей Ребриков, Александра Николаевича, Таниного папу, взбудоражила всех. Стали думать и пытаться как-то выяснить, что случилось, куда девались ребята. Тут они и вернулись, объяснив, что ничего страшного не произошло, просто небольшая заминка. Долгое время немного издевательски поминали мне мои неудачные попытки выяснить их судьбу и способность всех поставить на уши.

После этого похода произошел какой-то разлад между Лёшей и Таней. Я чувствовала, что он переживает, даже страдает от этого. На мои расспросы отвечал неохотно и туманно. До сих пор не знаю, что там произошло. Подозреваю, что в походе Лёша был недостаточно ловок и отважен, ведь это был его первый такой поход на байдарке по реке с порогами. Да и вообще, к сожалению, Лёша спортом занимался мало – лыжи в детстве и велосипед в школе – вот, пожалуй, и всё. Упрекаю в этом себя: наверное, это от того, что сама была совсем неспортивным человеком, лишь играла для удовольствия в волейбол.

Летом 1983 года, когда в семье Лёши ожидали рождения ребёнка, я ездила в обменную практику, сначала со студентами из ЧССР на Байкал, а потом с нашими студентами в Чехословакию. Когда я вернулась, меня на Киевском вокзале встретил Лёша и сообщил, что у него родилась дочка, назвали Дашей. Лёшка стал отцом! Вот это радость! Громко возвестила об этом своих студентов, попрыгала, обняла и поздравила Алёшу.

Таня за игрой на пианино в своем доме в США

Сначала ребята жили у меня на ул. Новаторов. Приятно было наблюдать, как Лёша возится с дочкой, носит её на руках, помогает купать, укладывает рядом с собой – Большой папа и Малюсенькая дочка. Потом они стали жить на Преображенке у Таниного отца. В 1984 году я купила однокомнатную квартиру в Раменках и Лёшина семья вновь переехала в мою квартиру на ул. Новаторов.

После женитьбы наши контакты с Лешей ослабли, виделись редко, только когда я приезжала к ним, либо они приезжали ко мне.

26 сентября 1985 г. родился Гриша. Восторг был не меньший – ведь родился сын, наследник!

Весной 1990 года Лёша защитил кандидатскую диссертацию. Отзывы были очень хорошие, казалось, что впереди успешное будущее. К нам домой приходили Лешин начальник, веселый красивый молодой парень – Саша Савченко и его сослуживец Саша Рылик, они тоже хвалили Лёшу. С оптимизмом говорили о будущей работе и перспективах. Но началась «перестройка», и все начало меняться отнюдь не в лучшую сторону.

Алеша в форте «Росс» в США

В 1987 году я вышла на пенсию, а в январе 1990 года ушла из университета, чтобы помогать Лёшиной семье, ведь и Лёша и Таня работали, Дашенька стала ходить в школу, а пятилетний Гриня – в детсад, который он не очень-то любил. С радостью стала заниматься детьми – забирала Дашу из школы, потом вместе с ней шла за Гриней. Дома кормила их, готовила с Дашей уроки, читала или рассказывала им сказки, водила гулять.

В этом же году мы с братом Сергеем купили дом в деревне Крутое в 20 км. от Юхнова.

Начался новый, я бы сказала, счастливый период моей жизни, с 1990 по 1993 год дети жили со мной в деревне с мая–июня по сентябрь.

В августе 1991 года Леша с Таней приехали к нам в деревню, забрали детей и вместе с Ребриками пошли в поход по Угре. Потом детей снова привезли ко мне, а сами уехали в Москву. Вскоре грянул путч.

Волновалась, потому что была уверена, что Лёша пойдет к Белому дому. А после сообщения о трёх убитых парнях, и вовсе запсиховала.

*Алеша в костюме индейца
у себя дома в США.
2003 год*

Опасения мои были не напрасны – Лёшка действительно был у Белого дома, однако, слава Богу, для него всё закончилось благополучно.

К тому времени жизнь у ребят и до того не слишком материально благополучная, стала совсем нищая. Часто,

приезжая к детям, я видела совсем пустой холодильник. Чтобы как-то поддержать семью, Лёша вечерами и ночами занимался ремонтом радио, телевизоров, телефонов, а утром, толком не выспавшись, снова отправлялся в институт Радиоэлектроники АН СССР. Но доход был мизерный. В это время Лёшин начальник лаборатории, Саша Савченко, уехал в Англию и летом 1993 года прислал Лёше приглашение на работу. Решено было ехать, и Алёша улетел в Лондон, вскоре туда же отправилась и Таня с детьми. Через год они возвратились домой, к тем же условиям, что были до поездки. Попытки Алёши устроиться на работу в какой-нибудь европейской стране закончились неудачно – предложений на его запрос не последовало. Приглашение на работу пришло из США. Летом 1994 года Лёша улетел в США в университет Нотр Дам в штате Индиана, а осенью туда же улетела Таня с детьми.

Насколько я понимаю, работа у Лёши идет успешно, ему несколько раз продлевали контракт, он получил статус профессора (по нашему – старшего научного сотрудника). У него много публикаций в серьезных научных журналах, он часто ездит с докладами на конференции и симпозиумы не только по Америке, но и в другие страны, например, года три назад он приезжал с докладом в Питер. А еще он читает лекции для аспирантов и руководит некоторыми из них.

По моим запискам, наверное, можно подумать, что у моего сына вообще нет недостатков. Они, конечно, есть. Во-первых, он позволяет себе опаздывать, быть неточным, что раздражает Таню и не напрасно: «Лёша, иди есть». – «Сейчас», а далее долгое ожидание Лёши, остывшая еда и т.п. Во-вторых, Лёша иногда бывает несдержан по пустякам. Надеюсь, что это когда-нибудь пройдет.

Сыну скоро 50 лет. Я бесконечно счастлива, что у меня вырос такой умный, порядочный, честный, добрый и трудолюбивый сын, рада, что у него хорошая семья – прекрасная жена, замечательные красивые и умные дети, что есть любимая работа и вполне приличный достаток. Одно огорчает чрезвычайно – вряд ли Алёша и его семья когда-нибудь вернуться домой, во всяком случае, я уверена, что этого не произойдет при моей жизни...

Таня

Таню я впервые увидела летом 1979 года, когда Алеша вместе с ней приезжал на несколько дней в Малинники навестить меня. Мне она показалась симпатичной плотненькой и довольно стройной девушкой. Была скромна и неболтлива.

Потом осень, зима. Длительные поездки Леша к Тане на Преображенку, редкие разговоры с Таниными родителями по телефону.

Леша и Таня продолжали встречаться, было похоже, что дело идет к свадьбе.

О байдарочном походе на Урал и его последствиях, когда чуть не разрушился их союз, я уже рассказала.

В 1980 году произошло трагическое событие – заболела и умерла Танина мама. Помню, как Таня постоянно ездила к маме в больницу, ухаживала за ней до последнего дня. После похорон отец Тани, Александр Николаевич Плевако, попросил меня быть на поминках, где я и узнала, увидев фотографию, что мы были знакомы с Таниной мамой. До сих пор огорчаюсь по поводу того, что мы были с ней знакомы – на Биофаке пели в одном хоре и даже стояли рядом, при жизни Таниной мамы я не вспомнила об этом!

Время шло, и, наконец, Леша сообщил, что женится на Тане. Свадьбу сыграли при большом стечении родственников, друзей и знакомых в доме 13 на Ленинском проспекте. После свадьбы ребята поехали жить на Преображенку к Александру Николаевичу, вскоре из-за возникших сложностей в отношениях между А. Н. и Лешей, они переехали ко мне на ул. Новаторов. Ребята жили в большой комнате нашей квартиры (18 кв.м.), я в меньшей – 14 кв.м.

Когда родилась Даша, наши довольно хрупкие отношения с Таней разладились, к счастью, не надолго.

Я понимала, что нужно что-то предпринять, чтобы не мешать ребятам строить семью, не разрушить ее случайно, лучше всего было бы разъехаться.

Но как?

*Таня на побережье Тихого океана.
США. 2003 год*

Однажды, когда утром я шла по факультету, обдумывая этот вопрос, кто-то из знакомых остановил меня и спросил, не случилось ли чего, что-то вид у меня удрученный. Сказала, что трудно жить в маленькой квартире с семьей сына, у которого маленькая дочка и свой распорядок дня, допоздна разговаривают и т.п., что стою на учете в нашем профкоме на получение однокомнатной квартиры в университетском кооперативе, но очередь подойдет еще не скоро.

«Что за беда! Иди в центральный профком, тебе наверняка предоставят квартиру в новом кооперативе, который скоро достроят, ведь ты работала более пяти лет замдекана факультета и, кроме того, была членом центрального профкома МГУ. А там всегда есть резервные квартиры», – так сказал мне мой знакомый.

*Леша и Таня на побережье Тихого океана.
США. 2003 год*

Так я и сделала, в профкоме обещали помочь, но нужно было подождать, пока сдадут кооперативный дом в Раменках, в Ясенева дом был уже заселен.

Тем временем Леша и Таня снова уехали на Преображенку. Ездил я к ним редко, было много работы, да и путь не близкий. Но Дашеньку Таня иногда привозила ко

мне на коляске. Я встречала их у метро «Проспект Вернадского» и везла Дашу к себе на ул. Новаторов. Довольно скоро ребята снова покинули Преображенку, сняли однокомнатную квартиру в соседнем со мной доме. Туда я один раз привозила свою маму посмотреть на правнучку.

Наконец я получила ордер на однокомнатную квартиру на 15-м этаже в 17-м этажном доме в Раменках, почти рядом

*В музее Хэмингуэя перед отъездом Н.Н.Орловой в Россию (справа Даша).
США. 2006 год*

с Биофаком, а Леша с семьей перебрался в нашу двухкомнатную квартиру на ул. Новаторов, где в сентябре 1985 года родился Гриша.

Но на этом переезды ребят не закончились. Произведя сложный обмен с участием нескольких квартир, они стали жить в Беляево в трехкомнатной квартире с лоджией на третьем этаже 9-этажного дома.

Рассказываю об этом подробно, потому что по мере того, как ребята обретали самостоятельность и независимость – отношения с Таней становились мягче и добрее.

Как я уже писала, в течение 1993 года ребята жили в Англии, а в 1994 году уехали в США.

В музее Хэмингуэя. США. 2006 год

С тех пор почти каждый год я езжу к ним. И каждый раз очень радушно меня встречает Таня. Время все поставило на свои места. Я стала менее активна, стараюсь не вникать в дела, которые прямо меня не касаются, гораздо терпимее отношусь к людям.

Танюша приобрела определенный жизненный опыт, довольно деликатно обходит острые углы. Она умна,

доброжелательна, прямодушна. Мне нравится, что она все время совершенствуется, много и вдумчиво читает; дома, на работе, в машине часто слушает классическую музыку, неплохо ее знает и приобщила к этому Лешу и Гришу; какое-то время училась играть на фортепьяно, часто ходит в концерты и в театр не только в Sous Vende, но и в Чикаго и т. д.

Мои внуки – Даша и Гриша, 1993 год

Сейчас она учится танцевать чечетку (степ?) в специальных туфлях с металлическими накладками на подошвах, и неплохо получается! Недавно Таня в компании еще двух женщин лихо отплясывала на дне рождения у знакомых, хотя и чувствовалась в ней некоторая напряженность – ведь она выступала на публике впервые.

Я вижу, как доброжелательно к Тане относятся ее новые друзья, с которыми она познакомилась уже в Америке, это выходцы из России, и как внимательна она к ним, готова поддержать в трудную минуту, помочь советом и т. п.

В Америке Таня сначала некоторое время не работала – не было соответствующей визы – и занималась детьми и домом. Потом была старшим лаборантом в местном университете, успешно занималась со студентами, объясняя им, как работать на разных приборах, сейчас работает на

фирме. К делу относится вдумчиво и серьезно, и работа ей, по-моему, нравится.

У Тани хороший контакт с Дашей и Гришей, они делятся с ней своими проблемами и переживаниями, прислушиваются к ее советам. Она относится к ним, как к взрослым людям, стараясь не навязывать им своего мнения, но четко его всегда высказывает. Самое главное у них с ним нет разногласий между собой по поводу воспитания детей.

Приятно видеть, как каждый вечер, приходя с работы, Алеша и Таня, сидя за вечерней трапезой, обсуждают свои рабочие дела, помогая друг другу советами, много говорят о событиях в России и США, анализируют обстановку в мире. Каждый из них рассказывает, о чем пишут разные газеты.

В декабре следующего, 2007 года, исполняется 25 лет совместной жизни Алеши и Тани – серебряная свадьба. Мне кажется, что с годами их отношения только улучшаются, и не только потому, что есть любовь, взаимное уважение и взаимопонимание. В этом немалая заслуга Тани, которая умеет спокойно реагировать на некоторую Лешкину несдержанность, может вовремя пошутить или как-то иначе охладить вспышки его эмоций.

Мне кажется, что за 25 лет нашего общения мы с Таней сблизились, во всяком случае, мне с ней легко и приятно, мне нравится с ней разговаривать и слушать ее. Надеюсь, что это взаимно.

Хочется, чтобы и дальше у Леши и Тани все было хорошо, чтобы дети их радовали, и работа нравилась, и друзья были добрые.

Моя внучка Даша

13 августа 1983 года родилась моя первая любимая внучка Даша, Данечка, Дашенька, Дашенция.

Увидела я ее 29 августа, когда приехала домой, возвратившись в Москву из Чехословакии, куда возила на обменную практику студентов.

Увидела, умилилась и сразу полюбила эту светловолосую голубоглазую малышку. Лешина семья жила тогда со мной. Какая была радость пеленать, кормить из бутылочки, носить на руках или просто любоваться маленькой Дашкой! Но счастье было так недолго – вскоре ребята уехали на Преображенку к отцу Тани.

Вот несколько записей о Дашеньке, сделанные Таней в апреле–мае 1984 года: «16.04.84. У Даши прорезался первый зуб. 25.04.84. Даша сохраняла равновесие без поддержки 68 счетов. 06.05.84. Даша впервые прыгала в кроватке. 07.05.84. Вылез второй зуб. Может копировать всякие манипуляции губами, языком и руками. Говорит «папапа...» 19.05.84. Даша сделала первый самостоятельный шаг. 25.05.84. Даша сделала три шага. Стала разговорчивей, играет с игрушками, как щенок». В это время Даше 8–9 месяцев.

После их отъезда я стала видеть Дашеньку довольно редко – или когда ездила к ним, или когда Таня привозила ее в коляске к метро «Проспект Вернадского». От метро я везла ее к себе на улицу Новаторов. По дороге мы разглядывали собак, кошек и птиц, которые попадались на пути. Чаще всего это были вороны, которые помогали мне обучать Дашенцию произношению буквы «Р». Я спрашивала, как кричат вороны, и произносила горловым звуком «Карр! Карр! Карр!», а она старалась это повторить. Дома кормила ее, разговаривала с ней, учила говорить простые слова, рассказывала что-нибудь о зверушках.

В 1984 году после моего переезда в Раменки, ребята вернулись на ул. Новаторов. Появилась возможность чаще привозить Дашеньку ко мне. Всегда это была радость не

только для меня, но и для нее – поездка на автобусе, новое место, рядом парк. Часто мы ходили с ней к дому культуры «Высотник», где иногда из репродуктора звучала музыка, и мы с Дашей любили потанцевать... Люди, проходя мимо, улыбались и спрашивали у Даши: «Это ты с мамой танцуешь?», на что она, улыбаясь, отвечала: «Нет, это моя бабушка».

Гуляли мы с Дашенькой и в парке 50-летия Октября. Сколько вопросов она задавала мне во время прогулки – о растениях, животных, людях, которых мы встречали! Однажды мы дошли до улицы Коштоянца, увидели там песочницу и в ней мальчика лет четырех-пяти. Он что-то строил из песка, а вокруг него лежало много разных формочек. Даша подошла, влезла в песочницу, взяла одну из формочек и стала лепить куличик.

Вдруг мальчишка вскочил, выхватил формочку у Даши, закричал: «Не трогай! Формочка моя!» Бабушка мальчика стала его укорять, говорила, что девочка хорошая, что она поиграет и отдаст, что нехорошо быть жадным, но мальчишка был неумолим – «Не дам! Мое!» Надо было видеть реакцию Даши. Ей было непонятно, как это можно не дать кому-то формочку?! На лице недоумение, обида, на глазах слезы.

Пришлось ее увести и долго объяснять, что мальчик жадный, что это очень плохо, но другие дети добрые и никогда не будут вести себя так, как этот мальчик. Сама-то Даша была добра, всегда делилась и игрушками, и конфетами, и другими вкусностями не только с другими детьми, но и со взрослыми.

Иногда с Дашей я ездила навестить мою маму на Кутузовский проспект. Мама, как всегда, нас вкусно кормила, Дашенька играла с Катинными игрушками, смотрела книжки. Потом мы шли на остановку автобуса, чтобы добраться домой. Однажды мы стояли с ней на остановке. Мимо проходила девица в очень короткой мини-юбке.

Даша, увидев ее, удивленно воскликнула: «Бабушка, смотри, девушка забыла надеть юбку!»

Лет в пять, или чуть раньше, Даша поняла, что мои друзья и родственники называют меня Нина. И однажды, стоя на кухне, я услышала нежный Дашенькин голосок: «НИНА, где ты?» С тех пор Даша называет меня по имени.

Моя внучка Даша. 2006 г.

Вспоминаю поездку с Дашей в деревню Прокудино, где Олег купил дом. Ей было тогда три или четыре года. Своего дома в деревне у меня тогда не было. Отвез нас туда зоолог Леня Корзун, один из начальников курса, вместе с которым я работала в деканате.

Жили с Дашей вдвоем в комнате, отделенной от кухни, где располагалась большая русская печка, деревянной

перегородкой с открытым дверным проемом. Первая ночь. Дашенька спит на кровати возле печки, я лежу, читаю. Вдруг раздается шум, и в проеме двери вижу выбежавшую из-за печки большую черную крысу, которая начинает прыгать с пола на стол, со стола на полку с посудой и банками с крупой. Не могу объяснить своего панического страха перед вольно бегающими крысами и мышами, хотя с последними в течение двух лет работала, держала их в руках, оперировала и т.д. Это что-то подсознательное (так же боюсь змей). А тут большая КРЫСА на свободе! Начинаю стучать по полу палкой, крыса убегает за печку, но спустя некоторое время появляется вновь и все повторяется сначала. Меня охватывает ужас, я боюсь, что она придет в комнату и прыгнет в постель к Даше. Было не до сна, я всю ночь просидела на кровати с палкой в руках и стучала, когда появлялась крыса. Она ушла только под утро.

Утром побежала к соседке Нине, сказала, что хочу уехать, т.к. в доме крыса. Нина засмеялась, спросила, «поставлю» ли я ей, и пошла выяснять, откуда приходила крыса, принесла битого бутылочного стекла и ими заткнула дыры в полу за печкой. «Ну, теперь, Николаевна, спи спокойно». Настала ночь. Около 12 часов раздался грохот, полетели осколки стекол и в проеме двери снова показалась крыса... Вторая ночь без сна. В этот день ко мне заехал Леша, узнать, все ли у меня в порядке и не нужна ли какая-нибудь помощь. Услышав рассказ о крысе и просьбу увезти нас в Москву, Леша посмеялся, сказал, что с крысой легко справится. Нашел давилку для грызунов в хозяйстве Олега, поставил ее и уехал, сказав, что теперь нечего бояться и беспокоиться.

Днем, как обычно, ходили с Дашей в лес, она собирала землянику, радовалась, найдя грибок. Я учила ее собирать малину: «Одной ручкой веточку поднимай, а другой – ягодку срывай». Дашенька с удовольствием ходила по лесу, мы пели какие-то песенки, было славно.

Приближалась ночь, я ждала, что будет. И опять около 12 часов раздался шум, звук прыгнувшего зверька и потом громкие удары давилки – крыса влетела-таки в нее и стала биться, пытаюсь освободиться. Было страшно. С одной стороны я испытывала облегчение от того, что кончился этот кошмар, с другой – было жалко сильного красивого зверька. Потом все затихло. Утром я осторожно заглянула за печку и

увидела убитую черную крысу, каких до того никогда не видела (как мне объяснил Леша, это была лесная крыса). Крысу унесла соседка. После этого несколько ночей прошли спокойно – крысы не появлялись. Леша, захвативший ко мне,

Даша в домашней обстановке. США

чтобы узнать, чем закончилась эта эпопея, пояснил, что после гибели одного животного другие в течение некоторого времени обычно не приходят. Так и было. Мы прожили в Прокудино еще несколько дней и благополучно вернулись в Москву.

Но история эта запомнилась мне навсегда.

Зимой я иногда привозила Дашу к себе на кафедру, наши сотрудники с удовольствием развлекали ее, показывали что-нибудь, дарили конфеты. Один раз, в декабре 1989 года, я

взяла ее на наш новогодний вечер, где она даже выступила – спела трогательную песенку про медвежонка Умку – и получила новогодний подарок. Мне кажется, она была очень довольна. Возила я ее и на экскурсию на Бородинское поле, рассказывала о том, что там происходило, напояла стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино», которое она знала.

После Прокудино, летом следующего года, я ездила с Дашей в деревню Заколпье Владимирской области, где жили родители моего бывшего студента Саши Кузнецова. Его мама, Мария Трофимовна, и отец, Иван Степанович, с которыми я познакомилась, когда ездила к ним с Сашиними однокурсниками, не раз приглашали меня в гости.

Деревня Заколпье очень большая, дом Кузнецовых стоит почти на ее краю. В доме нам с Дашей было уютно, нас поселили в большой светлой комнате, поили свежим вкусным молоком, кормили овощами с грядки и вкусной картошкой с солеными грибами, огурцами и помидорами.

За деревней – два пруда и небольшая речка, за ними начинался огромный лес, куда мы ходили гулять почти каждый день. Даше очень нравились эти прогулки, особенно душистый сосновый бор, где можно было ходить без обуви, в носочках, по мягкой подстилке из сосновой хвои. Кроме того, в лесу мы видели много белок и много грибочков с красивыми бархатистыми шляпками оливкового цвета – моховиков, крепеньких, чистеньких. Даша быстро научилась их находить, и почти всегда мы возвращались из этого леса с полной корзинкой. Были в лесу и прелестные большие зеленые поляны, по краям которых росли рыжики!

Иногда мы ходили подальше в смешанный лес, где собирали разные грибы – и белые, и подосиновики, и подберезовики, и лисички, и многие другие. Дорожка, вдоль которой мы ходили, приводила нас к поселку, где была небольшая фабрика по производству стеклянных изделий. Однажды мы с Дашей пошли на эту фабрику и видели, как стеклодувы с помощью специальной трубочки выдували из расплавленного стекла бутылки и разные вазочки.

В деревне в то время было много скота – коровы, овцы. Рано утром пастух с большим кнутом шел по улице и дудел на дудке. Хозяйки выгоняли коров, пастух собирал их в стадо и вел на пастбище за речку на большой заливной луг у прудов. В полдень все хозяйки с ведрами, чистыми тряпками

или полотенцами, маленькими скамейками и веревками шли доить коров, это называлось «ходить напoldни». Как-то Мария Трофимовна предложила сходить вместе с ней туда, чтобы Даша посмотрела, как доят коров. И мы отправились на дойку. Еще на подходе к пастбищу, в лесочке, я с некоторым удивлением и беспокойством услышала время от времени возникающую над леском довольно крепкую матерную ругань. В чем дело, сначала не поняла. Все объяснилось, когда мы подошли к стаду.

Даша с любопытством разглядывала коров и доярок. М. Т. подошла к своей корове, попросила меня подвязать хвост к ее ноге, наломать веток и отгонять насекомых. Над стадом висело и жужжало множество оводов, слепней и мух. Мария Трофимовна села на скамеечку, поставила ведро и стала доить, я обмахивала корову ветками. Но, видимо, какое-то насекомое умудрилось-таки укусить корову, потому что она вдруг подняла ногу и ударила себя ею, а заодно попала и по ведру. Ведро, естественно, опрокинулось, и молоко частично вылилось из него на землю. А добрейшая, спокойная, вежливая Мария Трофимовна, подняв ведро, разразилась пятиэтажным матом в адрес коровы.

Стало понятно, почему временами над стадом повисает мат. К счастью, Даша, никогда не слышала таких слов и, с интересом наблюдая за происходящим, не обратила на них внимания.

Я поспешила увести ее в лес.

Летом 1990 года я повезла Дашу и Гришу к себе в деревню Крутое в недавно купленный дом. Хорошо нам было там! Чистый воздух, простор, гуляй, где хочешь. Правда, ребята играли в основном на нашем большом участке, под липами или на лужайке за амбаром.

Недалеко от деревни тогда еще стоял коровник, куда дети ходили с соседкой-дояркой Раей смотреть на дойку коров и иногда пить парное молоко. Дети быстро подружились с местными ребятами, играли с ними в прятки, салочки, ходили к дому напротив, где жил добрый дядька Сергей Семенович, которого все, даже дети, попросту называли Семенычем, крутиться на карусели, которую он поставил возле дома.

По вечерам и во время послеобеденного отдыха ребята с удовольствием слушали все, что я им читала. В основном это был А.С. Пушкин, сказки Андерсена и рассказы о разных животных. Вскоре мы решили, что о том, что они узнали из

книг, надо рассказать местным ребятам. С энтузиазмом Даша и Гриша принялись готовить «лекции», которые с интересом, собравшись возле нашего дома, слушали ребята.

Начались довольно длительные походы в лес, за речку. По дороге мы пели песни военных лет, которым я их обучила, играли в слова, в города и ассоциации.

Даша быстро научилась ориентироваться в лесу, запоминала грибные места, знала, где можно найти белые грибы, а где лисички.

Однажды в лесу нашли ежа, и ребята уговорили меня взять его домой.

Поселили его на терраске, принесли ему сена, поили молоком. Однако он прожил у нас недолго – дня два. Дело в том, что ночью он бегал по терраске, при этом громко топал, кроме того, запах от него был чудовищный. Пришлось выпустить его на улицу. После этого случая у дома иногда появлялись ежи. И это было хорошо – меньше стало мышей.

Было еще одно удовольствие – с конца июня ребята ежедневно поедали большую миску клубники. А потом на грядках созревали огурцы, редиска, помидоры, а на яблонях – множество разных яблок. Жили ребята в Крутом и в летние месяцы 1991–1994 гг.

Кончилось лето. 1 сентября 1990 года Даша поступила в школу, где учился Алеша, и к той же учительнице – Нине Георгиевне. Я уже не работала, поэтому могла ежедневно забирать Дашу из школы. Дома мы обедали, потом гуляли, после прогулки она готовила уроки, если было нужно, я помогала ей, а потом мы шли в детский сад за Гришей.

Даша любила рисовать, в основном акварелью, сама придумывала сюжеты своих рисунков. У меня хранятся несколько ее рисунков – пейзаж с речкой, лугом и дальним лесом; чудесный Лис, нарисованный контуром черной краской; слон, стоящий в воде. Даше почему-то никак не удавалось изобразить слоновьи ноги, и тогда она придумала, что слон стоит в воде и закрасила его ноги голубой краской. Хранится также аппликация «Клоун», где нарисованы его лицо, ладошки и собачка, а одежда сделана из разных тряпочек, наклеенных на бумагу. Есть и мой карандашный портрет в профиль. Храню и тетрадку, в которой Дашины цветные иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина «Цыганы», «Зимнее утро», «Птичка», «Дорожные жалобы». Там же ее рукой написаны и тексты этих стихотворений.

Кроме общеобразовательной школы, Даша стала учиться в музыкальной школе на проспекте Вернадского, куда мы ездили несколько раз в неделю после занятий, а потом отправлялись в детский сад за Гришей. Некоторое время спустя ребята переехали в Беляево, где Даша сменила по крайней мере две школы – одна была во дворе их дома, другая (гимназия) в Ясенево, куда Тане приходилось утром отвозить Дашу, а вечером ехать за ней.

После моего переезда в Коньково в 1993 году Дашу из гимназии встречала я.

К сожалению, из-за частой смены школ, Даша не успела обрести близких друзей в России, кроме Кати Пилипенко, с которой они жили в одном доме и два года учились в одной школе.

Конечно, в Новый год детям устраивали елку, дарили подарки. Раза два устраивали детские праздники с конкурсами рисунков, чтением стихотворений и пр. В гости приглашали детей родственников, соседей и школьных товарищей.

Летом 1993 года Леша уехал работать по контракту в Англию, осенью туда же уехала и Таня с детьми. Вернувшись из Англии в 1994 г., они снова в конце года уехали уже в США, куда летом улетел Алеша.

Провожая их, я плакала, сердце сжималось от тоски, предчувствуя, что это надолго, может даже навсегда. Предчувствие не обмануло...

С тех пор вижу Данечку редко, примерно раз в год, иногда реже. Это случается, когда они приезжают домой в Москву в двухнедельный отпуск, или, когда я лечу туда на два-три месяца. Ко мне они стали приезжать редко, отпуск проводят, пока есть возможность. в разных странах – побывали уже в Италии, Франции, Канаде, Мексике, на Аляске и в разных штатах Америки.

17 июня 1996 года в Крутое приехали Леша, Таня, дети и Олег. Взрослые уехали примерно через полчаса, оставив детей со мной. Они пробыли в Крутом до 22 июля. Через два дня начали заниматься русским языком, не обошлось без накладок – однажды Гриша стал паясничать и ушел. Однако к вечеру одумался и хорошо позанимался. Со следующего дня стала с ними по очереди – час с Дашей, час с Гришей. Рассказывала им правила, писали диктанты. Об этом я так написала в своем дневнике: «У Гриши много ошибок из-за

невнимательности и наплевательского отношения – торопится идти играть с соседом Юркой. У Даши ошибок мало – 1–3. Она очень повзрослела и к занятиям относится чрезвычайно серьезно». Как всегда часто, почти каждый день, мы ходили в лес за земляникой и лисичками, за 16 дней собрали более 30 кг.

Потом сдавали их заготовителям за деньги, а когда приезжала автолавка, ребята покупали себе что-нибудь вкусненькое – заработали.

По вечерам я читала им Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» и «РВС». Обе книги ребятам понравились. Помнят ли они об этом сейчас?

Три раза ходили в Щелканово – два раза там сдавали лисички, а 3 июля ходили голосовать, решили голосовать за Ельцина (альтернатива – Зюганов). Ах, кабы знала я, кабы ведала!...

Иногда мы с Гришей пилили дрова, что ему очень нравилось.

22 июля приехала Таня с братом Андреем, вечером они увезли детей, а я после их отъезда весь вечер проплакала.

Приезжали ребята в 2000 году, несколько дней были в Крутом. Тогда я записала свое впечатление: «Привезла впервые Дашенцию в Крутое, когда ей было 7 лет. А сейчас она – барышня со сложившимся характером, помощница. Так же неутомима в лесу, как и раньше. 16.07.2000».

Запомнился последний приезд Тани и Даши в 2003 году. Они побывали у меня уже на новом месте – в Ерденево, где пробыли всего один день, походили по поселку, сходили недалеко в лес, осмотрели дом и участок, сказали, что им все нравится, и на следующий день уехали в Москву.

Спустя два дня я тоже уехала в Москву. Даше очень хотелось съездить в Крутое, побродить по знакомому лесу, пособирать на известных ей местах белых грибов. После недельного пребывания в Москве, мы с Дашей поехали в Ерденево, а на следующий день отправились в Крутое. Остановились у соседки Раисы, побежали в лес, а там – пустота! Нашли только 15 лисичек – в тот год грибов практически по нашей дороге нигде не было. Да и лес произвел грустное впечатление, стал более запущенным... Потом прошлись по деревне, повидали знакомых, узнали новости, зашли в наш дом и на участок, огорчились, что новые хозяева отпилили нижние ветки лип, убрав такой

прелестный естественный навес, и распахали часть луга за амбаром.

Делать в деревне было нечего и, переночевав у Раисы, встали в 6 утра и уехали снова в Ерденево, вспоминая по дороге наше прошлое приятное житье-бытье в Крутом.

Основные мои впечатления о ребятах сейчас складываются после поездок в США.

Даша, на мой взгляд, в Америке освоилась достаточно быстро, хотя и там ей приходилось менять школы, так как Алеша и Таня не один раз меняли место жительства. Английский язык она освоила довольно быстро и сейчас говорит уверенно, не затрудняясь, не подыскивая слов.

Первый дом в Саус Бенде Леша снял двухэтажный, но вскоре после приезда Тани с детьми, они переехали в небольшую квартиру (апартаменты) в многоквартирном трехэтажном доме типа наших «хрущенок», в районе, который называется Мишавака, достаточно далеко от университета, где работал Леша. Зато плата за нее была меньше – ведь в первые два года мог работать только Леша, у Тани не было рабочей визы. Именно в эту квартиру я попала в свой первый приезд в декабре 1995 года.

Крошечная прихожая со входом на небольшую кухню. Узкий коридор вел к двум маленьким спальням, в одной из которых жила Даша и куда подселилась я, в другой жил Гриша. В сравнительно большой комнате – гостиной с выходом на кухню жили Таня с Лешей.

В одной из квартир их подъезда жили какие-то молодые чернокожие ребята, часто включавшие очень громкую музыку, кажется, это называлось «рэп». Впоследствии этих ребят оттуда выселили из-за жалоб соседей на постоянный шум.

Даша и Гриша гуляли возле дома, где на деревьях прыгали и резвились белки и куда иногда, чаще всего к помойным контейнерам, забредали симпатичные еноты, людей они почти не боялись. У меня есть два снимка, где Даша и Гриша подманивают чем-то съедобным енота.

После школы дети готовили уроки, читали и слушали чтение Тани во время обеда и ужина. По вечерам я рассказывал им сказки или какие-нибудь истории, играли в шахматы, разгадывали кроссворды, а иногда «резались» в карты – играли в «пьяницу».

Однажды после такой игры, сказав, что пора спать, ушла в комнату к Леше и Тане. Каково же было наше удивление, когда часа через два мы услышали какое-то движение в одной из детских комнат и увидели свет под дверью. Открыли дверь и увидели детей, сидящих на полу и играющих в «пьяницу».

Несколько раз в месяц вместе с Таней мы ходили в соседний дом, в прачечную самообслуживания. Загружали белье в машину, и я шла с детьми на улицу или в магазины, которых было очень много на торговой пощади рядом с домами. Там покупали какую-нибудь игрушку или игру. Даша довольно хорошо объяснялась с продавцами и кассиром. Тогда она уже ходила в 5-й класс американской школы, удивлялась, насколько легче там учиться – им объясняли то, что в Москве она узнала в начальной школе.

В 1997 году, также, как и в первый свой приезд, занималась с детьми русским языком играла с ними в шахматы, читала или рассказывала им сказки. Дети с родителями ездили играть в настольный теннис, ходили мы и в университетский бассейн, в свободное время смотрели по «видику» наши кинофильмы. Иногда Даша писала сочинения и диктанты.

В этот приезд я побывала на концерте в школе у ребят, где они играли на дудках, Гриша – соло «Очи черные», очень трогательно. Тогда же Даша получила премию (50 долларов) за третье место в конкурсе на лучший рисунок. Церемония проходила торжественно в городском клубе, куда для вручения премий приехали два мэра городов South Bend и Mishavaka. Конверты с чеками вручал представитель какого-то банка. Удивительно, но рисунков призеров не показали. Обстановка в зале была, мягко говоря, непринужденная – зрители ходили по залу, ели, достаточно громко разговаривали. Обратила внимание на то, что девочки одеты крайне безвкусно.

Ходили с Дашей в большую университетскую библиотеку, гуляли по территории университета. Ездили в лесопарк за город, в Чикаго, где были в океанариуме, где видели дельфинов, белух и тюленей, осмотрели гигантский аквариум с огромным количеством разных видов рыб, лягушек и прочей аквариумной живности. Все очень красиво и интересно.

В третий свой приезд (1998 г.) обратила внимание на то, что Даша и Гриша очень выросли и повзрослели.

Тогда они уже уехали из Мишаваки и снимали небольшой дом недалеко от университета. Несколько раз были с Дашей в библиотеке, где довольно большой раздел русской литературы. Ездили в Дашину школу. Даша показала мне свой класс и школу. Удобные парты, у каждого свой шкафчик для одежды и обуви, широкие коридоры, большой спортивный зал и разные кабинеты. В школе Даша занималась гончарным делом, один раз я смотрела, как она работала на гончарном круге, делала разные вазочки, стакан с лепкой, тарелки, получалось очень красиво.

У меня в Москве есть несколько ее изделий, большая часть их – в Америке. Жаль, что Даша перестала этим заниматься, у нее, безусловно, хороший вкус и умелые руки.

Наше общение с Дашей все последующие годы проходило в том же ключе – гуляли, ходили в библиотеку, иногда ездили в Чикаго или в какой-нибудь парк, ходили в гости к соседям и т.д. Естественно, Даня научилась водить машину. Только каждый год у Дашенции становилось все меньше времени на это, ведь кроме учебы у нее появилась работа – работала официанткой в американском ресторане, в ночном клубе секретаршей в офисе в университете.

Но вот окончена школа, Даша поступила в Университет.

Два года назад она успешно окончила психологический факультет. Теперь работает в университете, составляет компьютерные программы и готовится поступать в аспирантуру.

В мой последний приезд, осенью 2006 года Даша договорилась со своим начальством и стала работать ежедневно на час больше, чтобы освободить от работы пятницу. И по пятницам с ее приятелями мы ездили на ланч в разные рестораны – американский, мексиканский и пр., она хотела познакомить меня с блюдами разных стран. Ездили мы с ней и на дегустацию вин в штат Мичиган, где в маленьких винокурнях изготавливают разные вина, там их не только можно попробовать, но при желании купить. Кстати, на дегустации там же мы были и в прошлый мой приезд. После дегустации мы съездили на озеро Мичиган, полюбовались его почти морским простором.

Сходили и в музей Студебеккеров. Заводы, которые выпускали эти машины, давно не работают, остался лишь

музей. Но я хорошо помню огромные грузовые машины, которые присылали нам американцы во время войны, и хотела их посмотреть. В музее на фотографиях и в текстах рассказана история семьи Студебеккеров, о том, как они стали магнатами и как разорялись и не раз. Сначала они жили в другом штате, там разорились и переехали в Индиану, где занялись изготовлением длинных деревянных вагонов – телег

Даша в доме своих родителей. США

для перевозки крупногабаритных предметов, потом делали разные кареты, легковые автомобили разных марок, военные машины, которые использовали в первую мировую войну. На некоторых каретах и машинах есть таблички с указанием, кто на них ездил, например, какой президент. Мы обошли два этажа музея, но студебеккера времен второй мировой войны не было. Пошли спрашивать, где же эти машины. Нам сказали, что студебеккеры настолько велики и тяжелы, что их не смогли поставить в музей, а стоят они в 80 милях от города. Пришлось ограничиться покупкой открытки с изображением студебеккера.

Когда в 1996 году мы в первый раз ездили в Чикаго в гости к моему другу Вите Гиндилису и он, шутя, спросил

Дашу, есть ли у нее бой-френд, она была не только смущена, но и возмущена – вот еще!

Однако через некоторое время Даша познакомилась с американцем по имени Кэн – среднего роста, худощавый парень, работает в книжном магазине. Я видела его один раз на концерте, куда он пришел вместе с Дашей. Насколько серьезно это знакомство, пока не ясно. Но мне-то, конечно, хотелось бы видеть рядом с Дашей нашего, российского человека.

У Дашеньки теперь есть подруга – девушка из России, из Томска – Маша Унгер, старше Даши на 4–5 лет, биолог-генетик, занимается молекулярной генетикой комаров. Маша всем нам нравится – спокойная, доброжелательная, умная.

Обе иногда «валяют дурака», перекрашивая на время волосы – у Даши были уже черные, голубые, зеленые и даже красные волосы. Может быть, в этом нет ничего страшного, но это как-то не по-русски. Кроме того, после окрасок красивые Дашины золотистые волосы стали быстро темнеть и несколько потеряли блеск.

Даша и Маша неразлучны, вместе ходят на ланчи, в кино, на танцульки, в гости, вместе занимаются в спортзале – следят за фигурой (!), вместе готовились к экзаменам в аспирантуру.

24 декабря 2006 г. позвонил Леша и сообщил, что экзамен Дашенция сдала хорошо и уже послала свои данные в четыре Университета Америки, в частности в Нью-Йорк, в какой-то университет Техаса и еще куда-то. Так что недалек тот день, когда и Даша, как уже сделал Гриша, покинет родителей. Кстати, Маша тоже сдала экзамены благополучно.

Огорчает то, что Даша мало читает – в основном это литература по психологи, выборочно газеты русские и американские по Интернету. Впрочем, сейчас мало кто из молодежи читает русскую литературу не только в США, но и в России.

Время летит неуловимо. Сейчас Дашенька высокая, стройная, красивая девушка с достаточно твердым характером и уже немалым жизненным опытом, ведь позади несколько стран, много школ, университет и разного рода работа.

Для меня она по-прежнему любимая и дорогая внучка, за которую болею душой, огорчаюсь, когда у нее что-то не ладится. Иногда думаю, что все-таки Даша человек

достаточно одинокий и не очень открытый, это может создавать проблемы. Но у нее есть замечательная мама Таня, пожалуй, единственный человек, с которым Даша может быть откровенной и это ее счастье.

Дашенька, родная моя!

Я очень тебя люблю и хочу, чтобы у тебя была счастливая жизнь, хороший, любящий муж, дети (хотя бы двое), интересная работа, достаток в семье, добрая подруга на все времена. У тебя для этого есть все – добрые, умные родители, твоя хорошая голова и умелые руки.

И так хочется, чтобы ты хоть иногда вспоминала меня...

Повзрослевшая Даша – Дарья Алексеевна

Мой внук Гриша

26 сентября 1985 года родился мой внук – милый, беленький, смешной карапуз, которого называли Григорием, но мы чаще зовем его Гриней или Гришенькой. Его, как и Дашеньку, я полюбила сразу.

Совсем маленького Гриню видела редко – я еще работала и не слишком часто ездила к ребятам на улицу Новаторов за Дашей.

Малыш тем временем подрастал, был улыбчив и забавен, не без удовольствия сосал соску. Иногда я привозила его в Раменки, там могла вдоволь наглядеться на него и покормить из бутылочки.

Когда он встал на собственные ножки, стал ходить, путешествия ко мне Даши и Грини стали чаще. Помню, как Гриня впервые сам обошел мою квартиру. Он удивился и обрадовался, увидев совмещенный санузел, «Вот здорово! После туалета тут же можно и руки помыть!» – воскликнул он.

Я старалась гулять с внуками и читать им как можно больше. Читала сказки, стихи и повести А.С. Пушкина, немного А.П. Чехова, а также В. Драгунского «Денискины рассказы» и «Как папа был маленьким». Из сказок им больше всего нравились сказка «Горшочек каши», особенно когда я изображала, как пыхтит каша, вылезая из горшочка, и «Золушка». Их можно было рассказывать бесконечно, придумывая по ходу какие-нибудь новые эпизоды...

Гуляли мы обычно в парке 50-летия Октября, иногда ходили в университет на кафедру, где их всегда радостно встречали сотрудники и студенты, один раз были в главном здании университета, поднялись на какой-то высокий этаж. Однажды я повела их на Ленинские горы, посмотрели сверху на Москву, потом спустились к воде, сели на речной трамвайчик и проплыли по Москве-реке в сторону Киевского вокзала и обратно. Ребятам путешествие понравилось.

Летом 1988(?) года ездила с ними в Прокудино, где мы жили в пустом большом доме, который стоял на другом берегу пруда против дома Олега. Жили тихо, мирно, без особых приключений, ходили недалеко в лес и на пруд.

Маленький Гриша. 1986 г.

В 1989 году, в августе, когда Даше исполнилось 6 лет, а Грине 4 года, мы отправились в далекое путешествие к неизвестной мне бабушке первой жены Саши (Серезиноного сына) в село на Украине, вблизи от границы с Молдавией. Названия села не помню. Мы прожили там недели три в белой просторной мазанке, вокруг которой на шпалерах висел виноград, его можно было есть прямо с лозы. Кроме того, на участке стояли две огромные шелковицы – одна с желтыми, другая с красными плодами, плоды обеих были очень сочные и вкусные. За домом росла высокая, примерно двухметровая кукуруза, а в ней – помидоры и перцы! Я поинтересовалась, как сеять вместе эти культуры. Бабушка мне объяснила, что кукуруза была посеяна на месте, где раньше росли помидоры и перцы, и теперь они растут сами –

зрелые плоды опадают, сгнивают и семена из них прорастают. Вот это почва, вот это климат!

На участке бродили также какие-то курочки и утки, но они не привлекли нашего внимания. Обычно после завтрака мы отправлялись гулять в отроги невысоких гор, где очень чистый воздух, много разных красивых растений, а также великолепный кизильник с красивыми вкусными, крупными ягодами, которые можно было есть прямо с веток. Ягод я насобирала много и в Москве сварила отменное варенье.

Даша забиралась на нижние ветки какого-нибудь деревца – она была капитаном и «впередсмотрящим», мы с Гришей оставались внизу и изображали экипаж корабля, Даша подавала команды – «Отдать концы! Лево на борт! Полный вперед!» и мы уплывали, куда хотели, и видели все, что могли придумать.

Однажды поехали на автобусе в небольшой городок, чтобы позвонить в Москву. Особых достопримечательностей в городке не было, и мы скоро отправились обратно.

В автобусе на передних местах сидели какие-то тетки и за обе щеки уплетали кровяную колбасу, очень непрезентабельную на вид – черная, скрученная в кольцо. Мои ребята уставились на эту колбасу, тетки это заметили и протянули им целый круг колбасы. Я и дети поблагодарили. Но я не знала, что делать – с одной стороны боялась дать детям эту самоделку, с другой – отказаться было трудно – тетки внимательно смотрели на нас. Разломил колбасу на маленькие кусочки, сначала попробовала сама, а потом дала детям. Страх был напрасен – колбаса оказалась настолько вкусной, что ребята вмиг с ней расправились к удовольствию окружающих. Гриня стал внимательно смотреть в окно автобуса и вдруг громко воскликнул: «Бабушка! Смотри какой челнозем!» Все в автобусе долго и весело смеялись.

В этом селе я учила Гриню правильно произносить некоторые буквы, которые у него получались не очень хорошо, особенно буква «р».

Когда мы возвратились в Москву, нас встретил Леша. Гриня, выйдя из вагона, с выражением выдал заранее выученную фразу, отчетливо произнося букву «р»: «ЗдРавствуйте, Родители! На гоРе АРаРат Растет кРупный, кРасный виноГрад!» Это было здорово!

После приобретения «поместья» в Крутом ребята с мая по сентябрь стали жить в деревне.

Помню, как Леша и Таня привезли туда ребят, и Гриня бежал мне навстречу, по большому цветущему лугу, расставив ручки, путаясь в высокой траве, а я бежала ему навстречу и подхватила его на руки. Было ему тогда лет 5. Какой же это был сладкий миг!

Маленький Гриня был добрый, веселый, открытый, общительный.

Помню забавно-трогательный эпизод первого лета. У меня было много работы по дому, нужно было все вымыть и вычистить. Ребята играли около дома, и я просила их не уходить далеко. И вот в один прекрасный день чищу что-то в доме и вдруг слышу громкий плач Грини, а следом и плач Даши. Вылетаю на улицу и вижу такую картину – впереди, громко плача, растопырив в стороны ручки, идет Гриша, за ним, тоже в слезах, идет Даша. Подбегаю к Грише, спрашиваю, что случилось, не разбился ли, не порезался ли? И слышу в ответ: «Бабушка, я поскользнулся, упал и вляпался руками в коровью лепешку!»

Уф!

«Не плачь, родной! Это не горе, сейчас пойдем, вымоем ручки, и все будет в порядке!» – «Дашенция, а ты-то что плачешь?» – «А я, хоть ты и не разрешала нам, повела Гришу к скотному двору. Туда мы не дошли, потому что Гриша упал». Успокоила и расцеловала их, вымыла Гриню и долго веселились вместе по этому поводу. Но и урок получился хороший – без моего разрешения далеко от дома ребята не уходили.

Первые два лета дети осваивали деревню, знакомились с ребятами, рисовали, слушали, что я им читала. Так приятно было видеть, с каким вниманием они это делали, как учили стихи.

Очень внимательно прослушали «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина. Когда я закончила ее читать, Гриня вздохнул и сказал: «Прочитай еще раз, я не все понял», что и было сделано. Читала я им и некоторые «Повести Белкина», стихи – «Зимнее утро», «Вурдалак», который веселил Гришку, «Зимний вечер» и другие, а также часть поэмы «Полтава», из которой Гриня со слуха выучил большой отрывок о Полтавском бое и с необыкновенным выражением читал его.

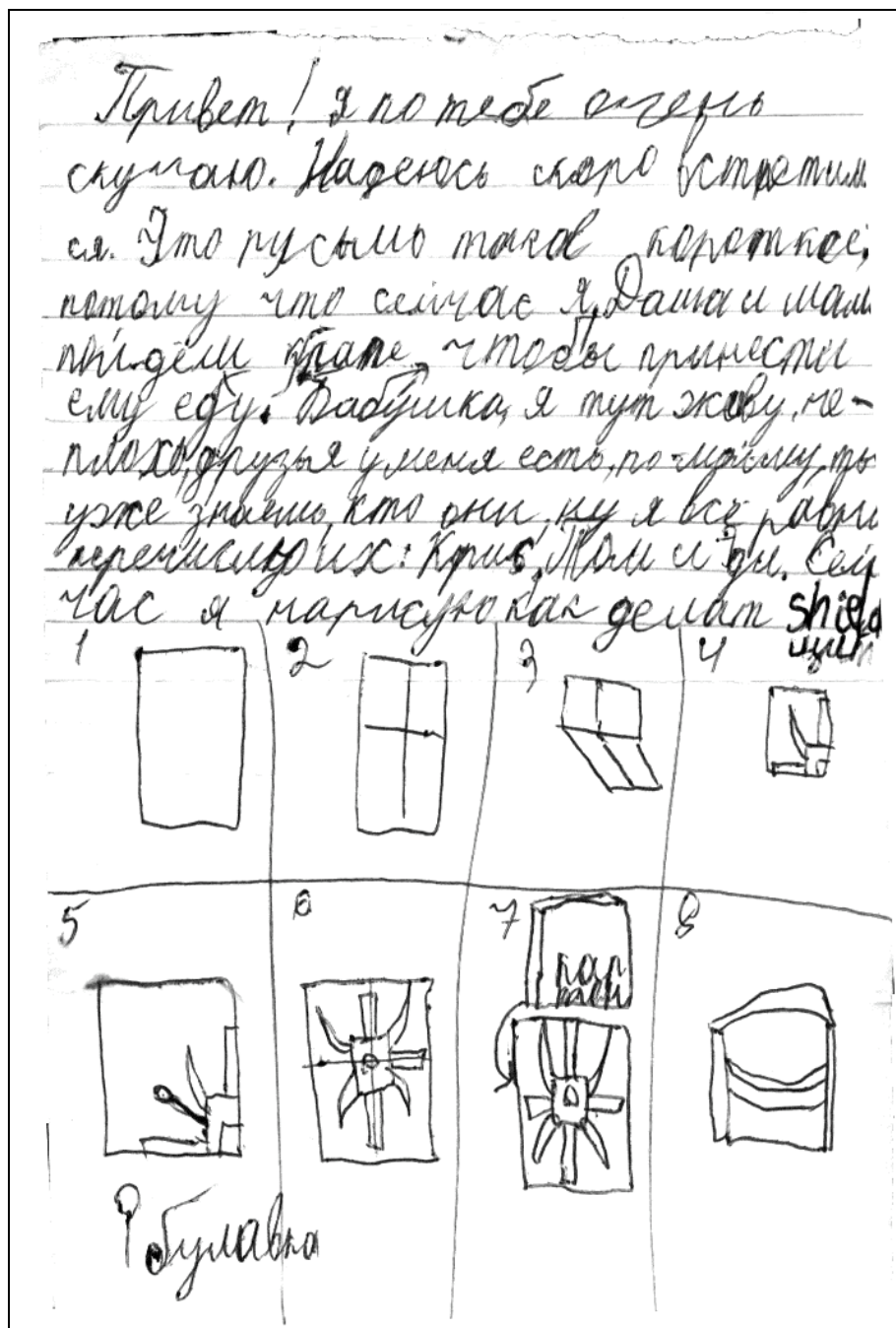
Начинался отрывок так:

*Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.*

Есть кассета, на которой записано его исполнение. Выучил Гриша и «Бородино» М.Ю. Лермонтова, разучил мелодию. Шел на карусель к Семенычу (это в Крутом), крутился и радостно громко пел «Бородино», чем очень развлекал соседей. После того, как ребята, уехав в США, перестали приезжать в Крутое, Семеныч часто вспоминал Гришино пение и горевал, что больше его не услышит.

Гринька вообще любил петь. Когда мы ходили в лес или в поле, пели разные песни – «Там, вдали за рекой», «По долинам и по взгорьям», «Землянка», «Катюша». На кассете есть удивительная запись – я учу Гриню петь «Землянку», а он комментирует почти каждое слово песни.

В то время с удовольствием были трудности, и я в первый же год развела довольно большой огород. Колхозный тракторист распахал клин под картошку, однако трактор поднял наверх большие тяжелые пласты глины, которые приходилось дробить лопатой почти все лето. Так что в следующие годы нанимала для распашки конюха с лошадей. Высадила несколько сортов картошки, купленной в институте картофелеводства. Вскопала большое количество гряд под огурцы, лук, томаты, морковь, перец и прочие овощи разных сортов. Наступил август, настала пора копать и убирать картошку. И тут у меня появился добровольный помощник – Гриня, который с увлечением занимался сортировкой картошки. Дело в том, что я высадила сортов пять или семь, чтобы выбрать на будущее лучший сорт. Объяснила Грине, как различать сорта, и он с азартом раскладывал картошку по сортам, приговаривая: «Это – адретта, это – розовая, это – синеглазка, это – весна, это голландская, это – свинкам». Провели дегустацию, больше всего нам понравилась Адретта, сорт немецкой селекции, – круглая, ровная, с очень неглубокими глазками, с желтой вкусной мякотью. Хороша была и розовая с длинными ровными клубнями, она, разрезанная вдоль, запекалась, как красивые пирожки и тоже была вкусная.

Письмо моего внука Гриши

Научившись читать, Гриша увлекся морскими животными – китами, дельфинами, акулами, читал специально купленную книгу о них, разглядывал картинки и пытался рисовать рыб. Когда мы решили, что Даша и Гриша будут рассказывать деревенским ребятам о том, что прочитали в книжках, Гриня приготовил сообщение – «лекцию» о китах, дельфинах и акулах. Готовился серьезно, сделал несколько рисунков – наглядное пособие, и серьезно, хотя и не без шуток, прочитал свою лекцию.

В конце лета 1993 года Таня с детьми уехала, как я уже писала, в Англию, где уже работал Леша. Навсегда

запомнила случай, который произошел там с Гришей. Об этом случае рассказали ребята, возвратившись в Москву.

Жили они тогда в небольшом городе Эксетере, где улицы были узкими, все дома, с маленькими палисадниками перед ними, очень похожие друг на друга. Леша, Таня и дети отправились как-то в гости к русским знакомым, жившим в том же городке. Таня и Леша, разговаривая, шли впереди, рядом шла Даша, а Гриша позади – прыгал и веселился. В какой-то момент, свернув на очередную улицу, ребята, обернувшись, не обнаружили Гриши. Побежали назад, но ни на этой, ни на другой улице его не обнаружили. Стали спрашивать редких прохожих, не видели ли они мальчика лет восьми. И кто-то, наконец, им сказал, что видел на соседней улице мальчика, который лежал на тротуаре и горько плакал... Это был Гриша. Успокоили его, пытаюсь представить все в юмористическом виде, но знаю, что после этого случая Гриня некоторое время ходил по улице за ручку. Когда ребята рассказали мне об этом случае, я долго не могла успокоиться, переживала и страдала, представляя, как маленький Гриня, не зная города, не зная языка, должен был испугаться... Вспомнила аналогичный случай, произошедший с ним в Москве. Дети были в кинотеатре «Звездный», куда их привезли родители и оставили смотреть какие-то мультики на время, пока сами пойдут в магазины. Грине какое-то время спустя надоело смотреть, он встал и тихонько ушел из зала. Вышел на улицу и пошел по подземному переходу на другую сторону проспекта Вернадского на детскую площадку, которую он заметил из окна автобуса, когда они ехали в кино. Зашел во двор какого-то дома и поиграл там на детской площадке. Потом спокойно отправился обратно.

Тем временем, сеанс закончился, Даша вышла из кинотеатра, и тут обнаружилось исчезновение Гриши. Началась легкая паника, куда девался Гриня, Даша объяснить не могла. Место бойкое, перекресток двух больших улиц, народу полно. Где искать Гришку?! Психовала больше всех, как всегда, я, приехавшая, чтобы взять детей к себе в Раменки. Стали расспрашивать прохожих, которые ничего не могли сказать, и вдруг увидели на другой стороне проспекта нашего мальчика, который спокойно направлялся к подземному переходу. Все закончилось благополучно, хотя

Гриня получил хорошую словесную взбучку. Слава Богу, что в те времена еще не крали детей!

В последний раз ко мне в Крутое ребят привозили на месяц (с 17.06.96 по 22.07.96 года). Все было, как обычно, – чтение, игры, занятия русским языком, походы в лес. Правда, к этому времени Гриня уже умел читать и развлекал нас с Дашей выразительным чтением «Денискиных рассказов», заставляя смеяться до упада, так как каждый персонаж Гриша представлял с большим юмором.

И вот однажды, когда мы пошли в лес, Гриня спел мне новую песню. Это была песня Юрия Шевчука «Не стреляй!» Растрогал меня до слез – я тогда ее впервые услышала. В те годы группа ДДТ, в которой пел Ю. Шевчук, была очень популярна. Мои ребята часто слушали ее с дисков, Леша разучивал разные песни этой группы. Не удивительно, что и Гриша полюбил их. Меня поразило другое – выбор именно этой трагической песни среди множества других – веселых, лирических и сатирических. Позже, в какой-то из моих приездов в США, мы ездили в Чикаго на концерт группы ДДТ, где я услышала ее в исполнении Шевчука и поняла, что это одна из лучших его песен.

В 1998(?) году Леша должен был делать доклад на конференции в Швеции или Дании. Он взял с собой Таню и Грину, приехали они на несколько дней раньше начала конференции в Ленинград и жили эти дни у Минтаириных, своих американских соседей, приехавших в Америку из Ленинграда.

Чтобы повидаться с сыном и внуками, я поехала в Ленинград. Встретились мы в Старом Петергофе, куда Таня, Гриша и его московский друг Коля Случанко, приехали посмотреть Екатерининский дворец и парки. Вместе полюбовались дворцом, ходили по паркам. Поговорить с Гриней не удалось – он был занят общением с Колей и знакомством с разными достопримечательностями. После экскурсии ребята поехали в Питер, а я направилась к своим друзьям, жившим в Старом Петергофе, где обычно останавливалась, приезжая в Ленинград. Еще раз мы увиделись у Минтаириных перед отъездом ребят на конференцию. Там и вовсе было не до разговоров. Через день проводила их до автобуса, который увез их в Финляндию.

Больше Гриша в Россию не приезжал, в отпуск ребята стали ездить в другие страны – Италию, Канаду и в другие

штаты Америки, в частности на Аляску, а с 2003 года, когда Грине исполнилось 18 лет, поездки в Москву стали вообще недоступны – призывной возраст... Так что теперь вижу Гришу только в Америке.

Мой внук Гриша в США

Первый раз я полетела к ребятам в Штаты зимой 1995 года.

Встретили меня в Чикаго всей семьей. Погрузились в машину и поехали в Мишаваку, в квартиру, о которой я уже писала.

Всю дорогу мы говорили обо всем – о полете, о московских родственниках и друзьях, об их жизни в Америке.

Утром Леша уезжал на работу, дети отправлялись в школу, мы с Таней занимались хозяйством – ходили по магазинам, готовили еду.

Вечерами дети готовили уроки, читали, гуляли. С Гришей мы довольно часто играли в шахматы, причем часто он меня обыгрывал.

Однажды, в субботу, Гриня предложил мне сходить к Леше на работу. И мы вдвоем отправились в университет, которого я еще не видела. Дорога длинная, шли около полутора часов по улицам, где на тротуарах снег был убран только у некоторых домов, в основном топали по снегу. По дороге Гриня рассказывал мне о своих впечатлениях об Америке, говорил, что ему здесь не нравится, что все его друзья остались в Москве, а с американцами пока нет никаких отношений. Сказал, что учиться здесь ему неинтересно – скучно, ведь они изучают то, что он узнал еще в первом классе в Москве. «Американцы хвастуны и лгуны, говорил он, – например, учат в школе, что фашистов в Великую Отечественную войну победила Америка! Вообще они говорят, что все лучшее, что есть в мире, это американское».

По дороге Гриня показал дом, где они сначала жили. Пришли в университет, оказалось, что Леша заболел и уехал домой. Идти обратно тем же путем не захотели – порядком устали. Позвонили Тане, и через 15–20 минут она приехала за нами на машине и отвезла домой.

В один из следующих приездов я попала уже в другой дом, расположенный недалеко от университета, куда можно было ходить пешком, не слишком уставая. Этот небольшой домик ребята снимали. При нем был маленький участок, где мы с Гришей устраивали субботники – убирали опавшие листья и снег, если он выпадал, этот момент запечатлен на одной из фотографий.

По мере того, как Гриня вырослел, он стал как-то отвыкать и удаляться от меня, стало меньше тем для разговоров. Однако, по телефону на мои слова о том, что я очень без него скучаю, он говорил: «Я тоже».

Появились у Гриши друзья и приятели – мальчик Миша из России и двое или трое одноклассников. Гриня научился играть на гитаре, организовал маленький оркестрик. Иногда они выступали в школе, причем Гриня даже сочинил одну или две песни на английском языке.

Подростком он был несколько грузным, ему казалось, что он очень толстый, стеснялся этого, поэтому носил необычайно широкие штаны и такие же куртки. Учиться в

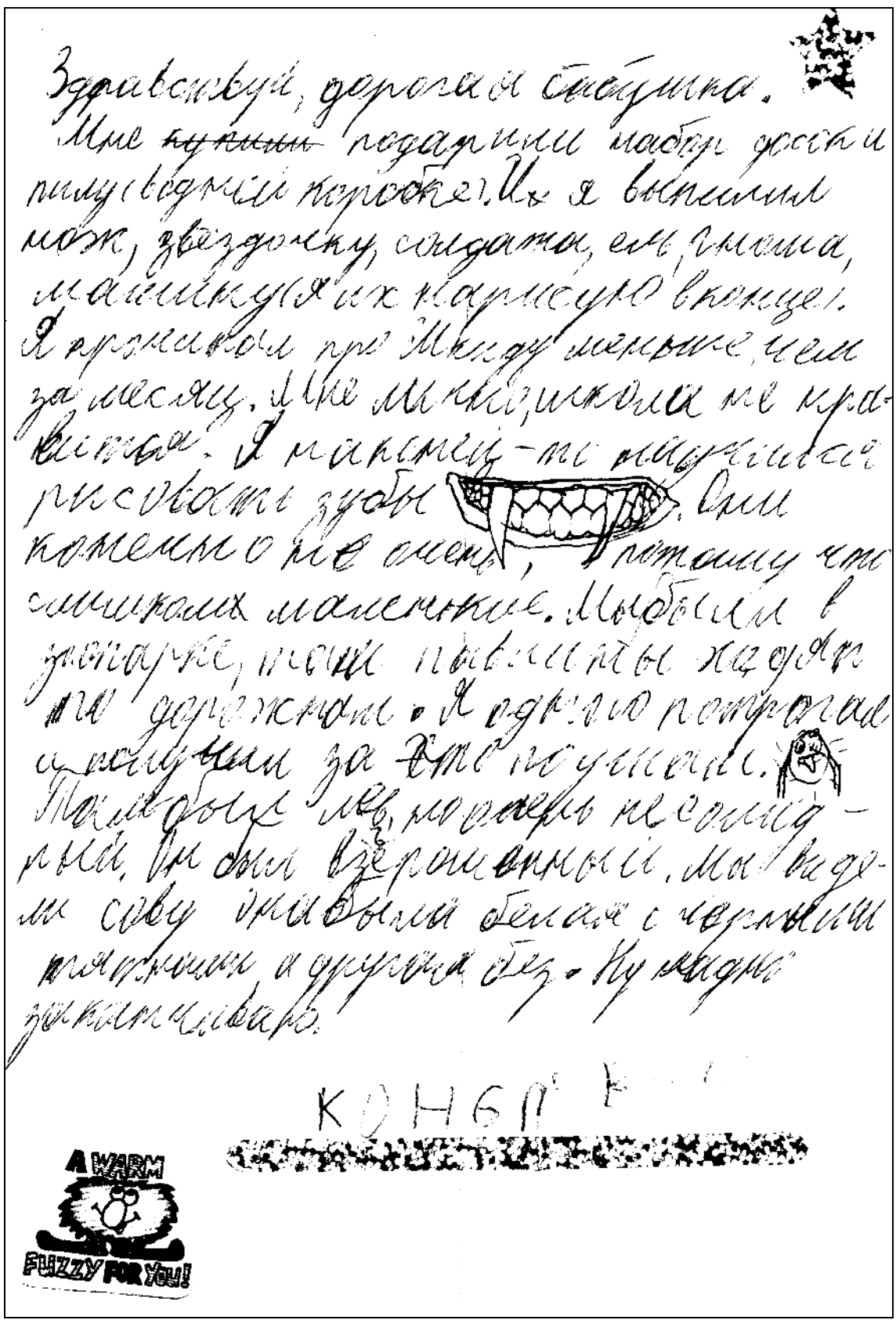
школе ему по-прежнему не очень нравилось, что сказывалось на его не слишком высоких оценках.

Тем временем ребята купили в рассрочку большой симпатичный дом, в котором пять комнат, достаточно большая кухня, много кладовок разного размера, два туалета, и при доме гараж на две машины. У каждого теперь своя комната, есть еще компьютерная и большущая, метров 40, гостиная с камином, эркером и окном в крыше. Примечательно, что Гриша, как и Леша в свое время, расписал стены своей комнаты рисунками, стихами и развесил не только на стенах, но и на потолке разные афиши. «Яблочко от яблоньки»...

Неожиданно еще в школе Гриня увлекся рисованием, в основном графикой, исполненной карандашом или тушью. У него очень неплохо стало это получаться, он быстро придумывает довольно оригинальные сюжеты своих рисунков. Помню, как перед Новым годом, годом Лошади, мы дали Грине задание – нарисовать пригласительные билеты на тему лошади. Минут через 20–30 он принес стилизованное изображение лошади, сидящей за стойкой с кружкой пива. Многие Гришины рисунки хранятся у меня в Москве.

Наконец, школа была окончена, и Гриша поступил в один из местных университетов, но после третьего курса перевелся в университет Блумингтона, небольшого городка тоже в штате Индиана, где учится на компьютерного дизайнера. Весной этого года он его заканчивает. Живет в малюсенькой, метров 7–8, комнатке, где помещается только матрас, столик с компьютером и кресло, есть там еще стенной шкаф. У его соседей по дому такие же комнатенки. В доме есть еще общие гостиная с телевизором, кухня и совмещенный санузел. Гришино жилье оплачивают родители.

В новом университете Гриша получил денежную премию за один из своих проектов. Огорчает, что в городе нет у Грини русских приятелей, он вынужден говорить только по-английски, и когда он изредка приезжает домой (дорога на машине занимает четыре часа), где говорят по-русски, иногда чувствуется некоторое затруднение в его русском говоре и он переходит на английский. Раньше у Гриши была замечательная четкая дикция. Теперь он говорит довольно невнятно. Может быть оттого, что американцы по-английски говорят очень неразборчиво?

Здравствуй, дорогой Сашенька.

Мне купили подарком набор досок и
пилы (вместе коробка). Уж я вырезал
мост, звездочку, солдата, еж, маму,
машинок и их карусель вращает.
Я прошиваю про Машу шевеле, чем
за месяц. Мне Маша, машинка не кра-
сивая. Я мамку - то мамку себе
рисую зубы . Они
поменьше не очень, потому что
смышляк маленькие. Мамку в
зубарке, мамку поделывать из дерева
по дереву. Я одрало потрога
и поделываю за это поделываю.
Мамку себе же, мамку не очень
красивая, но она красивая. Мама выде-
ли себе мамку белая с черными
точками и орудия без. Ну мамку
за мамку.

КОНЕЦ

Письмо моего внука Гриши

Жаль, всегда помню, как прекрасно он читал стихи, как выразительно изображал персонажей «Денискиных рассказов». Помимо учебы, которая занимает немало

времени, Гриша много работает на компьютере и, кроме того, работает в каком-то кафе или ресторане – готовит бутерброды! Раньше он развозил пиццу.

Гриня довольно часто звонит домой, разговаривает чаще всего с мамой, реже с папой и Дашей, мне кажется, что он скучает без них.

Сейчас Гриша высокий (180 см), стройный, красивый юноша, хорошо подстрижен (еще год–два назад носил длинные лохмы, которые его не украшали), «как дэнди лондонский одет» – ходит в длинном пальто с кашне, не суетлив, держится достойно, довольно прилично водит машину.

Гриша время от времени увлекается чтением произведений какого-нибудь заинтересовавшего его автора. Когда учился в школе, ему очень нравился Шекспир, он читал его и даже сделал проект – так у них называются самостоятельные работы – о Шекспире: нарисовал его портрет со скульптурного бюста, написал краткую справку о его жизни. Этот плакат висит теперь над моим диваном.

Сейчас он читает В. Пелевина, на мой взгляд, не лучшая литература, и японского автора Мураками, которого я не знаю совсем. Конечно, мне хочется, чтобы Гриня, русский человек, начал всерьез последовательно читать А.С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, Льва Толстого,

*Мой внук Григорий Алексеевич Орлов.
США*

Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, А.И. Куприна, И.С. Тургенева, М.А. Шолохова, К.М. Симонова, а из писателей русского зарубежья – М. Алданова и В. Набокова... Очень надеюсь, что это время придет, тем более, что у них в доме есть книги многих из этих авторов, да и в университетской библиотеке неплохая подборка русской литературы.

А больше всего мне бы хотелось, чтобы Гриша вернулся в Россию, думаю, что здесь ему найдется работа по душе, здесь его друзья и, может быть, именно здесь он найдет свою половину.

Гринечка, любимый мой внук! Где бы ни жил ты, я хочу, чтобы жилось тебе хорошо, чтобы развивались твои способности, чтобы имел ты верных друзей, чтобы работа была в радость. И если не придется вернуться домой, в Россию, то хоть иногда, сюда приезжай.

Не забывай меня, Гришаня!

Мое детство

Себя помню смутно, лет с пяти-шести, тогда мы жили в общежитии Текстильного института на Донской улице. Воспоминания очень обрывистые, случайные.

Помню большой двор с трансформаторной будкой посередине. Году в 1938 из Америки вернулась семья папиных друзей – Михаил Федорович и Анна Ивановна Герасимовы и их сын, мой ровесник, Володя, впоследствии известный журналист-международник. Тогда он уже умел кататься на двухколесном велосипеде, очень гордился тем, что у него есть велосипед, вещь по тем временам не часто встречающаяся у детей, и слегка выпендривался – то ездил, сложив руки на груди, то закидывал ноги на руль. Кончилось это плохо: выполняя один из своих выпендрёжных номеров он врезался в будку и пробил голову гвоздем, торчавшем из стены.

С Володей мы дружили, играли вместе в квартире его родителей в том же доме №35 на Б. Якиманке, где после общежития жили и мы. После прочтения книги В. Катаева

«Конduit и Швамбрания» играли в Швамбранию, почему-то играли тайно от родителей и все предметы, связанные с этой игрой, прятали под диван.

Помню Володину шикарную свадьбу в высотном доме на площади Восстания.

Володя закончил факультет журналистики МГУ и работал спецкором газеты «Правда» в Венгрии. После венгерских событий 1956 г. продолжил работу в «Правде» и «Советской России» в Москве. После смерти его мамы – Анны Ивановны – и Володиной женитьбы наши встречи стали редки, жили достаточно далеко друг от друга, да и работы у нас было много. С конца 1980-х годов след его затерялся, а жаль...

В те же годы постоянными моими спутниками в играх, моими близкими друзьями были Тамара Арефьева и **Женя Прощин**. Тамара до войны уехала с родителями в Кострому, куда ее отец, Гурий Осипович, был направлен директором текстильного института, а мы и Прощины переехали на Якиманку, где жили в одной квартире в соседних комнатах. Женя моложе меня на 4 года. Был он тогда шустер и несколько избалован. Мы часто называли его «хочу–не хочу». Дело в том, что Женя часто капризничал за столом. Дают ему, например, манную кашу, а он говорит: «Не хочу манную, хочу пшенную!» Тетя Люба бежит на кухню и варит пшенную и т.п.

Однажды затеяли перестановку мебели, отодвинули буфет и обнаружили за ним горку засохших каш и других остатков пищи – вновь приготовленную кашу Женя начал есть, успокоенная тетя Люба могла выйти из комнаты, а он благополучно сбрасывал за буфет часть пищи.

Когда учились в школе, а потом в институтах – он в МАИ, я в МГУ – мы часто встречались в одной компании. У Жени было много школьных и институтских приятелей, потом появились девочки, за которыми он охотно ухаживал, я же всегда оставалась ДРУГОМ. Забавно, что, будучи совсем ребенком, лет 5–6, Женя произнес историческую фразу, над которой смеялись наши родители. Он сказал: «Нина мне друг до гроба, но женой никогда»... На старом фото мы стоим с ним на кровати, изображая танцующую пару, кажется именно тогда и была произнесена эта фраза. Пришла пора, и он женился на красивой девушке, Люсе Бельшевой, у них родилась дочка Лена.

Но брак распался... Спустя несколько лет Женя вновь женился на славной женщине Тане, у них прекрасная семья, дочка Сашенька, окончившая Биофак, и три внука, дети Саши – мальчики Саша и Володя, и маленькая Иришка.

С Женей и Таней мы дружим, хотя встречаемся редко, но знаю, что всегда найду у них помощь и поддержку. Женя крупный, серьезный специалист, прекрасный семьянин, он часто собирает свою семью, брата Бориса, много времени отдает внуками, возит их на разные кружки и спортивные игры, часто мальчики вообще живут у него дома. Не забывает он и первую свою дочь Лену и ее сына. Никогда не забывает поздравить своих друзей с днем рождения, всегда спрашивается у меня о здоровье моих братьев, Алеши и его семьи. Жаль, что в теперешней нашей жизни, полной забот, болезней и пр. мы видимся редко. Мне всегда приятно с ним беседовать, слушать его суждения и оценки.

С **Тамарой Арефьевой** мы снова встретились во время войны в Костроме. После войны Арефьевы переехали ненадолго в Москву, а потом в Ленинград, где дядя Гурий стал директором текстильного института. Тамара стала хи-

*Моя мама
Мария Ивановна Визжилина
со мной.
1930-е годы*

миком и работала в каком-то НИИ. И с 1970 года мы регулярно встречались в Ленинграде, куда я ежегодно приезжала со студентами на кафедру генетики Биофака ЛГУ. Кроме того, у меня была совместная работа с сотрудником кафедры Виктором Смирновым, проводимая на семенах разных линий ржи, полученных в ЛГУ.

С Тамарой мы встречались либо на ее Ленинградской квартире, либо на даче ее родителей в Комарово.

Тамара человек очень активный, склонна к авантюризму, любитель всяких розыгрышей и веселых застолий. Вспоминаю такой случай. Тамара приехала в Москву и от родственников, у которых обычно останавливалась, пришла ко мне в гости. Долго вспоминали наше детство и юность, всякие наши проделки, говорили о детях, о работе.

Вспомнили не очень красивый наш поступок в Костроме. Родители отпустили нас гулять – Тамару, меня, Сережу и Тамарину сестру Иру. Нам с Тамарой было чуть больше 10 лет, ребятам соответственно около 6 лет. Родители дали нам 40 копеек, чтобы мы купили себе пирожки.

Мы пошли в парк, Сережа с Ирой стали играть в песочнице, а мы отправились покупать пирожки, купили 4

Мое детство

пирожка, и вдруг Тамара предложила съесть их, а ребят убедить, что они тоже ели пирожки... Мысль, конечно, дикая. Я согласилась не сразу и была уверена, что ребята нам не поверят. Однако, Тамара, спросив у них, хороши ли были пирожки и, услышав, что никаких пирожков они не ели, страшно возмутилась, «обиделась» и стала уверять их, что пирожки они ели и хвалили, что нечестно с их стороны так врать, что больше мы никогда не будем брать их с собой и кормить пирожками и т.д. и т.п. И ребята поверили! Мне до сих пор стыдно за эту «шутку». Утешает только то, что ребята тогда не страдали от голода.

Вдруг часов около 12 ночи Тамара спросила, почему с нами нет Жени Процина. И тут же предложила съездить к нему. Помилуй Бог, Тамара, уже первый час ночи, ехать до Жени минут 40 (до Котельнической набережной), метро уже не работает, в нашем глухом углу (новый квартал, ул. Новаторов) в такое время такси не бывает, да и Женя вряд ли обрадуется столь позднему визиту. Но Тамара «завелась», сказала, что это пустяки, что Женька будет счастлив повидать нас, и надо непременно ехать, чтобы преподнести Жене такой замечательный сюрприз. Мы вышли на улицу, машин, слава Богу, нет. Но надо знать Тамару, она остановила какую-то медицинскую машину, возвращающуюся на базу, и уговорила водителя отвезти нас на Котельническую набережную. Было уже около часа ночи, когда мы позвонили в дверь квартиры Проциных. Дверь отворил Женя. Что там картина Репина «Не ждали»!

Такая она, наша Тамара. Всегда была веселой затейницей. Однажды в Ленинграде выпросила у капитана речного парохода штурвал и некоторое время под капитанским оком вела по Неве пароход.

У Тамары дочка Лена, старше Алеши, закончила кафедру генетики Биофака ЛГУ. Сейчас она работает в США, в Калифорнии. Живет одна в большом двухэтажном доме, Тамара ездит туда в гости. Один раз и я побывала у Лены, когда приезжала к Алеше и ездила с ним и Таней в Сан-Франциско. Встретила она меня очень радушно, долго разговаривали с ней, вспоминали Комарово и нашу светлую тогда жизнь. Утром она отвезла меня на машине до железнодорожной станции, и я уехала в Сан-Франциско, где меня встретил Леша.

После «перестройки» мы с Тamarой виделись раза два и столько же раз говорили по телефону, уже года три мы не общаемся, такая теперь жизнь... Я даже не знаю, живет ли она в России, в Комарово, или уехала к Лене. Однако надеюсь, что она дома и, может быть, мы еще встретимся.

В квартире на Якиманке

Первый день в школе

Готовились к нему всей семьей – родители рассказывали, как там будет интересно, как много будет новых ребят. Утром в наглаженном платье с бантом в волосах я в сопровождении мамы отправилась в первый класс в школу на Якиманке. Номер школы не помню, т.к. проучилась в ней всего несколько дней. После какой-то прививки серьезно и надолго заболела, какие-то припадки, а летом началась война, и было не до учебы – переезды в Иваново и Барнаул (эвакуация), где нас с Женей обучала его тетка Зина, учительница начальных классов. Потом полгода училась в Костроме.

Но 1 сентября 1940 года запомнился тем, что на большой перемене все дети побежали в буфет, туда же направилась и я. Все выходили из буфета с какими-то булочками. Я подумала, что это дают всем, но оказалось, что не дают, а продают, а у меня не было ни копейки. Думаю, что от волнения мама просто забыла положить деньги мне в карман. Так что с грустью и, как мне казалось, с позором я ушла из буфета и даже немного всплакнула.

В нашем дворе дома №35 на Большой Якиманке происходило общение с ребятами из нашего и соседних домов. Двор казался большим и таинственным. Играли в беговую и круговую лапту, прятки, казаки–разбойники,

скакалки, «штандер» и салочки. Рисовали на земле квартиры с мебелью, в которой мы якобы жили, делали «секреты».

«Секрет» – это небольшая ямка в земле, куда укладывали какие-нибудь красивые штучки – цветы, цветные камешки и стеклышки разной формы и т.п. Все это накрывалось стеклом, засыпалось землей, но оставлялось окошко, сквозь которое можно было любоваться на все эти «драгоценности». Как же интересно все это было! А двор казался большим и таинственным. Ходить в соседние дворы мама не разрешала, однако иногда мы нарушали этот запрет и совершали тайные путешествия в эти дворы, что приносило массу удовольствия и открытий – чужие дворы были совсем не такие, как наш.

Когда подросли мои внуки и уже пошли в школу, я однажды привела их в свой двор, о котором предварительно им рассказала. Оказалось, что он маленький, скучный, какой-то совсем пустой... Даша и Гриша и вовсе не были от него в восторге...

Тогда я подумала, что может быть не стоит посещать старые места, связанные с детством и другим восприятием жизни. Это вызывает лишь разочарование и грусть.

Война и Парад Победы

Война застала нас на даче на 42 км Казанской железной дороги. Накануне, 21 июня 1941, в субботу, мы смотрели музыкальный фильм «Большой вальс» о жизни композитора Иоганна Штрауса. Прекрасное пение, красивая актриса, исполнявшая главную роль. В памяти не осталось сюжета, но помню, как переживала за жену Штрауса, Полли, которую он все время бросал, разъезжая по гастролям с певицей.

А утром пришла война с фашистами, о возможности которой часто говорили взрослые. Как только по радио объявили о начале войны, папа тут же уехал в Москву. Через несколько дней папа приехал и увез нас в Москву. Был он очень утомлен, замкнут, озабочен, совсем перестал шутить. Так закончилось для меня лето в Подмосковье, где было интересно, где по субботам показывали кино. Закончилось беззаботное, веселое, милое детство. Мне тогда только что исполнилось 9 лет.

В Москве мы пробыли недолго, но застали бомбежки, от которых спасались в бомбоубежище в доме с керамической облицовкой, стоявшем на другой стороне Якиманки, где он

стоит и по сей день. Помню, как стали раскрашивать, маскировать некоторые здания, как на окна наклеили бумажные полоски крест на крест и повесили на них темные маскировочные занавески. По вечерам дежурные по дому ходили по улице и по дворам, проверяя, нет ли где-нибудь хотя бы лучика света. Если обнаруживали свет, то приходили и заставляли плотнее зашторить окно. Днем по улицам девушки в военной форме носили большие аэростаты заграждения, которые ночью поднимали в небо.

Было страшно, когда среди ночи раздавался жуткий вой сирен, и голос И. Левитана несколько раз объявлял: «Граждане, воздушная тревога!» В доме все приходило в движение – мама торопливо одевала нас с Сергеем, давала нам в руки кулечки с едой и какими-нибудь нашими одежками, сама брала приготовленные еще днем вещи и мы бегом направлялись в убежище. Хотелось спать, но спать не удавалось из-за большого количества шепотом говоривших людей, что-то шуршало, женщины пытались успокоить и укачать маленьких плачущих детей, было неуютно и тревожно.

Один случай запомнился навсегда. Тревогу объявили вечером, когда мы еще не спали, а мама мылась. Услышав сигнал тревоги, она, накрывшись то ли полотенцем, то ли простыней, лихорадочно одела нас и сказала – «Пошли!» – «Мама, ты же не одета совсем!» – с изумлением воскликнули мы. Тут только она обратила внимание на себя и стала поспешно одеваться.

Тревога вызывала страх не только потому, что выли сирены, стреляли зенитки и по небу рыскали прожекторы, стараясь поймать вражеские самолеты, но еще и потому, что уже было известно о разрушениях и гибели людей под бомбами. Особенно страх усилился после того, как в соседнем переулке на школу упала бомба днем, когда там были дети и многие из них погибли.

Папа дома практически не бывал, а если приходил, то далеко за полночь. По ночам взрослые ходили на крышу, чтобы сбрасывать зажигалки, если они попадут на дом.

В Москве мы пробыли недолго и в начале июля уехали в Иваново к дяде Ване, где прожили до середины октября 1941 года.

16 октября папа прислал за нами машину, и прямо из Иванова мы приехали на вокзал, погрузились в вагоны

электрички, прицепленные к паровозу, и отправились в эвакуацию в г. Барнаул. В те дни в Москве началась паника, немцы близко подошли к Москве.

Окна в вагонах были занавешены чем-то темным, весь вагон был разделен простынями на отсеки – в каждом две лавки и вместо стола коробки или чемоданы. Вместе с нами уезжали Прощины и Филаретовы. До Барнаула добирались долго, две недели. Помню сильную ночную бомбежку в Ярославле, где на путях стоял наш состав. Грохотали взрывы, горели какие-то вагоны, вокзал, было страшно и светло, как днем. К счастью, наш состав ушел с вокзала целым.

И вот на разъезде между станциями Буй и Данилов поезд остановился. Был день, мы увидели, что на проводах висели какие-то тряпки, вещи. Оказалось, что недавно разбомбили состав, который шел перед нами. По рельсам ходил обходчик с палкой, разгребая что-то. Мои родители и Прощины пошли в тамбур, запретив нам куда-либо ходить и смотреть в окно. Вернувшись, они долго совещались, показать или не показывать нам, детям, то, что было на путях. Наши родители решили, что показывать не нужно, если разбомбят нас, то мы все равно все увидим, а если нет, то и пугать не следует. Прощины решили что-то показать Жене, ему было тогда 7 лет. Оказалось, что это «что-то» была лежавшая перед нашим вагоном оторванная нога в сапоге, а кругом – остатки того, что было недавно людьми.

С Женей случилась истерика, он плакал и кричал, чтобы скорее отправляли состав.

Обходчик сказал, что немцы летают и бомбят почти все составы. Однако мы избежали там бомбежки и уехали с этого разъезда до нее.

О том, что случилось у станции Шарья с мамой, я уже написала, рассказывая о ней.

Где-то в районе г. Молотова (теперь Пермь), куда не залетали фашистские самолеты, кончилась зона маскировки, и можно было смотреть в окно не только днем, но и вечером, и видеть залитые светом города и деревни. Вот была радость!

Наконец, 1 ноября 1941 года приехали в Барнаул. Нас поселили в двухкомнатную квартиру вместе с Филаретовыми в полуторном этаже (по московским меркам это второй этаж). Оказалось, что зимой так много выпадает снега, что сугробы вырастают обычно как раз до этого уровня.

Из барнаульского житья помню, как зимой мы бегали за санями, на которых возили подсолнечный жмых, подбирали на дороге и ели то, что падало с саней. Было очень вкусно! Еще зачем-то жевали черный вар, иногда пили чай с патокой, казавшейся нам лакомством... Много позже, когда в 1969 г. я пришла работать на кафедру на Биофак, зачем-то зайдя в комнату, где варили корм для дрозофилы, я увидела патоку, которую добавляли в корм, обрадовалась и попросила угостить меня ею. Девочки-лаборантки были в изумлении. Я взяла патоку в рот и ... не смогла проглотить – такая это была приторная гадость.

Помню жуткую снежную пургу, которая свалила с ног тетю Зину, сестру Любовь Сергеевны Прощиной, вырвала из ее рук сумку с документами. Их так и не удалось потом найти – так их разметало ветром и замело снегом. Долгое время тетя Зина восстанавливала документы, собирала какие-то справки, чтобы устроиться на работу – она была учительницей начальной школы.

Папа и А.С. Прощин в начале марта 1942 года возвратились в Москву. Однажды дядя Шура прислал для Жени валенки с калошами, незаменимая и роскошная для зимы вещь. Женька был тогда мальчишка отчаянный, озорной, и в один прекрасный день на улице ранней весной залез в такую громадную лужу грязи, что выбраться оттуда сам не смог, его с трудом вытащили взрослые, но, кажется, без калош, за что он был сурово наказан тетей Любой.

Помню о своих злключениях в Барнауле, о падении с качелей и переломе носа, доставивших маме столько волнений. Там же возникла моя первая влюбленность в мальчика, который был старше меня, внимания на меня не обращал, смотрел, как на младенца, а я изо всех сил пыталась ему понравиться, ходила за ним, пыталась что-то рассказывать, но, увы, все было напрасно!

В Барнауле испытала одно из сильнейших потрясений, связанных с войной.

Как-то краем уха я услышала разговор мамы с тетей Женей Филаретовой, в котором преобладали фразы – «Какой ужас! Варвары!» и т.п. При этом я видела, что они смотрят какую-то газету, которую прятали при моем появлении. Дождавшись, когда взрослые ушли из дома, я принялась искать газету и нашла ее под матрасом маминой кровати. Это была газета «Правда» с очерком, который назывался «Таня».

Очерк я, конечно, прочла. Трудно передать ужас и непонимание того, как это могли сделать люди. А фотография Тани с петлей на шее и отрезанной грудью, сделанная каким-то фашистом, стоит в памяти до сих пор... Тогда еще не было известно, что Таня – это Зоя Космодемьянская.

Весной 1942 г. мы с мамой уехали в Кострому. Там я впервые услышала в театре выступление ансамбля Красной Армии под руководством А. Александрова. Впечатление было огромное. Пение ансамбля вызывало не только удовольствие от исполнения, но и уверенность в нашей Победе – такова была атмосфера того концерта. Уверенность поддерживалась передачами по радио, разговорами родителей и их друзей. В Костроме я училась в школе во втором классе, как проходила учеба практически не помню, но хорошо помню, как влюбленный в меня мальчик по фамилии Тараканов однажды чуть не задушил меня, дурак, моим же шарфом – так неистово он хотел показать свою влюбленность. Спасла меня учительница, которая в этот момент вошла в класс.

Как я уже написала, мама всеми силами держалась, стараясь не огорчать отца, но, наконец, написала ему письмо, в котором на нескольких страницах была лишь одна, многократно повторенная фраза: «Коля! Забери меня отсюда!»

В конце января 1943 г. было подписано поданное в четвертый раз папино заявление о нашем возвращении в Москву, до этого были отказы (без вызова въезд в Москву был временно запрещен). Папа прислал вызов, и 28 января 1943 г. мы вернулись домой – дату я нашла в папиной записной книжке.

Последние годы войны мы жили в Москве. Я ходила в школу, что возле церкви на Якиманке (почти напротив французского посольства, бывшего особняка купца Игумнова), в третий и четвертый классы, а также во Дворец Пионеров, куда-то на набережную возле Крымского моста, где пела в хоре, помню лишь одну из песен – «Вниз по матушке, по Волге».

Бомбежек тогда уже не было, но жилось трудно и голодно. Мама ходила на рынок и меняла на продукты наши весьма скудные вещи и даже книги. До сих пор помню и жалею о двух книгах – стихи и переводы С. Маршака в синей

обложке и большая по формату книга о Лермонтове с его стихами, рисунками и множеством разных иллюстраций.

С 10 марта 1942 года и до конца войны папа был в Москве.

Из-за почти полной потери зрения правого глаза отец не воевал на фронте, хотя отправился в призывной пункт сразу после объявления войны. Он был записан в команду химзащиты, дежурил на чердаках во время бомбежек, разгружал дрова, ежедневно занимался Всевобучем.

С июля 1941 года папа вел записи о событиях и сообщениях Совинформбюро и передачах по радио «В последний час». Всего было сделано около 300 записей, причем многие из них описывали события не одного, а нескольких дней, так что по ним можно почти документально проследить весь ход войны, наши поражения и победы, узнать, когда и какие города мы теряли и вновь отбивали у фашистов, когда были бомбежки Москвы в первые месяцы войны, когда и как проходили главные сражения, обеспечившие нашу победу – Московская битва, оборона Ленинграда, Севастополя и Одессы, Сталинградская битва и т.д. Рассказано о салютах в честь освобождения городов, о его поездке на фронт в декабре 1942 года. В них, конечно, написано и о том, что происходило с нашей семьей и с его друзьями. Больше всего записей сделано в 1941–1943 годах.

Вот некоторые из них. (Надеюсь, что брат Коля опубликует эти записки полностью.)

«21.07.41. Первая бомбардировка Москвы. Фашисты бросали фугасные бомбы куда попало и разбомбили в основном несколько жилых домов. Было сброшено также много зажигательных бомб – зажигалок, вызвавших много очагов пожаров.

09.09.41. Началась война между США и Японией. Ночью бомбежка.

23.09.41. Бомбежка. Ночевал на работе.

25.09.41. Воздушная тревога. Бомбежки не было.

27.09.41. В ночь с 26 на 27 июля на Якиманке упала фугасная бомба. Она разрушила школу и жилой дом».

13.09.41. Приехал в Иваново и долго искал улицу [на которой жили мама и я с Сергеем]. Оставив машину, поднялся на 4 этаж и постучал в дверь с цифрой 10. Вышел человек, сказал, что Рябчиков живет здесь, и указал на дверь. Но я уже и сам слышал милый лепет Сережи и

рассудительный голос Нины. Когда я открыл дверь, Мария шарахнулась в сторону, Нина громко заплакала, и даже Сережа заволновался.

18.09.41. Только что приехал в Москву из Иванова. Еще не изгладился солоноватый вкус слез, которые попадали на меня от Ниночки и Марии. Молодцом держался Сережа. Мои милые, родные! Без вас я как обгорелый пенек!

19.09.41. Дежурство.

20.09.41. Воздушная тревога, дежурство.

21.09.41. Оставлен Киев.

22, 23, 26 и 27 09.41. Воздушная тревога.

29.09.41 Дежурство.

09.10.41 Оставлен Орел.

16.10.41. Отъезд в эвакуацию в Барнаул.

Три дня – 16–18 октября в Москве была паника. Ночь была темная, мрачная. Вокруг вспыхивали зарницы от орудийных выстрелов. По улицам шли танки, машины и пехота, бежали люди с узлами и чемоданами. После 18 октября порядок в Москве был восстановлен.

17.10.41. Перед станцией Данилов (Всполие) – бомбежка, стояли у остатков разбитых бомбежкой вагонов. Головы... ноги...

25.10.41. Проехали Молотов.

17.10.41. Проехали Свердловск.

20.10.41. Больше стоим, чем едем.

01.11.41. Прибыли в Барнаул.

06.11.41. Сообщили в «Правде», что фашистские изверги бомбили Большой театр и Университет, а также одно из зданий ЦК.

07.11.41. Осталось прожить еще несколько дней неудачного тяжелого 1941 г. К концу его дела начинают поправляться. Сегодня Информбюро сообщает о занятии нашими войсками Наро-Фоминска.

11.11.41. Назначен секретарем райкома по кадрам.

12.12.41 Сообщение о разгроме немцев под Москвой.

18.12.41. Наши войска освободили г. Калинин.

2.01.42. Начало года лично у меня неудачное. Маруся ночью сидела за столом и вдруг свалилась в обморок. Становится совсем тоскливо, когда подумаешь об этом.

16.01.42. Марии вчера снова было плохо. Видимо, катастрофа у меня еще будет. И скоро...

04.02.42. Наши оставили Феодосию».

Из записей, сделанных в Москве после возвращения из Барнаула.

«10 03.42. Обедал у Кузнецовой, она дала мне коробку зубного порошка. Завтра начищу зубы в ПЕРВЫЙ РАЗ ЗА ТРИ МЕСЯЦА(!)

13.03.42 Москва неузнаваема. Квартиры заморожены. В большой комнате моей квартиры на столе замерзла вода в стакане. Живу у Прощина.

Дома во время бомбежек Москвы мы сидели на чердаке, изредка вылезали на крышу. Наш дом № 35 на Большой Якиманке – шестиэтажный, первые три этажа – старый дом с толстыми стенами – и надстройка – следующие три этажа, осуществленная в 1935–37 годах. Она была очень хлипкая и сильно дрожала, когда неподалеку взрывались фугасные бомбы. Дрожала она и от артиллерийской пальбы. В общем, находиться во время бомбежек на чердаке этого дома было неприятно – казалось, что он вот-вот развалится.

9 04.04.42. Аккуратно хожу заниматься Всевобучем.

24.04.42. Утром на занятиях рассказывали о пулемете «Максим».

01.05.42. Дежурство.

10.05.42. Занятия в Сокольниках. После пробежки с переползаниями язык вываливается, а глаза лезут на лоб. Однако были и слабее меня. Занимаемся каждый день. Оружие осваивается плохо.

12.05.42. Занятия продолжаются, и конца этому не видно. Винтовку вызубрил, как будто лучше нельзя. Но зачем [она] мне, понять не могу. Стрелять же я не могу. Ну, да авось пригодится.

19.05.42. Сегодня в 18 часов зачитали приказ об окончании Всевобуча. Я получил оценку отлично.

25.05.42. Перебрался от Прощина на свою квартиру на Якиманке.

06.05.42. Мне присвоили звание батальонного комиссара запаса.

24.07.42. Ночью на улицах Москвы темно. Только на перекрестках горят светофоры. Бесшумно скользят машины. Вокруг неосвещенные громады домов, зияющие провалы темных окон. Кажется, что все спокойно и все безмятежно спят... Но это не так. Вдруг перед тобой вырастает тень... «Патруль военной комендатуры. Ваш пропуск». Вот слышан

какой-то глухой шум в здании с железными решетками на окнах. Там работают. Может быть, это хлебозавод, а, может быть, там делают снаряды. Не исключено, что делают и то и другое. Вот патруль остановил машину. На минуту сверкнул луч фонарика. С моста видны причудливые силуэты кремлевских башен и громада дворца, в залах которого проходили исторические заседания. Куранты на Спасской башне проиграли три раза... 1 час 45 минут.

Безмолвно висят аэростаты воздушного заграждения. Сколько их? Много! Тишина. Вот на мгновение вспыхнул в небе мощный луч прожектора, он выхватил из тьмы черную гряду облаков и снова погас. Вот у подъезда темная фигура, настороженно приглядывающаяся к вам. Это дежурный по дому.

26.07.42. Ездили в Мытищи на тактические учения. По тому, что происходило на поле, можно представить, какое сложное дело современный бой. Понятно, почему страшны танки. В течение нескольких минут 7–8 танков буквально проутюжили всю местность перед передним краем обороны и нашвыряли автоматчиков. При этом танки появились совсем не с той стороны, где их приготовились встретить...

27.07.42. Оставлены Новочеркасск и Ростов-на-Дону.

С 14 по 29 августа работал в воинской части в лесу.

20.08.42. Наши бомбили Кенигсберг.

31.08.42. Наши бомбили немецкие города.

08.09.42. Военная тревога, дежурил. Немцы рвутся к Сталинграду.

09.09.42. Сбито 11 немецких самолетов.

13.09.42. Иду выгружать дрова.

04.10.42. Заболел желудок, через час после еды боль валит с ног. Ем очень мало, только молочное без хлеба, сильно ослаб, еле двигаются ноги. Дежурил.

14.10.42. Дико болит желудок. Самочувствие паршивое, сильно похудел, под глазами синяки. Сегодня брали желудочный сок. Исключительно мучительная операция.

15.10.42. В поликлинике установили (рентген) язву желудка. Время для язвенных больных неподходящее... Бросает в жар и в холод. Врач говорит, что язва кровоточит. На днях ложусь в больницу. Но пока в больнице нет мест. Желудок болит даже натошак. Проклятый желудок!

18.11.42. Вышел из б-цы, где пролежал 27 дней. Боли прекратились, язва зарубцевалась».

О поездке на фронт с Монгольской делегацией в декабре 1942 года.

06.12.42. На Ярославском вокзале встречал Монгольскую делегацию <...> (об этом более подробно написано выше. – Н.О.)

14.12.42. Были в резервной бригаде. Смотрели боевое учение. Интересно было на артиллерийских позициях, стреляли по противнику.

15.02.42. Рано утром выехали к передовым линиям (в 3–4 км от переднего края). Смотрели, как стреляет «Катюша», два залпа по 16 снарядов. Зрелище очень эффектное.

18.02.42. Едем на артпозиции. Вчера видели пленного немца. Гаденький змееныш... Посетили 171-ю, 163-ю и 245-ю дивизии, артиллерийский полк и госпиталь. В каждой части смотрели армейскую самодеятельность. Замечательно! В 163-й дивизии видели знаменитого снайпера Намаконова, убившего 245 фашистов. Он награжден орденом Ленина.

23.12.42. Последние три дня были у летчиков, затем в Политуправлении и на приеме в Военном Совете. Везде делегацию встречал восторженный прием.

25.12.42. В 6 утра приехали на Октябрьский вокзал.

01.01.43. В «Правде» напечатаны «Итоги шестинедельного наступления наших войск на подступах к Сталинграду».

06.08.43. Первый салют в Москве.

10.04.44. Наши освободили Одессу.

24.04.44. Провели пленных немцев по Москве.

10.05.44. Освобожден Севастополь.

12.03.45. 300-й салют в Москве.

12.04.45. Умер Президент США Ф. Рузвельт.

24.04.45. Наши в Берлине.

30.04.45. Отменена светомаскировка. С Кремлевских звезд сняли чехлы.

01.05.45. Первомайский парад на Красной площади, ходил с Ниной и Сережей.

09.05.45. Сообщение о капитуляции Германии. День 9 мая объявлен праздником Победы.

24.06.45. Парад Победы на Красной площади! Был с Ниной и Сережей».

В войну отец потерял двух своих друзей – Михаила Федоровича Герасимова и Александра Андреевича Вавилова. Вот как об этом написал папа.

«Война поглощает столько человеческих жизней. Поколение, выращенное Советской властью за годы революции, сейчас истребляется безжалостной машиной войны... Рабочие ребята, выжившие в период империалистической войны 1914–1918 гг. Они знали первые дни революции, ощущали радость освобождения от дикого произвола, царившего на фабриках. Они учились – Рабфак, ВУЗ, аспирантура. Ценнейший фонд партии, страны.

Михаил Федорович Герасимов.

6 июня 1942 г. Шура (Процин) сообщил, что на Ленинградском фронте погиб смертью храбрых Михаил Федорович Герасимов. До слез жалко Михаила Федоровича! Не хочется верить, что его уже не будет больше. Это был человек, которому можно было доверять. Он был предан делу рабочего класса, а это главное, что определяет его ценность. Вечная память тебе, Михаил Федорович Герасимов!

Александр Андреевич Вавилов.

07.02.44. Саша Вавилов в исключительно тяжелом положении. Лежит с разрезанным горлом, говорить не может. Надежд на его выздоровление никаких (саркома). Очень жаль беднягу.

03.03.44. Сегодня в 8 часов утра умер Александр Андреевич Вавилов.

Грамотный, умный, хороший работник, честный и преданный коммунист. Русский, вышедший из глубин народных. Деды его и прадеды были, очевидно, крепостными.

Совместная работа с ним в Таджикистане сроднила нас. Я всегда питал к нему чувства глубокой симпатии и уважения. Трудно подобрать слова, чтобы выразить мое глубочайшее сожаление по поводу его смерти.

Прощай, родной! Пусть навеки сохранится в сердце моем память о тебе и о тех днях, которые провели мы вместе. Последний месяц он все время лежал лицом к стене. Какая нелепость умереть в 38 лет мучительной смертью. Жалость тискалами схватывает сердце...

06.03.44. Сегодня была кремация Саши Вавилова. Бедный мученик. Он так много перенес в борьбе с невидимым противником – саркомой».

В апреле 1944 г. мы переехали на Можайское шоссе, сначала в одну из двух комнат квартиры, принадлежавшей семье офицера, служившего в Германии (вторая комната была закрыта). Спустя несколько месяцев папе дали небольшую двухкомнатную квартиру в том же доме, где мы прожили почти 14 лет.

Там я сменила две школы, в одну из которых, № 665, весной возила меня мама на саночках сдавать переводные испытания, которые были тогда после 3–6 классов. Там же, почему-то на лестничной площадке, без всякой торжественности меня приняли в пионеры, я повторила вслед за вожатой торжественное обещание. Она произнесла: «К борьбе за дело Ленина–Сталина будь готов!», я ответила: «Всегда готов!», и она повязала мне красный галстук... Для меня это было очень важное и долгожданное событие.

Я очень стремилась в комсомол, даже ходила в Киевский райком комсомола узнать, почему меня не принимают (мне было тогда 13 лет). Там мне серьезно объяснили, что по Уставу в ряды ВЛКСМ принимают только с 14 лет. Успокоилась, дождалась своих 14 лет и вступила в комсомол в 6-м классе, предварительно тщательно изучив Устав и подготовившись «по политике» по газетам.

Помню светлый день окончания войны – 9 мая 1945 года. На улице полно народу, все радуются, смеются, обнимаются. Даже те, кто потерял в войну близких, улыбаются сквозь слезы. Поистине, «это праздник со слезами на глазах».

Из репродукторов льется веселая, бравурная музыка, временами прерываемая сообщениями о капитуляции Германии и разными праздничными лозунгами. На Красную площадь меня не пустили родители – слишком мала. Но то, что там происходило, периодически сообщали по радио и потом много раз показывали в кино – заполненная до отказа площадь, крики «Ура!», подбрасываемые в воздух военные, объятия, цветы, поцелуи...

Вечером был грандиозный праздничный салют. Описать всеобщее волнение и ликование того дня трудно – все было, как никогда, прекрасным!

Парад Победы

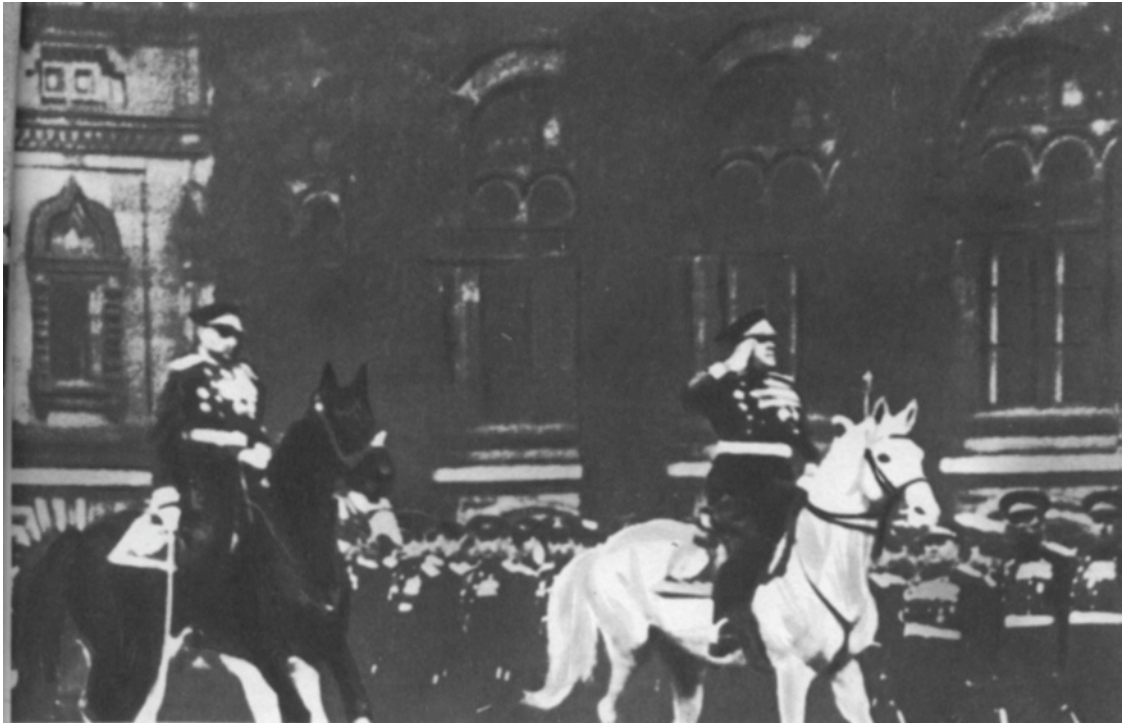
С концом войны связано еще одно чудесное воспоминание – это парад Победы, который состоялся 24 июня 1945 года, куда папа взял меня и Сергея.

Мы стояли на 24-й трибуне, что находится слева от Мавзолея Ленина, если встать к нему лицом. С трепетом ждали появления

на трибуне Мавзолея Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. И вот он появился вместе с военными, членами правительства и руководителями партии. Сталин был так близко, что в течение парада мы могли все время наблюдать за ним.

В 10 часов под бой курантов из ворот Спасской башни кремля появились известные не только в нашей стране, но и во всем мире полководцы: командующий парадом маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский на вороном коне и принимающий парад маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков на белом коне.

По периметру Красной площади выстроились представители всех 10-ти фронтов – Карельского, Прибалтийского, Ленинградского, 1, 2 и 3 Белорусских, 1, 2, 3 и 4 Украинских – а также полк моряков Военно-морского флота, представители всех военных академий, Суворовских и Нахимовских училищ и части Московского гарнизона. У всех воинов на груди ордена и медали, у многих – Звезды Героев Советского Союза.

*Парад Победы на Красной площади в Москве.
24 июня 1945 года*

Как у Пушкина – «Все красавцы молодые, великаны удалые, все равны, как на подбор!»... Как мы узнали потом, среди тех, кто участвовал в параде, были люди, уходившие на фронт с парада 7 ноября 1941 года.

Прозвучала команда: «Смирно!» и начался объезд войск. Г.К. Жуков поочередно здоровался с воинами разных соединений, поздравлял с Победой. В ответ звучало: «Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза!» и громкое, троекратно повторенное «Ура!» После объезда войск сводный военный оркестр в составе 400 человек (об этом сообщили по радио) исполнил «Славься!» М.И. Глинки. Г.К. Жуков поднялся на трибуну Мавзолея Ленина и по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства произнес речь, закончив ее словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за нашу Советскую Родину! Да здравствует народ-победитель, его военные силы и наш вождь товарищ Сталин!»

Под звуки Гимна Советского Союза прозвучал мощный салют – 50 залпов из орудий, расположенных на кремлевской стене.

Начался церемониальный марш войск, который продолжался около двух часов. Все было прекрасно, но в течение всего парада лил сильный дождь. Мы видели, как к

Сталину подходили люди и предлагали ему зонт или уйти с трибуны. Но он только отрицательно качал головой, с парада не ушел и зонта не взял.

Проход войск был великолепен. Впереди несли знамя Победы, привезенное 20 июня из Берлина для парада. Особенно красиво, как всегда, шли моряки, суворовцы и нахимовцы. Во время прохода войск, по радио рассказывали о боевом пути каждого подразделения, о Героях Советского Союза, о военачальниках.

Во время войны было захвачено большое количество знамен разбитых гитлеровских армий и частей, в том числе личный штандарт Гитлера. Специально выделенная рота несла 200 отобранных штандартов, опустив их почти до земли. И под громовой треск барабанов бросали их к подножью Мавзолея на специально сделанные деревянные подмости, чтобы не оскверняли они своим прикосновением священных камней брусчатки Красной площади...

А потом пошли пограничники с собаками, кавалерия и техника. Огромные пушки, танки Т-34 и КВ, бронетранспортеры и знаменитые «Катюши», встреченные аплодисментами.

А дождь лил все сильнее, поэтому запланированная демонстрация трудящихся не состоялась.

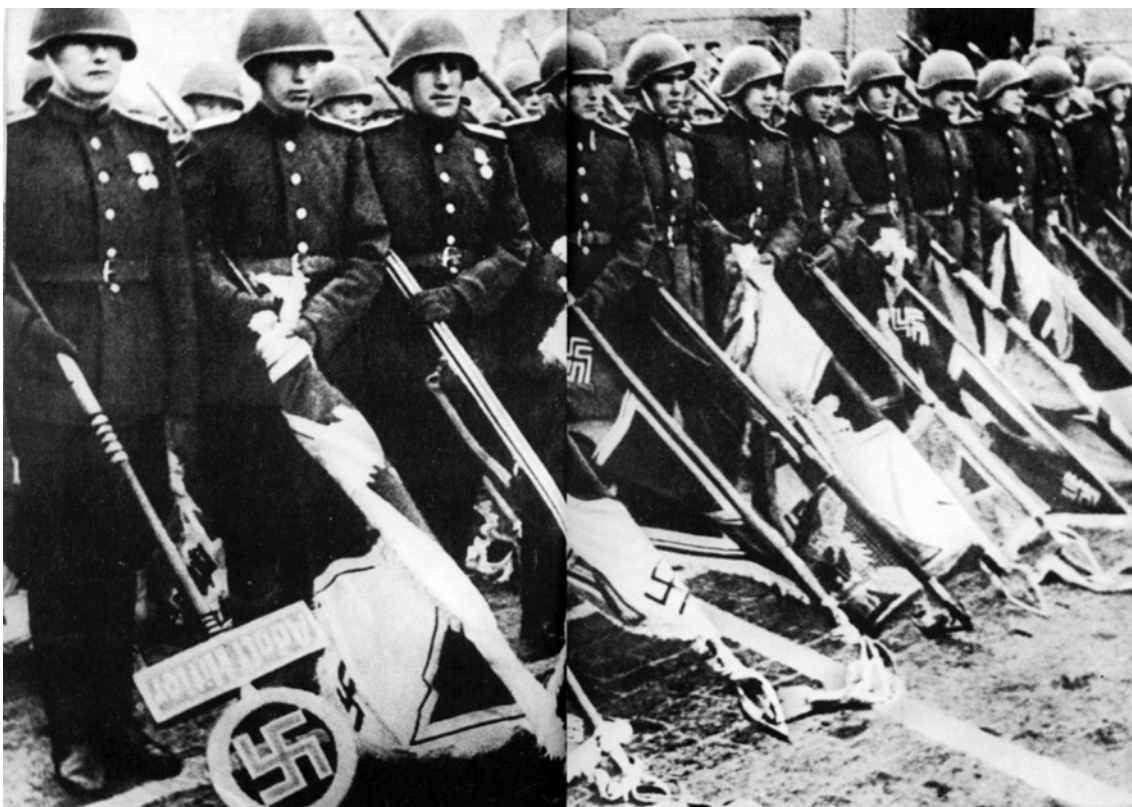
После парада, промокшие, но счастливые, мы пошли к папе на работу в ЦК, немного обогрелись и поехали домой. В ЦК в тот день я была в первый и последний раз.

Вечером, в 23 часа, под звон Кремлевских курантов пять прожекторных колец опоясали Москву. Из многих сотен аэростатов посыпались тысячи ракет, а навстречу полетели разноцветные огни фейерверков...

В очерке «Полдень победы» Леонид Леонов написал об участниках парада:

«Дорогие отроки и девочки, и вы – совсем маленькие! Запомните этих грозных и очень добрых людей, избавивших вас от кнута и виселицы, от газа «циклон» и печки со страшным красным глазком... Таких подарков детям не дарил еще никто. И если когда-нибудь усталость надломит ваше вдохновение или грянут черные минуты, от которых мы, немножко постаревшие и смертные, не можем оборонить вас на расстоянии веков, – вспомните этот день, и вам смешна станет временная невзгода. Вам будет так, как если бы раскрыли бесконечно святую книгу творческой муки,

беззаветного героизма и бессонного труда. Эта книга называется Великая Отечественная война».

*Парад Победы на Красной площади в Москве.
24 июня 1945 года
Поверженные штандарты
фашисткой Германии*

Моя школа

До пятого класса в связи с войной я сменила несколько школ – училась немного в Барнауле и Костроме, в разных школах Москвы. Окончила среднюю школу № 65 Киевского района Москвы в 1951 году, где училась в 5–10 классах.

Школа была замечательная. У нас была умная, спокойная, доброжелательная директриса – **Анна Сергеевна Кузнецова**. В старших классах много прекрасных учителей – наш классный руководитель, преподаватель физики, молодая, энергичная, остроумная, справедливая **Людмила Александровна Кондратьева**, старше многих из нас всего лет на 5–6, которую мы не только уважали, но и очень любили, старались ей подражать. Была изумительная учительница литературы – **Лидия Марковна Кондратьева**, таких преподавателей литературы, как она, я не встречала.

Мы изучали все, что полагалось по программе, но манера ведения урока, умные интересные вопросы, заставляющие думать, вызывали восхищение и желание знать как можно больше. Было стыдно не знать какого-либо произведения, упомянутого Лидией Марковной, поэтому я немедленно искала и читала его. В 7-м классе **Инна Петровна Ревякина**, учительница русского языка, преподававшая еще в дореволюционной гимназии, научила нас грамотно писать, очень просто, доходчиво объясняла правила правописания. До нее в 5-м и 6-м классах была другая учительница, которая скучно и непонятно объясняла правила русского языка, из-за чего многие из нас до седьмого класса писали с большим количеством ошибок. Запомнилось, например, что мы никак не могли понять, как отличить действительное причастие от страдательного, которое на кого-то переходит. Инна Петровна объяснила это очень просто – их различают по суффиксу: в страдательном причастии суффиксы «ен, енн», в действительном – «ащ, ящ».

Хорошие преподаватели были по истории – Нина Алексеевна (кстати, выпускница истфака МГУ) и географии – **Валентина Петровна Курочкина**.

Плохих учителей, пожалуй, не было, но были нелюбимые. Помню двоих – Марину Никитичну, ту самую, что обучала нас русскому языку в 5–6 классах. Мало того, что она плохо объясняла, она еще часто кричала на нас, обзывала

*Нина Визжилина
в школьные годы*

тупицами и т.п. Ей мы устраивали мелкие пакости – натирали доску чесноком, так что писать на ней было невозможно, подкладывали кнопки на стул (!) и т.п. А в старших классах – математичку **Клавдию Ивановну Емельянову** (про себя мы называли ее Кланей), которую не любили не потому, что плохо учила, учила-то как раз хорошо, а потому, что по вечерам выходила на Можайское шоссе, где мы обычно гуляли, и, не дай Бог, встречала кого-либо из нас с мальчиком! На следующий день обычно вызывала эту несчастную к доске и, если она плохо отвечала, К. И. говорила: «Это вам не с мальчиком по Можайскому прогуливаться...»

Так что с учителями нам в основном повезло. Они не только хорошо преподавали свои предметы, но и всячески поощряли наши инициативы – будь то диспут по поводу любимых книг или спектакль, который мы пытались самостоятельно поставить. В частности, в нашей женской

школе (тогда было отдельное обучение) мы решили поставить спектакль по повести А. Гайдара «Тимур и его команда», в котором почти все роли были мужские – ведь в команде Тимура были одни мальчики, в том числе и хулиган Квакин с его сотоварищами. Из двух женских ролей – Жени и ее старшей сестры Ольги, я должна была играть роль Жени. Тимуром была Рая Гусева, Колей Колокольчиковым – Лида Андреева и т.д. Мы долго, почти целый учебный год, репетировали, почти ежедневно оставаясь в школе после уроков, но почему-то так и не сыграли этот спектакль на сцене.

В школе мы все ходили в одинаковой форме – в коричневых полушерстяных платьях и черных фартуках в будни и белых – в праздники. У мальчиков тоже была форма – брюки и пиджачки из какого-то серого полусукна.

Мне кажется, это было правильно и хорошо, хотя тогда нам это не нравилось. Во-первых, в войну и первые годы после нее трудно было купить что-либо приличное, да и у большинства населения на это не было денег. Во-вторых, и это главное, нас различали не по одежде, а по характеру, способностям и уму. Жаль, что теперь нет формы в школе – сейчас ученики, особенно девочки, различаются в основном по одежде, а не по уму. Ну и, конечно, не разрешалась никакая косметика. Однажды Инна Навысоцкая явилась в школу с маникюром, так мы попросили нашу Людмилу Александровну смыть ацетоном «это безобразие», что и было сделано к нашему удовольствию.

Из 34-х девочек нашего 10 «А» класса помню многих. особенно свою самую близкую задушевную подругу на долгие времена – Иришу Титову.

В школе много внимания уделялось нашему воспитанию, особенно патриотическому. На классных часах обсуждались не только наши оценки и проступки, но и рассказывалось о том, что происходит в мире, причем часто эти сообщения делали мы сами по газетам (это было время возникновения стран народной демократии). Там же говорили о прочитанных книгах и планах нашей школьной жизни.

Мы учились во время войны и в первые годы после нее. Естественно, что героическая история войны, подвиги наших людей на фронте и в тылу, самоотверженный труд женщин и

детей находили горячий отклик в наших душах. В нашем классе особенно трепетно относились к ребятам из подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей в городе Краснодоне. Почти все они погибли от рук фашистов. После выхода в свет книги А.А. Фадеева «Молодая гвардия» (первое издание) у каждой из нас появился свой любимый герой, о котором старались узнать побольше и стать хоть чуточку похожим на него. Конечно, книга обсуждалась в классе, мы неоднократно смотрели кинофильм «Молодая гвардия», ходили на одноименный спектакль в театр им. Маяковского. Помню, как в антракте отправились за кулисы, чтобы выразить восхищение и поблагодарить артистов, особенно Татьяну Карпову, игравшую Любку Шевцову. И вот за кулисами нам навстречу вышел артист, игравший эсесовского офицера, в черной ненавистной форме со свастикой на рукаве. Это был шок и потрясение. Потом долго пытались друг друга и себя, смогли ли бы мы вести себя, как молодогвардейцы, в реальной жизни.

В своем стремлении быть похожими на них – честными, мужественными, бесстрашными, преданными Родине и готовыми на смерть ради нее, мы доходили иногда до крайности. Прием в комсомол в нашей школе был очень строгим. Мы считали, что комсомольцами могут быть только серьезные, политически грамотные, активные люди. Принимали не «оптом» и не всех.

Помню, как в 1950 году принимали в комсомол девочку, отец которой работал в ЦК партии. Ее долго спрашивали о задачах комсомола и по Уставу ВЛКСМ, а в конце, конечно же, спросили о «Молодой гвардии» и ее любимом герое. Когда же выяснилось, что она не читала эту книгу (!) и не знает о подпольной организации Краснодона, мы не приняли ее в комсомол, потому что считали, что человек, не знающий героев своей страны, отдавших за нее жизнь, не достоин быть комсомольцем. В школу приходил отец девочки и долго разговаривал с директором и парторгом школы, которые потом пытались мягко убедить нас, что девочка хорошая и просто не успела прочитать книгу, а потому не следует так строго поступать с ней, но мы твердо стояли на своем. Девочку вскоре перевели в другую школу и там приняли в

комсомол. Конечно, это было проявлением юношеского максимализма, но мы были искренне уверены в своей правоте.

Мне кажется, что в большинстве теперешних школ нет ничего подобного, практически отсутствует воспитание чувства патриотизма, хотя наверняка его можно создавать не только на коммунистических идеалах. Слово патриотизм в нашей стране сейчас стало почти неприличным. Дико видеть, что в стране, победившей фашизм в долгой кровавой, разрушительной войне, вдруг возникают организации фашистского толка, с фашистской идеологией и всеми атрибутами фашистов – свастикой, приветствием «Хайль!» и т.п. Каково видеть это людям, воевавшим на фронте, многочисленным труженикам тыла, работавшим буквально день и ночь на победу, женщинам, мужчинам и детям, побывавшим в оккупации и фашистских лагерях смерти. Хотя в России есть закон, запрещающий фашистские организации и идеологию, находятся взрослые люди, якобы всё знающие о войне, которые пропагандируют фашизм, собирая вокруг себя подростков, никогда не видевших войны и не знающих об ужасах фашизма. Уж этих-то «воспитателей» следует привлекать за это к уголовной ответственности. А главное – в стране должна быть идеология и идеологическое воспитание, только тогда не будут возникать экстремистские группы и вновь с гордостью станет звучать слово ПАТРИОТИЗМ, возникнет любовь и уважение к своей стране.

Наши учителя ненавязчиво, однако четко, давали нам также азы этики, объясняли, как должны вести себя воспитанные люди в разных ситуациях. Пожалуй, никому из нас не приходило в голову сидя разговаривать со старшими, не уступить им места в транспорте, не поздороваться.

Много времени занимала комсомольская работа, я была членом комитета, а потом секретарем школьной комсомольской организации. И конечно участвовала в самодеятельности – пела, читала стихи и отрывок из «Молодой гвардии», посвященный Сергею Тюленину. Однажды даже танцевала одну из лошадок в танце «Тройка» на новогоднем вечере. Готовясь к выступлению, я решила слегка завить волосы – «гриву лошадки». Нагрела щипцы и

стала нюхать, чтобы понять, не перегрела ли их, при этом нечаянно приложила щипцы к носу. Так и пришлось танцевать с красным кончиком носа, потому что попытки забелить его зубной пастой и запудрить успеха не имели. Я была очень огорчена...

Почти три года я руководила хором – в 8-м, 9-м и 10-м классах.

*Нина Визжилина (слева)
руководит школьным хором*

После 9-го класса я пошла к Анне Сергеевне и попросила разрешения пригласить мальчиков из соседней мужской школы, так как без мужских голосов некоторые песни не звучат... А. С., мудрая женщина, улыбнулась и разрешила. Несколько девочек из хора во главе со мной отправились к соседям в школьный комитет комсомола и изложили там нашу просьбу, которую мальчики встретили с энтузиазмом. Сначала в хор пришло много ребят, но быстро выяснилось, что большинство из них вовсе не умели и не собирались петь. Так что в хоре, в конце концов, осталось их пятеро. Они, конечно, не только пели, но и стали ухаживать за нами. Помню, что Ирешку часто провожал домой и вел с ней всякие беседы высокий, худой, симпатичный мальчик по фамилии Хорьков, меня обычно сопровождал Витя Селезнев – парень среднего

роста и плотного сложения... Но кончалась четвертая четверть, нужно было готовиться к выпускным экзаменам и думать о дальнейшей жизни, о поступлении в институт. Стало не до пения.

*Ира Титова –
моя любимая школьная подруга*

Конечно, школа для многих из нас сыграла свою роль в выборе профессии, который в значительной мере определялся влиянием и талантом учителя. Несколько девочек стали физиками.

В течение многих лет после окончания школы мы встречались вместе и часто приходили к Людмиле Александровне в дни ее рождения или просто за советами. К сожалению, ее уже давно нет с нами.

Пошел уже тридцать четвертый год, как после тяжелой изнурительной болезни ушла из жизни моя первая любимая подруга – Ириша Титова.

Наша дружба началась в школе, в восьмом классе, когда два седьмых класса – «Б» и «В» – объединили в один восьмой, назвав его 8 «А». И «бэшники» и «вэшники» были этим крайне недовольны – почему-то нам казалось, что в «А» учатся одни зубрилы и воображалы... Наша классная руководительница, Людмила Александровна Кондратьева, выслушав наши глупости на этот счет и просьбы назвать наш 8 класс «Б» или «В», но не «А», сказала, что вопрос не обсуждается – мы будем восьмым «А».

С чего началась наша дружба с Иришкой, пожалуй, сейчас уже не помню, но что-то объединило нас быстро и до конца, хотя мы изрядно различались по характеру: для Ириши были характерны мягкость и деликатность, я же была более резкой и нетерпимой. Жили мы в одном доме на Можайке (Кутузовский проспект) в соседних подъездах, так что встречались и общались не только в школе, где сидели два года за одной партой. Почти каждый день после школы и выполнения домашних заданий мы отправлялись на прогулку по Можайке, обсуждая все школьные происшествия, прочитанные нами книги и просмотренные кинофильмы, наши влюбленности и даже более крупные проблемы – положение в мире, «что такое хорошо и что такое плохо», поверяя друг другу все, что было на душе и на сердце!

Среднего роста, с красивыми вьющимися золотистыми волосами, милой улыбкой Иришка всегда привлекала внимание, но была скромна и застенчива. Достаточно было пристально на нее посмотреть или, не дай Бог, сказать при ней грубое слово, как ее милое лицо краснело, что делало его еще привлекательней. Иришка приятно пела, у нее был высокий красивый голос – нежное сопрано. Мы обе любили петь, раскладка мелодии на два голоса и исполнение любимых песен для себя и наших родителей было большим

удовольствием. В нашем школьном хоре Ириша была солисткой. Не с песен ли началась наша дружба?

В те времена, в 1950-е годы, на Можайском шоссе, правительственной трассе, постоянно дежурили сотрудники

*Ира Титова и Нина Визжилина
в школьные годы*

КГБ. Одного из них, молодого симпатичного парня, лет 22–25, мы часто встречали на наших прогулках.

Однажды из озорства мы с ним поздоровались, как со старым знакомым. От неожиданности он ответил и после этого в его дежурства эти приветствия продолжались, нам было весело.

Его я встретила несколько лет спустя на эскалаторе в метро, мы улыбнулись друг другу и поздоровались.

Отца Ириши, Павла Ивановича Титова, в 1949 году направили на работу Первым секретарем обкома Крыма, и он вместе с женой, Анной Ивановной, уехал на работу в Симферополь. Перед отъездом А. И. попросила мою маму «присмотреть за дочкой», так что отношения с Иришкой

стали еще более крепкими, часто мы вместе обедали у нас и вместе готовили уроки.

В то время мы обе были влюблены в мальчишек с нашего двора, что доставляло нам радость и страдания. Предметом Иришиной влюбленности был Веня Стрельцов, симпатичный высокий, спортивного типа мальчик. Насколько я помню, он и сам был ею очарован, но дальше редких случайных встреч и нейтральных разговоров дело не пошло. Я была влюблена (замечу в скобках, что вообще была весьма влюбчива) в Юру Струнникова, крепкого улыбчивого парня с голубыми глазами, футболиста, вообще фанатика футбола, болевшего за команду «Спартак». Понятно, что я тоже стала интересоваться футболом и болела за «Спартак». Но моя влюбленность была безответна, хотя продолжалась года два. Позже в нашей компании появился Женя Корниенко, юноша небольшого роста, с белокурыми вьющимися волосами, который начал ухаживать за мной. Мы подружились, довольно часто он приходил к нам домой, естественно, он познакомился и с Иришей, поскольку мы были с ней неразлучны. Однажды у нас дома в отсутствии родителей мы втроем валяли дурака – пили чай, болтали о том, о сем, говорили о знакомых мальчиках и девочках, играли в карты. Вдруг Женя сказал, что сейчас позвонит Женьке Фридману, с которым учился в одной школе и, кажется, в одном классе. Разговор мальчишек по телефону получился длинный, сумбурный и в конце его Женя сказал, что рядом с ним сидят две девушки и спросил, не хочет ли Фридман с ними поговорить. Получив положительный ответ, Женя передал трубку Иришке. Ее разговор с Фридманом был очень долгий, взволновал и заинтересовал ее чрезвычайно. При этом она себя не назвала, что сильно заинтриговало его. Такие телефонные разговоры стали постоянными и продолжались несколько месяцев. С Жени Корниенко мы взяли слово, что он не скажет Фридману, кто ему звонит.

Однажды Ириша пошла за какой-то книжкой к своей бывшей однокласснице, Вале Филатовой, которая, как мы знали, была влюблена в Фридмана. И надо же так было случиться, что в тот день у нее оказался Ж. Ф., как всегда «под мухой». Ириша, стоя в передней, немного поговорила с Валей и стала ждать, когда она принесет книжку. Вдруг отворилась дверь, и на пороге комнаты показался парень, который, подойдя к Ирише, произнес: «Так вот кто меня так

долго разыгрывал и мучил по телефону?!» Он узнал Ирину по голосу, пошел ее провожать, долго не отпускал. После этого начались не только разговоры по телефону, но и частые долгие встречи. Иришка влюбилась. И не удивительно: Женя Фридман был высокий, стройный, черноволосый, голубоглазый юноша, писал стихи, хорошо знал поэзию, особенно любил С. Есенина и знал почти все его стихи наизусть. Разговаривать с ним было чрезвычайно интересно. Но, к несчастью, он часто и много выпивал и становился при этом неуправляемым.

Начался бурный роман с объяснениями в любви, ссорами и скандалами, бурными переживаниями. Роман прервался на время, летом 1950 года, когда Ириша уехала на отдых к родителям в Крым. Вскоре туда поехала и я. О своем «приключении» – операции по поводу аппендицита – я уже писала, рассказывая о папе. Естественно, пока я находилась в больнице, Иришка навещала меня, приносила «передачи» и пр.

После операции мы с Иришей прекрасно проводили время на берегу Черного моря под Алуштой. Купались, плавали, загорали и обсуждали ее отношения с Женей, обдумывали, как сообщить родителям об этом.

Ириша прекрасно плавала стилем «басс», часто уплывала далеко в море, казалось, что она может плавать без отдыха целый день. Раза два ходили на гору Кастель, читали, пели. Организовали из маленьких ребят 3-х–5-х классов, живших на даче, небольшой ансамбль, который с успехом выступил перед родителями на празднике, устроенном в честь дня ВМФ. До сих пор помню, как пели они звонкими дискантами «Солнышко светит ясное, здравствуй, страна прекрасная».

Настоящий праздник дня Военно-морского флота мы с Иришей встретили в Севастополе, куда нас взял с собой Павел Иванович. Мы были на катере адмирала, командующего Черноморским флотом.

Какой это был красивый катер! Обшитый красным полированным деревом, с надраенными до умопомрачительного блеска металлическими деталями, он летел по волнам вдоль выстроившихся для парада военных судов, на которых четкими шеренгами были построены матросы в белых матросских рубашках и бескозырках с синими лентами и шикарные капитаны и офицеры!

Перед каждым кораблем катер задерживался на минуту, командуящий поздравлял всех с праздником, в ответ слышалось громкое, многократно повторенное «Ура!». Парад был так же великолепен, как на Красной площади в Москве. Потом был массовый заплыв матросов. Все это на фоне синей воды, яркого солнца и ясного неба. Впечатление осталось на всю жизнь.

Конечно, запомнились и Графская пристань, и памятник затопленным кораблям, и город, в котором в то время была лишь одна улица с домами, все остальное – послевоенные развалины – последствия героической обороны Севастополя в Великую Отечественную войну.

Кончилось лето, мы вернулись в Москву, и страсти разгорелись. Женя хотел, чтобы Ириша вышла за него замуж, обещал, что бросит пить. Однако он иногда по-прежнему выпивал, и у Ириши, естественно, оставались сомнения. Более того, была уверенность, что родители Ириши не дадут согласия на этот брак.

Между тем, кончалась школьная жизнь, нас ждали выпускные экзамены и поступление в институты. Ириша, получив аттестат зрелости, благополучно сдала экзамены и поступила на Психфак МГУ, куда решила идти еще в 9-м классе. Училась с удовольствием, у нее появились друзья-однокурсники, в частности, Андрей Брушлинский, который был явно в нее влюблен. Но роман с Женей Фридманом развивался всерьез, Женя настаивал на своем. И Иришка решилась... Взяв меня в качестве свидетеля, они направились в ЗАГС, который находился прямо против нашего дома, даже против окон нашей квартиры. И вот их расписали, мы вышли на Можайское шоссе. Вдруг навстречу нам – моя мама, которой, как я уже писала, поручено было «присматривать за Иришей». «А, вот вы где и с мальчиком! Что это вы тут делаете?» Тут Ириша произнесла фразу, от которой моя мама чуть не упала: «Мария Ивановна, шутки закончились, я вышла замуж. Это мой муж – Женя Фридман». Начались «охи» и «ахи», «да знают ли родители», «да как же это» и т.д. и т.п. А мы отправились отмечать свадьбу. Свадьба была скромная дома у Жени, присутствовали его родители, старший брат с женой и я.

У Ириши началась новая жизнь, семейная. Вернувшись из Крыма, родители Ириши были поставлены перед фактом и вынуждены были принять этот брак, хоть он их и не

радовал... Ребята стали жить в трехкомнатной квартире Павла Ивановича около метро «Новослободская».

В марте 1958 года я вышла замуж за Олега Орлова. Женя написал нам стихотворное поздравление

Маленькую Ниночку и большого Олега поздравляем!

Раз –

И в ЗАГС –

Дело вмиг готово

(Там не тратят

много

лишних слов).

Поздравляем же тебя,

Орлова!

Поздравляем и тебя,

Орлов!

Поздравляем порознь

и вместе

И желаем тихо, без забот,

Жить вам...

Ну, хотя бы лет

по двести,

А в детишках –

даже по пятьсот!

Евгений Фридман, Ирина Титова

Март 1958 г.

Первые год-полтора Женя действительно не пил, учился в каком-то институте, потом начал работать. Все было как будто бы хорошо. Родилась дочка, которую в честь Иришиной мамы назвали Анютой. Но, увы! Вскоре после рождения дочки Женя снова стал выпивать и скандалить. Ириша с ним рассталась, переехав к родителям.

Ириша, закончив Психфак, работала в каком-то метод-кабинете психологом. Жизнь потихоньку налаживалась, нарушаемая редкими встречами с Женей, который требовал привозить дочку на свидание. Но и эти встречи довольно скоро закончились после очередного свидания маленькой Анюты с пьяным отцом.

История, начавшаяся как веселый детектив, закончилась трагически...

Время шло. У Ириши на работе появился друг – Валя Чанышев, общительный, мягкий, доброжелательный, прошедший войну танкистом, участник сражения под Прохоровкой, словом, состоявшийся человек. Он был старше ее лет на 5–7.

Не удивительно, что он полюбил Иришку, сделал ей предложение, и она вышла за него замуж. Во втором браке Иришка снова родила дочку, названную Татьяной.

Все годы после окончания школы, во время учебы в Университете и после, когда уже начали работать, мы оставались вместе, хотя виделись реже, однако по телефону говорили ежедневно и были в курсе всех событий, радостных и горестных, которые сопровождали нашу жизнь, и неизменно поддерживали друг друга, чем могли. После развода с Олегом я часто приезжала к Иришке с Алешей или с моим другом Глебом Петровичем Парфеновым.

Зимой 1963 г. Ириша позвонила мне на работу на Бауманскую и сказала, что умерла Анна Ивановна (перед кончиной она долго болела). Я тут же поехала на Новослободскую...

Жизнь, между тем, продолжалась, Иришины девочки росли, возникали новые проблемы, связанные с их воспитанием.

В мае 1973 года после поездки Ириши и Вали в Прибалтику на отдых Ира заболела – упадок сил, боли. Ириша заметно ослабела и исхудала. Каждый день после работы я ездила к ней, готовила что-нибудь по ее просьбе.

В начале июля я, скрепя сердце, уехала в Малинники – надо было возить Лешу на летние каникулы. А дней через десять получила телеграмму от мамы, сообщающую, что 16 июля Ириша умерла... На попутном грузовике поехала в Калинин, оттуда электричкой в Москву.

Анюта рассказала, что Ириша умирала в полном сознании, и в это время по радио звучала песня на слова Сергея Есенина «Отговорила роща золотая». Похоронили ее рядом с мамой на Головинском кладбище.

Состояние свое описывать не буду – просто долгое время казалось, что с уходом Ириши жизнь кончилась...

У Ириши остались дочери – Анюта и Таня. После девятого дня по кончине Иры Валя с Таней приехали на неделю ко мне в Малинники.

*Ирина Павловна Титова.
1960-е годы*

*Ира Титова, Тамара Арефьева и Нина Орлова.
Поселок Комарово.
1961 год*

К сожалению, через несколько лет связь с ними прервалась – Анята вышла замуж, родила дочку Иришку и уехала жить в Германию. Таня тоже вышла замуж за врача, старше ее намного, живет где-то в Москве. С Валею очень редко перезваниваемся, в основном в день Иришиного дня рождения, 19 ноября. Он женился, и у него родился сын.

Наверное, писать об Иришке следовало тогда, 30 лет назад, сейчас, к сожалению, многое стерлось из памяти. Но навсегда во мне хранится светлый образ моей первой любимой подруги... «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

Биофак МГУ (1951–1956 гг.) Похороны И.В. Сталина

Еще в школе я решила, что буду поступать в Педвуз на литературный (или исторический) факультет. Но после медкомиссии, которая обнаружила у меня хроническое несмыкание голосовых связок, мне сказали, что с этим заболеванием я не смогу преподавать и отказали в приеме. Несмотря на это категорическое заявление, я преподавала в школах, в кружках и в Университете с полной педнагрузкой около 25-ти лет!

Этот отказ очень меня огорчил и озадачил – куда же теперь? И довольно неожиданно для себя решила поступать на Биофак в МГУ, куда меня уговорила идти Валя Казанцева, которая еще в школе мечтала стать биологом, несмотря на то, что школьного учителя биологии (единственного мужчину из учителей) мы не любили – преподавал неинтересно, да и очень любил обсуждать проблемы женской физиологии, чем смущал нас и вызывал чувство отвращения не только к нему, но и к биологии. Насколько помню, в основном он рассказывал о «последних достижениях» биологической науки – о лысенковском учении.

К сожалению, Валя не прошла по конкурсу, не добрав, кажется, одного балла, а я легко прошла собеседование (у меня была серебряная медаль). К чести моей подружки могу сказать, что, поступив в Медвуз, она успешно занялась вирусологией и защитила докторскую диссертацию. Теперь она живет и работает в США.

Первый год на Биофаке прошел у меня трудно, некоторые предметы не нравились совсем (зоология беспозвоночных, низшие растения), несмотря на прекрасные лекции, которые читали по этим предметам замечательные преподаватели – профессора Лев Александрович Зенкевич (зоология беспозвоночных) и Лев Иванович Курсанов.

К моей нелюбви к этим предметам добавилось еще то, что в первую сессию получила два «неуда» – по физике и зоологии беспозвоночных. Причины были разные, в частности в течение сессии мои родители один за другим угодили в больницу, так что готовилась не слишком тщательно. Не решив задачу по физике, отказалась отвечать, а зоологию беспозвоночных пришлось сдавать самому профессору Л. А.Зенкевичу, перед которым трепетала и от строгого вида которого сразу забыла все и молчала, хотя ответы на вопросы знала. После второй двойки села в метро и долго ездила по кольцевой линии, переживая и обдумывая причины своих провалов на экзаменах и размышляя о том, стоит ли дальше учиться на Биофаке. Было грустно и противно, ведь я всегда была «примерной ученицей» и очень редко получала плохие оценки.

Оба предмета через день пересдала на «хорошо» тем же преподавателям.

Вторую сессию сдала почти всю на «отлично». А потом наступило лето, и началась замечательно интересная летняя практика в Чашниково. Экскурсии в лес и на болото, на луга и пруд (столько нового!), сбор растений и составление гербария по науке в специальных папках, написание первой самостоятельной работы по биологии прудовика, замечательные ботанические экскурсии по лесам и полям с преподавателем – третьекурсником (!) Вадимом Тихомировым. Вспоминаю один «метод» из его педагогической практики. В тот год появились шорты и мы радостно обрезали брюки или закатывали их «под шорты». В один прекрасный день явились на экскурсию в этих шортах. Оглядев нас скептическим взглядом, Вадим ничего не сказал и повел нас на экскурсию, завел в высокую жгучую крапиву и начал объяснение. На следующий день мы все пришли в брюках.

А сколько на курсе было замечательных ребят и девчат!

Инна Болховитинова – наш комсорг, жизнерадостная активная девчонка из города Валуйки, умевшая к каждому найти свой «ключик». После окончания МГУ она долго работала в Воронежском университете на очном и заочном отделениях, отдыхая лишь на летней практике. К сожалению, личная жизнь у нее сначала не сложилась, после рождения

сына Игоря она развелась с мужем. Мы с ней переписывались, у меня хранятся ее письма и поздравления.

После окончания Биофака Инна иногда собирала нашу 10-ю группу, как всегда, что-нибудь сочиняя к встрече. 5 ноября 1979 года мы собрались в очередной раз, и вот какие частушки-нескладушки она сочинила:

*Нина Визжилина
в Братском агитпоходе*

*Встречаемся мы очень редко,
И в суете житейских дел
Забудешь, как зовут соседку,
Но нашу группу – никогда!
Всплывут тотчас родные лица,
Когда увидишь список наш:
Антонова, Лоза, Лисицына
И уцелевший наш Чтецов.
Считайте, что совсем немного
Прошло с тех пор каких-то лет...
И мы такие ж! Слава Богу!
А что снаружи – то МУРА!*

*Нас собралось не так уж много,
Тамилла вертит все хвостом,
Блиновых нет и Киселевой,
Ну, а Бермонт уж в США
И все ж, друзья, за нашу группу,
За верность юности своей,
За прошлое, за нашу дружбу,
За нас за всех – гип-гип УРА!*

Инна часто тяжело болела и после долгого лечения скончалась... Все мы, кто учился с ней в одной группе и на кафедре помним нашу славную, веселую, жизнерадостную Инку.

Ира Бермонт – красивая, умная, сочинявшая вместе с Инной к нашим групповым встречам веселые газетки-шутки. На первом курсе мы часто вдвоем готовились к экзаменам. Она давно уехала в Америку, и теперь я о ней ничего не знаю.

Ванечка Губанов. С ним я познакомилась в райкоме комсомола, где после поступления в МГУ мы вставали на учет. Серьезный такой юноша, поступивший на Биофак по рекомендации-путевке из техникума (была тогда такая форма приема в ВУЗы), где он учился и занимался пчеловодством. Сначала я ему очень не понравилась своей активностью и смешливостью, но позже, встретивши, к своему удивлению, меня на лекциях, он изменил обо мне свое мнение, мы подружились. Иногда он привозил с пасеки, где раньше работал, мед в сотах, приглашал на угощение. Именно Ванечка прислал мне первую книгу по классической генетике, поддерживал меня при назначении на должность заместителя декана. Окончив кафедру геоботаники, он сначала работал в Пржевальске, потом был приглашен на свою кафедру, где успешно и плодотворно работал более 20 лет, выпустил несколько хороших книг по ботанике. К сожалению, 12 февраля 2005 года Ваня Губанов ушел из жизни после продолжительной тяжелой болезни.

С **Володей Сухановым** (Суханчиком, как мы его часто называли), красивым, умным и очень ироничным парнем, учившимся в параллельной, 9-й группе, я подружилась еще до практики, когда мы готовили какой-то курсовой вечер.

Оказалось, что он прекрасно рисует. С помощью своих родителей-художников он создал для нашего курсового кукольного театра чудесных кукол, в которых мы легко узнавали себя и своих однокурсников. Жаль, что они не сохрани-

*Володя Суханов –
мой студенческий друг*

лись. У Володи очень плохое зрение, и, когда он однажды разбил очки, я со своей однокурсницей Леной Лисицыной по очереди провожали его домой. С Володей на летней практике мы часто вечерами обсуждали разные проекты нашей самодеятельности, иногда это продолжалось далеко за полночь. По этому поводу ребята сочинили такую частушку:

*Нина, ярый массовик,
Культработой ведает,*

Олег Орлов, с которым Володя учился на одной кафедре, шутя, называл Володю моим супругом. Как-то я получила от Олега приглашение, напечатанное на машинке: «Нину Визжилину с супругом на ведро киселя с коржиками приглашает Олег Орлов пожаловать в воскресенье, 11 марта, по адресу – Б. Калужская, 13, кв. 129, к 8 часам вечера».

Теперь Володя – известный ученый, крупнейший специалист в области палеонтологии. К сожалению, даже такому прекрасному, уникальному специалисту, в нашей теперешней стране не дают постоянной работы из-за возраста – ему за 70, и он вынужден ежемесячно (!) устраиваться в Палеонтологический музей по контракту. Нет слов...

Ура! Совсем недавно Володьке, наконец, повысили зарплату, как он сказал, примерно втрое.

Училась с нами замечательная гимнастка **Ира Лаврова** – спокойная, рассудительная девушка, не раз занимавшая призовые места на смотрах. Хорошо помню **Иру Кейзер**, с которой мы учились в параллельных группах, занимались в одних семинарах по общественным дисциплинам, вместе пели в хоре Биофака. Теперь она крупный специалист по фитопланктону, участница многих морских путешествий. Конечно, помню нашу курсовую аккордеонистку **Тамиллу Есакову**, с которой два года училась вместе в 10-й группе, говорливую, легкомысленную, хорошенькую девчонку, за которой активно ухаживали наши мальчики, любительницу поспать – мы с трудом будили ее на дежурства в Звенигороде. Серьезную умницу **Нину Шорину**, с которой мы и сейчас иногда общаемся по телефону. Она – доктор биологических наук, профессор Пединститута, руководитель многих аспирантов, написала и издала несколько учебников для школ и ВУЗов по ботанике. Красавицу **Фатиму Ата-Мурадову**, ставшую доктором биологических наук, два сына которой учились потом на Биофаке.

Двух секретарей нашей курсовой комсомольской организации – **Галю Бугаревич** и **Леру Чувиляеву**. Лера защитила докторскую диссертацию, автор нескольких научных изданий, она до сих пор работает на Биофаке,

обучает студентов на кафедре зоологии беспозвоночных. **Вадима Фрезе**, с которым я довольно близко познакомилась уже после окончания МГУ. К нему, в его экспедицию, дважды ездила в Карелию – чудесный край, с красивыми чи-

*Ген Шангин-Березовский –
выпускник Биофака МГУ, композитор,
автор знаменитой песни
«Царевна Несмеяна»*

стыми голубыми озерами и красавцем водопадом Кивач. В Карелии под Медвежьегорском около деревни Кармасельга, где жили ребята из экспедиции Вадима, собирала необычайно красивые белые грибы с вишневыми шляпками, и видела огромные красные от брусники поляны на островах. Туда Вадим отвозил нас на лодке, мы набирали коробки этой чудесной ягоды, но не грабилками, которые рвут кустики, а

вручную. А однажды там я чуть не столкнулась с медведем. Шла по дороге, собирала грибы, складывая их кучками по обочине, чтобы на обратном пути сложить в корзину, как вдруг остановилась, поняла, что недавно здесь прошел медведь. Было жутковато. Дальше я, конечно, не пошла, а позвала ребят, которые подтвердили мое предположение, и мы отправились в деревню.

Да разве всех назовешь!..

Мысли о смене профессии исчезли. Дальше все пошло приятно и довольно легко, было много новых интересных курсов: анатомию растений читал замечательный преподаватель – доцент Даниил Александрович Транковский, Интересно читал курс анатомии человека профессор Михаил Антонович Гремяцкий. Профессор Георгий Владимирович Гептнер читал зоологию позвоночных, профессор Андрей Николаевич Белозерский увлекательно объяснял премудрости биохимии растений, то есть молекулярной биологии. Олег Александрович Реутов, доцент химфака, недавно вернувшийся с войны, удивительно ярко и необычно читал органическую химию, завершая почти каждую лекцию эффектным взрывом.

Кроме того, великолепные практикумы, семинары и экскурсии на летних практиках проводили доценты Николай Николаевич Каден, Иван Григорьевич Серебряков, Николай Владимирович Шибанов и другие.

Похороны Сталина

Весной 1953 года произошло событие, едва не стоившее мне жизни – смерть и похороны Сталина. Думаю, что об этом нужно рассказать подробно.

Сталин умер 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут, так сообщили по радио рано утром 6 марта. Над страной зазвучали траурная музыка, речи, многие плакали.

Занятия в Университете отменили, студенты приехали на Биофак на улицу Герцена. Сразу же группа студентов, в которой была и я, направилась на Красную площадь.

Мы почему-то думали, что Сталин умер в Кремле и что его тело повезут через Спасские ворота в Колонный зал Дома Союзов. Но нас быстро оттеснили не только с Красной, но и с Манежной площади, а также от улицы Горького. Весь центр перекрыли войска, мы вернулись на Биофак и пошли на митинги, которые проводились во многих больших аудиториях МГУ. Один из них, в клубе на Моховой, особенно запомнился. На митинге выступила секретарь коммунистической партии Испании, знаменитая в те времена Долорес Ибаррури – «Пассионария» (пламенная), так её называли. Сын ее, воевавший против фашистов в СССР, погиб на фронте.

Говорила Долорес, естественно, на испанском языке, которого мы не знали, но голос, интонации, страстность речи не нуждались в переводе – она говорила о Сталине, о трагедии его смерти для всех трудящихся мира. В зале почти все плакали.

Разговаривали в те дни вполголоса, плакали, потому что все свои юные годы жили с именем Сталина в душе, верили в него, поклонялись ему. Уверена, что в тех семьях, которых не коснулись репрессии и в которых даже не знали о них, смерть Сталина воспринимали как смерть близкого человека. О сталинском режиме, «культе личности Сталина», лагерях, пытках, избиениях арестованных и пр. многие из нас, в том числе и я, узнали лишь после смерти Сталина из доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Многие из его доклада не укладывались в голове, даже вызывало сомнения в правдивости, например, рассказ о том, что Сталин планировал военные операции по глобусу. Конечно, большинство из нас были сталинистами, считали, что вокруг много внешних врагов, и мы должны бороться с ними за лучшую жизнь, для чего должны активно и добросовестно учиться, трудиться и пр. Для нас много значил призыв «НАДО!»

Казалось, что во что бы то ни стало необходимо пройти в Колонный зал Дома Союзов, где был выставлен гроб с телом Сталина, чтобы отдать последний долг вождю и учителю. Несколько раз на факультете официально собирали группы студентов и преподавателей, которые шли к Дому Союзов. Но либо от улицы Горького, либо от здания Совета

Министров, что напротив гостиницы «Москва», эти группы заворачивали обратно. Стало ясно, что мы не попадём в Колонный зал.

Тогда с Инной Болховитиновой мы решили идти прощаться со Сталиным со стороны Садового кольца от Трубной площади – там, казалось, было меньше народа и бóльшая вероятность пройти в Дом Союзов... Так и сделали. Переночевали у нас на Кутузовском проспекте и с первым троллейбусом, рано утром 7 марта поехали в центр. Помню, что когда ехали, услышали чей-то смех, который нас привел в состояние шока и возмутил ужасно – как можно смеяться в такой момент – ведь умер Сталин!

Доехали до Садового кольца у метро «Смоленская» (дальше все было перекрыто) и пешком пошли по кольцу до Трубной площади. Рядом с нами шли еще люди, шли свободно, без толчеи, в основном молча или переговариваясь вполголоса.

На Трубной площади утром людей было не слишком много, но всех почему-то отправляли на откос, который тянулся вдоль бульвара у кирпичной стены. Было холодно и немного скользко. Первую половину дня мы медленно продвигались вперед, к началу Пушкинской улицы. Но чем ближе подходили к ней, тем плотнее становилась толпа, и впереди стали слышны крики: «Остановитесь! Не напирайте! Не давите!!» и просто крики боли и мольба о помощи. Когда мы, наконец, протиснулись к первому двухэтажному дому, который стоял за откосом, то увидели ужасную картину. На фонаре, стоявшем на углу переулка и площади, висели люди – одни, обхватив снизу столб руками, другие долезли до верха и держались на самом фонаре.

Все окна первого этажа дома были открыты настежь и люди из толпы влезали в квартиры и через них уходили дворами от места давки. Вдоль узенького тротуара стояли тяжелые военные грузовики, в кузовах которых стояли солдаты. Они снимали свои поясные ремни, бросали их в толпу и вытягивали оттуда людей, которые через кузова спускались на проезжую часть и уходили кто куда.

В какой-то момент меня лицом так плотно прижали к спине впереди стоящего человека, что я не могла вдохнуть и стала медленно сползать вниз, под ноги людей. Инна,

стоявшая рядом со мной, увидела это и дико закричала, понимая, что если я упаду, то меня затопчут. На её крик оглянулся какой-то парнишка, ученик ремесленного училища (на нем была черная шинель), двигавшийся в толпе недалеко от меня. Каким-то образом он протиснулся ко мне, локтями раздвинул людей, освободил мою голову и не дал упасть. Потом локтями же вытолкнул нас из толпы на проезжую часть. Думаю, что он спас нас от верной гибели.

И тут мы увидели нечто такое, отчего содрогнулась душа – на проезжей части неподвижно лежали люди, то ли без сознания, то ли задавленные толпой. Их за руки и за ноги поднимали солдаты, бросали в кузова грузовиков и куда-то увозили.

А в толпе начались безобразия другого рода – кто-то шарил по карманам, кто-то пытался драться (!). Вечером, когда для наведения порядка появилась конная милиция, какой-то мерзавец взрезал брюхо лошади. К этому времени, уже во второй половине дня, на площадь въехали новые грузовики и солдаты, которые стали цепью, разделив толпу на две части – до фонаря и после него. Мы с Инной поняли, что и здесь нам не пройти к Пушкинской улице, решили помочь солдатам наладить порядок, встали в цепь вместе с солдатами и ... простояли в цепи всю ночь. Только под утро мы вернулись домой, где бедная мама сидела у телефона и непрерывно звонила в больницы и морги, разыскивая нас. После всего, что случилось, у меня был травматический плеврит.

Такие же безобразия происходили и в других местах. Множество людей, приехавших на похороны из Подмосковья и близлежащих областей, пытались проникнуть в Дом Союзов через чердаки, крыши и подвалы домов, выходящих на Пушкинскую улицу, и часто тоже не только безуспешно, но и с травмами и потерями.

С тех пор ненавижу толпу: она, в конечном счете, лишена цели, чувств, понимания происходящего. В те дни люди в толпе, пришедшие проститься со Сталиным, сначала хотели только как можно быстрее двигаться вперед, кричали, смеялись, а, попадая в жернова давки, плакали и зывали о помощи, напрочь забыв, зачем они здесь оказались – надо было спасти собственную жизнь.

Думаю, что все другие типы большой толпы также лишены смысла, и никогда не достигают цели, однако часто приводят к гибели людей.

* * *

Единственным видом массовых сборищ, которые я любила, были праздничные демонстрации 7 ноября в честь Октябрьской революции и 1 мая. Помню одну из первых демонстраций. Мне кажется, это было 1 мая 1940 или 1941 года. Я сижу у папы на плечах, вокруг море народа, все смеются, кто-то пляшет и во всех колоннах время от времени поют недавно написанную и уже любимую всеми «Катюшу».

Потом уже самостоятельно ходила на демонстрации со своими школьными товарищами, с сокурсниками по Университету, с сотрудниками Института общей генетики. На демонстрацию ходили организованными колоннами по районам, собирались рано утром в определенном месте района и шли к Красной площади.

Пели, танцевали, шутили. Например, любили окружить милиционера и водить вокруг него хоровод, радуясь его смущению. А из репродукторов лилась музыка. На Красной площади по радио и из колонн звучали лозунги «Да здравствует наша замечательная молодежь!», когда мимо Мавзолея шли школьники или студенты, или «Да здравствуют наши рабочие!», если шли колонны с заводов и фабрик, неся над головой название завода или фабрики. И, конечно, постоянно звучали здравницы в честь Коммунистической партии и товарища Сталина. Над колоннами красные знамена, плакаты с лицами передовиков производства, руководителей партии и правительства, макеты машин, самолетов, тракторов. Было чувство единства и мощи страны.

До конца 1970-х годов на демонстрации ходили почти все, и продолжались они практически до вечера. С конца 1970–начала 1980-х на демонстрации выделяли делегации от организаций, так что домой приходили часам к двум. Последний раз я ходила вместе с Эзочкой на демонстрацию в честь 50-летия Победы. Мы прошли от Белорусского вокзала, минуя Красную площадь, до площади Дзержинского.

Колонна была разделена на представителей разных партий, каждая шла со своими лозунгами и песни у каждой были свои. Весь путь занял часа два...

Весной благополучно завершился второй курс, и началась прекрасная, незабываемая практика в Звенигороде. От электрички до Биостанции по красивой дороге через лес пешком 10 км. Большие палатки, в которые селились группами, Москва-река, запах цветущих растений, вокруг нехоженный и звенящий голосами разных, пока еще незнакомых птиц, лес... Утренняя линейка, интереснейшие экскурсии, наблюдение за птицами, изучение и распознавание их по голосам, самостоятельные работы. Волейбол между девочками-ботаниками (членом этой команды была и я, самая маленькая в команде по росту) и девочками-зоологами, все они были значительно выше нас, всякая самодеятельность, пение у костра... А экскурсии по ихтиологии с профессором Георгием Васильевичем Никольским на Москву-реку! Никольский – человек высоченного роста – больше двух метров – в больших болотных сапогах заходил в воду и приглашал нас последовать за ним, а мы все довольно маленького роста стоим на берегу и понимаем, что там, куда зашел Георгий Васильевич, нам будет воды по горло.

Да разве перечислишь все радости и всю прелесть нашей летней практики в Звенигороде! Не случайно именно ЗБС вдохновила Митю Сахарова на создание замечательной пес-

Летняя практика в Звенигороде. 1955 год

ни «Звенигород», которую всегда при встречах и в компаниях поют выпускники Биофака – «Старым путём, милым путём в Звенигород, в Звенигород идём!»

На третьем курсе мы выбирали свою будущую специальность, кафедру, в чем для меня большую роль сыграли желание «не ждать милостей от природы» и **Ген Шангин-Березовский**, который учился на кафедре генетики уже на четвертом курсе, был взрослым и умудренным и очень агитировал за эту кафедру. Однажды мы шли с ним после занятий по Большому Каменному мосту, и Ген окончательно убедил меня в том, что надо идти именно на кафедру генетики. Ген был известной личностью на Биофаке. Красивый, общительный, активный, остроумный. Отличник, человек увлеченный, потрясающе начитанный, замечательный рассказчик анекдотов, баек и пр. Он писал стихи, знал и сочинял музыку. Тогда уже все мы распевали его замечательную «Песню о верном друге». Всего он написал 60 песен, среди них знаменитую «Царевну Несмеяну». А еще Ген разводил цветы – узумбарские фиалки и стрептокарпусы. Ребята называли его «гением цветоводства». Он ушел из жизни в 1992 году в расцвете творчества. Но остались его стихи и песни.

*Моя любовь и после жизни греет,
Даря вам свет и радость бытия.
А песня чайкой над волнами реет,
И это значит – не напрасен я.*

30 января 1982 г.

К сожалению, на нашей кафедре в те годы преподавалась лишь лысенковская генетика, литературы по классической генетике не было, и я о ней ничего не знала. Правда, на 5-м курсе мой шеф (у него я делала курсовую и дипломную работы), Ной Ильич Фейгинсон, читал нам курс «Критика менделевско-моргановского учения». Об этом учении мы ничего не знали.

Конечно, запомнился курьезный случай, связанный с Т.Д. Лысенко. В те годы после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года на Биофаке внедрялось лысенковское «учение» о непосредственном, прямом влиянии внешней среды на наследственность, отрицалась хромосомная теория, а

хромосомы объявлялись «артефактами», никакого отношения к наследственности не имеющими.

Помню, как в 1952 или 1953 году на факультет приезжал Лысенко читать лекцию на тему о видообразовании. Большая биологическая аудитория была заполнена до отказа. Пришли не только все студенты, но и наши профессора с разных кафедр и даже сотрудники с других факультетов.

*Ляля Розанова –
моя студенческая подруга*

*Сергей Чепурнов.
Братский агитпоход*

Голос у Лысенко был хриплый, неприятный. Что он вещал в течение двух часов, конечно, не помню. Но одно из его объяснений о том, как возникают новые виды, осталось в памяти навсегда.

«Вот зоологи утверждают, что кукушка откладывает свои яйца в гнезда других птиц, которые и выводят ее птенцов. На самом деле это не так, кукушки появляются в случае, если птенцов певчих птиц птицы-родители кормят мохнатыми гусеницами. Так, благодаря прямому воздействию внешней среды (в виде мохнатых гусениц), образуется новый вид» (!). После этого заявления студенты смеялись, а наши профессора демонстративно покинули аудиторию.

Несколько лет спустя было продолжение этой истории, о которой мне рассказал мой свекор Юрий Александрович Орлов. По какой-то надобности он был в Одессе, где читал лекцию по палеонтологии, после которой к нему подошел

молодой человек из лысенковского института и, смущаясь, сказал, что он кормит птенцов певчих птиц мохнатыми гусеницами (это тема его диссертации), но ни разу при этом не возникло ни одной кукушки, зато птенцы часто погибали.

На Биофаке тех лет была удивительно теплая радостная атмосфера, множество прекрасных людей, в круг которых я быстро и надолго, если не на всю жизнь, вошла.

На первое комсомольское собрание в Большой зоологической аудитории на улице Герцена к нам пришли две девушки. Одна очень худенькая, живая, с большими темными глазами, другая – плотненькая, с по-мальчишечьи зачесанными назад прямыми волосами, низким голосом – сразу видно – человек обстоятельный... Это были Ляля Розанова и Лия Фролова. Они рассказали нам о практиках и кафедрах, о самодеятельности, о том, что на факультете есть хор, танцевальная группа, драмкружок, что ежегодно проходят смотры художественной самодеятельности факультетов и наш Биофак занимает на них хорошие места. А потом Ляля села к пианино (тогда в этой аудитории было старенькое пианино), и они стали петь.

Сначала Лийка спела песенку про Дон-Кихота «На турнире, на пиру и на охоте ходит слава о синьоре Дон-Кихоте» Затем они вместе спели незнакомые для нас песни – «Холодно», «Станция, деревья сонные», «Если будешь ранен, милый, на войне», «Гимн биологов», «Пингвины» и др.

А потом мы все запели любимые, известные всей стране песни – «Сердце, тебе не хочется покоя», «Там, вдали за рекой», «Землянка», «Вечер на рейде»...

* * *

Ляля Розанова была, несомненно, одним из самых ярких людей на Биофаке 1950-х годов. Она не только ввела меня в круг комсомольской жизни факультета и биофаковской самодеятельности, но и стала близким мне человеком. Это была умная, жизнерадостная, активная, замечательная девушка, буквально начиненная разными идеями, вдохновлявшая многие годы нашу комсомольскую жизнь. Маленькая, худенькая с большими карими глазами, то очень серьезными, когда речь шла о чем-то важном, то веселыми, когда Ляля занималась с нами самодеятельностью или рас-

сказывала что-то забавное. Она была неистощима на выдумки и всякие «приколы», создала многие постановки и сценки на темы жизни факультета, была одним из авторов обзора «Все – свои» и пьесы «Комарики», автором многих хороших стихов и т. д. Вдохновитель и организатор – «мотор» нашей самодеятельности и всей общественной жизни, Лялька, как все мы ее называли, умела буквально все: читать стихи и прозу, играть в спектаклях, вести конференс или серьезное собрание, сочинять стихи и рассказы, писать научные статьи и очерки на разные темы, танцевать и петь в хоре. Она служила примером для всех, кто сомневался в своих возможностях, потому что считала, что неталантливых людей нет. И на все у нее хватало сил и времени, хотя была она не очень здоровым и физически совсем не крепким человеком. Она вдохновенно трудилась на своей кафедре физиологии человека и животных, проводя многочисленные опыты на кошках, которых часто наши мальчишки приносили с улицы. У нее была серьезная диссертационная тема, связанная с изучением работы сердца, которую она сама и придумала, несмотря на уговоры кафедральных друзей и недовольство руководителя. Ведь ей хотелось делать что-нибудь полезное людям.

Ляля была любима большинством ребят, но вызывала опасение и подозрения у некоторых членов партийного комитета факультета – вдруг сделает что-то, что не вписывалось в их представления об идеологии, вдруг кого-то неправильно раскритикует.

Позже, когда Ляля вступила в партию, вся неприязнь партийного руководства вылилась в обсуждения на партийном комитете и собраниях «неправильного поведения коммуниста Розановой» и закончилось строгим выговором.

И это человеку беззаветно, но не бездумно, преданному Родине и партии!

Лялин отец – Сергей Григорьевич Розанов – был писателем, книжку которого «Приключения Травки» мы читали в детстве, и другом любимого нами Аркадия Гайдара, чьими книгами, учившими нас бескорыстной дружбе, любви к Родине, быть честными и отважными, мы буквально зачитывались. Естественно, что и Ляля знала произведения Гайдара.

А мама Ляли – Александра Иосифовна Гроссман – руководила драмкружком Дома Пионеров Фрунзенского района

Москвы и часто помогала нам на Биофаке ставить спектакли. Думаю, что Лялино восприятие жизни, ее творческая активность и отношение к людям шли от этих замечательных людей. Лялька влюблялась, но часто без взаимности, и писала об этом грустные стихи, втихомолку плакала, тогда глаза ее становились печальными.

*Лев Москалёв –
мой студенческий друг*

*Володя Белов –
участник наших концертов*

Два года (1953–1955) я была в одном с Лялей комсомольском бюро факультета – она секретарём, а я ответственной за культсектор. Кстати сказать, наш факультет занял в 1954 году первое место на смотре художественной самодеятельности МГУ, которое нам присудили за обзор «Все – свои» о студенческой жизни, авторами и исполнителями которого было множество наших ребят. После громкого успеха обзора было решено написать настоящую пьесу о биологах. Авторский коллектив – Ляля Розанова, Митя Сахаров, Гарик Дубровский и Ген Шангин-Березовский – дружно принялся за работу. Примерно раз в 10–12 дней авторы, а также Ляля Хаджи-Мурат, именуемая «архивариусом», и я, собирались у кого-нибудь дома, часто у меня, зачитывали и обсуждали написанное, разрабатывали дальнейшее развитие сценария, распределяли, кто и что будет писать, выпивали за 6–7 часов работы бутылочку сухого вина – обычно «Баян-Ширей» (наверное, оно было

одним из самых дешёвых) и расхотелись писать дальше. Было чрезвычайно интересно наблюдать за творческим процессом авторов, за их спорами и озарениями.

Переpletенный и подаренный мне участником пьесылевой Москалевым экземпляр пьесы с трогательной надписью: «Дорогой Ниночке в память о безвозвратно ушедшей

*Володя Познер –
выпускник Биофака МГУ,
ныне известный телеведущий*

*Митя Сахаров –
мой студенческий друг,
ныне академик РАН*

молодости от Москалева Льва (Остапа) – исполнителя роли Лерочки. 1979 г.» хранится у меня до сих пор.

О самой пьесе и ее исполнителях и об обзоре «Все – свои» я подробно написала в книге «Ты в сердце моем, Биофак». Пьеса на смотре 1955 года прошла «на ура», биофакцам спектакль очень понравился и прошел несколько раз с неизменным успехом и не только на Биофаке. Но мы заняли на смотре только ТРЕТЬЕ место. До сих пор обидно, решение жюри кажется несправедливым.

Для меня это самое яркое, памятное время. Рядом с Лялей и её друзьями жилось весело и приятно. Интересно и удивительно было видеть, как рождаются и воплощаются в жизнь новые идеи, как благодаря этому кипит и бурлит на факультете жизнь. Ляля была добрым и надёжным товарищем и другом, с ней можно было поговорить не только

о делах, но и о «своём, девичьем». Можно было не только радоваться жизни, но и «поплакать в жилетку» в трудную минуту. В тот период мы с Лялей довольно часто бывали вдвоем. Помню, как однажды она осталась ночевать у меня, мы до глубокой ночи обсуждали какие-то наши факультетские дела, и вдруг она сказала, что хочет вступить в партию и спросила, как я к этому отношусь, достойна ли она. Еще бы! Конечно, да! Я могу только позавидовать, т. к. сама пока не считала себя достойной стать коммунистом.

У Ляли было больное сердце – осложнение после какой-то детской болезни (кори или скарлатины), что никак не отражалось на её активности, она не жаловалась. Работала много, с удовольствием, плодотворно. Ездил в командировки, встречалась с разными людьми, писала научные статьи, написала две книги очерков и рассказов и статьи в журналах. В 1968 году Ляле стало совсем худо, и она подолгу лежала в больнице. 29 декабря 1968 года ей разрешили уйти из больницы на день ее рождения, который она, собрав многих своих друзей, отметила дома, как оказалось, в последний раз.

В январе 1969 года ее не стало. Смерть Ляли потрясла нас, ей исполнилось всего 37 лет!

На панихиду, проходившую на Биофаке, собралось очень много людей – родственники, друзья, преподаватели и сотрудники факультета, выпускники факультета разных лет, сотрудники журналов, врачи больницы.

Похоронили Лялю на Новодевичьем кладбище, где похоронен ее отец. Теперь там покоится вся семья Розановых – писатель Сергей Григорьевич, мама Ляли – Александра Иосифовна и сын Ляли – Митя.

О Ляле есть прекрасный очерк «Жила-была Лялька», написанный Митей Сахаровым после смерти Ляли, он опубликован в книге «Ты в сердце моем, Биофак», изданной нами в 2005 году и посвященной 50-летию нашей самодеятельности.

Теплые дружественные отношения были у меня и с **Лицей Фроловой**, человеком душевным, добрым, рассудительным, отзывчивым, всегда готовым поддержать в трудную минуту, обладавшим хорошим чувством юмора. На факультете она была, как и Ляля, активным серьезным комсомольским вожаком.

Помню, как мы 10 октября 1957 года, через год после Братского агитпохода, всей бригадой пришли к ней на свадьбу. Каждый получил забавный пригласительный билет. Мы купили Лийке и Вадиму Трофименко лодку-байдарку, мальчишки сложили ее в подъезде, она была торжественно поднята на 4 этаж и вручена молодоженам. Мы радовались за них, особенно за Лийку, которую все любили и уважали.

*Агитбригада Биофака МГУ
отправляется в Алтайский агитпоход*

Свадьба была веселая, много пели, шутили, рассматривая газету, посвященную свадьбе.

После окончания Биофака мои связи с биофаковцами несколько ослабли – было много сложностей и дел в школе, где я работала, рождение Алеси, распад семьи.

Прошло несколько лет, и однажды я встретила Лию где-то на Петровке. Мы долго рассказывали друг другу о том, что произошло с каждой из нас за эти годы. Я удивилась тому, что Лийка, такая плотненькая, крепкая в годы учебы на Биофаке, стала очень худой, много курила. Оказалось, что у нее тоже распалась семья – Вадим ушел, оставив Лийку с двумя детьми – Федей и Маришкой. Лийка сильно и долго страдала по этому поводу. В результате стала болеть, и в 1999 году Лийки не стало. Светлый был человек...

Наш факультет отличала еще одна замечательная особенность, которая сразу покорила меня: всюду – на

комсомольских собраниях, в перерывах между лекциями, в поезде или машине по дороге на практику, у костров на практике – все пели. На факультете был свой Гимн, сочиненный студентами на практике в 1949 году на музыку Исаака Дунаевского из кинофильма «Весна», которым мы, стоя, открывали комсомольские собрания и смотры художественной самодеятельности. Пели песни советских ком-

Выступление мужского ансамбля Биофака МГУ

позиторов – военные, лирические, шуточные, а также разные народные песни. Задорно и вдохновенно звучали «прикольные» песни: «Возле этого серого зданьица, где я впервые увидел тебя», «По тундре», «Есть в Батавии маленький дом» и другие.

Многие из этих песен распевают сейчас в передаче «В нашу гавань заходили корабли». Тогда, после войны, на Биофаке учились ребята из стран народной демократии – Чехословакии, Польши, Китая, ГДР и др., они пели нам свои песни, и мы их быстро разучивали и включали в свой репертуар. Тогда же зазвучали песни биофаковского композитора Гена Шангина-Березовского – лирические и серьезные, написанные о нашей жизни, стихи к которым писал или сам Ген, или Митя Сахаров, или Ляля. Их сочиняли к спектаклям, капустникам, концертам, агитпоходам. Эти песни быстро становились достоянием

всех, кто хоть немного мог петь. Обычно автор приносил песню кому-нибудь из тех, кто легко запоминал мелодию, потом этот «кто-то» передавал её дальше – участникам хора и ансамблей, в свои учебные группы. И уже через несколько дней песню пел буквально весь факультет – на «мостике», в рекреациях, в общежитиях и в компаниях.

С **Митей Сахаровым**, аспирантом кафедры физиологии человека и животных, я познакомилась, когда мы оба были избраны в комитет комсомола Биофака, где он отвечал за учебно-научную, а я – за культмассовую работу. Он относился ко мне с симпатией, приезжал в дни моего рождения, называл «Ниночек», подарил игрушечную обезьянку, которую храню до сих пор. Светловолосый, голубоглазый, обаятельный умница.

Мало этого – ни один смотр самодеятельности не проходил без его участия – он один из авторов наших капустников и спектаклей, блестящий артист. А главное – Митя был замечательный лирический поэт (литературный псевдоним – Д. Сухарев). Его стихи трогают сердце. Я особенно люблю его стихотворение о войне, ставшее песней на музыку В. Берковского – «Вспомните, ребята», которую считаю одной из лучших, написанных о войне.

*И когда над ними грянул смертный гром,
Нам судьба иное начертала...
Нам, непризывному, нам, неприписному
Воинству окрестного квартала.*

*Сирые метели след позамели,
Все календари пооблетели.
Годы нашей жизни как составы пролетели –
Как же мы давно осиротели!*

*Вспомните, ребята, вспомните, ребята, –
Разве это выразить словами,
Как они стояли у военкомата
С бритыми навечно головами.*

*Вспомним их сегодня всех до одного,
Вымостивших страшную дорогу.
Скоро, кроме нас, уже не будет никого,
Кто вместе с ними слышал первую тревогу.*

*И когда над ними грянул смертный гром
Трубами районного оркестра,
Мы глотали звуки ярости и муки,
Чтоб хотя бы музыка воскресла.*

*Вспомните, ребята, вспомните, ребята,—
Это только мы видали с вами,
Как они шагали от военкомата
С бритыми навечно головами.*

На его стихи написаны многие наши биофаковские песни, в том числе на музыку Гена Шангина-Березовского («Звенигород», «В сумерках синих», «Ау!», «Листопад»), самого Мити («Бегемоты», «Желна», песня к обозрению «Все – свои»), С. Никитина («Пароход», «Брич-Мулла»), В. Берковского («Вспомните, ребята», «Альма-матер», «Песенка про собачку Тябу» и др.), Д. Борисова («Каргополочка», «Падают снежинки»).

Теперь Митя, Дмитрий Антонович Сахаров, академик РАЕН, доктор биологических наук, заведующий лабораторией сравнительной физиологии Института биологии развития АН СССР, член различных иностранных физиологических обществ, автор нескольких научных монографий, семи поэтических сборников, составитель издания «Авторская песня. Антология», лауреат двух премий.

В 1950-е годы мы встречались почти ежедневно, а во время написания обозрения «Все – свои» и пьесы «Комарики» Митя вместе с другими авторами часто приезжал ко мне домой, где происходило обсуждение написанного и придумывалось продолжение. Митя приходил ко мне в дни рождения. Но однажды заболел, и прислал мне записочку-поздравление, и довольно большую «оду» на пергаменте, в которой были и такие строки:

*«Бьют истошно в барабаны,
В тамбурины и литавры
Все друзья «Баян-Ширея»,
Сам Омар Хаям великий,
Олишер при них со свитой,
Поздравляют, преклоняясь,
С днем рожденья не двухсотым
Нашу милую Нинулю*

...Прими мои поздравления и наилучшие пожелания. Поздравь и Марию Ивановну – мужественного борца за комаризм... Ну, привет всем гостям. Митя».

Прошло время, мы стали встречаться с Митей раз в году – у Тани Лягиной, куда приходим 29 декабря в день рождения Ляли Розановой, и на редких факультетских вечерах, да иногда звоню ему в день его рождения.

В апреле 2005 года мы встретились с ним у типографии «Новости», которая находится против митино дома, В типографии я получала книгу «Ты в сердце моем, Биофак», там же подарила ее Мите. Пришел он и на презентацию книги в Дом культуры МГУ, где выступил, хвалил книгу и меня – «как это такая маленькая женщина смогла такое организовать!»

Гарика Дубровского я впервые увидела на сцене, он поразил меня своей темпераментной игрой в постановке А.П. Чехова «Медведь».

А потом была подготовка обзора «Все – свои», где он был едва ли не основным придумщиком разных эпизодов и хохм. После обзора началось сочинение пьесы «Комарики», в которой Гарик был не только одним из авторов, но и одним из главных персонажей, веселым, остроумным Петькой Бузиным. Кроме того, Гарик писал рассказы, один из них – «Сима», Ляля читала на смотре. Он участник Алтайского похода.

После окончания Биофака с ним случилась беда – в экспедиции попал в автоаварию и потерял ногу. Работать по специальности зоология позвоночных уже не мог. Но он нашел себя в другом – стал писать. Вышел сборник его прекрасных рассказов «Стреляные гильзы», по его сценариям сняты замечательные фильмы – «Остров сокровищ», «Холодное лето 53-го», «Приключения принца Флоризеля», «Преферанс по пятницам». Сейчас живет и работает – продолжает писать – в Петербурге. Очень талантливый и сильный человек.

Естественно, что я, прежде всего, пошла в хор, которым руководила **Ольга Николаевна Лягина** – мама студентки кафедры ихтиологии **Тани Лягиной**. В этом хоре я была

старостой и должна была предупреждать каждого (это 25–30 человек) перед каждой репетицией о ее времени и месте.

На нашем курсе были девочки с прекрасными голосами. **Тоня Глубокина**, обладательница красивого сопрано, исполняла романсы Римского-Корсакова «Редет облаков...» и «Ночь» Рубинштейна на стихи А.С. Пушкина, арии из опер (например, арию Антонида из оперы Глинки «Иван Суса-

*Вадим Тихомиров –
мой студенческий друг*

*Герман Гапочка –
мой студенческий друг*

нин»), русские и украинские песни – «Пряха», «Дивлюсь я на небо» и др.

Прекрасное меццо-сопрано было у **Наташи Карсаевской**, которое особенно проявилось у нее после окончания МГУ, когда она немного позанималась в вокальном классе. Мы с удовольствием слушали Наташу на одном из вечеров встречи нашего курса, а я еще и на ее сольном концерте в Доме Ученых, куда она меня пригласила.

Кроме того, на курсе были и достаточно хорошо поющие мальчики: **Герман Богданов**, **Володя Сафонов**, **Лев Беседнов**, **Юра Езепчук**, испанец **Антонио Претель**, поляк **Андрей Батко** и чех **Ярослав Голман**.

Я решила организовать мужской ансамбль. И получилось! Осенью 1952 г. на втором курсе на одном из факультетских вечеров мы спели три песни – чешскую «Анечка, душечка», польскую «Шла девица по лесочку» и нашу военную песню неизвестного нам автора «Котелок»,

которую тогда распевал весь Биофак. Она заканчивалась словами: «И в наплывах табачного дыма рассуждает советский стрелок, / Что для война все достижимо, / Лишь бы только варил котелок!» Мы произвели настоящий фурор, ведь тогда на факультете мальчиков было мало, и была популярна частушка, со словами «Распроклятый Биофак, не найти милёночка!»

*Миша Андреев.
Братский агитпоход*

*Нина Визжилина –
первокурсница МГУ*

На этом дело не кончилось, у меня было еще три мужских ансамбля.

Мой второй ансамбль возник при подготовке к Братскому походу в 1956 году. Надо сказать, что агитпоходы – тоже детище нашего факультета. Насколько я знаю, агитпоходное движение началось именно у нас в конце 1940-х годов, став впоследствии обязательной частью комсомольской работы в МГУ и других институтах.

На Биофаке сначала это были однодневные походы с лекциями и концертами в деревнях близ биостанций. Естественно, что во время летних практик после первого и второго курса я тоже была в этих походах. Первый дальний поход на целину состоялся летом 1955 года (тогда дорогу и суточные оплачивал ЦК ВЛКСМ).

У меня в это время была преддипломная практика в селе Санское Рязанской области, где на довольно большом участке я вдохновенно занималась скрещиванием разных

сортов подсолнечника, поэтому в Алтайский поход не пошла, хоть и очень этого хотела. Зато на следующий год, летом 1956 года, уже после окончания Биофака в свой первый отпуск я поехала в агитпоход на строительство Братской ГЭС. Командором нашего Братского агитпохода был **Женя Дмитриев**, симпатичный доброжелательный парень с добрыми голубыми глазами и пышными усами, которого мы любили и уважали, дорожили его дружбой. Прекрасный чтец, танцор, участник мужского ансамбля (бас), замечательный актер, сыгравший Абрама в пьесе М. Светлова «20 лет спустя», один из организаторов агитпоходного движения на Биофаке в 50-е годы, участник многих агитпоходов.

После окончания факультета он защитил докторскую диссертацию, стал профессором, в течение 25 лет заведовал кафедрой на факультете Почвоведения. Не хочется верить, что его уже нет среди нас.

К Братскому походу я организовала второй мужской ансамбль. Ах, как серьезно мы готовились к нему! Репетировали еженедельно в гостиной общежития или на факультете. Долго и тщательно подбирали репертуар. Одну из песен я услышала на концерте в Колонном зале Дома Союзов в исполнении Краснознаменного ансамбля Советской армии. Сразу решила, что это песня для нас, подошла в антракте к одному из участников ансамбля и спросила, где можно получить ноты и слова. Он, улыбаясь, пригласил меня в Дом Советской армии на репетицию, куда я и съездила спустя несколько дней. Песня называлась «Марш Чешской бригады». Она была написана для Чехословацкой бригады, воевавшей против фашистов вместе с Красной армией. Шутя, мы между собой называли её «Милитаристская» – в ней, в частности, были такие слова:

*В грозной битве этой
Мы полны отваги.
С флагами Советов
Рядом наши флаги.
Мы полны отваги,
Снова будем в Праге!
Мы победим, мы победим!
В атаку, братья, Прага ждёт!*

Володя Познер предложил «Песню солдата» французского композитора Леграна и «Парижские бульвары» из репертуара Ива Монтана, он же и запевал их по-французски. Пели ещё чешскую песню «Кача», три куплета которой переводили одной фразой, примерно так: «Шла девушка Катя, нашла в поле денежку, кто денежку разменяет, тот и будет с Катей танцевать до утра».

Перед выступлением ансамбля на сцену выходил **Лев Москалёв** и представлял нас так:

– Помните, читала мама «Сказку про царя Салтана»:

*...Море вспенится бурливо,
Закипит, поднимет вой,
Хлынет на берег крутой,
Разбежится в шумном беге
И останутся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря.
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор...*

Звучал энергичный марш и на сцену, чеканя шаг, выходили «богатыри» – вся мужская половина бригады – 11 человек. Лев продолжал: «С ними дядька Черномор...» Тут появлялась я. Лев делал изумленное лицо и говорил:

*Что за странная картина?
Вместо Черномора – Нина,
А на сцене перед ней –
Ровно треть богатырей!*

Понятно, что такое представление ансамбля зрители встречали улыбками, смехом, аплодисментами, да и пели ребята неплохо.

Но все это было не сразу. Дело в том, что некоторые ребята никогда не пели в хорах и ансамблях и поэтому считали, что главное петь погромче... Особенно запомнилось, как старался Лева Москалев, которого мы называли Остапом за его почти дословное знание текста «12 стульев» и бесконечные смешные приколы в стиле Бендера. Каждое утро мы встречались с ним на площади Киевского вокзала,

садились в 119-й автобус и ехали в МГУ на Ленинских горах. И пока мы ехали в битком набитом автобусе, Левка пел, спрашивая, все ли правильно он поет. Народ умилялся и от души веселился. И Левка не только научился петь «пиано», но в некоторых песнях мог исполнять партию второго голоса. А теперь иногда, шутя, говорит, что мог бы выступить и солистом, но «Нинка не дала».

С Остапом связано одно наше выступление, которое, чуть было, не закончилось провалом. Перед нашим последним в концерте номером Ляля и Лев разыгрывали сценку Дыховичного и Слободского про Баклажанского, который никак не мог решиться объясниться девушке Кате в любви. По ходу пьесы отчаявшийся Баклажанский сказал: «Катя, хотите, я влезу для Вас на дерево?». Выступали мы в тот раз на площадке бетономешалки, где, естественно, не было никакого дерева, но стоял столб с фонарем.

И вот Левка полез на этот столб, и мы увидели, что он корчится от смеха. Публика, к которой Лев стоял спиной, ничего не заметила, мы же, сидевшие на краю огромной ямы, из которой брали песок, смеялись до упаду, отчего я даже свалилась в эту яму, откуда меня с некоторым трудом вытащили. И вот наш выход. Говорю Левке, чтобы не вздумал смеяться, иначе я начну смеяться тоже, а за мной и все мальчишки... Он обещал быть серьезным, но где-то в конце выступления не выдержал и стал слегка загибаться от смеха, за ним потихоньку начала загибаться я, а за мной весь ансамбль. Слава Богу, зрители подумали, что это так специально придумано (песня была шуточная) и все закончилось благополучно.

Об Остапе можно рассказывать бесконечно.

Все, кто видел его на сцене, наверняка запомнили не только его веселые шутки и акробатические этюды, но и замечательное исполнение разных ролей в наших капустниках и спектаклях, например роль очаровательного стеснительного Лерочки в «Комариках».

Но самое сильное впечатление у меня осталось от великолепного исполнения сказки Г.Х. Андерсена «Жених и невеста», которую Лев читал с Лялей Розановой. За исполнение этой сказки они заняли первое место не только на смотре МГУ, но и на общемосковском смотре художественной самодеятельности.

Председатель жюри смотра в МГУ, режиссер В.К. Манюков, пригласил Льва в театральную студию «Современника».

После окончания МГУ и двух лет работы в Мурманском биологическом институте в Дальних Зеленцах, вернувшись в Москву, Лев, шутки ради, пошел на конкурс в театральную студию «Современника», где прочитал отрывок из романа

Олег и Валя Гомазковы

А.Н. Толстого «Петр Первый». И снова был приглашен в эту же студию режиссером В.К. Манюковым, вспомнившим, как Лёва исполнял сказку Г.Х. Андерсена.

Но Лев остался верным биологии, стал прекрасным океанологом. По возвращении с Севера он начал работать в Институте океанологии АН СССР. В течение 10 лет он участвовал в 30-ти экспедициях, в том числе на Северный полюс (СП-22) и в Антарктиду. Был на всех океанах в районах с глубинами более 6 тысяч метров, спускался на глубоководных обитаемых аппаратах на глубину больше 5 тысяч метров.

И в институте, как и на Биофаке, Лева участвовал в самодеятельности, сочинил и поставил более 10 спектаклей-

капустников, которых всегда ждали, предвкушая удовольствие и веселье... Кроме того, он вел зоологический кружок в Доме пионеров в г. Люблино, подготовил и провел 160 телевизионных передач, посвященных ученым – исследователям океанов, выступает в программе «В мире животных». Недавно написал и издал интереснейшую книгу «Мэтры глубин» (Москва, 2005, товарищество научных изданий КМК), в которой рассказал об истории изучения глубоководной фауны с начала XIX века до наших дней – от парусно-парового корвета «Челленджер» до глубоководных обитаемых аппаратов.

Лёва – знаток творчества Э. Хемингуэя, собрал очень большой материал о нем, о его жизни, друзьях и произведениях. Все это сделано со свойственной Лёве тщательностью, аккуратностью и большим вкусом.

Считаю Льва ярким, талантливым человеком, дружба с которым помогает переживать невзгоды и обогащает разными знаниями и не только в области биологии.

В походе мы выступали не только на всех концертах, но и на смотре после него, и в Дубне, куда ездили с концертом для работников атомного центра и где нам показали синхрофазотрон. Что это такое, сказать не могу, но помню, как ходили по огромному зданию, в котором всюду висели грозные надписи «Не лезь! Убьет!»

Вспоминая Братский поход, не могу не сказать о впечатлениях, которые остались от Сибири с её безбрежной, суровой и очень красивой тайгой с огромными лиственницами и кедрами, где на каждом шагу встречались заросшие травой и кустами вековые поваленные деревья – того гляди споткнешься и грохнешься на землю – с какой-то особой таинственной тишиной, лишь иногда нарушаемой криками птиц и шорохами невидимых зверушек. Поляны, красные от ягод брусники. Думаю, что именно такой лес называется в сказках дремучим. Однажды мы всей бригадой набрали ведро брусники за каких-нибудь полчаса, наелись до отвала, а потом дежурные (Лев Москалёв и я), не ездившие на концерт, сварили глинтвейн «Губы женщины». В тот день было холодно и дождливо. Так что глинтвейн для ребят, вернувшихся с концерта, был очень кстати.

Незабываемо прекрасен Байкал с его берегами-сопками, поросшими яркими оранжевыми жарками, с его хрустально-чистой холодной и прозрачной водой – то синей, то голубой,

то зелёной или чёрной, сквозь которую на громадной глубине можно было рассмотреть все камешки, рыб, растения. А маленький паровозик с тремя-четырьмя вагонами «времени Очакова и покоренья Крыма», который медленно полз по берегу и иногда останавливался, когда машинист видел из окна знакомого, с которым ему нужно было что-то обсудить или с кем-то поздороваться!?

*Людмила Гапочка –
жена Германа Гапочки*

А красавица Ангара и ещё речка с ласковым именем «Мама», разве можно их забыть! В этой речке наши мальчишки решили искупаться. Нужно было видеть, как, нырнув с разбега в воду, они пулей вылетали на берег – так холодна была вода!

Деревни с крепкими высокими избами, сложенными из громадных брёвен лиственниц, непривычно голые – у домов ни деревца, ни кустика. Скоро мы поняли и оценили мудрость сибиряков: отсутствие растительности у домов объяснялось очень просто – ветер свободно дует вдоль улицы и разгоняет гнус и комаров, от которых без специальных накомарников с частой сеткой просто нет спасения. В концертах на таёжных участках мы, девочки, прятались от гнуса и комаров под широкой юбкой Ксении Рыжовой –

исполнительницы русских народных песен «а-ля Лидия Русланова». И, конечно, невозможно забыть обстоятельных, немногословных, добрых, приветливых, хлебосольных сибиряков.

Как-то после очередного концерта нам устроили настоящий пир в правлении колхоза. На столе стояли разные лесные и домашние разносолы – солёные грибы, огурцы, орехи, брусника, мясо (то ли медведя, то ли кабана), необыкновенно вкусный домашний хлеб, мёд, ведро молока, самогон и пр. и пр. Вообще-то в походе мы не очень обращали внимание на еду. Завхоз бригады Миша Иванов выдавал дежурным некоторое количество банок тушёнки, рис, макароны, что-то ещё – ассортимент небогатый. Самым большим лакомством в походе были «бесплатные пирожные» – две печенюшки «Крокет», прослоённые сгущенкой, и ужасно вкусная копченая корейка (особенно её шкурка!). Даже в песенке о любви агитпоходчицы, сочиненной **Мариной Войно**, были такие слова:

*Зачем в ночные перегоны
Сидит он рядом не со мной?
Зачем он шкурку от корейки
Передаёт теперь другой?*

Не удивительно, что сибирское застолье произвело на нас очень сильное впечатление, тем более что всё было действительно необыкновенно вкусно, в том числе и самогон, который многие из нас пробовали впервые. Однако, пьяных не было ни среди местных, ни тем более среди нас. Вообще в походе выпивка была под запретом, и спиртное выдавалось в редких случаях сильно замёрзшим или в дни рождения – чисто символически.

Конечно, запомнился иркутский Дом крестьянина, где нас долго не могли расселить, полагая, что девочки и мальчики должны жить в разных комнатах, а мы упорно собирались вместе и часто далеко за полночь разговаривали, репетировали, пели.

Братский поход – мой единственный дальний поход, оставивший незабываемый след в моей памяти – подарил мне много новых впечатлений и замечательных друзей.

Новые друзья – это **Володя Сперантов** и **Игоряша Осипов**.

Володя Сперантов – выпускник физфака Педагогического института им. В.И. Ленина – худенький, симпатичный молодой человек с обаятельной улыбкой. Он пришел к нам, узнав, что мы идем в поход на строительство Братской ГЭС и у нас нет аккомпаниатора (как всегда!). Володя играл на рояле по нотам и по слуху, мог играть и на аккордеоне, хотя это для него было труднее – аккордеон был

*Олег Гомазков –
мой студенческой
друг*

*Володя Сперантов –
постоянный участник
наших выступлений*

громадный, «мини органом» называл его Володя, и говорил, что в сидячем положении сможет продержаться минут пять. Однако это не помешало ему именно на аккордеоне не только аккомпанировать хору, солистам, танцорам и мужскому ансамблю, в котором он еще при этом и пел, но выучить и сыграть Бетховена в пьесе М. Светлова «Двадцать лет спустя». Володя оказался не только хорошим музыкантом, но и удивительно умным, приятным, воспитанным, заботливым и веселым человеком, покорившим всех нас своим добродушием, умением приспособиться к любым условиям.

Он принес нам несколько хороших песен, а песня «Неизменный спутник» стала песней всех наших походов. Кроме того, выяснилось, что Володя пишет очень хорошие стихи.

Игорь-Игоряша Осипов пришел в нашу бригаду школьником – ему было 16 лет. Чаще мы называли и до сего времени зовем его Пунтяриным.

Эту фамилию дал Игоряше Лев Москалёв, читавший какой-то рассказ, герой которого носил фамилию Пунтярин. Для нас, многие из которых уже закончили МГУ, Игорь был ребенком, хотя мы старались не подчеркивать разницу в возрасте. Ведь все признавали, что он прекрасно играл в спектакле «20 лет спустя» Сашку-д'Артаньяна, самого молодого подпольщика, чем вызывал настоящее уважение.

После Братского похода я не видела Игоряшу почти 20 лет, к этому времени он уже отслужил в погранвойсках в Туркмении и женился.

В 1974 году началась подготовка к вечеру памяти Ляли Розановой, которую Игорь обожал и любил, с ней он был знаком еще с драмкружка Дома пионеров Фрунзенского района, которым руководила Лялина мама. Естественно, Игорь был участником этого концерта. Потом мы встречались на вечерах 30-летия Братского похода и биофаковской песни. А после празднования 70-летия Биофака, где выступал очередной мой мужской ансамбль, в котором пело уже 17 мальчиков, причем только шесть из них были из Братского похода, мы стали друзьями. Мы часто говорим по телефону, а иногда он приезжает ко мне пообщаться, садимся за стол, распиваем, как правило, пиво или четвертинку водки, вспоминаем былое, обсуждаем сегодняшнюю жизнь. К Игоряше я обращаюсь, когда мне нужна помощь или когда мне грустно и одиноко. Он надежный и верный человек, настоящий друг.

Я не только пела в хоре и руководила мужским ансамблем, но два года была ответственной за курсовые смотры, работу кружков, организацию концертов, словом за всю культмассовую работу.

Кроме того, на первом курсе я сыграла роль первокурсницы в спектакле по повести Е. Успенской «Наше лето», где произносила всего несколько фраз, одну из которых однажды применила в жизни.

Было это на практике в Звенигороде после второго курса. После первой половины практики (зоологической) был устроен грандиозный костер, как всегда пели, дурачились, веселились. К нам на практику в то время приехал аспирант, прекрасный танцор Любомир Пётрович (Пётрович – это

фамилия). Я долго просила его научить меня отбивать «ключики». И вот в разгар костра он подошел ко мне и сказал, что готов научить меня. Мы отошли от костра, он повел меня в лес, за разговором мы ушли довольно далеко, на Ми-

*Н.Н. Визжилина в роли студентки
и Вадим Николаевич Тихомиров
в роли Лопатина
в спектакле «Наше лето».
Апрель 1953 года*

леевский овраг, и там началось обучение. Отбивать «ключики» научилась, но когда под утро мы пришли в лагерь, меня встретил дежурный, сказал, что все обеспокоены моим исчезновением и спросил, где я была. Тут-то я и произнесла фразу из пьесы – «Я сидела на гнезде!», чем настолько ошеломила дежурного, что он прекратил свои расспросы.

Когда я вошла в палатку, где мы жили, все девочки дружно отвернулись, ведь никого из них я не предупредила,

уходя с костра. Кроме того, тогда все, в том числе и я, считали, что у меня есть жених Женя Корниенко, поэтому мой уход с Любомиром девчонки расценили, как измену.

А на утренней линейке мой любимый и уважаемый начальник практики, с которым я часто советовалась по разным вопросам, Иван Григорьевич Серебряков, вызвал меня из строя и спросил, где я была ночью. Я молчала, он снова поставил меня в строй, а потом объявил, что аспирант Любомир Пётрович должен немедленно покинуть биостанцию.

На звенигородской практике мне впервые в жизни пришлось выпить спирт. Вот как это произошло. Кроме биологических занятий, мы сдавали всякие спортивные нормы, в том числе плавание. Я плавать практически не умела и всячески оттягивала сдачу этого норматива. Кончилось дело тем, что в последний день перед однодневным перерывом, который был между зоологической и ботанической практиками, преподаватель предупредил меня, что если я завтра не сдам плавание, он поставит мне незачет и встанет вопрос об отчислении. Девчонки посоветовали мне пойти по дну брода к другому берегу, где было мелко, делая плавательные движения руками, что я и сделала, получив искомый зачет. Однако в тот день было холодно, и я вылезла на берег, дрожа от холода, пошла в палатку и легла, накрывшись одеялами. В этот день мы должны были что-то репетировать, пришел один из наших мальчиков, Юра Езепчук, узнать, отчего меня нет. Узнав причину, сказал, что быстро меня вылечит, и ушел. Потом появился и принес какую-то жидкость в кружке – примерно четверть кружки – и сказал, чтобы я зажала нос и залпом проглотила эту жидкость. Ничего не подозревая, я проглотила ее и задохнулась – это был спирт! До этого момента я иногда выпивала в компаниях рюмочку-другую легкого вина, но спирт! Было мне очень скверно, девочки увели меня в лес, чтобы моего сильного опьянения не увидело начальство. А наутро я встала здоровая, нашла Юрку и отругала его за «лечение». Он очень удивился, что у меня была такая реакция, и сказал, что они (мальчишки) это пьют и ничего.

На третьем курсе началась учеба на кафедре, а летом мы поехали в Мичуринск, где дивились на прекрасный

мичуринский сад, слушали рассказы о методах его работы. Много позже я узнала, что к И.В. Мичурину хотел приехать Лысенко, но Иван Владимирович ему отказал и не принял. Так что учение, которое Лысенко назвал мичуринским, к Мичурину отношения не имеет. Мичурин был селекционером-экспериментатором, как говорится, от Бога, занимался подбором пар для внутривидовых скрещиваний и межвидовой гибридизацией, прививками, и вовсе не изобретал «теории». Однажды он сказал, что «мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача». Эти образные слова были взяты на вооружение Лысенко для обоснования его «теории».

Случайно присутствовала на похоронах Лысенко. Я приехала на могилу родителей, убирала ее.

Мои родители похоронены недалеко от места, где прежде проводили гражданские панихиды. Я увидела, как принесли гроб, и вдруг услышала имя Лысенко. Подошла ближе, провожало его немного народу, в числе их был и мой бывший шеф – Н.И. Фейгинсон, который в это время произносил надгробную речь. Сравнил Лысенко с Ламарком, сказал, что дети Ламарка на его похоронах сказали, что «благодарные потомки не забудут его», и «это же можно сказать о Т.Д. Лысенко».

Было тошно. Много позже, проходя по кладбищу, я увидела заброшенную, неухоженную могилу Лысенко. «Не забыли» его...

Осенью 1954 года я перешла на четвертый курс, стала собирать материал и писать курсовую работу. А факультет активно готовился к очередному смотру самодеятельности, появлялись новые друзья нетолько с разных курсов, но и из других институтов. О нашей самодеятельности 50-х годов и о ребятах, которые ее создавали, я написала в книге «Ты в сердце моем, Биофак», хотя для того, чтобы рассказать обо всех, надо бы написать отдельную книгу.

С некоторыми из них я встречаюсь до сих пор.

Это **Миша** и **Эмма Андреевы**, которые летом живут недалеко от моей бывшей дачи в Ерденево, где мы встречались не раз. С ними я познакомилась еще на Биофаке.

Эмма веселая, шустрая, разговорчивая, любительница попеть. Она до сих пор работает, что не мешает ей приходить на наши «посиделки», петь наши любимые песни и даже выступать на вечерах Биофака. С Мишей, который учился в

МВТУ им. Баумана, я познакомилась на год позже – в 1954 году, когда он пришел к нам на факультет в качестве аккомпаниатора, которых у нас вечно не хватало (он играл на рояле и аккордеоне). Сходил в поход и остался навсегда с нами – не только жену выбрал на Биофаке, но стал одним из лучших концертмейстеров на нашем факультете, участником шести агитпоходов. У него абсолютный слух, он сходу может сыграть практически любую мелодию в любой тональности. Человек спокойный, очень надежный, хотя и любит иногда поворчать.

Не могу не сказать о **Женечке Сычевской, Вале Хромовой** (теперь **Гомазковой**) и **Оле Аникеевой**. Валюша обладала прекрасным слухом, могла петь «первым», «вторым» и «третьим» голосом. Она создала прекрасное известное до сих пор на Биофаке трио, исполнявшее практически все песни Шангина-Березовского, некоторые народные песни и лирические песни советских композиторов. **Валя** – серьезный, основательный, очень ответственный человек, руководила не только трио, но и хорами факультета в течение нескольких лет. **Ольга** – милая, добрая, симпатичная, белокурая, улыбчивая, с ямочками на щеках девушка – нравилась и девушкам и, особенно, нашим мальчикам.

А **Женечка!** Прелестный высокий чистый голос, большие голубые глаза, сильный характер... Она не только пела в трио, но стала замечательной солисткой, исполняла разные лирические песни, но особенно прославилась, когда спела песню Гена Шангина-Березовского «Царевна Несмеяна». До сих пор она поет ее на бис на концертах Биофака. Эта песня теперь известна всей стране, ее иногда исполняют по радио. Теперь Женя – доктор биологических наук, работает в Институте палеонтологии РАН, ездит в разные дальние экспедиции и до сих пор поет, вызывая восхищение слушателей.

Среди наших мальчиков особенно приятно вспомнить о Серее Чепурнове, Жераре Черняеве и Олеге Гомазкове.

Сереза Чепурнов, ныне профессор, доктор биологических наук, тогда был веселым выдумщиком, прекрасным исполнителем роли «Направо» в пьесе М. Светлова «Двадцать лет спустя», сценаристом и режиссером-постановщиком спектакля по мотивам произведений Чапека

и курсовых капустников, участником мужского факультетского ансамбля и нескольких агитпоходов.

Писала, не подозревая, что не пройдет и трех месяцев, как Сережи не станет – 1 апреля, вечером он скончался в кардиоцентре, где ему делали операцию на сердце. Врачи сказали, что такого изношенного сердца они еще не видели. Уходят близкие хорошие люди, а ведь всего год назад мы отмечали его 70-летие, и Володя Сперантов читал написанные ему стихи, в них было и о Сережином больном сердце:

*...Вдруг сердце, сон тревожа,
Забилось вперебой...
Держись, крепись, Сережа –
Пора идти на бой!
Вперед, за жизнь! В атаку!
...И сгнула беда.
Сережка с Биофака
Такой, как был всегда.*

*Такой, чей облик четкий
Живет в душе у нас –
Летящая походка
И – солнце бьет из глаз!
И никакого знака,
Что жизнь дала под дых:
Сережка с Биофака –
Пример для молодых!*

*Почти без опечаток
Написан жизни том.
Прощай, седьмой десяток –
Пора пожить в восьмом!
Живи, твори без брака –
На радость всем вокруг
Сережка с Биофака,
Наш старый, верный друг!*

Оказалось, что беда не сгнула. Горько хоронить друзей.

Жерар Черняев родился в Турции, потом жил во Франции, нелегально выехал из нее и приехал в СССР. Учился в школе ивановского интернационального детского

дома им. Е.Д. Стасовой, поступил на наш факультет в 1953 году. Веселый, необыкновенно любознательный, общительный и активный человек, он сразу пришел в нашу самодеятельность. Он и певец, и «на дуде игрец» (играет на аккордеоне, баяне и губной гармошке), участник четырех агитпоходов. После окончания МГУ 13 лет работал на Байкале, защитил докторскую диссертацию, сейчас занимается эмбриологией рыб, великолепно рисуя их, кроме этого любит разводить цветы и дарить их друзьям.

Олега Гомазкова помню с момента его поступления на Биофак в 1952 году. Он сразу вошел в наш круг лялиных товарищей и единомышленников и сразу стал одним из активнейших участников самодеятельности – он и сочинял, и режиссировал, и играл в сценках, капустниках, спектаклях, вел концерты, пел в хоре, был в шести агитпоходах, три года был культторгом факультета.

Сейчас Олег Гомазков – доктор биологических наук работает в институте биомедицинской химии РАМН, за последние годы написал несколько хороших книг – «Доминанта». «Прогулки в детство», «Портреты разных времен» и много научных статей и монографий.

А в моем архиве хранится смешное стихотворение, написанное мне в день моего рождения в 1954 году Олегом и Геной Гапочкой. В тот день я была больна, и гостей не было.

«...Мы шлем тебе привет и стихи, которые сочинили сами:

*О, миленькая Ниночка!
Мы шлем тебе привет,
Нежна, как паутиночка,
Прекрасней тебя нет!
Желаем быть здоровой
И вечно молодой,
И стойкой, как атоллы,
Приятной, как гобой!
От нас тебе пожеланье
Успешно кастрировать рожь,
(я должна была ехать на практику. – Н.О.)
И с чувством большого сознанья
Держать препараторский нож...
И чтоб венец культторга
Сиял, как золотой,*

*Над мило-белокурой
Могучей головой!*

Преданные тебе Г. Гапочка, О. Гомазков. 11.05.54».

Приближалось время окончания университета. На 5-м курсе много времени уходило на научную работу – обработку данных, полученных на практике, работу в библиотеке и написание дипломной работы. Самодеятельность отошла на второй план.

На пятом курсе меня избрали секретарем комсомольской организации курса, шла подготовка к защитам дипломов и распределению, писали комсомольские характеристики на каждого студента.

Наконец, последняя зимняя сессия, в мае 1956 года защита диплома, распределение на работу и госэкзамены. До свиданья, Биофак! Мне было хорошо здесь учиться и жить...

21 декабря 2002 года состоялась третья встреча выпускников моего курса.

На встречу пришло 84 человека. Двадцать шесть человек к этому времени ушли из жизни, иностранцы – 11 человек – возвратились к себе на родину, многие не смогли прийти из-за болезней, некоторых мы просто не смогли найти.

Предварительно мы разослали анкету, на которую ответили 120 человек. По данным этой анкеты был составлен обобщенный портрет нашего курса в 2002 году. Вот что мы узнали.

За истекший период наши выпускники работали в основном по специальности – в исследовательских институтах, на кафедрах Биофака и других ВУЗов, преподавали в вузах и школах, работали в противочумной системе и пр.

К 2002 году написано и издано более 80 монографий и учебников, опубликовано около 9000 обзоров и статей, несколько человек имеют авторские свидетельства, звания «Отличник высшей школы», «Почетный изобретатель», «Отличник здравоохранения», создано 5 сортов ячменя, 9 сортов томата и 4 сорта пшеницы. Из пришедших на встречу были два академика: Алексей Яблоков – академик РАЕН и член-корреспондент РАН и Виталий Вальцев – академик международной академии информатизации, 21 человек стали

докторами биологических наук, 68 – кандидатами биологических наук.

Половина наших ребят еще трудились в науке и в издательствах, преподавали биологические науки.

У 120 однокурсников 136 детей – 53 мальчика и 83 девочки, 136 внуков – 71 девочка и 65 мальчиков и 5 правнуков.

На нашей второй встрече в 1986 год мы спрашивали, чем собираются заниматься наши однокурсники на пенсии, тот же вопрос был задан и в 2002 году. В 1986 году у многих даже сам вопрос вызвал возмущение: «О пенсии даже думать не хочу!» А те, кто об этом думал, хотели наслаждаться жизнью, читать, заниматься самообразованием, посещать концерты, театры и лекции, заниматься цветами и огородом (2 человека), домашним хозяйством (5 человек), воспитывать внуков (тоже 2 человека), и ходить в кино по утрам за 25 коп. (старыми!).

В 2002 году половина ребят нашего курса уже не работала.

И вот чему они посвящали свое время:

77 человек занимались садоводством, готовили разносолы, вино из ягод и плодов, которые выращивали на своих участках, ходили в лес по грибы и ягоды, занимались ловлей рыбы, охотой и т. п.,

16 человек предпочитали путешествия по нашей и другим странам мира, благо такая возможность появилась.

12 человек занимались искусством, рукоделием, рисованием, резьбой по дереву, четверо участвовали в самодеятельности.

Для 5-ти человек основное развлечение – телевизор и разгадывание кроссвордов.

Театр и кино довольно регулярно посещает 10 человек, а внуками с удовольствием занимались 13 человек.

Самыми яркими положительными впечатлениями были названы – сказочная жизнь во время учебы на Биофаке, особенно на практиках, общение с природой, рождение детей и внуков, полет Гагарина и выход человека в Космос, путешествия в разные страны, наша самодеятельность и разные спортивные соревнования. Тяжелые воспоминания связаны у большинства с распадом Советского Союза, с

аварией на Чернобыльской станции, со смертью любимых людей.

Итак, 117 человек нашего курса, все основные предназначения человека исполнили – детей родили, деревья посадили, и даже домики, сарайчики, бани построили. В основном мы были счастливыми людьми и честно трудились.

Наша однокурсница, Наташа Феофарова, написала к нашей встрече стихотворение, которое отражает наше отношение к Биофаку и жизни:

*Товарищ, товарищ! Мы рядом с тобой
Шагаем по жизни дорогой одной.
Хотя мы расстались, промчались года
Родной Биофак нас сплотил навсегда.*

*Большие дороги мы вместе прошли,
Мы вместе всю землю вокруг обошли,
Проплыли моря, поднимались в горы,
И снег Антарктиды слепил наши взоры.*

*Мы вместе экватор не раз перешли,
И к северным дальним широтам дошли.
И жизни истоков мы тайны искали,
В их тонкий химизм постоянно вникали.*

*И в практику наши пошли достиженья...
Тобой, Биофак, зажжено то горенье,
Что мы пронесли через долгие годы.
И вновь мы пришли под родимые своды.*

*Расстались давно мы, промчались года,
Но наш Биофак не забыть никогда!*

2002 г.

Семья Орловых

Юрий Александрович

В моей памяти Юрий Александрович навсегда остался как человек острого ума, высокообразованный, тактичный, необыкновенно демократичный и чуткий, лишенный позы, с большим чувством юмора, любящий своих близких, добрый и внимательный – настоящий Интеллигент, отдавший свою жизнь служению Добру и Науке.

К сожалению, память моя несовершенна, многое забыто, и я помню скорее свои ощущения и чувства, но что-то осталось в памяти навсегда. Об этом и напишу...

Когда до рождения Алеши оставалось два-три месяца, Юрий Александрович выводил меня на прогулки. Он приходил с работы, обедал или пил чай и предлагал мне прогуляться. Мы выходили на улицу, Юрий Александрович брал меня под руку, и мы отправлялись либо по Ленинскому проспекту, либо по Донской улице в сторону Калужской 33. Обычно он сначала спрашивал меня о самочувствии, успокаивал, если на что-то жаловалась, а потом начинал рассказывать. Рассказчик он был великолепный, и мне казалось, что никогда не забуду этих рассказов, так интересны и эмоциональны они были. Но, увы! Помню теперь только некоторые темы.

О 1948 годе, о попытке обратить палеонтологию в мичуринскую (а правильнее сказать – в «лысенковскую») науку. О том, какую неблагоприятную роль сыграл в этом деле Давиташвили, ученый из Тбилиси; как много нравственных и физических сил приходилось тратить на эту дурацкую борьбу, сил, которые следовало бы использовать на благо науке.

Много говорил Юрий Александрович о создании Палеонтологического музея, каким он его представлял, какие препятствия приходилось преодолевать, чтобы воплотить в

жизнь этот проект. Музей – это была мечта Юрия Александровича.

Спустя много лет, уже после его смерти я водила внуков в уже построенный музей, и было грустно от того, что Ю. А. не увидел свою воплощенную в жизнь мечту. А музей получился замечательный! И при входе – портрет Юрия Александровича Орлова!

Иногда Юрий Александрович говорил о своих сослуживцах – с удовольствием, теплотой и радостью о близких ему по духу и мыслям людях, и устало и грустно – о недругах.

Юрий Александрович необычайно нежно и бережно относился к внукам, охотно отвечал на их бесконечные вопросы, учил их обращаться с молотком, пилой и другими инструментами – учил работать. Есть фотографии, на которых изображен этот процесс, а также замечательный снимок, где бабушка Юра везет внуков на тележке. А внуков было много – Миша и Юра, Лиза, Алеша, Настя и Никита. Лишь один раз я видела Ю. А. разгневанным, когда кто-то из внуков, капризничая, бросил на пол хлеб. Юрий Александрович дал ему подзатыльник и сказал, что будет наказывать, если это повторится, объяснив, почему нельзя бросать хлеб, каким трудом его выращивают, как делают муку, как пекут. Хороший был урок и, как мне кажется, не только для внуков.

Когда кто-нибудь из нас, молодых мам, сетовал на то, что ребенок плохо ест и старался обязательно заставить его съесть всё, что положено на тарелку, Ю. А. говорил, что не следует этого делать – «Проголодается – догадается!»...

В 1960 году Юрий Александрович был в Китае. Из Пекина я получила от него две открытки, вложенные в конверт, единственное его послание мне.

«Пекин, 14.05.60.

Н-И-Н-О-Ч-К-А!

Как вы там все живете, здоровы ли? Посылаю Вам спящего Будду, который напоминает мне Вашего супруга, когда он «возлежит» в ожидании залезания к нему в постель Алешеньки. Я успел очень соскучиться по всем близким, мечтал улететь в Москву 15.05, но до этого еду в Ланьчжоу и буду вообще ездить, а частично надеюсь побывать на раскопке.

Здесь цветет сирень и другие кусты, но особенно хороши магнолии.

Меня беспокоит мой поздний, относительно, возврат в Москву в смысле дачи, которую надо привести в порядок, хорошо бы, прежде всего вымыть и прибрать все внутри заблаговременно, еще до Нат(алии). Павл(овны), если она задержится на юге. М. б. Олег это организовал бы, как только снег стает. Очень мне без вас всех не по себе, уже жду с нетерпением возвращения, а еще месяц впереди.

Здесь за все время с 30 марта один дождь и один пасмурный день, а то все солнышко. Но иногда прохладный ветер.

Привет всем близким, папе и маме - особый! Целую всех вас. Ю. Орлов»

Юрию Александровичу нравилось бывать у моих родителей, которые его очень любили и уважали и всегда радовались встрече с ним. Он беседовал с моим папой о самых разных предметах, с удовольствием общался с мамой, шутил, говоря, что перед приходом к ней «укреплял себя постом и молитвой», зная, как вкусно она готовит.

Когда мы расстались с Олегом, встал вопрос о жилье для меня и Алёши. Юрий Александрович очень огорчился по поводу распада нашего брака, он и помог решить эту проблему. Написал письмо в Управление делами АН СССР с просьбой о выделении мне двухкомнатной квартиры, хотя я просила об однокомнатной. Но он сказал, что однокомнатная не годится, т. к. у меня мальчик, да и я ещё молода (было мне тогда 32 года).

Когда мы с Алешей переехали в эту квартиру в новый 5-этажный дом на улице Новаторов, Ю. А. не раз приезжал навестить нас. Мы пили чай, разговаривали о моей работе, об успехах и трудностях Алешки и т. п. Иногда Юрий Александрович оставался ночевать, говорил, что у нас ему хорошо – тихо и покойно. А утром, уходя на работу, часто говорил: «Ниночка, берегите сына». Так он сказал мне и в свой последний приезд к нам. Мы, как всегда, смотрели ему вслед из окна. Он помахал нам рукой и ушел, как оказалось, навсегда... Вид у него был усталый. Однако Юрий Александрович никогда не жаловался на здоровье, лишь иногда говорил, что устал, хотя, как мы узнали позже, у него уже были проблемы с сердцем...

*Действительный член Академии наук СССР
Юрий Александрович Орлов (1893–1966).
12 сентября 1966 года.
Последняя фотография,
на обороте подпись:
«Дорогой Марии Ивановне [Визжилиной]»*

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Ю. А. Орлов

В МИРЕ ДРЕВНИХ ЖИВОТНЫХ

(Очерки по палеонтологии позвоночных)

*Дорогому Николаю Алексеевичу
Визжилину
от сердца
преданного сына
17 V 61*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1961

*Титульный лист
книги академика Ю.А. Орлова
с посвящением моему отцу — Н.А. Визжилину*

Тринадцатого июня 1993 года в доме Юрия Александровича на Ленинском проспекте отмечали его столетний юбилей. Собрались его дети — Сева, Рома, Наталка и Олег, мужья и жены детей, близкие родственники и друзья. Как

всегда, за столом была душевная, теплая, дружественная атмосфера. Наталия Павловна рассказала об отце Юрия Александровича, о том, какую роль он играл в становлении его личности, в его образовании, нравственном воспитании.

Выступили дети и друзья, рассказывали о своих встречах с Ю. А., вспоминали о его доброте, мужестве, принципиальности. Мой брат Коля произнес хорошую речь об академике

*Академик Ю.А. Орлов
у себя на даче в Зелиноградской*

Ю.А. Орлове, о его благотворном влиянии на всех, кто с ним встречался хотя бы раз.

Юрия Александровича отпевали в церкви Ризоположения недалеко от дома № 13 по Ленинскому проспекту, где он жил последние 20 лет. Потом была гражданская панихида в фойе дома культуры МГУ на Ленинских горах. Проститься с Юрием Александровичем пришли родственники и друзья, представители Академии наук СССР и ректората МГУ, преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты геологического и биологического факультетов, которым он отдал большую часть своей жизни и души. Панихиду вел вице-президент Академии наук СССР Н.Н. Семенов.

Звучала траурная музыка – на рояле играла замечательная пианистка Мария Юдина, хорошо знавшая Юрия Александровича, она пришла, чтобы отдать ему свой последний долг. Все выступавшие тепло говорили о Юрии Александровиче, провожая его в последний путь. Похоронили Юрия Александровича Орлова на Новодевичьем кладбище...

*Академик Ю.А. Орлов,
скульптор, А.А. Заварзин, М.И. Визжилина, Н.Б. Заварзина,
М.Р. Преображенская, Н.П. Орлова, Н.А. Визжилин
на даче Орловых в Зеленоградской.
1960-е годы*

Я счастлива, что в моей жизни был Юрий Александрович Орлов и очень хочу, чтобы мой сын и внуки хотя бы немного были похожи на него.

Жена Юрия Александровича, моя свекровь, Наталья Павловна Орлова (в девичестве Преображенская), дочь профессора и дореволюционного общественного деятеля, была поистине «второй» половинкой своего мужа.

Познакомилась я с ней года за два до замужества. Когда же вышла замуж за Олега, она сразу приняла меня в свою семью, хотя, мне кажется, вряд ли я отвечала ее представлениям о девушке, которую она хотела бы видеть женой сына – слишком сильно я отличалась от ее начитанных, воспитанных в традициях дореволюционной разночинной интеллигенции, сдержанных детей. Я же тогда была сплошной порыв, активная, смешливая. Но Наталья Павловна никогда не выказывала никаких неудовольствий в мой адрес, потому что была умным, интеллигентным, деликатным, образованным, терпимым человеком.

Она окончила географический факультет Петербургского университета, и некоторое время училась на биофаке, но его не закончила, т. к. было уже много семейных забот – шутка сказать, четверо детей! Она как-то сказала мне, вспоминая свои молодые годы, что хотела девочку, но была рада, когда родился первенец мальчик – Сева, спокойно отнеслась к рождению второго сына Ромы, и всплакнула, когда родился третий мальчик – Олег, очень хотела девочку. Зато когда родилась дочка Наталочка, радости не было предела.

В доме Наталии Павловне помогала домработница Маруся, которая практически стала членом семьи Орловых. Н. П. не только занималась детьми, но и с удовольствием работала в «аптекарском саду» вместе с Владимиром Владимировичем Сахаровым, генетиком, известным специалистом в области полиплоидии. Летом на даче в Зеленоградской ухаживала за цветами, много читала.

В Москве осенью и зимой Наталья Павловна постоянно посещала лекции по ботанике в МОИПе, где с ней однажды произошел забавный случай, о котором она, смеясь, нам рассказала. В тот день была очень нудная лекция, а Н. П., любившая читать и разбирать свои записки и разные письма по ночам, не выспалась. И вот в какой-то момент она заснула под монотонный голос лектора, да так крепко, что свалилась со стула, вызвав переполох в аудитории. Все подумали, что ей стало плохо и принялись предлагать лекарства,

спрашивать, не нужен ли врач, принесли воды. «А я, – рассказывала Наталия Павловна, – с трудом сдерживала смех...»

Наталия Павловна любила и хорошо знала классическую музыку, часто слушала ее дома в записях на пластинках, и радовалась, когда и мы проявляли к этому интерес. Думаю, что Наталочка стала музыкантом (виолончелисткой) благодаря влиянию Наталии Павловны.

Очень почтительно и бережно относилась Н. П. к своей матери – Марии Ростиславовне.

Несмотря на довольно неприятное заболевание (подагру), заставлявшую страдать от боли в ногах и ходить с помощью палки, Наталия Павловна не жаловалась, всегда была приветлива и спокойна.

Баба Тата, как называли ее внуки, а потом и все мы, любила внуков, читала им, понемногу учила французскому языку, с удовольствием отмечала их успехи.

Наталия Павловна всегда искренне радовалась встречам с моими родителями, часто летом приглашала их на дачу, где моя мама с удовольствием собирала с кустов черную и красную смородину. Обе они занимались лечением диатеза у Алеши, обе печалились по поводу нашего развода с Олегом.

Когда родился Алеша, Наталия Павловна прислала мне в роддом несколько удивительно приятных добрых писем и записок.

Из писем Наталии Павловны в роддом.

«20.01.59. Дорогая наша Ниночка, все время думаем о тебе и рады бы помочь...

Знаю, что ты держишь себя молодцом, и желаю только, чтобы все это кончилось поскорее. Кто же это будет, кто же будет? Я лично рада любому».

«20.01.59. 17 час. 15 мин. Ну, Ниночка, поздравляем! Бесконечно рады вашей радости.

Растите его здоровым и счастливым! Ваша Н. О.»

21.01.59. «...Никто не думал, что ты справишься со всем так здорово! Скорее бы посмотреть на вас обоих. Думаю, что ты будешь очень хорошей матерью.

Все – бабушки, Маруся, Рома, Галя, Наталочка, Раиса Сергеевна, все Заварзины, не говоря про Ю. А., все очень за тебя рады и поздравляют тебя и Олега. Не перечисляю всех поздравлений от моих знакомых – позже.

Олег в свою роль еще не вошел, как мне кажется. Удовольствие нам еще предстоит, Ниночка!

Крепко, крепко целую. Твоя Н.О.

Вечер, дома».

«24.01.59. Ниночка, вот тебе цветы, которые происходят из Главного ботанического сада. Вчера мы с Ю.А. были там в гостях. К сожалению, подвяла уже зелень и не знаю, удастся ли ее заменить. Надеюсь, что они доставят тебе удовольствие. Ты отдай их своему врачу или акушерке. Я не знаю, чем их можно или нужно отблагодарить. Постоянно звоним друг другу с Марией Ивановной по телефону. Пожалуйста, не торопись и не думай насчет выхода. Все это от тебя не уйдет.

Спокойной ночи тебе и малышу. Целую вас обоих. Н. О.»

Наталия Павловна горевала, когда мы уехали из их дома на улицу Новаторов.

Из-за болезни ног к нам на улицу Новаторов она приезжала очень редко. Зато, начиная с 1968 по 1989 г, часто писала мне и Алеше письма, полные тепла и заботы. Естественно, я всегда отвечала, но мои письма, за исключением двух, не знаю как попавших ко мне, остались у нее.

Часть писем – открытки и много длинных посланий на нескольких страницах, в которых Наталия Павловна рассказывала, что происходит в семье, что поделяются и как развиваются внуки, какие книги она читает и что советует прочесть мне и т. д. У меня храниться больше 25-ти ее писем, обращенных ко мне, моим родителям и Алеше. Не могу удержаться, чтобы не привести часть из них. Они лучше всяких моих слов расскажут о том, каким прекрасным человеком и доброй свекровью была Наталия Павловна. Как горько сознавать, что в последние месяцы ее жизни я редко была у нее из-за всяких домашних и рабочих дел.

«1968 г. Дорогие Ниночка и Алеша! Скоро уже буду дома и о вашем житье-бытье узнаю. А пока хочу напомнить вам о себе этой картинкой, которая в свою очередь напоминает мне Валдай, а вам – Углич. Алёшенька, найди, где этот Себеж. Здесь очень много книг и карт и краеведческий музей – вот бы тебе было интересно. В букинистическом магазине кое-что тоже интересное для тебя.

Вернулась ли Зинаида Константиновна (учительница французского языка – *Н. О.*) Надо будет налаживать все зимние занятия, и неплохая английская книжка тебе тоже пригодится. Целую вас обоих, поклон старшим и Николаше. (Так она называла моего младшего брата. – *Н. О.*) Ваша Баба Тата».

«7.04.72. Милая Ниночка! Послала сегодня телеграмму всем вам и сегодня же получила твое письмо. Спасибо, дорогая, и за это и вообще за твои ласковые письма. Всегда ценю и дорожу ими. Как жаль, что в Москве всегда лишь благие намерения видеться чаще! На мою инициативу теперь рассчитывать трудно даже мне самой – желание есть, а дело стоит...

Привет Коле, твоим родителям. Тебя, Алешу целую. Твоя Н.»

13.05.72. Суббота. (Часть длинного письма – *Н. О.*)

Ниночка, дорогая, не представляю – как это могло случиться, что не поздравила тебя вовремя с днем рождения! Помню, конечно, очень хорошо, что это 11 мая.

Не делай, пожалуйста, из этого никаких «выводов». Люблю тебя всегда – и до праздника и после и мысленно с тобой очень часто...»

«29.12.74. Ниночка! Спасибо за поздравление. И я поздравляю тебя и всех домашних твоих. Желаю, чтобы Новый год был для вас годом мирным во всех смыслах, а успехи у всех ощутимыми. Твой «домик» напомнил мне Малинники (место в Калининской области, где мы с Лешей одно время жили. – *Н. О.*), а мне и дорогу, и, как всегда, «охоту к перемене мест». Еще раз за Малинники (настоящие) спасибо! Это было одно их лучших впечатлений года.

Целую крепко. Твоя Н. О.»

«29.08.76. воскресенье Дорогая моя Ниночка!

Хочу тебя поблагодарить за вчерашний вечер, за то, что, придя с Алешей и Колей, вы составили наш самый тесный домашний круг, в котором естественно было бы говорить о Ю.А.

Я этого не сделала и это мучает меня. Наталка говорит, что так просто и хорошо выходит у Марии Ивановны (у моей мамы. – *Н. О.*), неестественно может получиться у меня, может быть! И это тоже плохо.

Мало ли о чем думаешь – о датах, об утратах, о новых этапах – как в жизни наших студентов, но все хорошо делать вовремя...

Не сомневаюсь, что те, кто вчера был, о Ю. А. не забыли. И мне очень хочется, чтобы все те же собрались перед официальной годовщиной 10-летия [со дня его кончины].

Обнимаю и крепко целую, Николашу тоже. Твоя Н. П.»

«16.01.87. Ниночка, дорогая! С днем рождения Алеши!

С тобой связаться теперь совсем не просто. Как ты живешь, как себя чувствуешь? Какие радости? Слышали, что ты снова руководишь певческой «капеллой»? Кем да кем?

Наталка только что ездила в составе школы со своим учеником в Ригу, а в эту неделю у Ромы. Лежу, читаю, пишу. Как дела у Коли? Скоро буду дома, собираюсь к Марьяше, но темпы мои, подвижность – удручающие, но унывать не хочется. Если заглянуть некогда – вполне представляю, то звони!

Крепко целую. Баба Тата».

«3.05.87. Дорогая Ниночка!

С днем рожденья – круглой датой – поздравляем тебя я и Наталка.

Желаем тебе, прежде всего, здоровья, бодрости, неизменного пребывания «в деле», самом разном – по душе, и поменьше в делах тягостных, в меру сил и возможностей. Со внуками, с друзьями, учениками вообще близкими – исполнения желаний духовных и материальных. В общем – благополучия и радости. И чистого неба. Крепко целуем. Твои Н. О. и Наталка».

«12.12.87. Бабушку Нину, Дашеньку и Гриню поздравляю с Новым годом.

Будьте здоровы, веселы и почаще к бабушке Тате приходите!

Мне очень хочется знать, с чем придет к вам Дед Мороз, и уже торопится прийти боярышня «8 марта». У нее тоже что-то заготовлено в этой коробочке (см. на обороте)! А может быть ложка, что у нее в другой руке? Ждите ее.

Жду всех и я. Крепко целую. Ваша бабушка Тата».

«19.12.87. Ниночка, дорогая, поздравляю тебя вместе с младшими, т. к. слышала, что твои старшие будут у нас. Следовательно, с детьми ты.

Желаю вам хорошо провести этот вечер, а тебе встретить Новый год с легкой душой. Вообще на весь год – здоровья, душевного покоя, удач больших и малых, а забот – поменьше. (Также и работы – в меру!)

Крепко тебя целую. Твоя Н. П.»

Передай мои новогодние пожелания благополучия и радостей Алеше и Тане, если почему-либо не встретимся.

В день рождения Наталии Павловны 28 августа, на Зеленоградскую съезжались ее дети, внуки, родственники и друзья. Все усаживались за большой стол на террасе, веселились, шутили, немного выпивали и дарили Н. П. подарки. Это был всегда приятный день.

Наталия Павловна никогда не вмешивалась в наши с Олегом отношения. Лишь когда мы решили развестись, она очень деликатно убеждала меня этого не делать.

Я прожила вместе с Юрием Александровичем и Наталией Павловной в доме 13 по Ленинскому проспекту 6 лет, с 1958 по 1964 год, до момента переезда на улицу Новаторов и всегда чувствовала их доброе отношение. И после переезда, всегда встречала теплый дружеский прием, когда приезжала с Лешей или одна к ним в дом, они интересовались моими делами, помогали во всем.

Последний раз я была у Наталии Павловны перед очередной поездкой в США к Алеше, мы долго разговаривали о детях и внуках, еще надеялись, что они вернуться.

5 апреля 1999 года Наталии Павловны не стало. Она не дожила несколько месяцев до своего 99-летия.

Наташа

Наташа – единственная дочка Юрия Александровича и Наталии Павловны была, несомненно, любимицей родителей, бабушки Марии Ростиславны и братьев. Красивая девочка с милой улыбкой, черными густыми волосами, очень воспитанная. Она стала музыкантом – виолончелисткой. Помню, что не без успеха играла в струнном оркестре Маркиза (?). Довольно рано вышла замуж за Егора Заварзина,

выпускника нашего факультета, способного, умного, весьма ироничного парня, который быстро сделал блестящую научную карьеру.

Родители Егора – отец, архитектор Заварзин и мать Нина Борисовна, были дружны с семьей Орловых. У Наталочки родилась дочь, Лиза, которая впоследствии поступила на наш Биофак и успешно закончила кафедру зоологии беспозвоночных. Все было как будто хорошо, но довольно скоро, не знаю почему, брак распался, хотя сохранились хорошие отношения между Наталкой и Егором. Егор снова женился, у него в новой семье две дочери.

Наталочка тоже вышла замуж за приятеля Олега, выпускника кафедры зоологии позвоночных, который был значительно старше Наташи, Юрия Дмитриевича Чугунова и уехала с ним на Дальний Восток, где прожила 10 лет. Сначала там ей было довольно трудно – на Наталку свалились все домашние и бытовые дела, Ю. Д пропал на работе. Потом она стала работать, учила детей музыке и много выступала с концертами и на радио.

Сейчас Наталочка профессор Гнесинского музыкального училища, очень много и интенсивно работает, у нее много учеников, она ездит с ними на конкурсы, где они успешно выступают. По-прежнему с симпатией и вниманием относится ко мне, Алеше и его семье; с нежностью – к моему брату Коле. Теперь чаще всего мы встречаемся у Олега с Машей, иногда звоним друг другу. Связь ослабла, но чувство взаимной симпатии осталось.

У меня хранится много писем Наталки из Владивостока. Вот часть из них.

Письма Наталочки

«12 февраля 1972 года.

Дорогая Ниночка! Сто лет не писала тебе, все некогда, как и в Москве. Со временем дел прибавляется, а в сутках все те же 24 часа...

У меня тут такая бурная концертная деятельность, заниматься не успеваю, а еще все есть хотят, и стирать надо, и Лиза вдруг выросла из всех одежд...

Вчера возникла уникальная возможность: мне дали 35 минут на телевидении (сольный концерт), которые я хочу

использовать для музыкально-информационной передачи под девизом «Что такое виолончель».

Теперь оставшиеся дни до 2 марта будут совсем уж сумасшедшими, тем более, что и коллеги по вновь образовавшемуся квартету, и вернувшиеся после каникул студенты, и программа концерта «Вечера камерной музыки» требуют занятий с полной отдачей... Но зато интересно – так интересно быть нужным со всеми своими недостатками и недостаточными знаниями и умением.

Как странно складывается жизнь: ничего подобного я не могла себе представить, живя в Москве!

Ю. Д. «вкалывает» в ин-те на всех фронтах – и научном, и педагогическом, и общественном, и хозяйственном. В последние дни прибавилась организация громадной экспедиции по Туркмении, Закавказью и Карпатам, я умираю от зависти!

Нинуша, напиши о себе немного. Я совсем уже ничего не знаю. Почти каждый день вспоминаю вас с Колей по утрам. Напиши, когда вы уедите в свое «поместье». Уж очень я соскучилась по своим родственникам и друзьям!»

От Ю. Д. всем привет. Крепко тебя целую. Твоя Наташа».

«29.12.77. Ниночка, дорогой любимый друг!

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом, желаю возможно дольше оставаться такой, какая ты есть и была, – какой все мы тебя знаем и любим.

Пусть взрослый ребенок тебя радует и служит дополнительным стимулом к сохранению бодрости и здоровья. Крепко тебя обнимаю. Твоя Наталочка».

«5 марта 78 г. Опять Вл-к!!!. Ниночка, дорогая, с праздником!

Часто думаю о тебе, хочется видеть тебя счастливой или, хотя бы, спокойной... Какая трудная штука – жизнь, даже для таких сильных людей, как ты! С большим уважением и нежностью обнимаю тебя, привет Алешке!

Твоя Наталка».

«8.10.78. Ниночка, только вчера узнала, что ты до последнего времени была в Москве. Я-то считала, что ты уже в Болгарии. Рада за тебя, уверена, что новые впечатления от хорошей страны и милых людей будут долго поддерживать и согревать... Я тебя вполне понимаю, воспринимая как

близкого дорогого мне человека. Никаких обид, недомолвок никогда не омрачало моих мыслей о тебе. Чем дальше во времени уходим мы от счастливых дней юности, тем дороже старые друзья и драгоценные воспоминания. Я знаю, как глубоко, преданно ты способна любить, преклоняюсь перед такой цельностью и силой твоего характера. Каковы бы ни были наши дети, с их бедами, радостями, они тоже – часть «оной» жизни. Поэтому мне больно видеть их пороки. Но они уже взрослые. И они, хотя и составляют главную часть жизни, но остается еще что-то, и это «что-то» для меня, увы, только прошлое. В нем ты была частью моей жизни, в реальность которой теперь трудно поверить, но часто такой значительной, что я не могу ни забыть, ни разлюбить тебя, как самую эту жизнь. Вот и все. Твоя Наталка».

«Дорогая Нина! Поздравляю тебя с Новым, 1988, годом. Желаю, чтобы пресловутый Дракон был милостив к тебе и твоим близким... Как всегда, в канун торжества, перебирая в уме «самых, самых» обращаюсь к семье Визжилиных, Николаю Алексеевичу, Марии Ивановне, тебе, Николаше... Хочется найти душевный покой в здравствующих «молодых» представителях семей. Хочется видеть их здоровыми, счастливыми и ... щедрыми. Иногда думаю, что в прожитой части жизни досталось так много душевной сердечной щедрости от ушедших стариков, что это было дано на всю жизнь авансом, а теперь настало время платить и давать другим... Будем же радоваться тому, что имеем. Пускай бы подольше было, как есть, а не хуже! Крепко, крепко обнимаю. Наталка».

* * *

Сева – старший сын Юрия Александровича и Наталии Павловны. Окончил мехмат МГУ. С ним я познакомилась после того, как вышла замуж за Олега.

Сева был человек цельный, умный, независимый, иногда резкий, любитель путешествий, велосипедных прогулок, причем все делал по максимуму. Он стремился своих детей – Мишу и Юру – приобщить к спорту, научить делать любую мужскую работу. Воспитатель он был строгий. Помню, как однажды на даче в Зеленоградской, когда вся семья собралась за столом, кто-то протянул Мише, которому тогда было лет пять, какой-то кулечек со сладостями. Мишка

просиял: «Это мне!» Сева спокойно отобрал этот «презент» и сказал: «Это не только тебе, это всем». Миша заплакал, но, думаю, навсегда запомнил этот урок.

А Мишка, пожалуй, мой самый любимый племянник, был в детстве очень медлительный, тихий спокойный мальчик, его я однажды везла на дачу. На вокзале спросила, не хочет ли он мороженого. Ответ был положительный. А дальше началось нечто неожиданное – этот стаканчик мороженого Мишка ел в электричке почти до самой Зеленоградской, мороженое стало таять, капать на одежду и на пол, но быстрее он есть не мог.

Взрослый Миша окончил Географический факультет МГУ, женился, у него растет сын Андрюша, поющий в хоре мальчиков, в составе которого он ездил с гастролями по стране и был за границей, в частности, в Америке. Жена Миши, Наташа, изготавливает очень изящные поделки из сухих цветов и разных растительных материалов. Миша каждый год ездит на несколько месяцев на Север, где работает метеорологом, а зимой работает, где придется, занимается переводами, садовым дизайном

Второй сын – Юра – окончил физфак МГУ, где успешно выступал в агитбригаде. Теперь он с женой Леной и сыном Васей живет и работает в США.

Сева долгое время пел в университетском хоре. Ежегодно хор выступал у памятника А.С. Пушкину в день рождения поэта, а потом все шли к Севе домой. Его семья тогда жила на ул. Горького, напротив Моссовета.

Жена Севы, Люся, или как мы ее называли, Люкенция, человек спокойный, доброжелательный, была «половинкой» Севы, почти всегда его поддерживала.

Несмотря на непростой характер Севы, на его внешнюю суровость и недоступность, мне было довольно легко с ним общаться.

Сева не щадил себя в работе и путешествиях. Даже когда серьезно заболел, продолжал ездить некоторое время на работу, пока окончательно не слег. Он скончался в 2001 году и похоронен на Котляковском кладбище.

Роман – средний сын Орловых – был, на мой взгляд, самым добрым, приветливым и общительным среди братьев. С ним легко было разговаривать, он умел внимательно слушать и сочувствовать. Наверное, не случайно Рома – один из основателей «коммуны» и один из самых любимых и

уважаемых ее членов. «Коммуна» была организована во время учебы Ромы на Геологическом факультете МГУ. Это была дружная веселая компания единомышленников, каждый из членов которой был уверен, что в тяжелую минуту жизни он получит понимание и поддержку своих товарищей. Они вместе ходили в походы, катались на лыжах, справляли дни рождения и т. п.

*Роман Юрьевич Орлов, средний сын Юрия Александровича,
и его жена Галя*

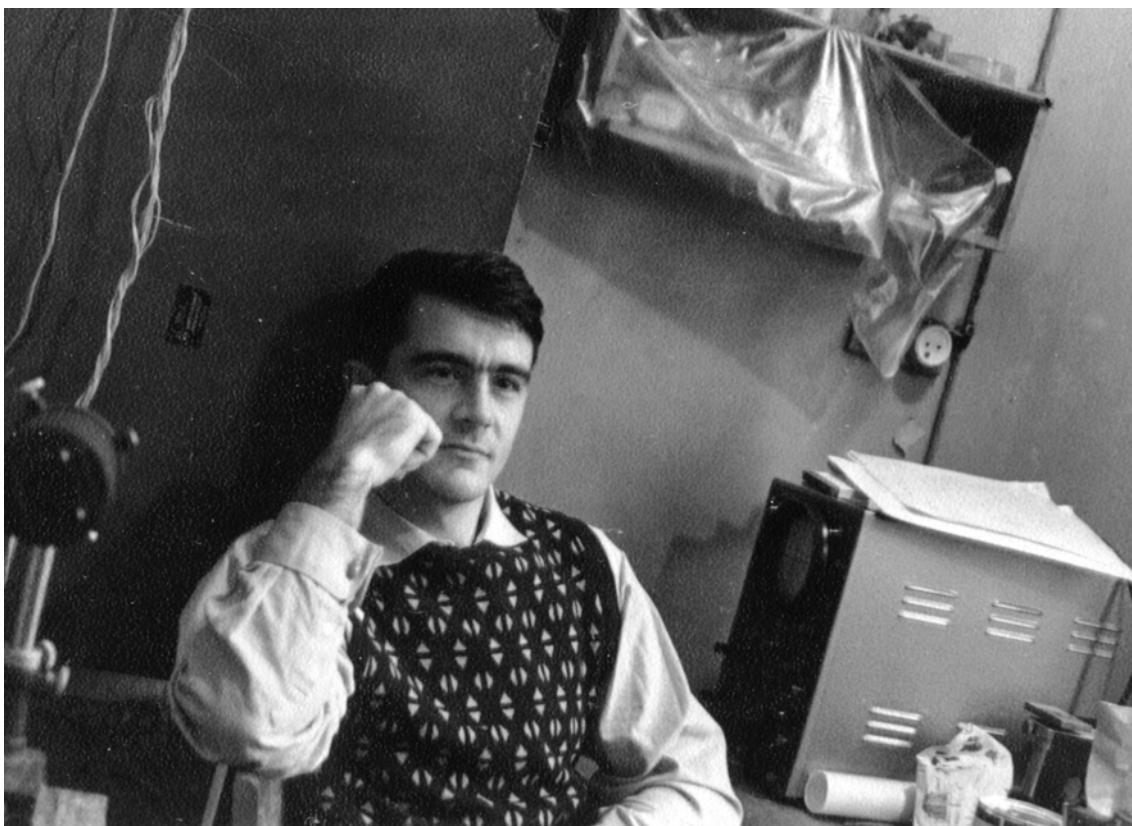
У Ромы и его жены, Гали Ушатинской, тоже члена коммуны, верного его друга, родилось двое детей – Настя и Никита. Не удивительно, что именно у Ромы и Гали, чья семья жила в мире и согласии, больше всего потомков: двое детей, пять внуков и даже один правнук!

Грустно думать о том, что Ромы уже нет... На похоронах Ромы я не была – в это время находилась у Алеши, приехала к сороковому дню, где было много Роминых друзей, его Галя, дети и внуки. Все тепло и горестно говорили о Роме. В этот день я впервые увидела маленького сына Никиты, Ванечку, внука Ромы. Очень ласковый доверчивый мальчик.

Он сидел у меня на руках, когда я сказала: «До чего же ты, Ванечка, похож на папу!» «Еще бы,— ответил он,— посмотри, какие у меня уши» и пальчиками оттопырил свои ушки.

Олег – младший сын Орловых.

(На этом рукопись Нины Николаевны прерывается, дописать эту главу она не успела. – *Редакционный коллектив*).

*Олег Юрьевич Орлов –
младший сын Юрия Александровича*

Школа с особым режимом

Весной 1956 года нас распределяли на работу. Тогда это была обычная система, которая не всем нравилась, т. к. направляли нас на работу в основном в школы, в систему Министерства сельского хозяйства и на противочумные станции (зоологов), лишь единицы поступали в аспирантуру или в институты старшими лаборантами. Каждый обязан был отработать по месту распределения два года. Только теперь, когда видишь, как трудно устраиваться выпускникам на работу, можно оценить, насколько неплохо это было – ведь за эти два года можно было найти себе работу по душе или подготовиться для поступления в аспирантуру.

Меня направили в распоряжение Министерства сельского хозяйства, т. к. я хотела работать на селекционной станции. После защиты диплома и сдачи госэкзаменов пошла в это министерство, чтобы получить путёвку на работу. Однако, к моему удивлению, произошёл странный разговор с чиновником: «Вы москвичка?» – спросил он. – «Да» – ответила я. «Значит, Вам не хочется уезжать из Москвы». Удивившись такому заключению, я сказала, что хочу уехать на селекционную станцию в Сибирь. «Ну, ближе Дальнего Востока у нас рабочих мест нет, зайдите дней через 7–10».

Я периодически заходила, и всё повторялось, как в первый раз. В конце концов, я согласилась ехать на Дальний Восток, но получила отказ, т. к. сказали, что место уже занято... По закону Министерство, приславшее на факультет заявку, было обязано меня трудоустроить, но, видимо, места не было или его отдали кому-то другому.

Тогда мы с Олегом, с которым тогда были дружны, взяв напрокат машину, съездили на несколько селекционных станций в средней полосе России. Но и там я получила отказ, при этом с горечью поняла, что мне отказывают, полагая, что я, маленькая худенькая девочка, вряд ли смогу работать в полевых условиях. Было обидно. Кончался август, все мои однокурсники уже работали, а я сидела дома... Тогда я

отправилась в школы – сначала в свою, где училась и где меня хорошо знали, потом в ту, где проходила педпрактику (за неё получила пятёрку). Но было уже 3-е или 4-е сентября и вакансии преподавателей-биологов уже заняты.

Именно в это время мальчишки нашего курса собрались на «мальчишник», где каждый рассказал о своей работе. Олег, который был на этом сборище, приехал ко мне и сказал, что есть место в школе с особым режимом для трудновоспитуемых мальчиков, о чем ему сообщил наш однокурсник, почвовед Юлий Гельцер. «Мне нужен парень покрепче и посильней для преподавания биологии в 7-м и 8-м классах» – сказал он. «А маленькая девочка тебе не подойдет?» – спросил Олег. Юлий удивился, но, узнав, что речь идет обо мне, сказал, что, наверное, подойдет. Он знал меня по учёбе и комсомольской работе на курсе и факультете.

И вот я отправилась на другой конец города – с Кутузовского проспекта на развилку Варшавского и Каширского шоссе – в школу № 544 Москворецкого района Москвы, директором которой был брат Юлия – Эдуард Георгиевич Костяшкин. Школа стояла на краю большой стройки. Первое, что удивило меня, была запертая в школу дверь, потом запертая дверь раздевалки.

Нашла Юлия, он показал мне кабинет биологии, где было множество хороших учебных пособий – чучела и скелеты, скальпели и пинцеты, плакаты и т. п., хранившиеся в шкафах и на полках в маленькой комнате учителя, расположенной перед кабинетом. За кабинетом – голубятня. Потом повёл меня в кабинет директора. В нём были два стола, поставленные буквой «Т», стулья и большой диван, на краешек которого я и приземлилась. «Держись понахальней!» – напутствовал меня Юлька. Не успела я удивиться, как дверь отворилась, и в кабинет вошёл высокий сильный человек с волевым лицом и выдающимся вперед подбородком. Это и был Эдуард Георгиевич. Юлька представил меня ему, а он, наставив на меня палец, насмешливо сказал: «Это Вы хотите у нас преподавать?!» – Я кивнула. – «Ну что ж, если вас в первые три дня не выбросят из окна, можете оставаться». Такое заявление меня просто взбесило – опять та же история – мой непредставительный вид... Решила, что во что бы то ни стало буду здесь работать... Эдуард Григорьевич предложил мне сначала

какое-то время походить по урокам, посмотреть, что за ребята здесь учатся и как с ними управляются учителя. Юлий был несколько озадачен и, когда мы вышли из кабинета, рассказал, что передо мной работала пожилая учительница, которая буквально убежала из школы, увидев, повернувшись от доски, что практически весь класс нацелился на неё стальными пёрышками, как из лука.

С.Р. Управление по Просвещению Городской Отдел Образования ШКОЛА 24 сентября 1986 г Адрес В-240, д. 10, Москва М-6 Т. 33-33-87	В ГОРОДСКОМ ОТДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОТДЕЛ КАДРОВ
	544 школа с особым режимом просит направить к нам преподавателем биологии ВИСНИЛНУ Н.Н. окончившую в этом году МГУ.
	Тов. ВИСНИЛНА в настоящее время работает в нашей школе и показала себя вполне подходящей кандидатурой для работы в школе с особым режимом.
ДИРЕКТОР:	<i>Костяшкин</i> /Костяшкин/

***Письмо-запрос директора школы с особым режимом
Э.Г. Костяшкина о моем направлении в эту школу***

Приехав домой, рассказала маме о своем походе в школу. Мама пришла в ужас. «На каком этаже биологический кабинет?»,— спросила она и, узнав, что на пятом, сказала — «Немедленно уходи!»

Ну, уж НЕТ!

И началась моя деятельность в школе, куда отправляли мальчишек — хулиганов, драчунов, воришек, исключенных из всех школ Москворецкого района. Вначале в школе были 4-е—8-е классы, при мне появились 9-е и 10-е классы.

Я стала ходить по урокам. На переменах, проходя по коридорам, слышала, как мальчишки за моей спиной обсуждали причёску, одежду, а также ноги и прочие части моей фигуры. Было жутковато.

На многих уроках всё было как в обычных школах, на некоторых – железная дисциплина, например на уроках завуча, Татьяны Борисовны. Но было и другое.

Однажды пришла на урок истории, которую преподавал молодой выпускник, кажется, Университета. В классе царил бедлам – все бегали, орали, дрались. Прозвенел звонок, в класс вошёл учитель с журналом и указкой в руках, но это не произвело на ребят никакого впечатления – всё тот же «ор» и беготня. Более того, один из учеников вскочил на учительский стол и отбил чечётку. Я с ужасом ждала, что же будет. Учитель, постояв минутку, вышел за дверь, потом быстро вбежал и запрыгнул на подоконник. Мгновенно все замолчали, а он, спрыгнув с подоконника, спокойно сказал: «А теперь начнём урок».

И вот наступило 13 сентября. Я, как обычно, утром пришла в школу, чтобы посетить некоторые уроки. Вдруг бежит Юлька и говорит, что я должна вести урок в 7-м классе, потому что произошла какая-то ошибка в расписании, и у него на этот час оказалось два разных урока – ботаника (6 класс) и зоология (7 класс). «Как же вести урок, я же не готовилась!» – возопила я. Однако делать нечего, придётся идти на урок, тем более что я и должна была вести уроки в 7-х классах. Узнав у Юлия тему урока – «кишечнополостные», стала лихорадочно вспоминать о них. Но ничего путного не вспоминалось, кроме того, что медузу можно размельчить, а она снова регенерирует. С этим я и пошла на урок на 5-й этаж, к кабинету. Стою, жду, слышу топот и крик – «дети» идут на урок. Увидев меня вместо Юльки, они удивились и замолкли, вошли в кабинет, сели. Я представилась, как их новая учительница, и попросила повторить домашнее задание. В этой школе уроки готовились после занятий, а в начале урока давалось 7–10 минут на повторение.

За эти минуты я быстро пролистала две страницы учебника, посвященные кишечнополостным, кое-что вспомнила из курса зоологии беспозвоночных, и урок начался. Он прошёл спокойно и тихо. Ребята, не зная о смене учителя, никакой гадости мне не приготовили. И пошла школьная жизнь.

Примерно месяц редкий день я не плакала, запершись в кабинете. Дело в том, что ребята как бы просто не замечали меня за огромным столом. Все уроки мне приходилось стоять, потому что, когда я садилась на стул, над столом

была видна только моя голова... Потом директор, посетивший один из моих уроков и вдоволь посмеявшись над моей бедой, выдал мне высокий табурет. Ребята не хамили мне, но спокойно разговаривали между собой, иногда ходили по кабинету, и однажды один из них громко послал кого-то из одноклассников на три буквы. Я взорвалась: «Лопата (это фамилия, имя – Валера), как ты смеешь!?!» Он очень удивился и произнёс – «Я ж не Вам!»

Надо ли говорить, что это было тяжёлое для меня время. Поняла, что если не возьму верх над этой шпаной, в школе мне не быть и размышляла над тем, что следует делать. Даже ездила к своей любимой учительнице, нашему классному руководителю Людмиле Александровне Кондратьевой за советом. Однако поняла, что решать и делать что-то надо самой, главное – надо ребят заинтересовать.

И стала очень тщательно готовиться к урокам, конечно, не по школьному учебнику, а по университетскому, привлекала разную увлекательную литературу – Брема, Сеттона Томпсона, Чаплину, Джека Лондона и т. п. Обычно после опроса и объяснения нового материала, если оставалось несколько минут, я либо читала, либо рассказывала что-то из жизни животных... И всё встало на свои места – ребята с удовольствием ходили на мои уроки, внимательно слушали, и всякая буза прекратилась. Однако всякое бывало.

Отношения сложились хорошие настолько, что я могла спокойно оставить кошелек с деньгами на столе в кабинете, уверенная, что никто его не тронет. Весной в один из седьмых классов пришел новичок. Прошел урок, собралась пойти в буфет и не нашла на столе кошелька... Спросила ребят, не видел ли кто-нибудь его. Все ответили, что не видели. После уроков ребята собрались в вестибюле школы, построились в шеренгу и стали обсуждать пропажу. Не знаю как, но быстро вычислили, что кошелек взял новый парень, за что ребята хотели его побить, но я и воспитатель, присутствовавшие на этой линейке, вмешались, бить не позволили, парень лишь получил по шее. Кошелёк был найден.

Во второй половине декабря на урок анатомии явился парень – **Женя Аверочкин**, впервые за первое полугодие (!). Урок прошёл как обычно, я попросила ребят поскорее освободить кабинет, т. к. была небольшая пятиминутная

перемена, и надо было сменить разные пособия – скелет и таблицы по анатомии на чучела и пр. для урока по зоологии. Ребята быстро ушли, а «новенький» остался и стал бегать по кабинету. Дважды спокойно попросила его уйти, на что он внимания не обратил, в третий раз резко повысила голос, попросту заорала: «Убирайся, ты мне мешаешь!» В ответ на это Женя остановился, подошёл ко мне вплотную и произнёс: «А что ТЫ на меня орёшь?» И тут я сорвалась – никто из ребят ни разу не назвал меня на «ты» – дотянулась до его наглой физиономии и смазала ладонью по щеке (он был, по крайней мере, на полголовы выше меня). Реакция была для меня удивительная – он опешил, тихо повернулся и ушёл из кабинета. Как после этого я провела урок, не знаю – щёки горели, в голове кавардак, на сердце ужас... Когда окончился урок, и я вышла из кабинета, ко мне подошёл воспитатель (была такая должность в школе – он следил за тем, чтобы ребята на перемене не курили и не дрались в коридоре и в туалете и т. п.) и спросил, что со мной, вид у меня, по-видимому, был странный. Я сказала, что ударила по лицу ученика, что, видимо, придется уходить из школы. Выяснив, кого я ударила, спокойно сказал: «Давно пора». Утешил.

На следующий день Аверочкин несколько раз подходил ко мне и с удовольствием произносил одну и ту же фразу – «Как вы меня уломали, Нина Николаевна!» Я готова была провалиться сквозь землю, было стыдно. С этого дня Женя стал ходить на все уроки и очень меня «зауважал».

Через несколько дней классный руководитель класса, где учился Женя, попросил у меня разрешения провести классный час по итогам полугодия в кабинете биологии. И я, сидя в своей комнатке, слышала и ужасалась тому, как проходил этот час – ребята громко переговаривались, ругались, иногда матом, учитель делал замечания, просил не ругаться, но всё было бесполезно.

А еще через некоторое время, в конце декабря, меня вызвал директор и предложил мне классное руководство в этом классе. Я стала отказываться, говоря, что не справлюсь, но он настоял и вскоре издал приказ о моём назначении с третьей четверти в 8 «А» класс.

Начались зимние каникулы, и я вместе с учителем литературы Марком Александровичем Львовым и несколькими ребятами отправилась в лыжный поход от Переславля Залесского до Загорска. Надо сказать, что на

лыжах и на коньках я ходила плохо, вообще была абсолютно неспортивным человеком. Кроме того, мне пришлось отдать свои лыжные ботинки одному из ребят, который вообще пришел в кедах, и идти в каких-то ботинках, взятых с собой для смены на отдыхе. Понятно, что для меня этот поход был серьезным испытанием. Я не говорю о том, что все время плелась в конце отряда, сопровождаемая двумя самыми сильными ребятами, и даже однажды, когда в метель мы заблудились, умудрилась упасть в обморок. Это случилось на пороге школы, до которой мы, наконец, дошли. Ребята втащили меня в дом и поместили на печку, и я сквозь сон, который навалился на меня после обморока, слышала, как мальчишки говорили друг другу: « Тише, Нинушка спит». Это было очень трогательно.

После каникул я пришла в 8 «А» уже классным руководителем. Согласно школьному порядку, ребята по очереди дежурили после уроков в классе – мыли пол, вытирали парты и доску, подбирали мусор. Естественно, дежурные назначались по алфавиту, и также естественно, первым должен был дежурить Аверочкин. Когда объявила об этом, он сказал, что никогда не дежурил и не собирается это делать. Я понимала, что если не смогу заставить его убираться, то это даст повод другим ребятам делать то же. Закончив приготовление домашних заданий, все ребята ушли домой. И вот потянулось время. Проходит 30, 40 минут, час. Женька где-то носится, иногда заглядывая в класс. На подходе второго часа я в очередной раз спросила его, когда же он начнёт убирать класс, а он ответил, что делать этого не умеет. Я сказала, что научу его, взяла ведро и тряпку. Он удивился и тут же, забрав у меня ведро и тряпку, быстро и хорошо всё сделал. Уф!

Позднее, когда я стала ходить по домам ребят своего класса и знакомиться с условиями их жизни, с их родителями, узнала, что отец Жени почти всю войну пробыл в фашистском концлагере. Женька в войну практически бродяжничал, в школу ходил редко, часто не ночевал дома, т. к. его мать работала на фабрике, дома бывала мало и времени на воспитание детей (их у неё было двое – Женя и его младшая сестрёнка) у неё практически не было. Отец, придя с войны, решил воспитывать сына и делал это так – порол его солдатским ремнём... Словом, удивляться тому, что Женька рос хулиганом, не приходилось.

Я часто разговаривала с ним на разные темы, он приезжал ко мне домой и на дачу, мы подружились, и он как-то сказал мне, что никто, кроме меня, не обращался с ним по человечески (в том числе и пощёчина справедлива – за хамство, ему было удивительно, что такая маленькая, достаточно хилая женщина ударила его, Ж. А., известного хулигана, которого тогда собирались исключить из школы и направлять в колонию. «Будь на Вашем месте учитель мужчина», – сказал Женька, я бы его избил».) Была и влюблённость, он изо всех сил старался быть хорошим, не пропускал школьных занятий, готовился к урокам даже дома, о чём с испугом (!) сказала, прибежав однажды в школу, его мать. Но закончилась история с Женей плохо, он ушёл из 9 класса, несмотря на мои уговоры и доводы, сказал, что не может видеть, как я страдаю, когда он получает двойки, а учиться хорошо уже не в состоянии – сильно отстал. Уйдя из школы, снова стал водиться с какой-то шпаной и однажды подрался, ранил какого-то парня перочинным ножиком, который я ему подарила после летнего похода (!), и угодил в колонию для малолетних преступников. Была я на суде, страдала и мучилась из-за ножика, очень жалела Женьку. Потом несколько раз писала ему в Икшу, где была колония.

Из колонии я получила от него несколько писем. В них Женя писал о режиме дня, об учебе и работе на производстве, где учится на токаря, сообщал, что за первую четверть не получил ни одной двойки, рассказывал о домашних делах, о которых ему сообщала мама. В частности, написал, что наладились отношения между родителями, и о хорошей учебе сестренки. Сожалел о содеянном – «Ну о том, что натворил, и говорить нечего. Сам виноват, и теперь приходится расплачиваться. В следующий раз буду разбираться, что можно делать, а что нельзя». Одним из писем сообщил, что ему хотят сократить срок наказания на 6 месяцев, что по освобождении постарается закончить 10-й класс. Благодарил за мои письма. После колонии он приезжал ко мне, грустно говорил, что жизнь испорчена, что хорошим ребятам-сверстникам родители не разрешают общаться с ним, бандитом. В июне 1962 года Женю призвали в армию, он служил в Магадане в ракетных войсках, писал мне и оттуда, рассказывал немного о службе, чем занимается в свободное от службы время, о своей девушке Оле. Письма

были спокойные, почерк стал более четкий, хотя чувствовалось, что он скучает по близким людям и Москве.

Но после армии я его потеряла – переехала с Ленинского проспекта, телефона у меня не было, его адреса я уже не знала.

Не знаю, какова его судьба и где он теперь. Такая грустная история.

Из армии мне писали и другие ребята – Дима Зотов, Володя Коновалов и Юра Толстой. Все письма мальчишек до сих пор храню. Иногда возникает мысль обратиться в телепередачу «Жди меня» и собрать этих ребят, однако, не уверена, что хватит на это сил.

Часто на уроке давалось задание зарисовать какое-нибудь животное или схему.

Идёт урок в 7-м классе. После рассказа о червях прошу нарисовать дождевого червя. Во время рисования разрешалось тихонько разговаривать, и вдруг в кабинете повисает необычайная тишина. Сидя за столом, вижу, как по рядам передаётся какой-то листок, я насторожилась и не зря: с переднего стола, гнусно улыбаясь, поднимается парень, передаёт мне листок и говорит: «Нина Николаевна, посмотрите, как здорово у нас рисует Борунов!» Беру листок, разворачиваю и вижу вместо дождевого червя мужской половой член, нарисованный в деталях! Кровь ударила в голову, первое желание – взять чернильницу и швырнуть её в ребят. Поднимаю голову и вижу 20 пар устремленных на меня с интересом, издёвкой и насмешкой глаз. И тут я спокойно сложила листок и сказала, обратившись к длинному парню, сидевшему на задней парте: «Борунов, зайди ко мне в конце года, я покажу тебе, каким ты был дураком», и стала что-то рассматривать в классном журнале. Класс ахнул – они ждали другой реакции – крика, вызова директора и т. п.

Очень боялась темы «Половое размножение». Пока изучали простейших, этот вопрос не возникал – делятся себе и делятся. Он возник на рыбах. Рассказываю, как происходит размножение – самка плавёт, мечет икру, за ней самец выпускает молоки, и оплодотворение осуществляется в воде. Голос из класса – «А как это происходит?», объясняю ещё раз и снова тот же вопрос: «Как?» Объясняю в третий раз, рисуя рыбок на доске. И вдруг громко кто-то из ребят произносит: «Дурак, ты что, не знаешь сам – КАК!?!», резко поворачиваюсь от доски и произношу: «А вот и не так, у рыб

оплодотворение внешнее и происходит в воде». Это было здорово! Мальчишки поняли, что знаю, и больше такого вопроса не задавали не только в этом, но и в других классах, даже когда изучали размножение у млекопитающих и человека – сработал беспроволочный телеграф.

Довольно часто ко мне на урок директор приводил учителей биологии из других школ – для них это было «повышение квалификации». На уроке по теме «птицы» на столе стояла клетка с живым голубем, благо была своя голубятня. Рассказываю, и вдруг голубь вылетает из клетки и начинает кружить по классу.

Ситуация прямо скажем, нестандартная, учителя с интересом ждут, что же будет. А ничего и не было – ребята спокойно посмотрели на голубя, никто и не подумал вскакивать или кричать, сидели и слушали объяснение. Потом на разборе урока говорили об интересном опыте и отличной дисциплине. А я так и не смогла узнать, кто из ребят открыл клетку, и знали ли об этом все остальные.

Иногда возила учеников в зоопарк. Прочитала книгу Чаплиной о нашем Московском зоопарке, съездила туда и наметила маршрут экскурсии к тем животным, о которых наиболее интересно рассказала Чаплина. Это происходило весной.

Вокруг школы в это время активно шла стройка, и было полно больших луж, заполненных жидкой грязью. Ребятам не хотелось обходить стройку, и они предложили пройти через неё. Я сомневалась, говоря, что слишком много грязи и нам не пройти. Вдруг один из мальчишек (это был Валера Лопата) выбежал с широкой доской в руках, и не успела я слова сказать, как он бросил её передо мной. Вихрь грязных глиняных брызг окатил меня с ног до головы.

А следует сказать, что в этот день я пришла в школу в новом светлом пальто, которым очень гордилась, – ведь не каждый день тебе шьют пальто из новой ткани, а не перешивают старые мамины вещи. Посмотрела на пальто и на мальчишек, увидела неподдельный ужас и огорчение на их лицах – настоящая немая сцена из Гоголевского «Ревизора». И засмеялась. Все вздохнули с явным облегчением, мы обошли стройку и поехали в зоопарк, и всю дорогу Валера пытался счистить грязь с моего пальто.

Весной некоторые уроки проводила в Зюзинском лесу, предварительно съездив туда несколько раз с книгой

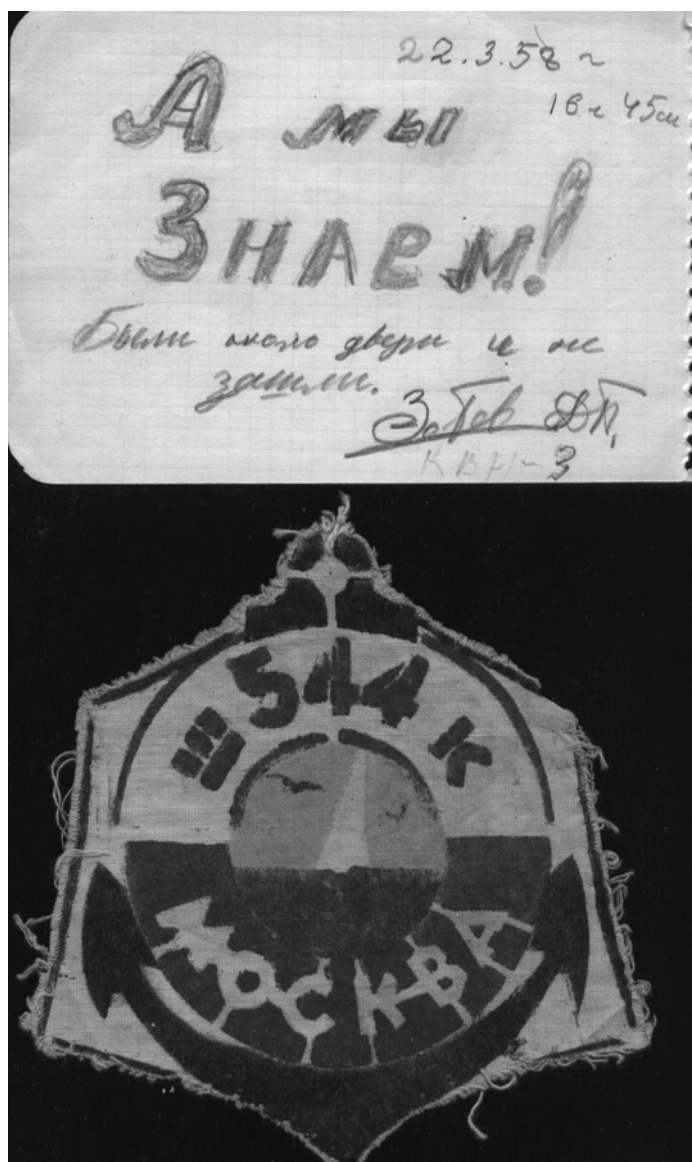
Промптова, чтобы вспомнить птичьи голоса. Там сама впервые близко-близко увидела поющего соловья, сидевшего невысоко на дереве и не замечавшего ничего. Подводила к этому дереву трёх-четырёх ребят, и мы слушали прекрасное соловьиное пение. Обычно после экскурсии садились где-нибудь на солнышке перекусить. И всегда ребята просили меня рассказать какой-нибудь анекдот. Вместо этого рассказывала что-нибудь из Сеттона Томпсона или Джека Лондона. Таких внимательных слушателей, пожалуй, больше не встречала – разве что моих сына и внуков, когда они были маленькими. И не удивительно, ведь раньше им никто никогда не читал, тем более этих авторов, и сами они, конечно, тоже.

В марте 1958 года я собралась выйти замуж и не знала, как сообщить об этом ребятам. Теперь-то понимаю, что должна была просто сказать: «Поздравьте меня, я выхожу замуж». Вместо этого я посоветовалась с учительницей немецкого языка, которая оставалась вместо меня на эти дни классным руководителем, и она сказала, что вовсе нет необходимости говорить об этом – просто «заболеешь» на три дня.

Когда через три дня я появилась в школе, не могла понять, что случилось – ребята не только не обрадовались, как бывало, моему появлению, но старались не подходить, здоровались сквозь зубы, словом устроили какой-то бойкот. Всё разъяснилось в тот же день, когда стали готовить домашние задания. Никто не задавал вопросов, как это было всегда, не разговаривал со мной, сидели молча. И вдруг прозвучал вопрос – «А ОН, наверное, на лыжах не ходит». – «Почему же,– ответила я,– он хорошо ходит» – «А на коньках?» – «И на коньках тоже». Лёд тронулся. Оказалось, что в моё отсутствие немка сидела в классе во время выполнения домашних заданий, и кто-то из мальчишек спросил, не знает ли она, почему не пришла в школу Н. Н. Она, видимо, забыв о нашем разговоре, брякнула: «Да она замуж выходит». Ребята решили, что после замужества я перестану с ними допоздна сидеть в школе, ходить на каток и т. п. Но всё было по-прежнему и наши добрые отношения постепенно восстановились. Однажды, придя домой в дом 13 на Ленинском проспекте, где мы жили с Олегом, я нашла в двери записку: «Мы были, но не зашли». Они меня

выследили, следуя за мной по дороге. До моего замужества некоторые ребята бывали у нас дома на Кутузовском.

В один прекрасный день приехала ко второму или третьему уроку и увидела странную картину – под окнами

Записка моих мальчишек

школы стояли ребята из седьмого класса и с ними Эдуард Георгиевич. Мальчишки по очереди поднимались по водосточной трубе на третий этаж и влезали в открытое окно.

Что бы это могло быть? Оказалось, что ребята собрались сбежать с уроков в кино, а так как дверь в школе была, как всегда, заперта, они вылезли в окно и спустились по водосточной трубе. Всё это наблюдал директор. Дождавшись, когда все спустились на землю, он заставил их

вернуться в класс тем же путём. Не смог влезть только один мальчишка, очень горевал, даже, помнится, всплакнул.

В школе на первом этаже под лестницей был «карцер» – какой-то бывший стенной шкаф.

Сидеть там было невозможно, приходилось стоять час или больше, в зависимости от степени наказания. Ребята тайком носили провинившимся сигареты, проталкивали их в дырки, сделанные снизу двери. В карцер сажали за грубые нарушения – драки, хамство по отношению к учителю и т. п. Наверное, в этот карцер попал и кто-то из зачинщиков описанного выше нарушения дисциплины.

В памяти особенно хранится наш летний поход 1957 г. в Крым по местам боёв Красной армии в 1918 году и во время Великой Отечественной войны. В поход пошло 8 человек – 7 мальчишек и я. Отряд ребята назвали «Белоснежка и семь гномов».

Перед походом меня вызвал директор, вручил мне бумажку с его подписью и печатью школы, где было написано, что просят оказывать помощь руководителю похода, то есть мне. Кроме того, Костяшкин предупредил, что денег даёт только на дорогу и мизерную сумму на питание (так называемые суточные), больше денег в школе нет, поэтому не надо рассчитывать, что нам по звонку или телеграмме что-то пришлют дополнительно. Смехотворные суммы выдали ребятам и родители – на мелочи, у меня с собой было рублей 20. С тем мы и отправились в поход, нагрузившись рюкзаками с палаткой, ведром и продуктами – крупами, макаронами, небольшим количеством консервов.

На поезде доехали до Аскании Нова, где прожили в палатке несколько дней, с удовольствием наблюдая весеннюю степь, ковыль, разных животных и невиданных до того птиц, например, дрофу.

Затем пешком отправились в село Перекоп, где встретились со столетним дедом, рассказавшим нам о боях за Перекоп и Крым во время Гражданской и Великой Отечественной войн. Он рассказал, что в 1946 году в Сиваше обнаружили наш самолет, а в нём засоленного (!) летчика. По словам деда, Сиваш и его берега – это сплошные почти все безымянные могилы.

Следующим пунктом нашего похода был город Армянск, расположенный на другом берегу Сиваша. Спросила у деда, можно ли тут перейти Сиваш. Всего каких-нибудь 500 м.

Он ответил, что нельзя, так как в прилив он превращается в жидкую серую глину, в которой легко можно утонуть, как в болоте. Поэтому решили идти в Армянск по берегу Сиваша.

Идти было трудно – вокруг голая степь, ни деревца, ни кустика, за спиной пока ещё полный рюкзак. Людей вокруг практически не было, лишь иногда встречались пастухи, которые всегда на вопрос – «Далеко ли до...», отвечали: «Та ни, километров пять с таким». Оказалось, что «гак» что-то очень длинное, безразмерное и утомительное, доберешься до села и падаешь под плетень какой-нибудь мазанки.

Один раз остановились отдохнуть и поесть прямо в степи на берегу Сиваша, так как не смогли преодолеть «гак» – устали. Разожгли костерок, я стала готовить, одни ребята помогали, другие отдыхали. Спустя некоторое время, оторвавшись от ведра, в котором готовилась еда, обнаружила у костра только четырёх ребят. Спрятаться было негде – кругом лишь ровная степь. «Где остальные?» – спросила я, оглядываясь. Мальчишки молча показали на Сиваш, а потом сказали, что ребята отправились на разведку, узнать, нельзя ли здесь перейти на тот берег, он вроде недалеко. О, ужас! Ведь дед предупреждал, что идти нельзя, может засосать в прилив, и ребята об этом знали. Побежала к кромке Сиваша, увидела вдали три фигурки, кричать было уже бесполезно – не услышат. Фигурки вскоре исчезли. Такую тревогу и ужас, наверное, испытала впервые. Непонятно, что было делать – идти за ними и топиться, если они не вернуться, но ведь со мной ещё четверо, за жизнь которых я тоже отвечаю. Оставалось только ждать. Время тянулось томительно медленно. Мы впятером стояли на краю Сиваша и смотрели вдаль.

Через какое-то время, показавшееся безмерно большим, увидели сначала одну, потом две и, наконец, три фигуры, быстро приближавшиеся к нам. «Разведчики» вышли на берег, где их радостно встретили ребята и разъяренная Н.Н. Мне кажется, что ни до, ни после этого случая я не была в такой ярости – орала на них, грозила отправить домой с ближайшей станции, обещала, что не видать им Крыма, как собственных ушей и т.д. и т.п. И не было мне при этом стыдно, потому что испсиховалась за это время, а они не оправдывались, понимая, что не правы.

Позже, когда все успокоились, поели и отдохнули, ребята признались, что когда отошли довольно далеко от берега,

увидели, что начался прилив – медленно надвигалась вода – и они бегом помчались к берегу и поняли, что перейти Сиваш, действительно, здесь нельзя.

Наконец, мы добрались до места, где ширина Сиваша была совсем небольшая, метров 50, и пошли на другую сторону. Идти было неприятно, почва под ногами прогибалась, но воды не было и мы благополучно оказались на другом берегу. Там без конца попадались обелиски и просто могильные холмики.

Усталые и голодные добрались до Армянска и, не успев отдохнуть, на местном поезде поехали в Джанкой, откуда должны были ехать в Бахчисарай. Из-за усталости и легкомыслия умудрились забыть в поезде ведро. Обнаружили это уже на платформе в Джанкое. Двое ребят побежали к вагону, чтобы забрать ведро, но вагон был уже заперт, и они полезли в окно, их, естественно, выгнали, ведро не отдали, сказав, что его в вагоне нет. Таким образом, в нашем распоряжении остался только солдатский котелок, в котором варили чай. Мы решили, что выпросим ведро на турбазе в Бахчисарае.

Ребята сели отдыхать, а мы с Юрой Толстым, командиром похода, пошли в кассу за билетами, встали в очередь, следом за нами кто-то подошел и спросил, кто последний. И какая-то тётка, указав на нас, сказала: «Вот эти молодожены». Юрка хохотал, мне было не до смеха, я смутилась. К слову сказать, мой несолидный вид никак не соответствовал виду «руководителя» похода, так что и дальше иногда, обращаясь за помощью к официальным лицам, мне приходилось предъявлять бумажку, выданную директором, и паспорт.

И вот мы на турбазе в Бахчисарае. Поставили палатку и пошли гулять по окрестностям, лазали по огромным камням, на одном из них отдыхали, и я рассказывала ребятам что-то из Джека Лондона. На базе были дня два. В первый же день пошла к директору, рассказала о нашей потере и попросила дать нам ведро, обещая вернуть его на следующей базе. Но он отказал, сказав, что свободных ведер нет. Я показала ему на ведро, стоявшее у какой-то местной палатки, но директор сказал, что оно поганое, для мусора. Делать нечего, сварили в котелке какую-то еду, каждому досталось немного, вскипятили в нем же чай. Наутро снова бродили по окрестностям, сходили в Бахчисарай, посмотрели Бахчиса-

райский фонтан и дворец, были и на рынке, где мальчишки, достав родительские деньги, пили молодое вино, продававшееся в розлив. Днём отправились играть в волейбол. Когда вернулись в свою палатку, меня вызвал директор и попросил ... вернуть ведро! Какое?? Спросила у ребят, они удивились и сказали, что не брали никакого ведра. «Ну, ну...» – сказал директор и ушел. Рано утром пошли по маршруту, метрах в 100–150 от базы. Женька Аверочкин тихонько сказал мне, указав на кучу камней, что там спрятано ведро, украденное таки от палатки. Я запретила его брать.

Наш путь лежал через Крымские горы, через Крымский каньон, где тоже была турбаза. Поставив палатку и отметившись у начальства, отправились, не зная маршрута, в каньон. Тут уж полностью проявились мои неопытность (никогда не была до этого в горах) и легкомыслие.

Как-то все-таки вышли на дно каньона, по обе стороны которого возвышались довольно крутые и немалые горы, а впереди – небольшой водоём – чаша в камнях с прозрачной зеленой водой. Вспомнили, что на турбазе говорили о какой-то «ванне молодости», решили, что это она (так и оказалось), макнули в неё руки и ноги, поняли, что вода очень холодна. Но один из парней (Витька Зыков) заявил, что это ерунда, разделся и нырнул в воду. Буквально через секунду он вынырнул, дрожа от обжигающе холодной воды и ... без трусов. Повеселились, поздравили его с тем, что он наверняка сильно помолодел. Решили, что пора возвращаться и полезли по крутому откосу вверх, несмотря на то, что поверху проходила организованная группа с инструктором, который кричал нам, что здесь взбираться опасно. Ерунда! Полезли, камни начали сыпаться из-под ног, но продолжали лезть вверх. Последний кусок подъема преодолевали по дереву – влезли на него и с него на вершину хребта. Тут я поняла, что на дерево влезть не смогу – никогда не лазила... Но двое ребят, которые постоянно меня страховали, подсадили меня, подтолкнули, сверху протянули руки, и я оказалась наверху. Все кончилось благополучно. Дошли до турбазы по туристской тропе, встретив на ней змею.

Последним пунктом горного участка нашего маршрута была гора Ай Петри, с которой открывался чудесный вид на южное побережье Крыма, дворцы, парки и море, которого никто из ребят до того не видел. Уже стемнело и мы улеглись

спать, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись всем, что несли с собой – было необыкновенно холодно. И как только из моря показалось солнце, и начался удивительно прекрасный рассвет, мы вскочили и почти бегом бросились с горы вниз к морю и теплу.

Неделю жили под Алуштой в школе, стоявшей на горке над городом. Утром спускались к морю, плавали, загорали, радуясь от красоты природы и тепла.

Питались так: утром варили в котелке какую-нибудь вермишель или пшёнку и чай, днем обедали в дешевой рабочей столовой, где на столах было полно бесплатного хлеба, вечером – та же вермишель или пшёнка и чай. Было изрядно голодно, я опасалась, что ребята начнут воровать. Но единственное, на что они покусились, были незрелые сливы, обнаруженные ими в каком-то большом, видимо, колхозном саду. Каждый вечер мальчишки отправлялись на «промысел», приносили сливы в школу, предлагали и мне, но я говорила: «Ворованного не ем». За несколько дней до отъезда в Москву поняла, что у нас не хватит денег на еду до конца похода. Помня строгое напутствие директора относительно невозможности получения дополнительных денег, не стала ему писать, а отправила телеграмму домой с просьбой прислать срочно телеграфом сто рублей на фрукты...

Мама потом говорила, что телеграмма их удивила и озадачила – какие фрукты? Наверное, черешня, решили они и прислали искомые 100 рублей, которые мы благополучно проели в последние два дня и купили что-то из еды в дорогу.

Наконец, сели в поезд (билеты были куплены заранее) и отправились домой, в Москву. В поезде выяснилось, что, несмотря на достаточно голодное существование, ребята часть слив везли домой своим братьям, сестрам и родителям.

Хорошие были мальчишки.

Перед Москвой уговорила ребят надеть футболки с эмблемой нашей школы, в которых они иногда ходили и в походе. Вышли на перрон и построились на линейку, сдали рапорт встречавшему нас завучу школы. И тут вижу, как по платформе бегут моя мама и братья – нести фрукты. Мама, увидев меня, все поняла и всплакнула – настолько черна (от загара) и худа я была...

Собрали оставшиеся деньги, выдали каждому на дорогу до дома – на метро или трамвай – попрощались и поход закончился.

В целом поход удался, сплотил ребят, обогатил их массой новых впечатлений, сблизил их со мной.

* * *

Школа познакомила меня с неизвестной мне до того жизнью совсем другого круга людей нашей страны – заводскими и фабричными рабочими, с неполными семьями, с семьями, в которых пьют родители, с убогой жизнью в маленьких коммуналках или бараках. Если угодно, закалила меня, заставила многое понять и не бояться неожиданных трудностей, что здорово помогало потом в работе на факультете, куда я вернулась через 11 лет.

**Работа в Лаборатории радиационной
генетики
и в Институте общей генетики –
ИОГене (1958–1969 гг.)**

Встреча Ю.А. Гагарина

Как я уже писала, после Университета пришлось осваивать настоящую генетику, которая поразила меня своей логичностью, доказательностью, а также четкой методикой исследований.

Знакомство и освоение генетики началось с того, что зимой 1957 года наши известные генетики, изгнанные в период лысенковщины из научных и учебных учреждений, начали читать в МОИПе лекции по курсу классической генетики. Это были член-корреспондент АН СССР Николай Петрович Дубинин, под руководством которого я защитила в 1968 году кандидатскую диссертацию, Владимир Владимирович Сахаров, в лаборатории которого я проработала два года (1958–1960), Борис Николаевич Сидоров, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Вера Вениаминовна Хвостова, Николай Николаевич Соколов, Милица Альфредовна Арсеньева, с которой на протяжении многих лет нас связывали теплые дружеские отношения и работа по радиационной генетике мышей и обезьян, Яков Лазаревич Глембоцкий и многие другие. Степень доктора наук большинство из них получили по совокупности работ в конце 1950–1960-х гг.

Именно в это время я получила от своего однокурсника Вани Губанова из Пржевальска, где он тогда работал, учебник Синнота и Денна, который не только помог мне в усвоении генетики, но и окончательно убедил меня в том, что просто необходимо попробовать в ней свои силы. Все это происходило в период моей работы в школе после окончания Биофака.

Весной 1958 года, узнав, что требуются сотрудники в лабораторию радиационной генетики Новосибирского института генетики (при этом не обязательно ехать в Новосибирск, пока там нет жилья), я решила, что настал мой час.

Пошла к Э.Г. Костяшкину с заявлением об освобождении меня от обязанностей учителя биологии в связи с переходом на работу по специальности. Эдуард Георгиевич встретил меня в штывы, сказал, что не отпустит из школы, потому что я там нужна и т.п. Видя мое несогласие, стал уговаривать остаться и сделать за год диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, и заявление не подписал. После ряда безуспешных попыток убедить Э. Г. отпустить меня, пришлось идти в РОНО, объяснять ситуацию, что в школе я работала не по распределению, как утверждал Э. Г., а по собственному желанию. «Это в 544 школе вы работали? Сколько времени?» «Два года», «Два года в этой школе!?!». Инспектор при мне позвонил Костяшкину и довольно резко сказал ему, чтобы он подписал мое заявление... Я поехала в школу, получила подписанное заявление об увольнении *в связи с переводом* на работу по специальности. Тогда это было очень важно, так как не прерывался рабочий стаж, и перевод не влиял на размер будущей пенсии, а также характеристику, и еще раз выслушала его сожаление по поводу моего ухода.

После окончания учебного года, в начале июня 1958 года, я явилась к Н.П. Дубинину в ветхое здание около труб теплоцентрали, где, по-моему, когда-то был «аптекарский огород», а теперь напротив него стоит здание Института биологии развития (ИБР АН СССР).

Н. П. весело посмотрел на меня, сверкнул своими голубыми глазами и сказал, прочитав мою характеристику, «Значит, дети любили и уважали свою учительницу?»... От неожиданности – ведь я ждала вопросов о том, насколько я знакома с генетикой, глупо пролепетала «Да». Он засмеялся и сказал, что может принять меня на должность старшего лаборанта, но зарплата у меня будет значительно ниже. В школе за «особый режим» и удлиненный рабочий день я получала 120–140 рублей, зарплата по тем временам достаточно большая, теперь буду получать 86 рублей. Я с радостью согласилась, сказав, что в данном случае для меня главное не зарплата, тут же написала заявление о приеме на работу и началась новая удивительно интересная жизнь.

Надо сказать, что Николай Петрович произвел на меня неизгладимое впечатление своим простым обращением, юмором и веселым блеском голубых глаз. Когда я начала работать в лаборатории, он покорила меня, и не только меня,

своим острым умом, редкой наблюдательностью, доступностью (можно было обращаться к нему в любое время, если возникали какие-либо вопросы), а также оптимизмом, несмотря на столько лет гонений, связанных с сессией ВАСХНИЛ 1948 года, на которую его даже не пригласили. Он в это время был в отпуске, находился далеко от Москвы и о сессии узнал из газет. После сессии Николай Петрович на шесть лет ушел из генетики и, по предложению академика Сукачёва, работал на Урале, изучал птиц и думал над проблемами защиты лесополос, высаженных для сохранения влаги и предохранении полей от песчаных бурь, а также сельскохозяйственных посевов от насекомых с помощью птиц.

Для многих из нас Николай Петрович был кумиром и пользовался огромным авторитетом.

В лаборатории было несколько групп, занимавшихся изучением действия разных доз радиации на наследственность растений, дрозофилы, животных и человека (на культуре клеток). Надо было выяснить, существуют ли минимально допустимые дозы облучения, и к каким последствиям приводит облучение разными дозами. Ведь это было время развития атомных исследований, время испытаний ядерного оружия, так что работы лаборатории шли на пике одной из самых острых проблем того времени.

Ежемесячно собиралась вся лаборатория и проводился научный семинар, на котором выступали с докладами не только руководители, но и сотрудники групп и ученые из других институтов. Доклады заканчивались интереснейшими дискуссиями, причем выступить и задать вопрос мог каждый. Часто читались и теоретические лекции. Это было великолепно! Сколько разных идей, сколько новых направлений исследований возникало после этих семинаров!

Коллектив собрался дружный, работали с энтузиазмом. В лаборатории было много молодежи, пришедшей после окончания разных институтов – МГУ, Мед- и Педвузов, несколько позже появились ребята из физтеха.

Знаний генетики почти ни у кого не было, но был энтузиазм и желание эти знания приобрести. «Старики», как мы называли старшее поколение, большинству из которых было тогда 40–50 лет, некоторым чуть больше, радовались, что вернулись к любимой работе и во всем нам помогали. Можно было спокойно подойти к любому сотруднику, вклю-

*Академик РАН
Николай Петрович Дубинин –
мой научный руководитель*

чая заведующего лабораторией, и задать вопрос, или спросить совета.

Хотя по знаниям и жизненному опыту мы находились на совершенно разных уровнях – они на Олимпе, а мы у подножья, никто не относился к нам снисходительно. Это очень помогало в освоении нового. Чувствовалась школа, которую большинство из «стариков» прошли в лабораториях Н.К. Кольцова и А.С. Серебровского.

Какие это были замечательные люди! Достойные, прекрасные специалисты, общаться с ними было приятно и полезно. Некоторые из них не только знали и любили генетику, но и обладали и другими способностями. Например, Николай Николаевич сочинял стихи.

И Борис Николаевич Сидоров и Николай Николаевич Соколов после сессии ВАСХНИЛ 1948 года уехали на север, на Колыму, где изучали популяционную генетику песцов. Николай Николаевич – человек общительный, любивший шутки, хороший рассказчик, иногда рассказывал о Колыме, о безбрежной безмолвной тундре, о колымских собаках, о езде на собачьих упряжках, о том, как в пургу собаки выручали, находили дорогу к жилью. Наверное, именно там он полюбил собак, и, вернувшись в Москву к любимой работе, стал писать четверостишья о собаках своим друзьям и ученикам к юбилейным датам, защитах диссертаций и пр. Эти вирши названы «Собакиадой». Я сохранила часть их и хочу, чтобы и вы их узнали.

*Ценить положено от века
Людскую дружбу по-собачьи.
Воспеть поставил я задачу
Собаку – друга человека.*

Полярная ночь в тундре
(Борису Николаевичу Сидорову)
*В небе звезды на тысячу миль,
На земле море снега и лед.
Сквозь морозную снежную пыль
Рвется сердце собачье вперед!*

Собачья упряжка в тундре
Посвящается В.С.Б.
*Как широка полярная пустыня!
Безбрежна даль арктических морей!*

*Беззвучен нарты бег. В снегу равнина.
Далекий друг на памяти моей.*

Ночная серенада

*Посвящается колымским собакам
Скучно ночью сидеть на снегу,
Лишь луна далеко в вышине.
Я не выть на нее не могу
В этой снежной ночной тишине.*

О 48-м годе

*Подобно матросам на баке,
С тоскою смотрящим на берег,
Обидно и горько собаке
Сидеть у захлопнутой двери.*

Песнь о злой собаке

(В.В. Хвостовой)

*Жила – была собака злая
Характер – чистая мегера.
Терпели мы, отлично зная,
Нужна талантливая Вера.*

Собака Боян

(В.В. Сахарову)

*Сей пес так много раз хворал,
Что стал всегда подвержен чиху
Но тетраплоидну гречиху
Он в нежных песнях воспевал.*

Баллада о доброй собаке

(Валентине Владимировне Мансуровой)

*Собака громко лает
Опасно подойти,
Однако не кусает,
Добрее не найти.*

Собачья лирическая

(Молодой аспирантке)

*О, ты, прекрасная собака,
Волшебный сон души моей.
Получишь ты диплом от ВАКа
И будешь мне еще милей.*

Собачья космическая

(Белка и Стрелка)

*Зарю космического века
Открыл советский патриот,
Но будем помнить – человека
Собака вывела в полет!*

Ода на возвращение

(М.А. Арсеньевой)

*Собака ездила в Китай,
Она вот только что вернулась,
Душа в ней снова встрепенулась,
Заслышавши знакомый лай...*

Ирония судьбы

(Я.Л. Глембоцкому)

*В былые, славные года,
Сей пес овечьи пас стада.
Могут ли я поверить слуху,
Что он теперь лелеет муху?!*

(До 1948 года Яков Лазаревич успешно занимался генетикой овец, вывел замечательную породу, получил целое стадо этих прекрасных овец, которое было уничтожено после сессии ВАСХНИЛ).

Чудеса и завоевания современной химии

(В.С. Андрееву)

*Тот эликсир, творящий чудеса,
Получен из триплоидного мака.
И вот всего за два часа
Из вчерашнего щенка
Сегодня выросла собака.*

Ю.С.Демину

*Дружбы бокал «Карданахи»
Вы наливайте полней.
Верного сердца собаки
Что есть на свете верней!*

(Последние два четверостишья были написаны после защит кандидатских диссертаций).

Николай Николаевич, относившийся ко мне очень тепло и дружески, «собаку» мне не написал, но посвятил такое четверостишие:

Н. Н. Орловой
*Дева севера – блондинка
Охлаждает нежный взор...
Эта ж маленькая Нинка,
Словно атомный мотор!*

Меня определили в группу Владимира Владимировича Сахарова, уже хорошо известного ученого, успешно занимавшегося полиплоидией у растений.

Впервые о Владимире Владимировиче Сахарове я услышала от Наталии Павловны Орловой, которая, как я уже писала, некоторое время помогала Вл. Вл. в аптекарском саду и сохранившая с ним до конца его жизни теплые, дружественные отношения. Все, что говорилось о нем, было в превосходной степени – ум, знания, благородство и пр.

Впервые я увидела В.В. Сахарова на лекции в МОИП в зоомузее на ул. Герцена. Он рассказывал о полиплоидии у растений, ее возможностях и трудностях, с которыми сталкивается каждый, кто занимается полиплоидами, о перспективах внедрения полиплоидов в сельское хозяйство. Кроме того, В.В. (так мы его называли между собой) говорил о химическом мутагенезе и его возможностях.

Узнала я, что Владимир Владимирович и после 1948 года продолжал заниматься полиплоидами, выращивая растения полиплоидной гречихи на маленьких дачных участках своих друзей.

Это был очень красивый высокий импозантный удивительно элегантный человек с седой головой (как говорили, он поседел очень рано) и голубыми глазами, красиво говоривший на хорошем русском языке. Интеллигент, прекрасно знавший русскую литературу, живопись и музыку. Среди его близких знакомых были не только крупные ученые, но и артисты, музыканты, в частности, замечательная русская певица, солистка Большого театра Надежда Андреевна Обухова, концертмейстером которой был брат Владимира Владимировича.

В доме В. В. часто собирались его друзья, и бывало много молодежи. Человек бескорыстный, В. В. часто помогал

молодым сотрудникам не только советом, но иногда и материально, некоторых ребят он, как говорится, буквально пестовал, они бывали часто в его доме, обсуждая все свои научные и житейские дела, некоторые даже какое-то время жили у него. Особенно, по-отечески, В. В. любил Валю Андреева, опекал Виталия Щербакова, Володю Шевченко, Леву Гуманова, Нимфу Зоз и некоторых других ребят.

*Александра Алексеевна
Прокофьева-Бельговская*

В группе В. В. работала его верная помощница, с давних пор влюбленная в него, Валентина Владимировна Мансурова, обучавшая меня микроскопированию и анализу аберраций (нарушений) хромосом в клетках гречихи, и молодые сотрудники – Валя Андреев, Роза Платонова и Виталий Шербаков, выпускник Биофака 1957 года.

Обстановка, которую задавал Владимир Владимирович в группе, была приятная, спокойная и деловая, все помогали друг другу, вместе обсуждали рабочие вопросы. Тогда мы изучали полиплоиды гречихи и перитрийной ромашки и действие на них радиации на клеточном (хромосомном) уровне.

Трудно описать мою радость, когда я села за микроскоп и увидела хромосомы – «артефакты», как говорили нам на кафедре. Нужно было вести подсчет хромосом в клетках

кончиков корешков семян гречихи, обработанных колхицином для получения полиплоидных форм.

Семена с выделенных таким образом растений-полиплоидов в дальнейшем отбирали, высевали, размножали, а потом отправляли в сортоиспытание на опытные поля в колхозы и совхозы, причем Вл. Вл. перед посевом объяснял, почему полиплоиды (с четырьмя наборами хромосом в клет-

*Владимир Владимирович
Сахаров*

ках) нельзя сеять рядом с диплоидами (с двумя наборами хромосом) – при переопылении получались триплоиды (с тремя наборами хромосом), что приводило к бесплодию из-за неправильного распределения хромосом при делении клеток.

И после посевов Вл. Вл. периодически ездил на поля, консультировал агрономов и пр. Были отдельные случаи, когда вопреки объяснению В.В., полиплоидную и диплоидную гречиху высевали рядом и получали соответствующий результат, что возмущало и огорчало не только В.В., но и всех нас. Кроме того, мы исследовали влияние радиации на ди- и полиплоидные формы.

Сидя за микроскопами, мы говорили о науке, о наших тетраплоидах гречихи и тетраплоидной и триплоидной ромашке, обсуждали доклады, услышанные на лабораторных семинарах. Много рассказывал В. В. о судьбе замечательных

исследователей-генетиков Н.К. Кольцове, Н.И. Вавилове, С.Л. Фроловой и др. Обсуждали и свои житейские дела. К этим разговорам В. В. относился спокойно и терпимо, но не выносил грубости и глупости. Вспоминаю такой эпизод.

В нашей группе был молодой человек, назову его N, которого мы недолго любили. Он ухаживал за нимфой. И мы нашли себе развлечение – спрашивать у N, каков «цвет бедра испуганной нимфы» (вопрос И. Ильфа и Е. Петрова), чем приводили его в смущение и вызвали его негодование. А мы смеялись и радовались своему «остроумию». Однажды этот вопрос прозвучал в присутствии Владимира Владимировича.

Надо было видеть гнев этого воспитанного сдержанного человека! «Как вы, интеллигентные, образованные люди могли позволить себе ЭТО! Прошу вас, никогда больше этого не делать и извиниться перед N!» Было стыдно...

В. В. любил задавать нам вопросы не только о генетике, но и из ботаники, экологии и др, которые начинались со слов «Почему, как объяснить, что из этого следует..?» и т.п. Эти вопросы часто ставили нас в тупик, и тогда В. В. объяснял, что стоит за этими вопросами, сам отвечая на них. Сначала это нас смущало, было обидно, что мы так мало знаем. Однако, много позже, уже работая преподавателем генетики на Биофаке, я поняла, что эти вопросы были одним из способов обучения мыслить и анализировать, а также пробуждать любознательность и расширять наш кругозор.

В 1968 году вышла в свет небольшая книжечка В. В. Сахарова «Организм и среда», которую он щедро дарил своим ученикам и коллегам. Подарил он ее и мне, написав «Дорогой крестнице Нине».

И это не случайно – ведь именно в группе Владимира Владимировича я стала приобщаться к генетике, понимать ее сильные и слабые стороны, училась постигать генетическую логику, освоила метод хромосомного анализа.

В.В. Сахаров был, безусловно, ученым-энциклопедистом. Он профессионально знал не только генетику, но и ботанику, и цитологию, и музыку, и литературу.

В последние годы жизни Владимир Владимирович был серьезно болен – мучила одышка, не мог быстро ходить, однако продолжал ездить в хозяйства, где выращивали его гречиху, активно общался с молодыми сотрудниками и аспирантами. Казалось, что так будет еще долго. Тем оглушительней прозвучало известие о смерти Владимира

Владимировича Сахарова. На гражданской панихиде в Институте биологии развития, его директор, академик Борис Львович Астауров, закончил свои прощальные слова стихами В.А. Жуковского:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностию – «Были».*

Моя работа у В. В. продолжалась около двух лет, потом под руководством генетика Александра Николаевича Луткова я работала с полиплоидами перечной мяты вместе с Маечкой Хасановой, Валей Трухановым и Алексеем Иорданским. Однако вскоре Майя и Валентин уехали в Новосибирск, и для меня начался новый этап работы – у Милицы Альфредовны Арсеньевой.

Наша шефиня, Милица Альфредовна, Мика, так мы ее называли между собой, была симпатичная, довольно веселая седовласая, хотя и не старая, женщина. Во время войны она работала в военном госпитале. На войне погиб ее любимый человек. В лысенковские времена Мика работала в библиотеке.

Милица Альфредовна хорошо знала немецкий и английский языки, часто представляла нашу генетику за рубежом. Например, она ездила в США на Международную конференцию, посвященную проблеме воздействия радиации на человека. Естественно, докладывала о результатах конференции на лабораторном семинаре, а в нашей группе говорила, помимо науки, как ее удивили американки, ходившие по улице и на работе в чулках со спущенными петлями. С той ее поездки храню маленькую кофейную чашечку с изображением здания ООН в Нью-Йорке. Она нас любила, дарила подарки ко дню рождения и иногда приглашала нас к себе домой, куда мы ходили с удовольствием.

В 1960 году она возглавила группу, в которой были практически одни женщины – сама Мика, Люда Кабанова, Лена Ландер, Эля Бакулина, Ирина Вешнева и я. Был лишь один мужчина – Юра Демин. И все, кроме меня, курили. Пытались они и меня приобщить к этому делу. Мы работали тогда в ветхом здании на территории Главного

Ботанического сада. Летом в обеденный перерыв после общего завтрака-обеда все выходили на улицу, садились на скамейку и начинали курить. При этом всячески подначивали меня – то одна, то другая предлагали сигаретку. Кончилось дело тем, что сигаретку однажды взяла и пыталась иногда курить, в основном на вечеринках. Но скоро отказалась от этого, потому что не испытывала никакого удовольствия, более того, мне казалось, что от меня пахнет пепельницей.

Работать было интересно, мы изучали влияние космических полетов и облучения на млекопитающих – сначала на мышах, позже – на обезьянах (макака резус). Мы определяли процент хромосомных перестроек в клетках костного мозга у контрольных и облученных или летавших в космос мышей. В это время в нашей группе появилась **Эзочка Каляева**, закончившая Биофак на два года позже меня. Хорошо помню, как по Биофаку, держась за руки, ходили двое – девочка (Эза Каляева) и мальчик (**Иван Александров**), девочка почти всегда улыбалась. Оба они учились на кафедре зоологии позвоночных.

С Эзочкой я как-то быстро подружилась и мы решили самостоятельно пройти дрозозильный практикум, чтобы на практике увидеть то, что теоретически уже поняли из книг.

Именно к Николаю Николаевичу и Борису Николаевичу мы и направлялись с Эзочкой с вопросом о возможности проведения нами дрозозильного практикума.

«Конечно, – последовал ответ, возьмите мух у Эли Абелевой и работайте». Что мы и сделали – взяли мух разных линий, различавшихся по окраске глаз и тела, а также по форме крыльев, и приступили к эксперименту.

Оставались после работы, скрещивали мух и анализировали их потомства. Сначала все было просто, получали при скрещивании мух, различавшихся по одному признаку (так называемое моногибридное скрещивание), например, по окраске глаз (красные и ярко-красные). В первом поколении получали единообразие – все мухи имели красные глаза, а во втором – классическое расщепление $\frac{3}{4}$ с красными и $\frac{1}{4}$ с ярко-красными. И вдруг, скрестив мух с ярко-красными глазами с мухами, имевшими коричневые глаза, то есть поставив обычное моногибридное скрещивание, мы обнаружили в первом поколении единообразие, но цвет глаз отличался от цвета глаз обоих родителей, он был просто **КРАСНЫМ**, а во втором поколении вообще

выщепилось не 2, а 4 класса: были мухи с красными, с ярко-красными, коричневыми и даже с белыми глазами!

Не сразу мы поняли, в чем дело, пошли к Ник. Нику, а он хитро улыбаясь, сказал лишь одно слово: «Думайте!». Мы стали думать и расшифровали это расщепление.

Не стану утомлять читателя объяснениями этих результатов, для этого есть книги по классической генетике.

*Николай Николаевич Соколов
и Борис Николаевич Сидоров*

Для нас же это было яркое подтверждение Менделевского учения, которое так шельмовалось и отвергалось во времена нашего обучения на Биофаке.

Это было здорово! Потом пошли другие опыты и расшифровка новых «загадок».

С Эзочкой мы стали друзьями, вместе ездили в отпуск на Волгу, дружили семьями, ходили друг к другу в гости, отмечали дни рождения наших детей. У нее было двое – Катя и Ваня (Ивуха), который впоследствии тоже закончил Биофак. Ивуха сейчас живет со мной в одном доме и мы иногда встречаемся, он помогал мне, если требовалось отвезти или привезти меня с дачи.

Но вот настало время, когда в середине 1961 года Эза решила уйти в Курчатовский институт, где была сильная генетическая группа и рождались новые направления

исследований, к тому же он был рядом с ее домом. Когда она уходила из лаборатории, мы обе горевали и устроили вечер прощания в кафе «Мороженое» на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов.

Встреча Ю. А. Гагарина

Конечно, невозможно забыть день встречи Юрия Алексеевича Гагарина. Мы с Эзочкой встретились на Ленинском проспекте, оставив своих малолетних деток бабушкам.

Утро было светлое, праздничное. Постепенно все тротуары Ленинского проспекта заполнились людьми, желающими встретить Гагарина. Настроение у всех было прекрасное, я бы сказала – патриотическое – ведь это наш советский человек первым поднялся в Космос! Никто не знал, в какое время Гагарин поедет с аэропорта Внуково на Красную площадь. Люди обсуждали полет, радовались, что все закончилось благополучно. Примерно часа через два привезли солдат, и их начальник, старший лейтенант, стал выстраивать их вдоль тротуара. Время от времени он вызывал кого-нибудь из солдат по фамилии, на что солдат неизменно отвечал: «Есть!» Меня распирала радость, жажда деятельности, желание озорничать. И вот в какой-то момент я громко назвала фамилию солдата, которую называл лейтенант, и в ответ услышала неизменное «Есть!» Все засмеялись, а я стала периодически повторять эту команду, и каждый раз тут же получала ответ – «Есть!» Потом мы с Эзой решили написать какие-нибудь приветственные плакаты. Побежали в магазин, купили рулон обоев и карандаши. Разложили обои на мостовой, встали на колени и написали два лозунга: – «Ура, Гагарин!» и «Даешь Космос!»

Довольные, подняли плакаты и стали ждать дальше. В это время появилась группа людей – 4–5 человек, обходивших ожидающих. Они увидели наши плакаты, подошли к нам и потребовали, чтобы мы убрали лозунги, потому что есть «организованные» плакаты. В ответ на это приказание мы поинтересовались, читали ли они сегодняшние газеты и смотрели ли по телевизору Красную площадь. «А что такое? При чем здесь Красная площадь?» – «А при том, что на улицах и площади стояло множество

людей, держа в руках рукописные лозунги и никто их не запрещал». Не знаю, чем бы закончилась эта «дискуссия», если бы на наше счастье не подошел к нам еще один из членов этой группы (оказалось, что это комиссия от Ленинского райкома партии). Это был работник райкома Валя Кобяков – выпускник Биофака, хорошо знавший и Эзу (с ней он учился на одном курсе), и меня (члена комитета комсомола Биофака). Он что-то сказал этой «комиссии», и они удалились. Тем временем стали слышны возгласы: «Едут! Едут!»

Солдаты подтянулись, сомкнули ряды. Вдруг ко мне подошел полковник милиции и сказал: «Вот что, девушка, уж очень ты шустрая. Если вздумаешь побежать с тротуара к машине, я тебя заберу». Я посмеялась.

В это время мы увидели первую машину. На ней стояли Юрий Алексеевич Гагарин и Н.С. Хрущев. Гагарин, видимо, очень волновался, еще бы, так радостно и искренне, наверное, ни его, никого другого не встречали со времен окончания войны. Он все время улыбался своей ослепительной милой улыбкой и ... шмыгал носом. Но вот машина с Гагариным и кортеж, сопровождавший ее, проехали, все стали расходиться. Для меня конец этого замечательного дня был забавен – ко мне подошел старший лейтенант и сказал, что хорошо бы, чтобы я пошла в его подразделение комсоргом.

* * *

В октябре 1994 года Эза с внуком Васей приезжала ко мне на машине в Крутое, побыли они у меня пару дней, сходили в лес, побродили по окрестностям и вывезли меня и мой урожай в Москву.

Пожалуй, среди всех женщин, которых я знала, Эза была одной из самых умных и деятельных. Она хорошо разбиралась в научных проблемах, быстро схватывала суть вопроса, неплохо знала художественную литературу и живопись, с ней всегда было интересно разговаривать. Она рассказывала, что в ее школе было как бы негласное соревнование на лучшее знание литературы и искусства.

Вспоминается еще один случай. Сын Эзы – Ваня на какое-то время уезжал работать в Штаты с семьей – женой Надей (Надейкой) и сыном Саней, где они пробыли года два.

Санька был еще маленький, учился в первом или втором классе и, когда они вернулись, у него возникли сложности с русским языком – сказывался перерыв в обучении. И Эзочка попросила меня позаниматься с Саней русским языком, помочь ему восполнить упущенное. Я удивилась, ведь преподавала генетику, а не русский язык, но Эза сказала, что уверена в том, что университетское образование позволяет обучить русскому языку ребенка на уровне 4-го класса. «А у тебя, добавила она, – к тому же большой педагогический опыт. Сама я этим заниматься не могу, так как живу далеко, и педагогического опыта у меня нет, а ты рядом с ним». Так я стала «репетитором» Сани и занималась с ним каждую неделю с января 1994 по март 1995 года. Пришлось взяться за учебники, вспомнить уроки Инны Петровны, составить план занятий, объяснять правила правописания, подбирать тексты для диктантов. Кажется, наши занятия помогли Сане освоить «великий и могучий»... Теперь Саня стал очень красивым, ярким молодым человеком, он учится на Биофаке, видимся редко, но он всегда радостно улыбается, увидев меня, и охотно рассказывает о своих делах.

Эза не только добросовестно и, я бы сказала, страстно занималась наукой, она всегда активно принимала участие в организации всяких вечеров, умела придумывать разные сюжеты и сценарии.

В 1967 г. Эза защитила кандидатскую диссертацию по специальности генетика. Напомню, что закончила она кафедру зоологии позвоночных, однако быстро освоила основы генетики, исследовала влияние радиации и космических полетов на хромосомы, потом изучала разные аспекты генетики кишечной палочки.

Мало этого, с 1990 года Эза работала с материалами из архивов своих родителей – мамы, Евы Михайловны Марголис и отца, Санджи Каляева, народного поэта Калмыкии, репрессированного в 1937 году, прошедшего северные лагеря ГУЛАГа, а с 1943 г. жившего на спецпоселении в Казахстане. Реабилитирован в 1956 году. По архивным материалам и письмам родителей она не только описала историю их жизни, но и изучила материалы по истории калмыцкого фольклора и калмыцкого эпоса «Джангр», который изучал ее отец. Это настоящее научное исследование. По этим материалам Эза опубликовала около 10 статей, подготовила к печати ряд архивных документов,

выступила с докладом на Международном конгрессе востоковедов в Будапеште.

В итоге Эзочка написала книгу, посвященную родителям – «Санджи Каляев. Письма Еве», к сожалению, книга вышла после ухода Эзы из жизни.

Осенью 2000 года Эза внезапно почувствовала себя плохо и вскоре, 20 октября 2002 года в 7 часов утра Эзочки не стало, она скончалась скоропостижно...

В начале 60-х годов, в лаборатории радиационной генетики на Бауманской, когда начались первые запуски в Космос живых существ и первые космические полеты с человеком на борту, я познакомилась с Глебом Петровичем Парфеновым. Он работал в Институте космических исследований и приезжал к нам за дрозофилой, отправляемой с космонавтами. У нас он изучал мух, побывавших в Космосе, и ставил на них разные опыты.

Человек он был умный, оригинальный, остроумный, любил и знал поэзию, особенно любил стихи Н. Гумилева, часто читал их. Нас сразу потянуло друг к другу, возникла взаимная влюбленность. Мы стали встречаться у Мики, у Гали и Володи. Я узнала, что Глеб жил у бабушки, потому что отец его, поэт П. Парфенов, написавший текст известной песни «По долинам и по загорьям», был в 1930-е годы репрессирован, мать, опасаясь ареста, отдала Глеба бабушке.

В конце 1970-х годов Глеб докладывал результаты своей работы в институте, хорошо выступил, сел на место и умер.

Его жена на похоронах подошла ко мне, позвала на поминки и там сказала, что Глеб до конца своих дней любил и вспоминал меня... Грустно, но иначе поступить тогда, расставаясь с ним, я не могла. Ношу колечко, которое он мне когда-то подарил...

В начале 1960-х годов по «милости» Н.С. Хрущева, ставшего во главе нашего государства, вновь стала подниматься лысенковщина. Начались разговоры о свертывании работы нашей лаборатории. Была создана специальная комиссия для проверки нашей работы, в которую вошли и некоторые лысенковцы. Ждали комиссию с опасением, помня о сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Члены комиссии направлялись в разные группы лаборатории, где им рассказывали о целях и результатах работы. Ждали такого члена комиссии и в группе Милицы Альфредовны.

Она поручила мне рассказать о нашей работе. И вот настал день, дверь отворилась, и вошел Ной Ильич Фейгинсон, руководитель моих курсовой и дипломной работ по анализу скрещиваний на ржи. Сначала я несколько смутилась, но быстро взяла себя в руки и в течение 40–50 минут с жаром рассказывала о том, зачем мы занимаемся изучением действия радиации на разных объектах, в частности, на мышах. Показала ему под микроскопом и клетки с абберациями хромосом. Он слушал внимательно, не перебивая, задал несколько незначительных вопросов и, уходя, произнес:

– Я всегда говорил, что Нина Николаевна способная студентка.

Заключение комиссии о работе лаборатории радиационной генетики было положительным, и нас оставили в покое.

С 1961 года началась работа на обезьянах. Изучали влияние радиации на репродуктивные клетки на разных стадиях их развития. Материал собирали в обезьяньем заповеднике г. Сухуми, куда отправилась большая группа сотрудников нашей лаборатории. В составе группы были наша Мика, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Яков Лазаревич Глембоцкий, а также большая группа лаборантов, в числе которых была и я. Операции на обезьянах, взятие клеток из семенников самцов проводил местный сотрудник Николай Павлович Бочков, который впоследствии стал директором Института генетики человека. Операции проводились под общим наркозом, я ассистировала – подавала нужные инструменты, кенгут для наложения шва и т.п. Примечательно, что после такой операции обезьяны чувствовали себя нормально – уже на следующий день они прыгали и скакали, как ни в чем не бывало.

Собранный материал фиксировали и готовили цитологические препараты, на которых и изучали влияние радиации на клеточном и хромосомном уровнях.

Фиксация проводилась круглосуточно, через определенные промежутки времени, в том числе и поздно ночью.

Когда было свободное время, мы отправлялись на море, бродили по городу, а также ходили наблюдать за обезьянами не только в клетках, но и в вольере, где они жили свободно, вольер был на дне огромной каменной чаши. Посредине стоял дом, куда обезьяны прятались в непогоду или от жары,

вокруг дома были небольшие деревья. Чего они только не вытворяли – прыгали, бегали, лазали по деревьям, иногда дрались.

Запомнился один необычный эпизод, связанный с обезьянами, показавший их необычайную живучесть. Где-то в середине июня, когда было уже постоянно тепло, а временами даже жарко, вдруг повалил снег, накрыв все белым покрывалом. Особенно хороши были в снегу цветущие мимозы. Ветки с большими желтыми соцветиями сгибались под тяжестью снега. Мы поднимались на гору, где был заповедник, и смотрели вверх на это прекрасное зрелище и вдруг увидели, что на электрическом столбе, вцепившись в провод, висела и билась под током обезьяна. Зрелище было ужасное, а главное, мы не знали, как ей помочь. Наконец, она как-то оторвалась от провода и грохнулась на асфальт. Сначала она лежала неподвижно, потом начала тихонько шевелиться. Мы побежали к работникам заповедника, они принесли клетку, и обезьяна сама потихоньку заползла в клетку. Жаль ее, бедняжку, было, и мы думали, что она сильно пострадала. Каково же было наше изумление, когда на следующий день, придя ее навестить, мы увидели, как ловко и мощно она скакала и с каким аппетитом лопала!

В Сухуми происходили и другие события, не связанные с обезьянами. Дело в том, что наш лаборантский состав состоял в основном из молоденьких девушек, а на улицах Сухуми постоянно стояли кучками молодые и не очень молодые абхазцы, женщин- абхазок мы видели только спешащими по каким-то делам.

Шутя, наши начальники говорили, чтобы наши девушки не слишком заигрывали с молодыми людьми – это может кончиться неприятностью. Так и вышло. В один из солнечных дней девушки направились на пляж. А потом неспешной, расслабленной походкой пошли к нам на гору. По дороге разные молодые люди предлагали им погулять вместе, и одна из девушек вдруг ляпнула: «А в ресторан сходим?» Тут поднялся шум, парни закричали, что непременно будет ресторан. Испугавшись, почти бегом, девчонки припустили на гору и, вбежав в дом, в котором мы жили, почему-то полезли под кровать.

В комнате находилась Александра Алексеевна. Изумившись при виде девушек, залезавших под кровать, она спросила, в чем дело. Девчонки сбивчиво обрисовали

ситуацию. А перед домом тем временем собралась небольшая шумная толпа молодых людей. А. А., очень чопорная и довольно красивая дама, вышла на улицу и спросила ребят, что им угодно. Они закричали, что, мол, девушки обещали пойти с ними в ресторан, а сами убежали, вот они их и ждут. Александра Алексеевна сказала, что девушки заняты, они на работе, и о ресторане не может быть речи, попросила ребят больше их не беспокоить, после чего спокойно удалилась. Погалдев еще немного, ребята разошлись. А для девушек это был хороший урок.

14 июля я неожиданно получила на Главпочтамте письмо от Ник. Пет. Дубинина следующего содержания:

«Милые Сухумчики, рад был получить Вашу приписочку. Завидую солнцу, морю, что они смотрят на вас; работу дописал окончательно!!

И послал в ДАН (Доклады академии наук). Скоро, скоро обезьяний и прочие миры содрогнутся, а это будет с ними, когда Вы разложите по полочкам радиачувствительность по стадиям!

Приезжайте, скучно заходить в Вашу комнату, ни от кого нет ни ласковых слов, ни гадостей. Ваш Дубинин».

Вскоре Николай Петрович приехал в Сухуми и включился в работу – анализировал и обсуждал результаты, договаривался о возможности проведения совместной работы, читал лекции.

В командировке царил очень приятная непринужденная обстановка, начальство с удовольствием общалось с нами, много шутили, Ник. Пет. с Я. Л. Глембоцким часто сражались в шахматы. Однажды из-за шахмат Ник. Пет. чуть не опоздал на собственный доклад, бежал, на ходу завязывая шнурки ботинок.

В конце командировки был устроен банкет с возлияниями, было выпито немало прекрасного грузинского вина и сказано немало разных тостов. Однако, в какой-то момент мне все это надоело и я одна пошла на горку. Было уже достаточно поздно и постоянно из подворотен и от групп абхазцев, как всегда торчавших на улицах, сыпались разные предложения, но я шла быстро, не оглядываясь, и благополучно добралась до нашего домика, и никто не пытался за мной погнаться – надо знать, как себя вести!

Потом снова Москва, работа в лаборатории уже в особнячке на Бауманской.

Именно туда пришла работать Галя Покровская, с которой надолго соединились наши судьбы. Я написала о ней, когда в Америке узнала о ее смерти из телеграммы Лены, ее дочери...

В 1965 году наша лаборатория переехала в здание института Биофизики АН СССР, заняв один этаж, а в 1966 году превратилась в Институт общей генетики (ИОГен) АН СССР, а Николай Петрович стал его директором.

К этому времени я поступила в аспирантуру к Дубинину, страшно обидев и огорчив этим Мику. Но предложение об аспирантуре сделал мне сам Николай Петрович и, посоветовавшись с Ю.А. Орловым, я приняла это предложение.

Страшно было сдавать вступительный экзамен, ведь его принимали «три кита», как все называли В.В. Сахарова, Б.Н. Сидорова и Н.Н. Соколова. Однако экзамен прошел успешно. А Мика простила меня и мы по-прежнему с ней были в хороших отношениях.

Именно в то время я приобрела свой первый опыт преподавания генетики. Мой шеф попросил провести ряд занятий по генетике с молодыми сотрудниками, пришедшими к нам из разных институтов. Я с энтузиазмом принялась за это дело и почти год занималась теоретической и практической генетикой (на дрозофиле) с довольно большой группой. Занятия проходили еженедельно, народ подобрался умный, хваткий, остроумный, так что всем нам было интересно. Среди моих тогдашних учеников были такие ребята, как Женя Гинтер, теперь известный генетик, доктор биологических наук, директор Российского медико-генетического центра, Толя Ревазов и его жена Юля, теперь она доктор биологических наук, Лиза Тупицина, научный сотрудник Курчатника, Сергей Гостимский, ныне профессор кафедры генетики Биофака и др. На последнем занятии я устроила нечто вроде экзамена. На мои вопросы все время хотел ответить Толя Ревазов, он сидел с постоянно поднятой рукой. Наконец, я не выдержала, и, задав очередной вопрос, вспомнив анекдот про Вовочку, который на уроке русского языка постоянно выскакивал с ответом и называл на любую букву какое-нибудь неприличное слово, обратившись к Толе, сказала: «А ты, Иванов, молчи!» Он страшно смутился и перестал поднимать руку, а позже признался, что он не ожидал, что я могла знать этот анекдот... С Толей и Юлей мы

довольно долго встречались и после окончания этих «курсов». К сожалению, Толя уже давно ушел из жизни.

Сначала Николай Петрович предложил мне тему диссертации, объектом которой была культура клеток крови человека. В нашей лаборатории этой культурой занимался некто И. Гольдман. Однако мне никак не удавалось получить хорошие препараты клеток. Время шло, результатов не было.

Тогда я решила пойти проконсультироваться в лабораторию А.А. Прокофьевой-Бельговской, где успешно занимались этой культурой. Там меня познакомили с красивым, стройным парнем с темными блестящими глазами – **Виктором Мироновичем Гиндилисом**. Начался разговор, который быстро закончился, как только Виктор узнал, что я из лаборатории, где этой культурой занимается Гольдман. Было обидно и досадно. Показалось, что Гиндилис слишком самоуверен и заносчив.

Позже Злата Шамина, работавшая в нашем институте, снова свела меня с Витей где-то в компании. Наши отношения быстро наладились. Когда я стала работать на Биофаке, Виктор стал моим помощником-консультантом, когда возникали вопросы, связанные с необходимостью выяснить психическое состояние какого-либо студента. По крайней мере трижды возила студентов к Вите. Он не только ставил им диагноз, но и лечил, и объяснял мне, как следует с ними общаться. (Виктор по образованию был медиком, а тогда работал в генетической лаборатории института Психиатрии. Хорошие отношения переросли в дружбу.

Помню, как после защиты диплома одного из студентов группы, куратором которой была я, а руководителем дипломной работы – выпускник нашей кафедры Женя Ананьев, друг Вити, мы поехали отмечать это событие в лабораторию Гиндилиса. После застолья мы стали танцевать. Надо было видеть, как грациозно и страстно Витя исполнил танец испанского матадора.

На один из дней его рождения мы, его друзья, подарили ему пианино, о котором он давно мечтал. Витя обрадовался, как ребенок, тут же сел за фортепьяно и стал импровизировать, хотя, насколько я знаю, никогда не обучался музыке. Просто он был необычайно способным человеком.

В 1990-х годах Виктор вынужден был уехать на работу в США, в Чикаго, где успешно продолжал исследования в

области генетики шизофрении. Приезжая к Леше, я вместе с ним и своей внучкой Дашей несколько раз ездила в гости к Вите в Чикаго, где он жил один в небольшой двухкомнатной квартире в высотном здании, стоявшем на берегу озера Мичиган. По России скучал, но уже не мог возвратиться, так как уехал как эмигрант и стал гражданином Соединенных Штатов.

Несколько лет спустя, когда я снова приехала навестить своих, я узнала, что с Витей случилась беда – недалеко от его дома на него напали и сильно его избили какие-то негры. Он долго болел, пытался понять, отчего это произошло, почему-то решил, что нападение было устроено кем-то из института, где он работал. После этого случая он стал подозрителен, мнителен и осторожен. Вскоре Витя сменил место работы, переехал из Чикаго в Питтсбург, где мы также однажды его навестили. Он чувствовал себя неважно, двигался медленно, быстро худел, хотя все еще был красив и строен.

В последний раз я встретила с Витей весной 2001 года дома у Алеши, куда он приехал на несколько дней. С ним мы гуляли, вспоминая наши счастливые дни в Москве, людей, с которыми вместе работали и дружили – Александру Алексеевну Прокофьеву-Бельговскую («Мадам»), Злату Шамину, Светлану Каменеву, Женю Ананьева, Ирину Вешневу. Витя был невесел, слаб, ходил, опираясь на палку. Вскоре он уехал в Питтсбург, а я – домой, в Москву, где узнала, что 11 ноября 2001 года Виктор скончался.

Очень жаль, когда из жизни уходят талантливые, плодотворно работающие, интеллектуальные люди, такие, как Виктор Гиндилис. Вечная ему память.

Моя работа на культуре клеток продолжалась безуспешно, при этом выяснилось, что плохие результаты получались из-за отсутствия в нашей лаборатории одного реактива.

Николай Петрович сменил мне объект исследований – им стал лук-батун, на семенах которого я изучала влияние старения, то есть изменения на хромосомном уровне, происходящие при хранении семян. Это имело и прикладное значение, так как позволяло определить допустимое время хранения семян без генетических нарушений.

Работать было интересно, обнаруживались закономерности изменений не только в семенах разных сроков стандартного хранения при сравнительно низких темпе-

ратурах, но и при хранении семян в условиях повышенных температур и влажности (ускоренное старение)...

Защиты диссертации я ждала с тревогой: накануне защиты серьезно заболел и лег в больницу (открылся туберкулез) мой главный оппонент, доктор биологических наук Борис Николаевич Сидоров. Положение было критическое. Но за неделю до защиты оппонировать согласился доктор биологических наук Владимир Владимирович Сахаров, сказав, что не может отказать своей «крестнице».

Настал день защиты. На защиту пришли многие – и сотрудники института, и друзья, и моя мама, и даже ребята из моего кружка генетики в Доме пионеров.

Защита прошла хорошо, было задано несколько вопросов, на которые я вполне квалифицированно ответила, оппоненты дали положительные отзывы, сделав несколько замечаний. Слово руководителю. Николай Петрович похвалил меня за трудолюбие и активность и отметил мою самостоятельность. Словом, все прошло гладко, все члены совета проголосовали за присвоение мне степени кандидата биологических наук.

Моя мама, узнав, что защита прошла успешно, рассказывала потом об этом своим знакомым очень эмоционально: «Было много народу, пришли поздравлять даже пионеры, а после заключительного слова Нины ей аплодировали. И вообще – все плакали»...

Не могу не вспомнить также наши замечательные вечера, инициатором которых сама же и являлась – пригодился опыт Биофака! Сочинялся какой-нибудь сценарий. Проводились разные конкурсы – кулинарный, на который каждая лаборатория готовила что-нибудь вкусное или необычное. Например, торт «Дружба народов», на котором красовались, символизируя человеческие расы – черную, белую и желтую – три головы, сделанные из шоколадного, белого и желтого кремов. Конкурс «Мисс Космос» с участием нескольких женщин. Претендентки должны были сообщить некоторые метрические данные – рост, вес, размер перчаток и длину ресниц. Оказалось, что у всех четырех кандидаток вес 50–54 кг, рост от 157 до 187 см, размер перчаток 6,5–7,5, а ресницы либо «по требованию», либо эластичные, либо безмерные. Кроме того, они должны были пройти испытания на «центрифуге» – на вертящемся стуле, почистить картофелину на скорость, ответить на вопросы жюри и

пришить пуговицу, причем при этом выдавались только иголка, нитка и пуговица, женщины стали суетиться, не зная, куда ее пришить, а победительница конкурса быстро подбежала к директору Института биофизики академику Г.М. Франку и под хохот зрителей пришпандорила ему пуговицу на лацкан пиджака.

Особенно памятен вечер, устроенный по поводу избрания Николая Петровича Дубинина в 1965 году академиком АН СССР. С предложением о проведении такого вечера я пошла к нему, он согласился и дал деньги на вино и другое угощение.

В актовом зале института собралось много народа – наши сотрудники, аспиранты, лаборанты, представители Академии наук, а также других институтов, генетики, работавшие с Николаем Петровичем в разные годы. Было много вина и закуски. Произносили торжественные тосты, всячески расхваливали Н. П., говорили о его открытиях в генетике, словом создавали образ почти идеального человека.

Мне поручили вести развлекательную часть вечера. И в какой-то момент, после очередного панегирика в честь Н. П., я попросила внимания и сказала, что в биографии нашего директора не все так светло и безупречно, есть в ней и темные пятна. И рассказала о том, как в 1940-х годах, еще до 1948 года, до сессии ВАСХНИЛ, Ник. Пет. поехал отдыхать на теплоходе по Волге. На какой-то стоянке он сошел на берег и отправился на рынок, а когда вернулся на пристань, то увидел, что теплоход уже отплыл.

Как был, без документов, в тапочках на босу ногу, в пижамных брюках и майке он отправился в милицию просить о помощи. Представился членом-корреспондентом АН СССР и рассказал там свою историю, на что в милиции сказали: «Знаем мы таких членов-корреспондентов! Пить надо меньше!» Но потом все-таки связались с капитаном теплохода, убедились в правдивости слов Н. П., извинились и помогли ему добраться до теплохода.

Эту историю поведал мне сам Николай Петрович, когда я готовила сценарий вечера и попросила его рассказать какой-нибудь необычный случай из его жизни. Забавно, что после моего рассказа, вызвавшего, как и ожидалось, смех и оживление в зале, ко мне подошел профессор Сос Исаакович Алиханян и спросил, что я пью. Узнав, что пью водку, он был изумлен и даже понюхал содержание моей рюмки.

После защиты кандидатской диссертации Николай Петрович Дубинин неожиданно перевел меня из своей группы к Дуброву, а мою тему фактически отдал своей жене. Дубров мне не нравился, он был какой-то фальшивый, скользкий. В это время в наш институт должен был приехать на стажировку кто-то из Узбекистана, и его стажировкой было поручено руководить Дуброву, а тот попросил меня обучить стажера, как готовить препараты клеток корешков растений для хромосомного анализа, рассказать о тематике нашей работы. Ждала приезда этого стажера с тревогой и неудовольствием, боялась, что приедет не очень понятливый человек, которого придется долго и нудно учить. И вот в один прекрасный день открылась дверь, и вошел молодой симпатичный узбек, поздоровался и представился Кадыром Эргашевым. Парень оказался умным, любознательным, очень приятным человеком, с которым мы быстро подружились и поддерживали связь много лет после его возвращения в Самарканд.

При нем произошел примечательный случай, характеризующий Кадыра, как исследователя и наблюдательного человека, а А.П. Дуброва, как человека непорядочного и хитрого. Дубров изучал действие разных доз радиации на картофель и готовился к докладу по итогам своей работы.

Он попросил Кадыра помочь оформить стенд с разными образцами клубней картофеля. Кадыр, естественно, согласился. И был немало удивлен, когда, доставая из **одного** пакета картофель, Дубров более крупные клубни просил откладывать в опытный образец, а более мелкие – в контроль. Кадыр спросил, как же А. П. определяет, где опыт, а где контроль? «Нас учили, что образцы должны лежать отдельно», – сказал Кадыр, на что Д. ему ответил, что он и так отличает, как выглядят опытные и контрольные клубни.

Кадыр, смущаясь, рассказал мне об этом. После этого случая его почтительное отношение к руководителю сменилось недоверием и неуважением. Понятно, что и мне работать под руководством этого прохиндея совсем не хотелось, и я стала думать, как жить и работать дальше.

На мое везение именно в это время с кафедры генетики и селекции Биофака МГУ уходил мой хороший приятель, сослуживец по работе у В.В. Сахарова, Валя Андреев.

Срочно требовался человек на его место. Он предложил мою кандидатуру, которую поддержал и Вл. Вл., читавший тогда на кафедре курс по генетике полиплоидов. Сотрудники кафедры, знавшие меня со студенческих времен, сразу согласились принять меня на работу.

Тем временем, в конце 1960-х годов творческая активная атмосфера в институте стала меняться.

*Кадыр Эргашев – мой аспирант,
ныне проректор
Самаркандского университета*

К нашему институту присоединили лаборатории бывшего Лысенковского института генетики.

Несколько ведущих сотрудников, возглавлявших лаборатории, – Н.Н. Соколов, Б.Н. Сидоров, В.В. Сахаров – ушли от Дубинина в Институт биологии развития (ИБР) АН СССР.

Галя Покровская

Всегда, когда уходит из жизни близкий человек, начинаешь понимать смысл страшного слова – НИКОГДА. Никогда больше в этой жизни не увидишь заинтересованных теплых Галиных глаз, никогда не услышишь ее смеха и голоса, никогда не споёшь с ней любимых песен, никогда не сможешь поговорить о наших заботах, печалях и радостях, никогда не услышишь слов поддержки и утешения, которые так помогали жить. НИКОГДА...

Галка, Галюня – моя самая добрая сокровенная подруга, с которой мы прошли вместе без малого сорок лет, до самого ее ухода 9 февраля 2000 года. Познакомились мы, когда пришли работать в лабораторию радиационной генетики в группу Милицы Альфредовны Арсеньевой. Сначала никакой особой симпатии друг к другу мы не испытывали. Но Галин юмор, ее немножко ехидное подтрунивание над глупым и смешным, способность откликаться на чужие беды, ее прелестный голос (мы часто пели на два голоса, сидя у микроскопов), привлекали внимание и вызывали симпатию. Скоро мы сблизились и подружились.

Несмотря на ее довольно взрывной и активный темперамент, на иногда излишне резкие оценки людей и событий, приятно было с ней беседовать, т.к. она не только интересно рассказывала, но и умела внимательно слушать. При этом было видно, что она не просто слушает, но и переживает вместе с тобой. Ее замечания всегда были проникнуты пониманием того, о чем шел разговор, всегда ей хотелось (и часто удавалось) помочь решить твои сомнения и горести. Правда, часто после наших разговоров мы, смеясь, говорили: «Ничего себе, утешили друг друга!» Но на самом деле, даже если при этом ничего не менялось, живое общение с Галей приносило утешение и облегчение. Она всегда умела здраво посмотреть на проблему, повернуть твои неприятности так, что можно было увидеть, что в принципе все можно решить, или показывала юмористическую сторону моих сомнений и тревог. И сразу становилось легче. Сколько раз Галя просто вытаскивала меня из тоски и уныния (в которое я, увы! частенько впадала), излечивала шуткой и добрым словом... Поэтому мы и разговаривали, хотя бы по телефону, практически ежедневно. Разговоры были не только о наших

личных и рабочих делах, часто обсуждали прочитанное, новые произведения и их авторов, радовались, что у нас были такие замечательные и разные поэты и писатели, как Пушкин и Гоголь, Гумилев и Булгаков... Иногда мы читали друг другу любимые стихи, чаще всего Пушкина. С удовольствием слушали, как замечательно во время наших встреч в Малом Комсомольском переулке, где жили тогда Галя и ее муж Володя Беккер, мой приятель Глеб Петрович Парфенов и Володя декламировали стихи Гумилева. Приятно было посидеть за уютным столом, не спеша обсудить всякое разное, оценить прекрасную еду, которую так вкусно готовила Галя, выпить рюмочку-другую и попеть любимые песни и романсы.

Был прекрасный период жизни, когда Галя и Володя, наконец, объединились (я была у них свидетелем в ЗАГСе). Мне кажется, это было для них великим счастьем, которое они пронесли через всю жизнь, невзирая на разные неприятности и сложности. Во всяком случае, Галка светилась каким-то внутренним светом, когда говорила о Володе. А Володя однажды сказал мне, что его восхищает Галина женская мощь, ее умение всегда быть подтянутой, женственной и желанной. Эта ее удивительная способность – быть всегда прекрасной женщиной – удивляла и поражала меня и не только меня. Помню, приезжая ко мне в деревню, Галка даже в лес не ходила, не подкрасив губы и не надев что-нибудь симпатичное. Даже деревенские мужики и тетki отмечали эту ее особенность, которая неизменно нравилась и моему брату Коле.

Вспоминаю один день нашей жизни, который мы с Галей называли «Днем удовольствия». Это было летом 1964 года перед рождением Галиного сына Сережи. Работали мы тогда в небольшом стареньком особнячке на Бауманской. Стояла тихая прекрасная теплая погода. Мы решили доставить себе радость. В обеденный перерыв пошли на маленький рынок возле метро, купили около двух килограммов черешни – черной, желтой, розовой, – отправились в какой-то дворик, сели на скамеечку и под приятный разговор умяли всю эту черешню. То-то было здорово, то-то хорошо!

Грустно вспоминать о Галиной болезни, о том, как ездили с ней к врачу 31 октября 1992 года в поликлинику у метро «Университет», как ждали с надеждой, что можно что-то поправить...

Неожиданно в августе 1995 года, проболев около пяти месяцев, умер Володя.

Галя сменила квартиру, где все было связано с Володиной и из которой ей так не хотелось уезжать. Но нашелся «новый русский», пожелавший купить эту и другие квартиры в этом подъезде старого дома. Пришлось переезжать на Новоясеневский проспект. Несмотря на то, что вместо коммуналки была отдельная трехкомнатная квартира, Гале она не нравилась, не нравился и довольно шумный новый современный район – она привыкла к тихому уютному Комсомольскому переулку, с которым были связаны годы жизни с любимым мужем. Но наши встречи стали чаще – ведь Новоясеневский проспект недалеко от моего Конькова.

В декабре 1996 года я упала на бетонный порог балкона, сломала отростки позвонков в поясничной области и вынуждена была пролежать около месяца дома, отложив полет к Алеше. Новый, 1997 год, встречала с Галей, ее сестрой Катей и Галиным спаниелем Тимошей у меня. При этом Галя и Катя сидели за столом, Тимоша лежал на полу, а я стояла, так как сидеть практически не могла – было очень больно.

После ухода Володи здоровье Гали стало резко ухудшаться, она совсем ослабла, а потом окончательно слегла...

Последний год Галя жила в своей старой квартире, где жила до замужества, у Лены и внуков на Васильевской улице. С осени и до отъезда в США к Алеше ездила к ней почти каждый день. Мы снова и снова вспоминали нашу жизнь, разные периоды наших отношений и, с некоторым даже удивлением, поняли, что за все время нашей дружбы НИ РАЗУ не было случая, чтобы мы всерьез поссорились или обиделись друг на друга. И это несмотря на то, что бывали случаи полного несогласия по какому-либо поводу. Но тяга друг к другу, взаимная любовь и уважение всегда удерживали нас от серьезных размолвок.

Мы не просто вспоминали о прошлом, но как бы оценивали, что в ней было неправильно, а что хорошо. И Галя сказала мне, что, вероятно, зря пошла на Биофак, наверное, следовало заниматься музыкой, например, петь в каком-нибудь хоре (в Университете Галка пела в университетском хоре).

Но мне кажется, что Галка так любила природу, цветы, зверушек, что ее поступление на Биофак вовсе не случайно.

Однажды днем в Малинниках мы пошли с Галей на вырубку за малиной. И вдруг попали на пни, усыпанные опятами! Опята были не только на пнях, но и повсюду на земле. Часа два-три мы их собирали. Набрали две корзины, потом сняли с себя майки и набили их опятами! Домой пришли часов в пять, довольные, даже счастливые, с мыслью о том, что сейчас разберем грибы и побежим по «мысикам», так называли мы часть леса, где опята росли на стволах деревьев. Дружно, с шутками-прибаутками принялись за опят, и закончили их обработку ... около 12 часов ночи – так много их было! Мелкие и средние опята замариновали, часть средних и крупных положили сушить, однако большую часть крупных, которые не поместились на маленькой печке, решили высушить на воздухе, разложив их на дощечках, крышках от кастрюль и т.п. И долго смеялись над нашим желанием еще пройтись по «мысикам». Всякий раз после случая, когда происходило нечто подобное (не обязательно грибное), мы вспоминали про «мысики» – не зарывайся! А опята, положенные нами на сушку на воздухе, к утру благополучно зачервивели и мы тайно (чтобы над нами не смеялись), сами вдоволь насмеявшись, их выбросили.

Когда Галя приехала в первый раз ко мне в деревню Крутое 20 июня 1997 года – она жила там до 31 июля – мы пошли с ней в лес по тропинке среди высокой травы, цветущих душистого чабреца и белых ромашек. Она остановилась и рассказала о том, как в детстве ее повезли летом в Подмоскowie и какое восторженное потрясение она испытала, выйдя вдруг на огромный цветущий луг, обрамленный лесом. И это потрясение она помнила всю жизнь. А ее любовь к цветам, умение любоваться ими, дарить их, расставлять в доме! У меня в Крутом два года росла подаренная Галей карминно-красная роза. В конце лета 1999 года она погибла – корни подкопал крот.

Сколько восторга и разных приятных переживаний испытали мы с Галкой на природе в разных местах – в Подмоскowie, в деревне Васюсино на Волге, под Калязиным, где Галя с упоением занималась рыбалкой, в Малинниках, где бывал Пушкин и где мы вместе проводили отпуск в 1977 году, а также под Ленинградом, в Пушкинских местах, куда ездили в 1983 году.

Помню, как Галя любила море, какая красивая смуглая возвращалась из отпуска с Каспия или с Черного моря, каким восторгом горели ее глаза, когда она говорила о море, о Севастополе, передачу которого вместе с Крымом Украине воспринимала как личное горе и оскорбление, как осквернение памяти павших за эти земли.

А еще Галя любила горы, хотя побывала в настоящих горах, насколько я помню, лишь один раз, в Таджикистане, но неоднократно была на Урале в рабочих экспедициях. Долго и красочно рассказывала о красоте и величии гор, покрытых снегом, о своем ощущении мизерности человека и огромности природы, когда одна ходила по горным тропам, пересекаемым бесчисленным количеством горных речек и ручьев, чистых и холодных.

Поразительно отношение Гали к зверью. В молодости она любила рыбалку, с интересом слушала об охоте, хотя сама, по-моему, ни разу в охоте не участвовала. В тот период жизни любила всякие меховые шапки, шубки. Но с возрастом все эти восторги сменились глубоким отвращением ко всему, что влекло за собой гибель животных. Я уже не говорю об ее отношении к собакам, которые принимали ее сразу, как свою. Трогательно и заботливо Галя относилась к Тимоше, своему домашнему английскому спаниелю, который безмерно был предан ей и умер вскоре после смерти Гали.

Галина любовь к природе органично сочеталась с любовью к классической музыке, которую она не только любила, но и неплохо знала. Незабываемый «пир Музыки» был у нас где-то в середине 1970-х годов, когда по абонементу мы прослушали подряд все симфонии Д. Шостаковича в исполнении оркестра под управлением К. Кондрашина, а потом все его квартеты в исполнении квартета Бородина. Несколько раз на эти концерты приходил с палочкой Дмитрий Дмитриевич Шостакович (в тот год он сломал ногу). Каждый раз, когда это случалось, мы жалели, что у нас нет цветов. Но однажды на одном из концертов Гале удалось подойти к Дмитрию Дмитриевичу с цветами, о чем она всегда вспоминала с радостью. Вообще в тот период мы часто ходили в Консерваторию и слушали разную музыку под руководством дирижеров – Рождественского, Мравинского, Когана, Светланова, Темирканова, Элиасберга. Это были плодотворные и приятные годы.

Еще хочется сказать о Галиной необычайной привязанности и нежном отношении к племяннику Васе, сыну Кати – Галиной сестры. Думаю, что в нем она видела частичное осуществление своей мечты о музыке (он профессионально занимался ею в музыкальной школе и позже в институте Гнесиных).

С уходом Гали ушла часть меня, часть моей души...

«Дружба – это наслаждение, счастье от самой полноты душевной отдачи близкому человеку...» (Ф. Искандер).
Пожалуй, к этому нечего добавить...

Работа на Биофаке в 1969–1990 годах

В июне 1969 года, после 11 лет работы в лаборатории радиационной генетики и в Институте общей генетики (ИОГен), я пришла ассистентом на кафедру генетики и селекции Биофака, где прежде училась. Пришла, чтобы преподавать там совсем другую генетику. Было большое желание помочь студентам освоить и полюбить то, что я постигала самостоятельно. На кафедре меня приняли очень дружелюбно.

Меня назначили ответственной за малый практикум. На этом практикуме студенты ставили скрещивания и проводили анализ поколений на дрозофиле, решали генетические задачи и обсуждали теоретические вопросы. Мне поручили вести малый практикум в группах генетиков, ихтиологов и биофизиков. От биофизиков остальные преподаватели отказывались, сославшись на то, что неприятно и трудно работать с этими «задаваками и выскочками». А мне после работы с трудными подростками в школе казалось, что все сложности позади и вряд ли я не смогу справиться с «трудными» студентами, людьми достаточно взрослыми и уже весьма образованными – генетику тогда преподавали на третьем курсе. Так оно и вышло, занятия проходили нормально, иногда кто-нибудь из ребят задавал мне какой-нибудь каверзный вопрос, но это не смущало меня. Если могла, отвечала, если не знала ответа, так и говорила, обещая найти ответ к следующему занятию. Особых сложностей с биофизиками, как и с ихтиологами, не было. С генетиками их не было совсем, они сразу приняли меня дружелюбно.

В первый год работы была удивлена, что на кафедре отсутствуют какие-либо пособия к занятиям, из-за чего приходилось отнимать время от занятий и диктовать вопросы, задачи и литературу к следующему семинару. На следующий, 1971 год, вместе с преподавателями, проводившими малый практикум, составили и издали книжечку

«Планы семинарских занятий», где были расписаны темы каждого занятия, даны вопросы к ним и литература.

В последующие годы были написаны и изданы пособия по малому практикуму (1974 и 1977 гг.) и два составленных мной сборники генетических задач (1975 и 1982 гг.), А позже еще два сборника совместно с В.М. Глазером, А.И. Кимом и др. (2001 и 2005 гг.).

*Н.Н. Орлова –
преподаватель
кафедры генетики
Биофака МГУ*

Преподавание доставляло мне огромное удовольствие, особенно потому, что это была настоящая генетика. Мне кажется, что я преподавала неплохо, потому что осваивала генетику самостоятельно и неплохо представляла, какие разделы трудны, и на что следует обратить особое внимание.

На протяжении 10-ти лет (1980–1990 гг.) в паре с **Сергеем Васильевичем Шестаковым**, заведующим нашей кафедрой, я читала лекции по общей генетике для студентов физиолого-биохимического отделения (я – классическую, он – молекулярную генетику) На лекции ко мне приходило большинство студентов, многие преподаватели нашей кафедры и даже иногда преподаватели других кафедр. Два-три раза в семестр проводила на лекциях контрольные работы – 4–5 вопросов по прочитанным темам. Оценивала

Н.Н.Орлова

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

«Допущено Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов биологических специальностей высших учебных заведений».

*Дорогому браму
Каленюке в день
50-летия с
любвию.*

*Наска
14x95*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1991

Титульный лист учебника, написанного Н.Н.Орловой

их, и отличные оценки учитывались при сдаче экзамена – контрольные были не анонимные.

Остальные оценки не учитывались. В конце курса проводила анонимное анкетирование студентов о качестве лекций, выясняла, что было труднее всего понять, наглядны

ли иллюстрации, что хотели бы услышать дополнительно и т. п. Это помогало мне понять, что надо изменить в курсе, на что обратить особое внимание, что можно исключить, в каких разделах нужно сократить или добавить материал.

Систему анкетирования студентов предложила проводить и другим лекторам, некоторые из них провели и остались довольны.

Однажды, когда я летела к Алеше в США, по проходу в самолете бегала маленькая девочка, и я взяла ее на руки. Ко мне подошла ее молодая мама. Оказалось, что она русская и, более того, выпускница нашего Биофака. Она спросила, читаю ли я еще лекции по генетике, и, узнав, что уже не работаю на факультете, выразила сожаление, сказав, что лекции были хорошие.

До меня лекции по генетике читали профессора нашей кафедры **Николай Иосифович Шапиро** и **Сос Исаакович Алиханян**. Николай Иосифович читал строго, педантично, ясно. Недостатком его лекций, на мой взгляд, являлось то, что в начале каждой лекции он повторял краткое содержание предыдущей лекции, прием в принципе неплохой но, к сожалению, занимавший у него довольно много времени. Студенты скоро это поняли и многие из них стали приходить на лекции с опозданием.

Что касается лекций Соса Исааковича, то его лекции не были такими четкими и стройными. Начинал он с того, что устраивал переключку, что, впрочем, не увеличивало число слушателей. На одной из его лекций произошел курьезный случай. Во время проверки в аудиторию с небольшим опозданием вошел студент, С. И. спросил, отчего тот опоздал. И получил достаточно сомнительный ответ: «Извините, профессор, я был на ралли». Спустя какое-то время вошел еще один опоздавший и услышал вопрос профессора: «Вы тоже с ралли?» Восторгу студентов не было предела, и они долго хохотали.

Интересны были практические и семинарские занятия. Парадокс – я плохо считаю в уме, вечно меня надувают на рынке, да и в некоторых магазинах. Мой сын часто веселится, вспоминая, как я однажды посчитала, что 30 булочек по 2 копейки – раньше были и такие – стоят **6 рублей!** Парадокс заключается в том, что, несмотря на такие мои математические «способности», суммы и соотношение мух в опытах на дрозофиле я считала в уме всегда быстро и точно.

21 год я вела группы генетиков и еще 2–3 группы студентов разных кафедр. Занятия очень любила, каждый раз готовила что-нибудь новое, при этом совершенствовалась сама, читая научную литературу и участвуя в кафедральных семинарах.

*Профессор
Герман Павлович Гапочка,
помощник проректора МГУ.
1980-е гг.*

Помню многих студентов до сих пор, а свою первую учебную группу, генетиков выпуска 1972 года – почти всю поименно. С некоторыми ребятами долгое время переписывалась, например, с моей первой дипломницей **Ириной Север**. К сожалению, переписка оборвалась по неизвестной мне причине – то ли она не получила моего нового адреса, то ли она поменяла адрес. Девочка была умненькая, старательная, милая, добросовестная. Живет в Краснодаре. Как сложилась ее судьба к настоящему времени, не знаю. Писали мне **Майя Ибрагимова** из Дагестана и **Света Малахова** – обе мои курсовички и дипломницы.

Майя и ее муж Муслим, который приезжал в Москву во время Майкиной учебы и вместе с ней был у меня дома, пригласили меня в гости. Когда она закончила Биофак, я ездила к ним в Махачкалу летом 1985 года. Они показали мне город, музей-квартиру Сарьяна, мы ездили загорать на Каспий, а потом в Каспийск к их родственнице, где нас радушно приняли. Из Каспийска я одна (!) на автобусе поехала в горный аул, опять же к абсолютно неизвестным мне их родственникам. Автобус привез меня на площадь, где стояли и разговаривали какие-то парни, Спросила их, как найти Ибрагимовых. Оказалось, что в ауле несколько Ибрагимовых. Вспомнила, что Маечка говорила, что дом их родственников на горе, сказала об этом ребятам и они тут же указали, как туда пройти. И здесь мне тоже был оказан радужный прием. Прожила там два или три дня, сходила в горы, к месту пленения Шамиля, где стоит беседка, полюбовалась на красоту гор, подышала вкусным чистым горным воздухом. И все это в полном одиночестве. Думаю, что сейчас такое путешествие просто невозможно.

После моего отъезда до 1990 года получала письма от Майи и Муслима, они писали о своих проблемах, в частности, у Майи были сложности с устройством на работу – ведь у них было двое детей – мальчик Рустам, которому в 1989 году было 11 лет и он уже перешел в 5-й класс, и маленькая Наида – 1 год и 7 месяцев. Писали они и о сложностях с покупкой самых необходимых вещей и о том, что в 1985 году получили новую квартиру (до этого снимали комнату), о том, что Муслим стал доцентом, а в 1985 году Майя устроилась на работу по специальности – стала заниматься цитогенетикой кормовых бобовых культур. И каждый раз Майя писала о том, что вспоминает годы учебы на кафедре и своих друзей. Где-то ты теперь, Маечка, чем занимаешься, как поживаешь в это нелегкое время?

До сих пор храню маленькую записку от Юры Момоты, окончившего нашу кафедру в 1975 году и работавшего на Севере. Он написал ее, заехав как-то ненадолго в Москву и не застав меня на кафедре. С ним и Таней Феоктистовой, учившейся с ним в одной группе, связана целая история их несостоявшейся любви. По их просьбе в этой любовной истории я принимала участие, попеременно выслушивая то ее, то его.

Записка от **Юры Момоты**.

«Дорогая Нина Николаевна!

С большущим волнением подходил к нашему факультету и кафедре и уже не надеялся, что смогу увидеть кого-либо из наших. Столько лет прошло, а тут на ваших дверях Ваши инициалы как всегда.

Надеюсь, что еще через пятнадцать лет смогу снова попасть на родную кафедру и Вы останетесь по-прежнему хранительницей нашего прошлого. В Москве проездом из Талина, проходил очередную стажировку по вычислительной математике. Теперь я полностью перешел на прикладное программирование. Раньше это было моим хобби, теперь стало специальностью. Говорят, справляюсь. Были бы Вы на месте, с огромным удовольствием узнал бы, как живет наш выпуск, а так стал фаталистом и уверен, что не судьба Вас всех увидеть или узнать, как сложилась жизнь нашего курса. Будет возможность, передайте, пожалуйста, огромный привет Татьяне, Боре Лейбовичу, Женьке Метакowski, Ленке Лозовской и Наталье Фурлетовой, ну и остальным. Целую Вас крепко, по-настоящему, и обнимаю всех наших.

С уважением Ю. Момот. 23.12.88».

Саша Кузнецов до сих пор мне звонит по праздникам и иногда приезжает ко мне домой. У его родителей я несколько раз была в гостях летом, куда ездила отдыхать с внуками.

Систематически, хотя и редко, до сих пор звонят Боря Бумажкин, Толя Абрамкин, Сережа Грибков, Слава Антонов, Гена Левко.

На кафедре сейчас работают 7 моих учеников – доценты Оля Солдатова, Таня Ежова, доктор биологических наук, Миша Бобыкин, кандидат биологических наук, профессора Слава Зинченко, доктор биологических наук, Саша Ким, доктор биологических наук, Лида Полухина и Милочка Шахнабатьян, обе – кандидаты биологических наук.

В первом же учебном году, осенью 1970 года, мы ездили на 50-летний юбилей кафедры генетики Ленинградского университета, где я познакомилась с известным генетиком, заведующим кафедрой **Михаилом Ефимовичем Лобашовым**, и замечательными молодыми ребятами – с профессором, умницей, ярким человеком **Сереей Инге-Вечтомовым**, теперь он академик, заведующий кафедрой,

Н.Н. Орлова, В.М. Глазер, А.И. Ким,
Т.А. Кокшарова, Ю.П. Алтухов

Сборник задач по общей генетике

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Под редакцией профессора
М.М. Асланяна

Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 510600 "Биология" и специальностям 011600 "Биология", 012100 "Генетика"

*Моему от-ч-теку умилому
брату от душиной сестры.
Успехов и процветай дальше!!
с любовью и уважением
НН Орлов*

303.02

Издательство Московского университета
2001

*Титульный лист учебного пособия по генетике,
составленного Н.Н. Орловой совместно с коллегами кафедры,
с шуточным посвящением своему младшему брату*

Светланой Соснихиной, Витей Смирновым, с которым долгое время сотрудничала по науке, **Леней Кайдановым** и двумя славными доцентами, учившимися генетике еще до 1948 года и пережившими, как и Сергей Вечтомов, ленинградскую блокаду – **Маргаритой Михайловной Тихомировой** и **Кирой Владимировной Ватти**, к сожалению, уже ушедшими из жизни.

*Профессор
Марлен Мкртычевич Асланян –
мой коллега по кафедре
и хороший друг по жизни*

После этой встречи я систематически ездила в Питер и имела возможность посмотреть, как работают со студентами в Ленинграде, узнала, что у них, кроме малого и большого практикумов, которые были и у нас, есть замечательный курс «Генетического анализа». И я решила сделать такой курс у нас, в МГУ. Составила план, предложила новые задачи – циклические скрещивания, которые поразили мое воображение в ЛГУ, определила темы семинаров и представила все это на кафедральное обсуждение, где получила одобрение коллег. И на кафедре появился курс «Генетического анализа», который до лысенковских времен

на нашей кафедре читал выдающийся генетик, тогда заведующий нашей кафедрой, Александр Сергеевич Серебровский, курс, изъятый из программы обучения во всех учебных заведениях после 1948 года. В течение трех лет я собирала материал и писала книгу «Генетический анализ», которая была издана в 1985 году.

Теперь этот курс читает мой ученик Саша Ким.

Конечно, продолжалась и моя научная работа по изучению мутационного процесса в семенах растений (лука-батуна и бобов) при их хранении, в чем принимали участие и мои 13 студентов-курсников и дипломников. Правда, статей по моей тематике я писала немного, большая часть времени уходила на создание учебных пособий. За период моей работы на факультете два человека – Оля Солдатов и Наргиз Папьян – защитили кандидатские диссертации.

* * *

Замечательная работа – куратор студенческой группы. Как только набирали группу на кафедру, назначался куратор, который вел ее до выпуска. Я была куратором четырех групп. Это более 70 студентов – выпускники 1976, 1979, 1984 и 1990 годов.

Кураторство позволяло ближе узнать каждого студента группы, их характеры и интересы. Мы часто собирались вместе – по поводу дней рождения, в праздники, ходили на экскурсии, например, по Москве, которую проводил мой брат Коля, или во время каникул в Ленинграде.

Иногда я приглашала к нам какого-нибудь интересного человека и т. п. Отношения с ребятами были дружескими, многие из них обращались ко мне за советом по поводу выбора темы курсовой или дипломной работы и руководителя, некоторые из них часто приходили обсудить свои личные дела. При этом они знали, что дружеские отношения не предполагают поблажек с моей стороны на экзамене или халтуры в учебе. Я сразу объясняла им, что слишком дорогую цену страна заплатила за становление и возрождение генетики в нашей стране. По их просьбе в своих группах рассказывала историю генетики у нас, о людях, которые погибли или пострадали за генетику – о Н.И. Вавилове, Г.Д. Карпеченко, А.С. Серебровском, Н.К. Кольцове, В.В. Сахарове, Н.Н. Соколове и многих других.

Конечно, хорошо помню, как мои студенты готовили вечера на кафедре. На новогодних вечерах, которые по традиции готовили и проводили студенты пятого курса, кроме Деда Мороза и Снегурочки, поздравлявших всех и раздававших подарки, ребята сочиняли небольшие шуточные капустники. Были конкурсы на самый длинный нос – первое место занял Герман Гапочка, самые волосатые ноги (у мужчин) и самые стройные – у женщин. Кроме этого, непременно были кулинарные конкурсы, пользующиеся неизменным успехом. На некоторых вечерах Марик Асланян проводил аукцион, делал это азартно, остроумно, весело. На аукцион выставлялись разные новые и очень старые книги, учебные пособия, различные сувениры, домашние варенья и грибы, чьи-нибудь поделки и т. п.

На тематических вечерах, например, «Весна, любовь», «Прощанье с бабьим летом» читали стихи, пели романсы. На эти вечера мы приглашали гостей с других кафедр.

На 50-летнем юбилее кафедры проводили конкурс на звание «Мисс ГЕНЕТИКА». Участницы сообщали длину юбки, высоту каблука, коэффициент изящества, должны были выполнить тест на наблюдательность – быстро сказать, каков наряд у соседки, цвет глаз и галстуков у мужчин, сидящих за столом рядом с заведующим, шутейно объяснить смысл некоторых генетических терминов и т. д.

К этому юбилею студенты кафедры выпуска 1977 года написали следующее поздравление:

*Любимая кафедра,
В свой день рожденья
От бывших студентов
Прими поздравленья!
Полвека назад
Твой заведующий первый
Генетикой КУР
Занимался на ферме.
И свой юбилей,
Этот факт озаря,
Ты в год ПЕТУХА
Отмечаешь не зря!
А смысл совпадения
Достаточно ясен:
Пусть будет твой путь
Плодовит и прекрасен!*

Студенты помогали оформлять кафедру к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне – во всех кафедральных аудиториях и в коридоре второго этажа стояли стенды о войне: полководцы войны, Герои Советского Союза, женщины в войне, дети войны, выпускники кафедры – участники войны, битв под Москвой, Ленинградом и Сталинградом, взятие Берлина, Парад Победы. В год 40-летия, 7 декабря 1985 года, я провела для сотрудников и студентов кафедры экскурсию, посвященную московскому ополчению. Вот (кратко) о чем я рассказывала:

«22 июня 1941 года началась война с гитлеровской Германией, а уже в конце сентября – начале октября фашисты были на ближних подступах к Москве.

Гитлер заявил, что навсегда скроет столицу русского народа от цивилизованного мира, затопит Москву. Уже в первых числах июля жители Москвы и Ленинграда стали создавать дивизии народного ополчения, как это было в 1812 году. За четыре дня июля в 12-ти районах Москвы было сформировано 12 дивизий народного ополчения, в которые записалось 120 тысяч бойцов и командиров. Кроме этого, к середине июля было создано 25 истребительных батальонов, в которые вошли люди, не подлежавшие призыву в армию. Во всех районах образовались коммунистические батальоны, примерно 12 тысяч человек. Эти батальоны заняли рубежи на окраинах Москвы; фашисты находились в 25 км от Москвы».

Мы прошли по местам, где проходила запись в ополчение и где теперь стоят памятники ополченцам Фрунзенского и Киевского районов.

На Метростроевской улице (Остоженке), у дома 38 стоит стела в память воинов-ополченцев дивизии Фрунзенского района, созданной на средства бывших ополченцев, пионеров, комсомольцев, школьников и интеллигенции района. В эту дивизию вошли рабочие и служащие заводов «Каучук», «Электросвет», фабрик «Красная роза» и им. Свердлова, Наркомстроя, преподаватели и студенты педагогического и медицинского институтов. Дивизия начала воевать под Боровском, потом сражалась в окружении под Вязьмой, участвовала в освобождении Харькова, Полтавы, Молдавии. За форсирование Южного Буга и Днестра ей присвоили наименование Краснознаменной Днестровской. Она участвовала в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии и Австрии.

В Староконюшенном переулке в школе № 59 была сформирована 21-я дивизия народного ополчения Киевского района. В ней воевали рабочие и служащие Дорхимзавода, кондитерской фабрики им. Бабаева, карандашной фабрики имени Сакко и Ванцетти, киностудии Мосфильм, научные работники институтов АН СССР, колхозники Пушкинского района Московской области. С 3 октября 1941 года дивизия была на переднем крае обороны Москвы. 27 ноября дивизия перешла в наступление и с тех пор никогда не отступала. Участвовала в Сталинградской битве, в Висло-Одерской операции, на Курской дуге, освобождала Украину, закончила свой боевой путь на Эльбе. 68-ми бойцам и командирам дивизии присвоены звания Героев Советского Союза, дивизия награждена орденами Ленина, Боевого Красного Знамени, Суворова, получила звание Гвардейской.

На Кропоткинской набережной стоит двухэтажное здание (бывшая галерея Щукина), где в годы войны помещалась французская военная миссия. На этом здании в 1956 году была открыта мемориальная доска в память о 42-х французских летчиках полка «Нормандия-Неман», сформированном в декабре 1942 года. Французы летали на наших самолетах, обучали их наши летчики. Полк прошел путь от Подмосковья до Восточной Пруссии, провел 869 воздушных боев, было сбито 268 фашистских самолетов. Четыре летчика полка стали Героями Советского Союза. Полк был награжден нашими и французскими орденами. После окончания войны летчики вернулись во Францию на наших Як-3, безвозмездно переданных Советским Правительством французской авиации в знак боевой дружбы.

*Что ты делаешь нынче, французский собрат,
Где ты ходишь теперь, где летаешь?
Не тебя ль окликал я: «Бонжур, камарад!»
Отвечал ты мне: «Здравствуй, товарищ!»
Мы из фляги одной согревались зимой,
Охраняли друг друга в полете.
А потом ты в Париж возвратился домой
На подаренном мной самолете.
В небесах мы летали одних,
Мы теряли друзей боевых.
Ну, а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить.*

Эту песню о летчиках полка «Нормандия-Неман» проникновенно исполнял Марк Бернес.

Если с Кропоткинской улицы свернуть в тихий старинный Чертольский переулок, то сразу увидишь поставленные на пьедестал гранитные плиты, образующие кусок стены, в глубине ее фигуры юношей. Это памятник воспитанникам московских специальных артиллерийских школ, проявившим мужество и героизм в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. На мемориальной доске имена 152-х человек. В этой школе учились Тимур Фрунзе и Михаил Либман, майор, в 23-летнем возрасте командовавший полком. Посмертно им обоим было присвоено звание Героя Советского Союза.

По материалам экскурсии на кафедре выпустили газету с фотографиями памятников, текстами об ополчении и отзывами участников экскурсии.

В традициях кафедры были также поздравления к праздникам. Женщины кафедры писали персональные поздравления мужчинам к 23 февраля, а мужчины – женщинам к 8 марта.

У меня хранится много поздравлений от мужчин кафедры и разных студентов и групп. Вот некоторые из них.

«Любимая наша Ниночка-Нинуля...колавна!!!

Пользуясь случаем, 8 марта поздравляем тебя, целуем 10 в 6 степени раз и желаем тебе быть всегда радостной и счастливой.

Вечно любящие тебя молодые и просто хорошие мальчики кафедры.

8.03.75».

*Плясать и петь всегда готова
Красотка Ниночка Орлова.
И, говорят, ансамбль «Пламя»
Давно охотится за вами
Мужчины кафедры, 1982г».*

К Н.Н.О.

*Восьмое марта наступает
С полуночной звездой,
И поздравлений к Вам слетает
Веселый пестрый рой.*

*И тороплюсь Вас поздравить,
Вам счастья пожелать,
И пожелать «птенцов» направить
В науку – сотен пять.*

*Пусть в вашей комнате беспечно
Они всегда «пищат»
И этим писком детским вечно
Вам молодость дарят.
7.03.72. «Птенец»*

А вот письмо из Африки от нашего бывшего студента – Ясина Куята из Мали.

«Нина Николаевна!

Добрый день! Как у вас дело, здоровье? Я часто вспоминаю нашу кафедру, одни приятные воспоминания. Я работаю в экспериментальной станции по улучшению риса. Тема у нас такая – применение мутагенеза в селекции растений. Передайте мои сердечные поздравления с праздником 7 ноября. Желаю вам и всем больших успехов, много радости счастья в жизни в науке. Еще раз спасибо за все.

Ясин. 15 октября 1982 г».

Были и другие письма. Вот некоторые из них.

«Глубокоуважаемая и горячо любимая нами Нина Николаевна!

Поздравляем Вас с весенним праздником 8 марта! Желаем, чтобы Вы вырастили еще не одно поколение учеников, и неиссякаемый родник Вашей энергии продолжал украшать наш факультет и нашу кафедру.

Благодарные Вам Володя Тимаков, Саша Жаданов, Люба Кожаринова, 1985 г».

(Саша Жаданов после окончания МГУ уехал в США, удачно работал, но внезапно скончался от тромба в 1999 году. Славный был мальчик, умный, способный, хорошо пел, играл на гитаре).

«Уважаемая Нина Николаевна!

От всего сердца поздравляю Вас с праздником 8 марта и желаю Вам, прежде всего, здоровья, а также успехов во всех делах – в науке, в педагогике, да и вообще во всех аспектах той многосторонней и многотрудной работы, которую Вы

ведете на нашем факультете, и которая приносит такие замечательные плоды.

Ваш бывший студент Иван Карнаухов. 1987 г.».
«Нина Николаевна!

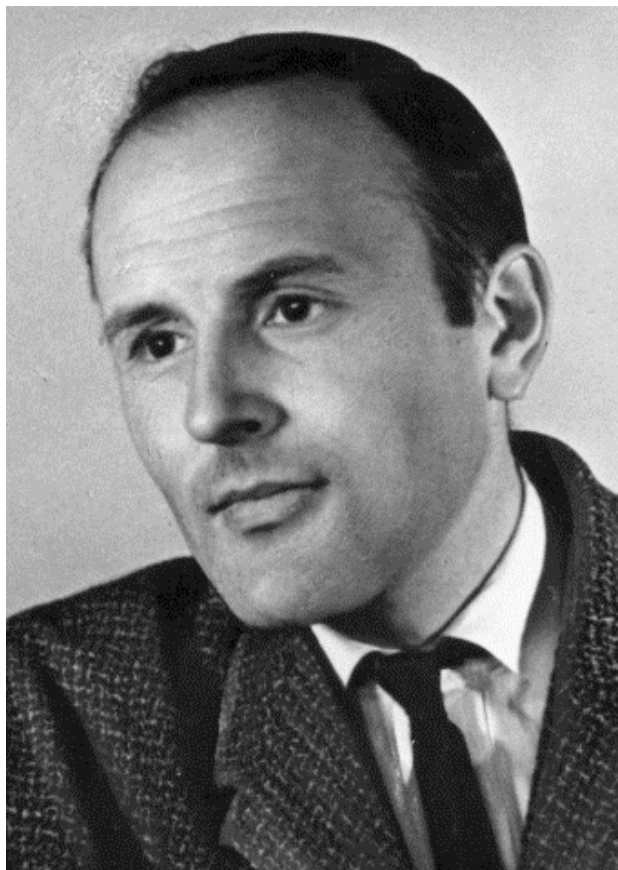
*Я Вас хочу прославить в оде.
Пускай сейчас она не в моде,
Но моды ждать мне нет охоты,
Нет времени, но есть заботы.
Вы, как фотон, несущий свет
У Вас в покое массы нет.
Вернее, нет у Вас покоя.
Вы Данко – тайну Вам открою.
Хоть жили Вы и не в тиши,
Но чистоту своей души
Все годы бережно хранили.
О, если б все такими были!
Вам неизвестна скука злая,
Занять всегда есть чем себя,
И день за днем бегут, мелькая,
Даря нам искры Вашего огня!
Света Малахова, 1987 г.»*

Конечно, запомнился веселый и трогательный праздник, устроенный кафедрой на мое пятидесятилетие. Было обильное застолье, много сказано теплых, хвалебных слов в мой адрес сотрудниками и студентами.

*Экскурсия по местам боевой славы.
У здания французской военной миссии*

А студенты моей группы сделали тетрабочку-коллаж «Документальный рассказ о дорогой Нине Николаевне», подобрав подходящие вырезки из газет и фотографии. Не зря я их этому учила (сама научилась этому у Ляли Розановой).

*Гарик Дубровский –
мой хороший товарищ по Биофаку*

О моих друзьях и товарищах, с которыми я работала на кафедре, могу сказать, что они были близки мне по духу, и отношения с ними были самые сердечные.

Это **Марик Асланян**, любимец кафедры. Его я знала со времен учебы на Биофаке. Он тогда был аспирантом и занимался генетикой и селекцией свиней. Теперь занимается дрозофилой. Читает лекции по общей генетике и по генетике животных, ведет семинары на 5-м курсе и по-прежнему является заместителем заведующего нашей кафедрой и организует учебный процесс.

Живой, доброжелательный, милый и контактный, оптимистичный, взрывной, хотя и быстро отходчивый человек. Одно время Марик был секретарем парткома Биофака. Никогда не делал ничего, не подумав. Дружеские отношения с ним сохраняются до сих пор, хотя встречаемся

мы редко – когда бываю иногда на кафедре или у меня дома. К нему всегда можно обратиться за советом и помощью. А это одно из поздравлений от Марлена Асланяна:

«Дорогая Ниночка! Поздравляю тебя с праздником прихода весны, тепла и солнца – международным женским днем 8 марта! Будь здорова и счастлива, успехов тебе во всех начинаниях, любви и внимания близких тебе людей (особенно мужчин).

Жизнь летит стрелой,

Обгоняя нас.

А душа поет,

Чтобы свет не гас.

Целую. Марлен, 8 марта 1986 г.»

Сергея Янушкевич, старший преподаватель кафедры. Мой хороший товарищ со студенческих лет, он был на курс старше. Обязательный, принципиальный скромный и очень работающий человек. На кафедре после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации, которую он выполнял под руководством Н.И. Фейгинсона, занимался генетикой растений, вел часть большого практикума, руководил курсовиками и дипломниками. Он любил цветы и выращивал роскошные герберы. Дома у Сергея были прекрасные аквариумы, а на стенах висели фотографии его друзей-биофаковцев, сделанные им. Многие девочки хотели быть его подругами, но он так и не женился. Жил он с мамой и очень страдал, когда она умерла. Постоянно и много курил. К сожалению, он рано ушел из жизни.

Хотела его навестить в больнице, но он мне и всем, кто предлагал свою помощь и хотел приехать к нему, говорил «Нет», т. к. не хотел, чтобы его видели беспомощным и слабым. Я собиралась уезжать к сыну в США накануне дня рождения Сергея, пожелала ему облегчения и здоровья. Но до своего дня рождения он не дожил нескольких дней, умер в феврале 1998 года.

Осталось два его поздравления мне. Вот одно из них.

«"Свобода и равенство для угнетенного пола! "

В.И. Ленин, т. 30, стр. 101.

"Заменить всех мужчин-служащих женщинами"

В.И. Ленин, т 29, стр. 252.

Дорогая Нина!

Мужчины кафедры горячо поздравляют тебя с Женским праздником!

Желаем тебе большого счастья и успешного продолжения научной работы!

Оставайся «грозой» студентов! 6.03.81»

Тося Багрова, моя теперешняя подружка, с которой я 20 лет работала на кафедре. Человек одинокий, больной, но умеющий держаться. С ней мы связаны постоянно – каждый день перезваниваемся, иногда ездим в гости друг к другу. Она честный, правдивый, прямой человек, никогда не хитрит, говорит в глаза все, что думает, что считает правильным. Работник она превосходный – трудолюбива и добросовестна. Выполняла любую работу, жила с мамой. Несмотря на разные сложности, в том числе материальные, защитила кандидатскую диссертацию. После смерти мамы Тося осталась одна. Я всегда желаю ей здоровья и благополучия.

Оля Солдатов. Ее я узнала, когда приехала в Самарканд читать лекции. Она тогда училась в школе. Поступив в Самаркандский университет, Ольга перевелась в МГУ на Биофак и стала учиться у нас на кафедре, у меня она выполняла курсовую и дипломную работы, а потом и кандидатскую диссертацию. Я дружила с ее родителями – Павлом Кузьмичем и Раисой Юльевной, замечательными людьми. Павел Кузьмич – инвалид войны, заведовал кафедрой генетики СамГУ. С ним я познакомилась, когда он приезжал в ИОГен. А потом три раза по приглашению Павла Кузьмича я ездила в Самарканд читать лекции. В Москве Оля вышла замуж, родила сына Владика.

Сейчас Ольга – доцент нашей кафедры, занимается молекулярной и клеточной генетикой, ведет малый практикум по общей генетике и часть большого практикума. До сих пор мы поддерживаем связь по телефону, иногда ездим друг к другу. Воспринимаю ее как младшую сестру.

Нашу кафедру закончил и младший брат Оли – Сережа Солдатов.

Таня Ежова, выпускница 1973 г., выполняла у меня курсовую работу. Серьезная, умная девушка. С ней легко и приятно общаться. Думаю, что именно поэтому у нее собираются ее сокурсники по группе. Таня – доктор биологических наук, доцент нашей кафедры, ведет большую

научную и педагогическую работу, пишет статьи и учебные пособия. Именно с ней работает и Оля. С Таней нас связывает не только ее учеба в моей группе: С моей подачи она с родителями купила дом в деревне Малинники, где они до сих пор проводят лето. Она говорит, что ее знакомство с будущим мужем – Володей, тоже связано со мной – они познакомились в поезде, который вез нас в Ленинград на каникулы. Я не была куратором группы, в которой училась Таня, просто предложила ребятам съездить в Ленинград. У Тани и Володи два сына, младший из которых учится у нас на Биофаке.

Милый, умный, отзывчивый человек – красавица **Сусанна Рубеновна Агамалова**. Она хорошо знает английский язык и обычно выполняет роль переводчика, когда на кафедру приезжают иностранцы. Любит и знает балет, но из-за болезни мамы сейчас сидит дома, ухаживает за ней. Время от времени мы разговариваем по телефону. Это всегда приятно.

Мальчики – **Миша Бобыкин** (выпуск 1978 г.) и **Слава Зинченко** (выпуск 1975 г.) тоже учились у меня, оба молодцы, оба преподают на кафедре. Миша – доцент, Слава – профессор, видимо, будущий заведующий кафедрой. К ним и моему хорошему товарищу доценту **Диме Глазеру**, с которым связаны многие годы совместной работы, в комнате которого часто собираются Слава и Миша, всегда захожу, когда бываю на кафедре испить чайку и поговорить о жизни.

На кафедре училось много активных, умных, способных ребят, посвятивших себя генетике. Обо всех из них следовало бы написать отдельную книгу, может быть когда-нибудь преподаватели и сотрудники кафедры сделают это.

Я лишь назову некоторых из них. Выпускники 1972 г. – Боря Лейбович, теперь живет и работает в США, Женя Метакровский; выпускники 1973 г. – Абилев Серикбай, Толя Пыжов, Валера Высоцкий, Лида Полухина; выпускник 1975 г. – Витя Башкиров; выпускники 1976 г. – Сергей Морозов, теперь он профессор кафедры вирусологии Биофака, Сергей Мерсон, живет и работает в Тольятти, Лена Полуэктова, работает старшим научным сотрудником в ИОГене; выпускники 1977 г. – Маша Балакирева, живет и работает в Европе, Лена Пасюкова, работает в Курчатовском институте; выпускники 1978 г. – Леша Кондрашев, заведует лабораторией в США, Сергей Миркин, живет и работает в

США; выпускник 1979 г. – Гена Левко; выпускники 1984 г. – Оля Кокшарова, успевшая поработать в США, вернуться в Москву, родить двух детей и защитить докторскую диссертацию, Лена Лысенко, Катя Преображенская, живут и работают в США, Алишер Тураев, живет и работает в Европе и многие другие. Среди них 8 докторов и 11 кандидатов биологических наук.

*Лев Москалёв
в период своих морских странствий*

Спустя четыре года мне присвоили звание доцента, а зимой 1975 года меня пригласил декан факультета Михаил Викторович Гусев, выпускник Биофака 1957 года, Миша, которого я знала со студенческих лет по его участию в самодеятельности, и предложил мне стать его заместителем по учебно-воспитательной работе. Предложение было неожиданное, интересное, а потому заманчивое. К этому времени я уже выбыла по возрасту из комсомола, а в партию после правления Хрущева и Брежнева вступать не торопилась. Но чтобы стать заместителем декана, нужно было быть членом партии.

Было над чем задуматься, посоветовалась с папой, с биофаковскими коммунистами, которым доверяла – Мариком Асланяном и Германом Гапочкой. Папа был сдержан, сказал, что не следует отождествлять наших руководителей, которых он не уважал, с партией. А ребята сказали, что будет неплохо, если в их команде появится единомышленник. Участь моя была решена – вступила в партию. Даже представить себе раньше не могла, что решать этот вопрос будет нелегко. Рекомендацию мне написали Марик и Ваня Губанов. Сначала со мной беседовали на нашем парткоме, где интересовались, занималась ли я когда-нибудь административной работой, и были удивлены, когда я ответила отрицательно, но сказала, что много занималась комсомольской работой и самодеятельностью. Это почему-то очень возмутило преподавательницу с кафедры ВНД. Выступил Ванечка Губанов, сказав, что знает меня с первого курса и что я активный честный человек. Потом было партсобрание, где меня приняли кандидатом в члены партии. Предстояло пройти собеседование и утверждение решения собрания в Парткоме МГУ. Я думала, что будут спрашивать о моих соображениях относительно предстоящей работы в деканате. Вместо этого меня спросили, когда была основана газета «Правда», чем повергли в полное смущение, и я не смогла ответить на этот вопрос. Потом спросили, какую газету я выписываю, и, узнав, что не «Правду», а «Комсомолку» возмутились. Я уж подумала, что мой прием не состоится. Однако, в кандидаты меня приняли и назначение на должность заместителя декана Биофака утвердили. И пять с половиной лет, с января 1975 по июнь 1980 года я выполняла эту работу.

В учебной части деканата было шесть женщин-инспекторов, каждая отвечала за какой-нибудь курс и еще за один из разделов учебного процесса – практику, распределение выпускников и т. д. Одна занималась составлением расписания, выделяла аудитории для разных мероприятий.

Честно говоря, я имела весьма смутное представление о том, чем я должна заниматься. Никаких инструкций, разъясняющих права и обязанности замдекана, не было. Предыдущий заместитель, Артемий Николаевич Сладков, ввел меня в курс дела одной фразой – «Главное – учебный план».

Первый посетитель, вошедший в мой кабинет, студент Куликов, сразу поставил меня в тупик – он собирался уезжать с родителями в Израиль и хотел получить документы о своей трехлетней учебе на Биофаке. Понятия не имела, сказала, чтобы он зашел через пару дней, я должна уточнить, какие документы выдаются в этом случае. Он ушел, а я стала звонить Гене Гапочке, который несколько лет назад работал заместителем декана Биофака, а тогда служил в Ректорате. Он разъяснил мне, что, прежде всего, необходимо провести комсомольское собрание и исключить парня из комсомола. Потом перечислил все документы, какие следовало отдать этому студенту.

Кстати о документах и разных бумагах, которые курьер каждый день выкладывал мне на стол. Разобраться в них сначала было нелегко – кому и куда первому отвечать, какая из бумаг требовала немедленного ответа и т. п. И опять мне помог Гена, сказав, что о важности документа свидетельствует вторичный запрос. Если такового нет, то спокойно можно его отложить, а потом и выкинуть... Мудрый был Генка.

Без преувеличения можно сказать, что вся жизнь **Германа Павловича Гапочки** (или Гены, как мы чаще его называли), была связана с Биофаком: в 50-е годы он здесь учился, после окончания работал доцентом на кафедре высших растений, летом вел полевые практики, был заместителем декана факультета по учебной работе (1960–70 гг.), потом – помощником проректора МГУ по естественным факультетам. Его любили студенты и сотрудники факультета.

Гена был общителен, остроумен, никогда не унывал, всегда радовал своих друзей и однокурсников веселой шуткой, анекдотом, забавным рассказом. С первого курса он был на нашей сцене – конференсье, исполнитель разных ролей в капустниках и спектаклях.

Для меня Гена был верным другом, всегда приходившим на помощь в трудную минуту. Общаться с ним было легко и приятно. К сожалению, в 2003 году он серьезно заболел и ушел из жизни.

В мои обязанности, как я поняла после очередного разговора с Генкой, входило выполнение и составление новых учебных планов с помощью методической комиссии факультета, организация практик, работа со студентами, расселение студентов в общежития, назначение стипендий,

работа с инспекторами учебной части и учебными секретарями кафедр и многое другое.

Я начала организовывать свою работу. Еженедельно проводила краткие летучки с инспекторами, каждый месяц собирала ученых секретарей всех кафедр, по мере надобности, но не реже двух раз в год, работала с методической комиссией, каждый семестр встречалась с представителями других факультетов (физиками, химиками и др.), ответственными за соответствующую дисциплину на нашем факультете. Составила должностные инструкции для инспекторов и учебных секретарей, которыми они пользуются до сих пор, хотя теперь очень многое изменилось.

Для работы со студентами существовала деканатская комиссия, в состав которой входили представители студентов каждого курса, комитета комсомола, профкома и начальники курсов. Комиссия работала каждую неделю. На нее приглашали студентов по поводу неуспеваемости и дисциплины, обсуждали вопросы назначения стипендии, исключения с факультета, выносили взыскания и поощрения.

Институт начальников курсов появился вскоре после моего прихода в деканат. Их назначал деканат и партком факультета. В их обязанность входила индивидуальная работа со студентами подопечного курса, контроль за порядком в общежитии, помощь в организации комсомольской и профсоюзной работы. С начальниками общалась ежедневно, оперативно обсуждая и решая разные текущие дела. Замечательное было время!

Работать с начальниками курсов было легко и приятно. Во-первых, нас объединяло практически полное единодушие и согласие в понимании наших целей и задач. Во-вторых, сами начальники были хорошие умные ребята. Первыми начальниками были – Иванов, Куст, Капков, Марфенин, Прокофьев, **Женя Иванов**, Евгений Алексеевич – доцент кафедры эмбриологии. Человек спокойный, рассудительный, с чувством юмора. Он умел разговаривать с ребятами – когда надо, строго и взыскательно, а обычно спокойно и доброжелательно. Ребята ему доверяли. Кроме того, у него умелые руки, он прекрасно мастерит изящные деревянные и кожаные украшения – кольца, серьги, броши с камнями и т. п. Он пишет стихи, сочиняет забавные сценарии на местные темы, а в последние годы научился играть на гитаре и петь

сочиненные им и Лидой Паранюшкиной, сотрудницей кафедры, песни, даже выступал на вечере Биофака с группой студентов на концерте в Доме Культуры МГУ. Именно он стал заместителем декана по учебно-воспитательной работе после моего ухода из деканата.

Вот некоторые плоды его творчества:

«Дорогая Нина Николаевна!

Большого занудства Вам, свирепой жестокости, меланхолической хандры и постоянной мигрени я не желаю!

Желаю Вам супертитанического здоровья и долгих лет замдеканского поприща!

С уважением – "Доброжелатель". 29.12.78».

Про исполняющего обязанности замдекана тов. Миронникова (имеется в виду Ременников, который замещал Женю во время его поездки на Кубу):

*Рыдает он, идя в буфетик,
И слезы капаят в жилетик,
Садится в свой кабриолетик,
Покинув грустный кабинетик!*

*В учебной страсти дрогнет он...
Мотор взревет без зажиганья...
В уме напишет Оду он,
В нее излив свои страданья!*

*Заполнив Оду до краев,
(«Ее» прославив в целом свете!)
Домой к Орловой отнесет
И поставит на буфете!*

Е. Иванов. 20.10.83.

Грудь и печаль

*Опять легла печаль шальная
По преимуществу на грудь!
И чтоб ее стряхнуть, родная,
Тебе советую глотнуть!*

*Возьми бургундского бутылку!
Купи соленый огурец!*

*Зажги камин, зажги улыбку!
И не забудь про холодец.
Столы накрыты, ждут кого-то...
Тебя люблю, к тебе лечу!
Еще открыты магазины –
Возможно, водки прихватчу!*

Е. Иванов

Теперь Женя на пенсии, пестует двух внуков.

Коля Марфенин, Николай Николаевич – тогда доцент, теперь профессор кафедры зоологии беспозвоночных. Сдержанный, умный, достаточно строгий принципиальный справедливый человек, хорошо контактирующий с ребятами. Сейчас Коля работает не только на Биофаке, он декан экологического факультета Университета. От ребят, которых он учит в этом университете, слышу о нем только хорошие уважительные отзывы.

Сергей Прокофьев, Сергей Константинович, доцент кафедры ВНД.

Сергей несколько лет был секретарем комсомольской организации Биофака, ребят факультета знал хорошо, умел с ними общаться, уравновешенный, ироничный. Несмотря на некоторую грузность, прекрасно умел танцевать, любил петь в компании, особенно песню «По аэродрому, по аэродрому / Лайнер пробежал как по судьбе...» Работать с ним было интересно.

Стасик Куст, Станислав Васильевич – доцент кафедры вирусологии.

Бывший летчик, человек мужественный и довольно суровый. Обычно спокойный, но иногда очень взрывной и плохо управляемый, однако компанейский, с ребятами был в хорошем контакте.

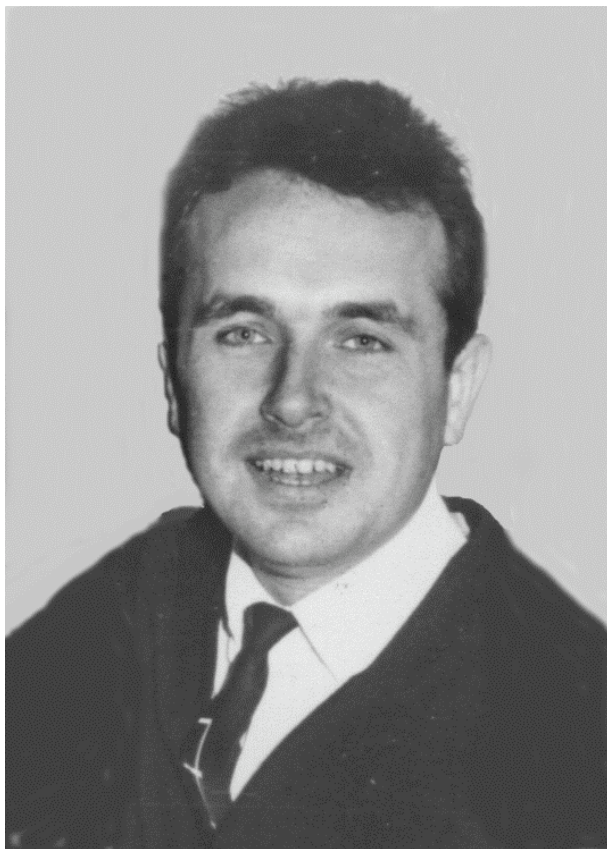
Помню один трагикомический случай, связанный со Стасиком.

После назначения начальников курсов мы отправились в ресторан «Метрополь». Эти походы стали традицией – раз в год отмечать это событие в «Метрополе», где посреди зала был большой бассейн с рыбками. За столом обсуждали наши дела, веселились, вспоминали забавные случаи из нашей хлопотной жизни. И вот в один из таких походов Стас

пригласил меня на танец и так закружил, что едва не уронил в бассейн. Повеселились!

Два года назад у меня собрались начальники, но не пришел Куст. Мы позвонили ему, оказалось, что он серьезно болен, а в прошлом году он скончался.

Грустно.

*Вадим Викторович Абрамов –
давний друг Биофака
и мой хороший товарищ по жизни*

Валя Капков, Валентин Иванович – доцент кафедры гидробиологии. Не знаю, как его утвердили начальником курса, ребят не знал и не стремился с ними возиться, довольно беспринципный человек. Начальником он пробыл недолго. Вместо него начальником курса стал Коля Побединский.

Коля Побединский, Николай Аврамьевич – доцент кафедры гидробиологии.

Он, как и Прокофьев, был года два секретарем комитета комсомола нашего факультета. Многих ребят хорошо знал, работал добросовестно. Но из-за болезни ушел из начальников и некоторое время спустя скончался.

Сергей Ременников, Сергей Миронович – доцент кафедры биофизики. В наш коллектив пришел после ухода Коли

Побединского. Немногословный, педантичный, думающий человек, с ребятами общался активно и плодотворно, соблюдая определенную дистанцию. На наших сборищах раскованный и веселый, иногда писал шуточные стихи по поводу кого-нибудь из нас.

*Когда ты с кафедры идешь
Походкой легкою в буфетик,
Рыдаю я, что ты ушла –
Осиротел наш кабинетик.*

*Ведь нет Орлицы среди нас –
Она теперь в других высотах.
И внучку тешит вместо нас,
Поет на ласковых ей нотах.*

*Но знаешь – любим мы тебя,
В учебной страсти вздрогнем снова,
Поскольку вся в работе ты,
Золотокудрая Орлова!*

С. Ременников. 20.10.83.

Андрей Смуров, Андрей Валерьевич – доцент кафедры зоологии беспозвоночных, пришел в нашу команду после ухода Коли Марфенина. Деликатный, улыбчивый, добрый подвижный парень, ребята его любили и контакт с ними был хороший. Года два назад его курс устраивал вечер встречи, где был, конечно, и Андрюша. Ребята пригласили меня на встречу и очень тепло встретили.

Леня Корзун, Леонид Иванович – тогда доцент кафедры зоологии позвоночных, сейчас он заведующий этой кафедрой. С Леной я работала недолго – он пришел в наш коллектив уже в конце моей работы в деканате. Очень милый, доброжелательный, спокойный, внимательный, тогда совсем молодой человек. Я неплохо знала его жену – Иринку Коломякову, из моего генетического кружка во Дворце пионеров. На нашу кафедру она, однако, не пошла – побоялась (так она мне сказала), закончила кафедру энтомологии. Родила дочку, но очень быстро ушла из жизни...

Естественно, мы не только вместе работали, ходили в общежития, но и отмечали наши дни рождения и праздники.

Это происходило либо в учебной части вместе с

инспекторами курсов, милыми женщинами, помогавшими нам, либо у меня дома.

Трогательные и забавные послания я получала от начальников к Новому году, к 8 марта и ко дню рождения. Не могу не привести некоторые из них.

К 8 марта 1982 года:

*Орлова, свет
Ты наш особый!
Тебе несем любовь свою!
Забудь все горести,
Заботы,
И вновь встречай
Весну твою!*

Ко дню рождения:

*Пять болванов-истуканов
Из граненых пьют стаканов!
Так, здоровья не щадя,
Поздравляют все тебя!
11 мая 1980 года*

К 8 марта 1987года:

*Пусть будет славен дирижер
Весеннего оркестра!
В сердцах начальников лихих
Осталось твое место.*

Все «начальники».

Конечно, я тоже писала начальникам и инспекторам поздравления.

У меня сохранилась лишь одна моя открытка – поздравление с 23 февраля.

«Дорогих начальников – помощников поздравляю с мужским днем – 23 февраля.

Желаю всех благ дома, на работе, в путешествиях, на выездных практиках, в науке и «в личной жизни», если у вас остается хоть минимальная возможность для нее.

Будьте счастливы, спокойны, разумны. Веселого вам праздника! Целую.

Ваша Н. Н. 23 февраля 1979 г.»

Еженедельно собирался деканат – декан, все его заместители, представители общественных организаций – партийного и комсомольского бюро профкома факультета, часто приглашались заведующие кафедр (или их заместители).

Постепенно я знакомилась с заведующими, учеными секретарями и преподавателями кафедр Биофака, а также других факультетов, которые работали у нас, – мехмата, физфака, химфака, общественных дисциплин (истории КПСС, диамата, истмата, научного коммунизма). Ежемесячно собирала по разным учебным делам учебных секретарей.

Работа в деканате занимала много времени, потому что ко мне приходили не только в официальные часы приема, но в любой день, если у кого-либо возникала в этом необходимость. Продолжалась и главная для меня преподавательская и кураторская работа в группе генетиков – постоянное общение со студентами.

Во время моей работы в деканате довольно много времени отнимала работа в методической комиссии по составлению учебных планов для двух отделений Биофака, так как эти планы дважды менялись. Приходилось согласовывать изменения не только с заведующими кафедр нашего факультета, но и с преподавателями физфака, мехмата и химфака, ответственными за математику, физику и химию.

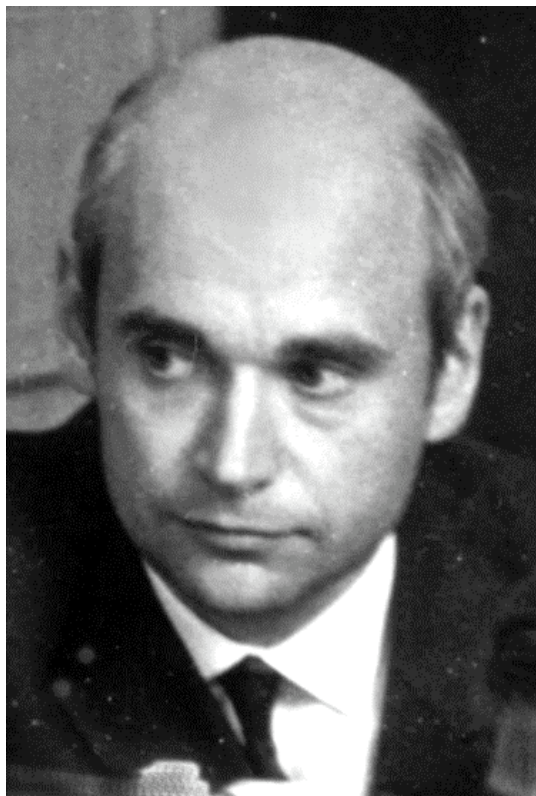
Много времени и сил отнимало ежемесячное, а иногда и гораздо чаще, посещение общежитий. Это – главное здание, где жили старшекурсники, и филиал дома студентов (ФДС-4), находящийся за кинотеатром «Литва», где жили студенты первых трех курсов.

Первое посещение ФДС произвело на меня удручающее впечатление.

Комнаты на четверых были похожи на плохую казарму – голые, скучно окрашенные стены, которые не разрешалось украшать ничем – ни картинами, ни фотографиями, ни ковриками. В холлах та же картина – голые стены. Не общежитие, а тоска зеленая (или желтая, в зависимости от

цвета стен). Особенно от этой унылости страдали девочки, ведь дома почти у всех из них был свой уголок, который каждая украшала по своему вкусу.

Пришлось не раз обращаться к начальнику общежитий Чибинову, доказывать и просить, чтобы разрешили как-то украсить ФДС, приблизить его обстановку к домашней. Наконец, удалось добиться того, что на стены комнат, тем,

*Мой друг Володя Сперантов –
физик, поэт, музыкант*

кто хотел, разрешили прикрепить обои и на них развешивать фотографии, картинки и пр. В холлах двух этажей ребята разрисовали по одной стене. На одном этаже студент Гриша Бойко нарисовал чудесную яркую картину – по уходящей вдаль дороге шел мальчик с развевающимися волосами, вдоль дороги росли необыкновенные экзотические растения и над всем этим – синее-синее небо...

На другом этаже на стене холла появилось изображение моря, в котором плавали разные красивые рыбы, медузы и другие морские животные, со дна поднимались кораллы и растения.

Не знаю, сохранились ли эти замечательные картины после ремонта где-то в 80-х годах, жаль, если их закрасили.

В общежития ходила часто вместе с кем-либо из начальников курса, чаще мы бывали у студентов 1-го и 2-го курсов, в ФДС. Обычно мы заходили в заранее намеченную комнату, куда быстро собирались ребята из других комнат, и начинался разговор о проблемах, которые возникали у ребят.

Иногда ходили к ребятам, чтобы рассказать им что-нибудь интересное. Один раз я приходила к студентам своей генетической группы и рассказывала им родословную А.С. Пушкина. Бывало и так, что ребята приглашали меня и начальника курса и куратора группы в гости на день рождения или свадьбу. Тогда накрывался праздничный стол, дарили подарки. Конечно, в общежитии был сухой закон, но в такие праздничные дни мы вместе с ребятами выпивали по рюмке какого-нибудь вина за здоровье и процветание именинника или молодоженов.

Но бывало и по-другому. Мы знали, что некоторые ребята, чаще всего те, кто поступил в МГУ после армии, частенько пьянствуют в общежитии. Но выявить этих пьянчуг никак не удавалось, так как они, зная, что за пьянки могут вылететь из университета, когда пили, запирались в комнате и на стук не отзывались. А привлечь коменданта, брать запасной ключ и отпирать дверь было противно. Правда, некоторые из пьянчуг рано или поздно попадались и тогда наказывались и даже исключались из МГУ.

Однажды мы с Женей Ивановым, тогда начальником первого курса, как обычно, после занятий пришли в ФДС проведать ребят. Когда мы вошли в здание, то увидели испуганную девочку, которая бежала к коменданту и громко кричала, что на 3-м этаже драка. Девочка была с Биофака, а на 3-м этаже жили наши ребята. Не раздумывая, я побежала на этаж, за мной бежал Женя и уговаривал не торопиться – мало ли, кто там дерется.

Прибежав на этаж, мы застали такую картину – двое сильно пьяных парней с 4-го курса кафедры зоологии позвоночных, всерьез дрались, так что у одного лилась кровь из носа, у другого была разорвана на груди рубаха...

Я стремительно подбежала и встала между ними. От неожиданности они перестали биться и стали что-то невнятно объяснять. Мальчишек этих я, естественно, знала – это были Грачев, или Грач, как звали его ребята, и Михайлов. Как выяснилось, они дрались из-за девицы, поступившей к

нам с рабфака – был такой специальный набор ребят, отработавших 2 года на производстве.

Драка прекратилась, ребят я вызвала на деканатскую комиссию, где они по общему согласию всех членов комиссии были представлены к отчислению.

Оба отправились служить в армию.

Спустя два года на перемене в аудиторию, где я вела занятия, вошел высокий, стройный, подтянутый красивый парень. «Узнаете меня, Нина Николаевна?» – спросил он, «Конечно», – ответила я. – «Ты Грачев». «Я пришел, чтобы поблагодарить Вас», – сказал он. «За что?» – удивилась я. «За то, что вы тогда исключили меня из университета, если бы этого не произошло, я бы спился». Вот это да! За такое меня еще никто никогда не благодарил!

Он рассказал, что два года отслужил в Германии, о многом думал, многое понял и теперь хочет восстановиться на факультете, чтобы продолжить учебу. Его желание и просьбу о восстановлении я и наша деканатская комиссия, естественно, поддержали. Позже появился и Михайлов, отслужив свой срок на Дальнем Востоке, с той же просьбой о восстановлении. Оба вернулись на кафедру и благополучно ее окончили.

Вообще исключали из университета не часто, ведь большинство ребят любили биологию и прилично учились. Причем исключали за большие провинности – за три двойки после пересдач по одному или нескольким предметам, за пьянство и хамское поведение в общежитии и воровство.

Запомнился один случай. Одна из девушек, поступившая к нам по набору из Киргизии (по набору присылали ребят из республик, сдавших хорошо экзамены у себя в республике), украла у своей соседки-иностранки, с которой жила в одном блоке в главном здании, какие-то вещи. Иностранка сообщила об этом, и деканатская комиссия приняла решение об отчислении за недостойное поведение.

Вскоре ко мне на прием пришел ее отец – грузный мужчина со значком Депутата Верховного Совета СССР на лацкане пиджака. Он пытался убедить меня, что эта кража – недоразумение, ошибка и что он, депутат не верит, что его дочь – воровка.

Ссылка на его депутатство не помогла, девчонку исключили.

Довольно неприятная история была где-то в 80-х годах с ребятами из набора Грузии. Обычно присылали к нам на

учебу от республик 1–3 человек. В тот год из Грузии приехало человек 8–10, в основном это были дети разных начальников – депутатов, секретарей райкомов и горкомов партии, деканов и преподавателей ВУЗов. Многие ребята сразу стали учиться старательно, с интересом, хотя не всем учеба давалась легко.

Но некоторые из них решили, что в МГУ можно побездельничать, коль скоро они так легко сюда попали, тем более что у них высокопоставленные родители – в Грузии это имело немалое значение.

Так с одной из девушек этого набора произошла неприятная, почти криминальная история. Училась она плохо, иногда пропускала занятия, а когда дело дошло до экзаменов, то она трижды не смогла сдать свой первый экзамен по зоологии беспозвоночных, и была представлена к отчислению вместе с несколькими мальчишками из того же набора. Спустя день или два ко мне на прием пришла женщина, представившаяся журналисткой, аккредитованной при Представительстве Грузии в Москве. Она рассказала, что у девочки, которую мы представили к отчислению, тяжело болен отец, у него рак, и девочке приходится быть при нем, ухаживать за ним и страдать по этому поводу, так что времени на учебу и подготовку к экзамену у нее практически не было.

Я выразила свое сочувствие и сказала, что, учитывая эти обстоятельства, факультет разрешит еще одну пересдачу, пусть она готовится. Примечательно, что во время разговора журналистка предлагала мне билеты в разные театры, приглашала на концерты в Представительстве. Еще через день ко мне пришел доцент кафедры зоологии беспозвоночных, мой приятель, Стасик Левушкин, и сообщил, что к нему тоже приходила та же журналистка, рассказывала о бедственном положении студентки и тоже почему-то предлагала билеты на спектакли и концерты. Это как-то настораживало. Наконец, появилась и студентка, чтобы взять разрешение на пересдачу. Я, естественно, спросила, как себя чувствует ее больной отец. Она удивилась, сказала, что отец здоров и чувствует себя отлично. Стало ясно, что история, рассказанная журналисткой, – ложь. А потому экзамен нужно принимать, как у всех, без скидок на «смертельно больного отца». Результат – очередная двойка. Наше представление на отчисление пошло в ректорат. Но на этом история не закончилась.

12 января 2006

Начало **19⁰⁰**

**Центральный дом
литераторов**

Большой зал

Адрес: Большая Никитская, 53
метро «Баррикадная»

ДМИТРИЙ СУХАРЕВ

«И если петь, то с вами вместе»

Вместе с юбиляром
в вечере примут участие:

Марина Бородицкая
Александр Городницкий
Александр Дулов
Вадим Егоров
Юлий Ким
Татьяна Ларина
Сергей Никитин
Виктор Фридман
Олег Чухонцев

а также

участники ансамбля
«Песни Нашего Века»
и трио **«Брют»**

Билеты в кассе ЦДЛ:
тел. **291-63-16**

Афиша

Центрального дома литераторов

Примерно через неделю меня вызвал декан и показал мне письмо журналистки, присланное на имя проректора МГУ и переданное М.В. Гусеву для рассмотрения и вынесения решения по поводу изложенного в письме.

А написано в нем было, что заместитель декана биологического факультета МГУ по учебно-воспитательной работе Н.Н. Орлова – грубая, жестокая женщина, плохо относится к ребятам, особенно к тем, кто приезжает из

республик, не принимает во внимание ни болезнь родителей, ни трудности с языком и т. д. и т. п. Ей бы (это мне) служить в концлагере, а не в университете! Возмущению моему не было предела. Я тут же написала письмо в ректорат, изложив все, как было на самом деле. Кроме того, тут же позвонила в Грузинское Представительство, объяснила ситуацию и потребовала, чтобы призвали журналистку к порядку. Мне сказали, что они разберутся, а спустя еще несколько дней глава представительства сам позвонил мне извинился и сказал, что журналистке отказано в аккредитации и она отправлена в Грузию. Но нервы мне вся эта история потрепала изрядно.

А ту девчонку, двоечницу чьими-то стараниями перевели на факультет Почвоведения.

Еще зимой начиналась подготовка к летним практикам. Готовили базы, составляли планы, выделяли преподавателей, назначали начальников практик и т. п. Во время моей учебы на Биофаке были практики в Чашниково, где занимались студенты первого курса, в Звенигороде – практика второго курса, несколько зоологических кафедр проводили практику на Белом море (Беломорская биологическая станция – ББС). В 70-е годы появилась база в Пущино для биофизиков, а также возникла необходимость найти новую базу для проведения практики студентов зоолого-ботанического отделения, вместо Чашниково.

Поиском нового места практики занялись мы с **Вадимом Тихомировым**, который к тому времени был уже доктором биологических наук, заведующим кафедрой высших растений. В то время сложились хорошие, плодотворные, рабочие отношения ряда кафедр нашего Биофака с Мордовским госуниверситетом. Именно туда мы и направились с Вадимом.

С поездками в Мордовию связаны три происшествия, два неприятных, почти трагических, и одно забавное.

Начну с плохого. Для выбора места практики нас повезли сначала под город Темников, в заповедник. Посмотрев место и подъезды к нему, от заповедника мы отказались и поехали обратно в Саранск. Ехали на двух машинах. Я сидела рядом с водителем «Жигулей», доцентом кафедры ботаники Саранского университета, сзади сидела Саша Львова, преподавательница кафедры МГУ, зоолог. Дорога была типично российская – рытвины да ухабы. Возвращались мы

уже под вечер и водитель, объезжая рытвину или какую-нибудь промоину, говорил: «Если бы мы сейчас попали в эту рытвину, то вылетели бы на обочину», или: «Если бы мы не заметили этой промоины, то машина могла бы перевернуться» и т. п. Дорога длинная, темно. Наслушавшись этих его заявлений, я решила на всякий случай пристегнуться ремнем безопасности, до этого ездила без него. Где-то в первом часу ночи въехали в Саранск. Тут уж доцент осмелел и поехал на скорости, с которой в городе ездить не полагается – примерно 80 км в час. До гостиницы оставалось проехать минут 20. И тут случилось то, чего и следовало ожидать – наш «Жигуль», не притормаживая, влетает на главную улицу, а навстречу ему примерно на той же скорости несется такси. Произошло столкновение – удар пришелся в левую фару. Фара, передний бампер и часть мотора разбились, а ось удара пришлась на меня – я летела в лобовое стекло, от прямого удара спас пояс. Не знаю, почему, но во втором часу ночи оказалось на улице много мужчин, которые вместе с мгновенно приехавшей милицией стали обсуждать аварию. Милиционер, прежде всего, спросил, есть ли пострадавшие.

Я с трудом, держась за ушибленную грудь, вылезла из машины и сказала, что пострадавших нет. «А с Вами что, почему вы согнулись? Были на ремне безопасности?» Услышав положительный ответ, он сказал, что тогда все понятно: «Вас раздавило». Пока милиция и шоферы разбирали аварию, мы с трудом доковыляли до гостиницы. Утром меня направили в поликлинику, где с помощью рентгена установили, что у меня трещина на ребре. Как говорили в какой-то кинокомедии: «Ничего себе, сходили за хлебушком!» А после приема у врача мы сели в другую машину (прежняя уже ходить без ремонта не могла) и снова поехали выбирать место для практики. У меня за пазухой было мокрое полотенце, на которое время от времени я лила из бутылки холодную воду. Мораль – с тех пор я всегда пристегиваюсь ремнем безопасности.

А место выбрали прекрасное, на берегу чистой речки Суры, в лесу, где было множество интересных растений, в частности, большие куртины Венериного башмачка.

Летом началась новая практика, были экскурсии по лесу, след в след, чтобы не затоптать что-нибудь интересное, ходили на меловые отложения, где росли растения, которых

нет в наших местах. При этом я передвигалась в носках, так как приехала на практику в босоножках на небольших каблучках, но не могла удержаться, чтобы не пойти на экскурсию с Вадимом, как никак мой первый учитель ботаники. Радостно произносила названия известных мне растений, Вадим только ухмылялся – откуда, мол, такие познания, – «А учитель-то кто!»

Где-то в середине практики решили устроить спортивные соревнования между студентами и преподавателями – бег, прыжки, игра в волейбол и футбол и пр. В числе прочих было соревнование по гребле на речке Суре. В лодку преподавателей сел Вадим. Не успели лодки отойти от берега, как лодка Вадима перевернулась, причем уже была приличная глубина. И тут мы поняли, что происходит что-то неладное – Вадим то появлялся над водой, то исчезал, и почему-то не плыл к берегу. Все затихли и, честно скажу, растерялись.

И тут прямо в одежде прыгнул в воду студент, поступивший на Биофак после армии, и потащил Вадима к берегу. Оказалось, что как это ни странно, Вадим не умел плавать. Слава Богу, все закончилось благополучно, Вадима и студента (насколько я помню, это был Толя Мирских) напоили разведенным спиртом, накормили и уложили спать. И долго обсуждали это происшествие и находчивость Толи.

Происшествие, о котором вспоминаю с улыбкой, произошло, когда мы с Вадимом первый раз поехали до приезда студентов на место практики. Нас сопровождали декан факультета и преподаватели Саранского университета. Они предложили по дороге сделать привал и поесть ухи из петуха. Мы удивились и согласились. Приехали на берег реки, одни мужчины разожгли костер, другие пошли ловить рыбу. Наконец, костер разгорелся, вода закипела, рыба была наловлена и почищена. Каково же было наше удивление, что в кипяток, прежде всего, был опущен петух и лишь когда он сварился, его вынули и положили в бульон рыбу! Уха была отличная! С Вадимом на долгие годы сложились теплые дружеские отношения.

А еще Вадим писал хорошие стихи.

*Я не знаю, случилось ли Вам
С зеленеющих тонких травинок
Собирать иногда по утрам*

*Бриллианты блестящих росинок.
Я успел их немало собрать,
А теперь хоть увидеть мечтаю...
Я Вам счастья хочу пожелать –
Бриллиантовых рос Вам желаю.
1980 г.*

*Улетели стрижи.
В пойме дремлют стога.
Очень поздними стали рассветы.
Разукрасился лес,
И дымятся луга
Паутинками бабьего лета.
1994 г.*

*Под звон сосулек с крыши
Все яростней и выше
Ликующее солнце над землей.
Грачиные тревоги,
Раскисшие дороги
В который раз зовут меня с собой.
Несчитанные звезды,
Немерянные версты
Не пройденных тропинок и дорог,
То солнце, то ненастье
Отчаянье и счастье,
Тетрадки ненаписанных стихов...
Но, значит, все же живы
Весенние мотивы,
По-прежнему в маршруты нас влечет,
И мы живем, как прежде,
В мерцающей надежде,
Что папоротник где-нибудь цветет.
1985 г.*

С Вадимом у меня сложились теплые дружеские отношения, он выразил сожаление по поводу моего ухода из деканата, сказав, что там я была нужна и на месте.

Практика в Мордовии дала возможность не только познакомиться с ее прекрасной природой, но и побывать в Болдино, у Пушкина. Мне вообще повезло – я была почти во всех пушкинских местах – в Михайловском, в Тригорском, в

Петровском, в пушкинских горах на его могиле, в Старом Петергофе, в Пушкинском лицее, в Павловске, в квартире на Мойке в Ленинграде, в Бернове и Малинниках в Тверской губернии, в Кишиневе и Одессе.

В Звенигород как заместитель декана я приехала в первый раз летом 1975 года, после 20-летнего перерыва. Ощущение было странное и грустное – все изменилось. Вместо палаток, где мы жили на практике, стояли домики, лес вокруг стал как-то реже, вокруг территории ЗБС появились дачные поселки. На нижних дачах, недалеко от Москвы-реки, устроили по милости одного горе-профессора зоологии участок с маленьким бассейном, куда поместили десятка два пингвинов. Смотреть на них было тягостно – стояла жара, пингвинам явно не хватало воды, им было душно. Спустя год пара пингвинов сбежала из загона, они доковыляли до реки и поплыли к Звенигороду, где их, бедолаг, выловили милиционеры и вновь вернули на ЗБС. Как и следовало ожидать, этот «эксперимент» закончился плачевно – все пингвины погибли.

В Звенигороде проводили не только зоологическую и ботаническую практики, позже там же мы вели небольшую генетическую практику со студентами нашей кафедры. В Звенигород ездила ежегодно.

В середине июня 1976 года я впервые попала на Беломорскую биологическую станцию (ББС). 8 июня скончался мой папа, состояние мое было подавленное, я с трудом выполняла свою работу. Именно в это время, после седьмого дня со дня смерти отца, меня пригласил наш декан и попросил съездить на ББС, посмотреть, как там идут дела и узнать, не нужна ли там какая-нибудь помощь. Думаю, что Михаил Викторович, отправляя меня на ББС, хотел помочь мне справиться с моим горем.

На поезде доехала до станции Пояконда, потом на катере меня привезли на ББС. Когда я вышла на пирс и посмотрела с залива на Биостанцию, то была ошеломлена и очарована красотой природы и самой станции. Она стояла на камнях – с одной стороны большое здание лабораторного корпуса, с другой – домики преподавателей и студентов, лесопилка, площадка для игры в волейбол. А у берега и пирса – настоящие морские волны, гладкие камешки. И все это было освещено ярким и веселым солнцем.

Меня встретил директор ББС, **Николай Андреевич Перцов**, фронтовик, замечательный человек, энтузиаст, умница, организатор и вдохновитель всего, что делалось на ББС. Меня поселили в маленьком домике. С утра началась экскурсия по станции, рассказы о том, что здесь было раньше, как все это строилось, как создавались первые стройотряды из студентов, преподавателей, сотрудников и даже школьников, как прокладывалась линия электропередач по камням и бездорожью. Работали, естественно, бесплатно.

Ходила я на занятия, было интересно. Посетила и замечательную баню. После занятий иногда играли в волейбол. Помню, как однажды заигрались до того, что ко мне подошел Николай Андреевич и тихонечко сказал, что уже три часа ночи, а завтра рабочий день. А на небе – яркое солнце и ни малейшего намека на темноту, на ночь. Впервые на берегах Белого моря в лесу увидела морошку, но попробовать ее не удалось – она еще не созрела.

Зато отведала замечательную, выловленную в море, свежую треску, какой никогда не пробовала в Москве. На лесопилке, на стройке, на кухне, на уборке территории – всюду в свободное от занятий время – трудились студенты и дежурные преподаватели, трудились добровольно, старательно. Таков был стиль жизни на ББС, который шел от директора станции – он сам был везде и всюду и всюду успевал.

С особым чувством вспоминается пение на Беломорской биологической станции (ББС). Вечером (правда, в июне там почти как днём – белые ночи) после работы и учебных занятий собирались студенты, преподаватели и сотрудники биостанции.

Приходил директор ББС, любимый всеми Николай Андреевич Перцов, приносил аккордеон, и начиналось! «Море Белое, словно чаша вина, на ладони моей качается». А дальше над морем летели, звучали, смеялись и плакали песни военных лет, биофаковские и привезённые из экспедиций с разных концов земли нашей песни...

Обстановка на ББС была настолько домашняя, душевная, что уезжать оттуда не хотелось. Но все кончается, закончилось и мое пребывание на Беломорской станции. Белое море, атмосфера практики и удивительная природа Севера частично сняли мою тоску об ушедшем отце.

На практику в Пушкино ездила несколько раз. Город Пушкино стоит на берегу Оки, город небольшой, но красивый, зеленый и чистый.

Знакомилась с лабораториями разных институтов, в которых ребята осваивали новые и новейшие приборы, установки и методы, собирали материал для курсовых и дипломных работ. Кстати, многие студенты после окончания Биофака оставались в Пушкино по распределению и работают там до сих пор.

Одна из поездок была очень печальная и нервная. В Оке утонул польский студент, рослый, сильный, спортивный парень, учившийся на нашем факультете. Для выяснения обстоятельств его гибели я и Сережа Чепурнов, замдекана по работе с иностранцами, приехали в Пушкино. Было разбирательство происшествия, разговор с родителями студента, проводы. Страшно и нелепо, когда погибают такие молодые, сильные люди.

Кроме общекурсовых практик на факультете были и кафедральные практики – зональные у ботаников, экспедиционные у зоологов и ихтиологов, а также выездные ознакомительные.

Именно такая выездная ознакомительная практика была у студентов нашей кафедры генетики. Со студентами после третьего курса мы ездили в Ленинград на кафедру генетики, лаборатории которой находилась в Старом Петергофе. Там же были и на полях, где изучали расщепление во втором поколении от скрещивания разных форм ржи и других растений. И там же ребятам показывали разные породы кур, и результаты их скрещиваний.

Эта практика, на мой взгляд, была хороша и полезна не только потому, что знакомила ребят с теми направлениями генетики, которых не было на нашей кафедре, но и с замечательными людьми, преданными науке – Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым – заведующим кафедрой генетики ЛГУ, Виктором Георгиевичем Смирновым, Леонидом Зиновьевичем Кайдановым, Сергеем Кожиным, Светланой Петровной Соснихиной, Маргаритой Михайловной Тихомировой и многими другими.

Кроме того, студенты познакомились с Ленинградом, что тоже входило в программу практики. Они ходили в Эрмитаж, Русский музей, квартиру А.С. Пушкина на Мойке,

Кунсткамеру, ездили по пригородам Ленинграда – в Старый и Новый Петергоф, Ломоносов, осматривали дворцы и парки, посещали Пушкинский лицей и пр.

Другая выездная практика генетиков проходила тоже летом по маршруту – Аскания Нова – Краснодар – Крым – Никитский ботанический сад – Одесса – Кишинев. В каждом из этих мест ребята знакомились с тем, как обстоят дела с развитием разных направлений генетики, и как идет внедрение ее достижений в практику, а также достопримечательностями этих мест. Например, в Кишиневе мы были на квартире, в которой жил в изгнании А.С. Пушкин.

Самым тяжелым в деканатской работе был период приема на факультет – конец мая–июнь. Подготовка к приему начиналась еще в конце зимы: назначали секретарей приемной комиссии, в том числе и ответственного секретаря, членов приемной и экзаменационной комиссий, составляли и обновляли вопросы экзаменационных билетов, готовили техническое обслуживание и т. п.

Абитуриенты тогда сдавали четыре экзамена – математику, русский язык (письменные экзамены), химию и биологию (устно). Так что в приеме участвовали преподаватели еще трех факультетов – мехмата, литфака и химфака. Председателем приемной комиссии был декан, его заместителем была я.

Перед каждым экзаменом проводили консультации в ББА, куда приходило много народа – абитуриенты, их родители (!), преподаватели, которые участвовали в экзамене. Конкурс в те годы был достаточно высок – 10–18 человек на место. Работать было сложно, родители осаждали приемную комиссию просьбами как-нибудь помочь их детям в поступлении (!), помочь написать апелляцию по поводу сданного экзамена. Особенно много народа собиралось в дни сдачи и в дни объявления результатов экзамена. Дело доходило до того, что иногда, чтобы не встречаться с чересчур настырными родителями, секретари и я поздно вечером уходили домой через окно, благо комиссия находилась на первом этаже. Иногда, правда, достаточно редко, некоторые родители, выловив кого-нибудь из секретарей приемной комиссии, даже предлагали взятку. Но тогда, слава Богу, взятки были не в моде и взяточники серьезно карались... Вспоминаю один курьезный случай.

Прихожу однажды в приемную комиссию и вижу смущенные лица членов комиссии. В чем дело? Оказалось, что утром зашел мужик, который и раньше заходил по поводу приема его дитяти, молча положил на стол большой сверток и быстро удалился. Что это? Сейчас, наверное, подумали бы, что это взрывное устройство. Тогда об этом даже не знали и поэтому просто развернули сверток, в котором оказалось несколько больших, хорошо завяленных лещей. Как быть? Мужик исчез и где его искать – неизвестно. Позвонила Гапочке, сказала, что в комиссию принесли стран-

*И снова концерты и песни.
Выступает Дмитрий Сухарев*

ную взятку, что нам делать? «Лещи? Хорошие? – засмеялся Гена, – Так съешьте их поскорее, да с пивом, «взятка» исчезнет навсегда и вряд ли кто-нибудь будет искать ее в ваших желудках, и мне кусочек оставьте». Так и сделали.

Основным экзаменом, который отсеивал обычно до 30% абитуриентов, был экзамен по математике. После каждого экзамена проводился просмотр работ, каждый абитуриент мог посмотреть свои ошибки. Потом работала апелляционная комиссия, которая могла повысить (или понизить!) оценку.

Самым нервным был экзамен по биологии, ведь оставался один шаг до зачисления, а, кроме того, почти каждый год на факультет поступали дети наших сотрудников.

Наконец, экзамены сданы, оценки по биологии и проходной балл известны. Поступившие ликовали, найдя себя в списках принятых, не поступившие хмурились, некоторые плакали и уходили.

Как правило, после экзаменов оставалась небольшая группа ребят, не добравших одного балла. Обсудив их школьные характеристики и наши впечатления, полученные от общения с ними, мы составляли небольшой список (7–10 человек), куда обычно входили и некоторые дети сотрудников, и с ним я направлялась к заместителю министра высшего образования Николаю Сергеевичу Егорову, а потом

*Поет мужской ансамбль Биофака МГУ.
2002 год*

в Ректорат, с просьбой добавить соответствующее число мест для Биофака. Как правило, начальство добавляло эти места. Кроме абитуриентов-школьников, на факультет зачисляли ребят, пришедших после службы в армии и не получившие двоек, на тех же условиях зачисляли слушателей рабфака.

После экзамена по биологии преподаватели, принимавшие экзамен, приносили нам абсурдно-смешные ответы абитуриентов, которые помогали нам расслабиться и повеселиться. Читайте!

– Спасаясь от животных, употребляя их в пищу, растения вышли на сушу.

– Кровь выполняет роль гидростатического скелета, которая проявляется при напряжении полового члена у мужчин...

– Типичный представитель плоских червей – ЛАМИНАРИЯ.

– Пингвин не летает, потому что у него много жира.

Н.Н. Орлова

ТЫ В СЕРДЦЕ МОЁМ, БИОФАК

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И АГИТПОХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА БИОФАКЕ
(1949 – 2004)**

ВОСПОМИНАНИЯ,
ДНЕВНИКИ,
ПИСЬМА,
ФОТОГРАФИИ

Москва
2005

*Титульный лист книги,
посвященной художественной самодеятельности Биофака.
Ответственный редактор книги –
Н.Н. Орлова (Визжилина)*

- У пингвина во время сильного ветра пуховики сбиваются в одно место.
- У осьминога рот – то же анальное отверстие.
- Негры отличаются белоснежными глазами.
- Азиатская раса отличается узкими косыми глазами, что связано с тем, что они вынуждены были смотреть вдаль за своими стадами.
- Птица РЯПУШКА.
- Семя – орган полового размножения.
- Фенотип, генотип.
- У аскариды три губы – одна верхняя и две сбоку.

***Нина Николаевна Орлова
за работой над рукописями книги
«Ты в сердце моём, Биофак»,
изданной к 250-летию
Московского Государственного Университета***

– У птиц, обитающих в парках, садах, лугах хорошо развит перьевой покров.

31 августа или 1 сентября проводилось первое торжественное собрание новых студентов, на котором декан рассказывал о факультете, его традициях, кафедрах, практиках. Выступали преподаватели и представители общественных организаций. Начиналась учеба.

За пять с лишним лет работы в деканате, как мне кажется, я вполне освоила основные свои обязанности, со студентами контакт был вполне хороший, но были и неприятные моменты. Это довольно частые, спускаемые сверху распоряжения о снятии с занятий определенного количества студентов и направлении их на Ленинский проспект к определенному месту для встречи каких-либо иностранных представителей, в то время часто приезжавших в СССР.

Были и столкновения и неприязнь со стороны некоторых представителей нашего парткома. В какой-то год декан, уйдя в отпуск, назначил меня его заместителем по всем вопросам, потому что в это время остальные заместители, кроме зама по административно-хозяйственной работе, по разным причинам отсутствовали. Именно в это время из Ректората пришло распоряжение выделить лучших преподавателей и сотрудников на награды за хорошую работу в связи с каким-то юбилеем.

Я тут же пригласила секретаря парткома В. Долгова и его заместителя П.В. Матекина и предложила разослать на кафедры распоряжение Ректората, с тем, чтобы лучших людей назвали кафедры.

Против этого предложения выступил П. Матекин, сказав, что они никогда так не делали, а выдвигали кандидатуры сами. Тут же предложил от деканата мою кандидатуру, явно провокационно. Я выразила несогласие и настояла на своем предложении о выдвижении кандидатур кафедрами. Через несколько дней мы получили нужную информацию от кафедр, обсудили ее, кое-что поменяли в списке и отправили его в Ректорат.

Второе столкновение было более серьезным и неприятным. Шло заседание партийного актива, на котором обсуждались вопросы работы факультета на приемных экзаменах. На нем я выступила с критикой действий, вернее, бездействия парткома, особенно секретаря, во время приема. В течение моего выступления Матекин дважды прерывал меня, заявляя, что я нарушаю устав партии. Я все-таки договорилась, но никак не могла понять, в чем мое нарушение. Придя домой, открыла Устав, внимательно его перечитала, но никаких нарушений в своем выступлении не обнаружила. Поскольку оба эти события произошли в одно время, я попросила пришедших ко мне членов парткома объяснить, в чем мое нарушение и дала им Устав. Долгов сразу сказал, что

забыл, в каком месте это написано и попросил Матекина показать мне, какой пункт Устава я нарушила. Матекин полистал Устав и ткнул на страницу, где было написано, что нарушением Устава является разглашение партийной и государственной тайны... Я взорвалась от возмущения – критика секретаря и любого члена партии приветствовалась в Уставе, а партийных и государственных тайн я не касалась. «Не волнуйтесь, пойдете в партком, я вам покажу документы», – сказал Долгов. Пришли в партком, где Долгов, открыв сейф, стал доставать документы с грифом «секретно», которых я никогда в глаза не видела. «Наверное, мы по-разному понимаем этот пункт Устава», – сказал Долгов, «Я думаю, вы просто его не понимаете!», – сказала я и ушла из парткома.

Хотела жаловаться в ЦК партии, но Марлен Асланян, узнав, что при разговоре были только я, Долгов и Матекин, посоветовал не обращаться в ЦК, так как они смогут сказать, что я их оклеветала. Такой же совет дал мне и Александр Иванович Голяков, отец жены моего брата, работавший в ЦК. Такие были времена...

Весной 1980 года я решила оставить работу в деканате, к тому времени успела приобрести гипертонию, было много работы над книгой «Генетический анализ», устала изрядно. Однако декан отказался подписать мое заявление, отослал меня решать этот вопрос в Ректорате. Ректором тогда после гибели Рэма Викторовича Хохлова, был А.А. Логунов, попасть на прием к которому было трудно.

Стала систематически ходить в Ректорат со своим заявлением. Любопытно, что когда я пришла в первый раз и обратилась к секретарше ректора, пожилой даме, работавшей в этой должности еще во времена моей учебы на Биофаке при ректоре И.Г. Петровском, она спросила, кто я и по какому вопросу иду к ректору.

Я назвалась и объяснила суть моего заявления. Она, услышав мою фамилию, засмеялась и сказала: «Так это Вы – зверь Орлова?», чем повергла меня в крайнее изумление. Она, смеясь, сказала, чтобы я не огорчалась. Дело в том, что на прием к ректору часто пытается попасть студент нашего факультета, Стоянов, которого мы дважды исключали за систематическую неуспеваемость, и он считает, что «если бы не зверь Орлова», его бы не исключили. Первый раз его

восстановили благодаря нашему декану, который очень не любил исключать студентов.

Наконец, я попала к ректору. В тот день у него был проректор по естественным факультетам И. Тернов, который достаточно хорошо меня знал. Ректор поинтересовался, почему я хочу уходить, «Ведь, насколько я знаю,— сказал он,— по мнению проректора, работаете Вы успешно». Я сослалась на сложности со здоровьем, гипертонию и пр. Ректор согласился подписать мое заявление, сказав при этом Тернову, чтобы в приказе о моем уходе мне была объявлена благодарность и выдана премия за хорошую плодотворную

*Ген Шангин-Березовский – выпускник Биофака,
композитор и автор многих известных песен
незадолго до своей кончины*

работу. С тем я и ушла, поблагодарив ректора. Вскоре вышел долгожданный приказ, но без благодарности и без премии. Любопытно, что вскоре и Гена Гапочка ушел из Ректората, и

с ним все было так же, как со мной – ни благодарности, ни премии.

В годы работы на Биофаке мне пришлось преподавать генетику в классе физико-математической школы-интерната при МГУ. Это было очень интересно – ребята умные, способные, нацеленные на науку. Они быстро схватывали суть предмета, быстро считали и почти всегда правильно делали выводы. После окончания этой школы на нашу кафедру пришел Сережа Меерсон.

Время работы на Биофаке и на кафедре, наверное, было одним из самых интересных и плодотворных периодов моей жизни. Люди окружали меня в основном симпатичные и увлеченные, студенты замечательные, моральная атмосфера творческая и приятная.

Может быть это не скромно, но скажу, что за это время я получила три грамоты «за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность по подготовке высококвалифицированных биологов», награждена значком Минвуза «Отличник высшей школы», была Победителем соцсоревнования в 1975, 77 и 78 годах и «Ударником X пятилетки» в 1981 году.

Кроме педагогической работы со студентами, несколько лет я вела группы преподавателей, приезжавших к нам со всех концов страны из разных ВУЗов для повышения квалификации – на нашем факультете был еще и факультет повышения квалификации (ФПК), а также неоднократно проводила занятия и читала лекции по генетике для учителей старших классов общеобразовательных школ. За эту работу имею почетные грамоты от Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (в 1974 и 1977 гг.) и Министерства просвещения РСФСР (в 1974 г.)

Время работы на Биофаке знаменательно для меня еще и тем, что я много занималась организацией самодеятельности на факультете и сама активно в ней участвовала. Об этом я подробно написала в нашей книге «Ты в сердце моём, Биофак», поэтому ограничусь лишь перечислением того, что организовала и в чем участвовала сама.

Первое, что я сделала, в апреле 1970 года собрала своих однокурсников, работавших на факультете, и мы организовали встречу нашего курса по поводу 13-летия окончания Биофака. Было славно, душевно. Вспоминали нашу жизнь на факультете, профессоров и преподавателей,

практики. Весело смеялись, разглядывая старые фотографии, где девочки в темных, длинных, ниже колен, юбках, в основном перешитых из старых отцовских брюк или маминых юбок, или, того лучше, в сатиновых спортивных шароварах, в каких-то маловыразительных кофточках.

Мальчики в лыжных брюках и разномастных рубашках – клетчатых ковбойках, гимнастерках, серых косоворотках и т.п. После торжественного собрания, на которое пригласили любимых преподавателей, отправились в ресторан, расположенный на углу Ленинского и Университетского проспектов, где продолжили веселье. Мои однокурсники наградили меня Почетной грамотой, написав, что награждается «неутомимый общественный деятель, один из вождей курса (смешно!), главный организатор вечера встречи выпускников Биофака 1956 года», и все на грамоте расписались. Грамота весьма потрепалась с тех пор, но храню ее, как память.

Почти сразу стала внедряться в факультетскую самодеятельность – ходила на смотры и вечера, на практиках пела наши биофаковские песни и рассказывала о наших замечательных ребятах, походах, смотрах и спектаклях. От слов перешла к делу – в мае 1974 года организовала вечер памяти Ляли Розановой, на котором выступили не только ветераны биофаковской сцены, но и молодые студенты. К этому вечеру организовала свой третий мужской ансамбль, основу которого составляли ребята Братского похода – Сперантов, Москалев, Чепурнов, Черняев, Осипов, Познер, Дмитриев, Иванов и Мунтян – и пришли несколько мальчиков, окончивших факультет позже нас – Вовк, Миттельман, Ермохин, Ефимов и Огнев, а также двое ребят из агитпоходчиков – Кушнарев с истфака и Желтов из какого-то технического ВУЗа.

Осенью того же года устроила творческий вечер Мити Сахарова, на который он пригласил много своих друзей, участвовавших в концерте.

Это были Сергей и Татьяна Никитины, Виктор Берковский, Александр Дулов, поэт Александр Межиров и др.

Весной 1975 года вместе с Сережей Янушкевичем, командором Алтайского агитпохода мы провели вечер 30-летия похода, сценарий которого написал Сергей. Участники похода рассказали о Ляле, ее роли в организации похода, о

наиболее интересных встречах и событиях, об Алтае, исполнили довольно много концертных номеров.

Сергей был известным и уважаемым человеком на факультете. Во время учебы он активно занимался комсомольской работой на курсе, выступал в спортивных соревнованиях и в самодеятельности, он один из организаторов агитпоходов. Аспирантом он возглавлял комсомольскую организацию факультета, был честен и принципиален.

Н.Н. Орлова в китайском саду.

Мне кажется, что все эти встречи и знакомство со «старым» Биофаком произвели на студентов хорошее впечатление, им захотелось продолжить наши традиции.

С 1975 года ежегодно стали проводить вечера первокурсников, где сначала читали шуточный «краткий очерк истории биологии», затем давали концерт, а потом проводили обряд посвящения в студенты, завершавшийся экзаменом первокурсников и «клятвой новопосвященных»:

«Мы, поступившие на первый курс Биологического факультета Московского государственного университета им. Михаила Васильевича Ломоносова, клянемся:

Факультет любить,
Традиции чтить.
Цветы сажать,
Животных не обижать.
Лени не даваться
Сессий не бояться.
Делая науку,
Быть чистыми на руку.
Быть настойчивыми
И морально устойчивыми,
На достигнутом не останавливаться,
ДЕРЗАТЬ!
Клянемся, клянемся, клянемся!»

Посвящение завершалось песнями. Вот часть одного замечательного сонета:

*Достаточно ни месяцев, ни лет,
Лишь часа, чтоб пройдя по коридорам,
Понять, что это лучший факультет,
И всякие сомненья были вздором.*

*Что нет невзгод, а есть одна беда –
На нем не обучаться никогда!*

И еще припев из заключительной песни:

*Жизнь на Планете для нас зародилась,
Это уже не догадка, а факт.*

*Н.Н. Орлова в США
в гостях у своего сына А.О. Орлова.*

Чикаго. 2007 год

*Не забывайте, что ЖИЗНЬ – это БИОС,
Не забывайте, что мы – БИОФАК!*

В конце 1977 года я предложила ребятам дать концерт в знаменитой Таманской дивизии. Представители нашего комитета комсомола, отправились туда, и мы поехали давать концерт, который прошел с большим успехом.

США. Чикаго. 2007 год

В апреле 1977 года в клубе МГУ был вечер старинного русского романса, в котором участвовали лучшие певцы факультета – преподаватели Людмила Гапочка и Циля Сербенюк, а также студенты – Люба Полоцкая, Нина Репина, Боря Ческес и Миша Любимов. Было исполнено много

замечательных классических и современных романсов. Студент Саша Ростовцев, обладавший красивым баритоном, читал прекрасные стихи Н. Гумилева, Вийона и сонеты Шекспира.

Спустя два-три года я вела творческий вечер **Люды Гапочки**, тоже посвященный романсу. Она пела одна и в дуэте с выпускницей химфака Ириной Сухушиной.

Н.Н. Орлова на мостике японского сада. США

Прозвучали романсы Даргомыжского, Алябьева, Чайковского, Римского-Корсакова, Моцарта, Пуччини др. Аудитория была полна – преподаватели, студенты, аспиранты, выпускники. Успех был полный. Люда Гапочка – жена Гены Гапочки, доктор биологических наук, милый, веселый, добрый человек, обладает красивым голосом – сопрано, занимается в вокальном классе Дома ученых, любимая певица Биофака, всегда с удовольствием участвует в наших концертах.

В 1976 и 1977 годах мне удалось убедить ребят первых трех курсов проводить курсовые смотры, что вызвало всплеск творчества, создание капустников и спектаклей, выявило много ярких интересных ребят, умеющих сочинять, петь, танцевать. Один из них – **Андрюша Матвеев**, умный, скромный, необыкновенно приятный парень, с хорошим чувством юмора, поступивший на Биофак после службы в армии. Его замечательная сказка «Живая вода», в которой было много участников – солистов, танцоров и хор, имела большой успех не только на факультете, но и на смотре МГУ. Андрюша хорошо играл на гитаре, неплохо пел. Иногда он приходил ко мне домой, за чашкой чая мы вели неспешные разговоры о жизни, биологии, самодеятельности. Он был лидером и на практиках, часто собирал ребят к костру и пел. Но у него было больное сердце, из-за чего он, к несчастью, очень рано ушел из жизни, вскоре после окончания Биофака в 1993 году. У меня сохранились некоторые стихи из его сказки, но его музыка к ней, к сожалению, пропала. Ее нотной записи нет.

Вот маленький отрывок одного из его стихотворения к сказке:

*Будут круты повороты
На излучинах судьбы.
Бойся лишь фальшивой ноты,
Бойся злобной ворожбы.*

*И когда пора настанет
Сделать выбор лично твой,
Легкий путь тебя поманит...
Будь всегда самим собой!*

*Вечер,
посвященный презентации книги
«Ты в сердце моём, Биофак»*

Подробно о других спектаклях и ребятах, игравших в них, читайте все в той же книге – «Ты в сердце моём, Биофак».

Весной 1985 года к сорокалетию Победы мы устроили вечер с участием ветеранов войны. За литературно-музыкальную композицию, посвященную этому важному событию, мы были награждены дипломом на смотре МГУ.

Затем в 1986 года был проведен грандиозный вечер биофаковской песни. Готовились несколько месяцев, пел большой хор студентов, преподавателей и сотрудников, а я выступала хормейстером.

Сделали большое красивое объявление, пригласили выпускников разных лет. В ББА яблоку негде было упасть. Вечер вел **Леша Наумов**, с которым мы в течение месяца придумывали сценарий вечера. Леша сочинил стихотворение о наших песнях:

*Весенней капелью года отзвенели.
И юность в руках не удержишь никак.
Но помним мы песни, которые пели,
Которые нам подарил Биофак
Путь старость грозит, друзья, сединою,
И множится лет череда за спиной...
Но память жива, и, сознаюсь, не скрою,
Что молодость наша навеки со мной!
В науке всегда нам идти в неизвестность.
Бывает, усталость накатит на грудь.
Но в душу ворвется знакомая песня.
И сразу доступней становится путь.
В пустыне, в лесах, в антарктических водах,
На льдинах дрейфующих станций СП,
Звучат эти песни, как в юные годы,
И чувствуем рядом мы плечи друзей!
И снова мы молоды, полнимся силой.
И, кажется, не было прожитых лет.
За вечную юность, за песни – спасибо,
Спасибо тебе, наш родной факультет!*

С радостью, тепло встретили слушатели выступления авторов песен – Гена Шангина-Березовского и Дмитрия Сахарова.

Подробно о других спектаклях и ребятах, игравших в них, читайте все в той же книге – «Ты в сердце моём, Биофак».

Весной 1985 года к сорокалетию Победы мы устроили вечер с участием ветеранов войны. За литературно-музыкальную композицию, посвященную этому важному событию, мы были награждены дипломом на смотре МГУ.

Затем в 1986 года был проведен грандиозный вечер биофаковской песни. Готовились несколько месяцев, пел большой хор студентов, преподавателей и сотрудников, а я выступала хормейстером.

Сделали большое красивое объявление, пригласили выпускников разных лет. В ББА яблоку негде было упасть. Вечер вел **Леша Наумов**, с которым мы в течение месяца придумывали сценарий вечера. Леша сочинил стихотворение о наших песнях:

*Весенней капелью года отзвенели.
И юность в руках не удержишь никак.
Но помним мы песни, которые пели,
Которые нам подарил Биофак
Путь старость грозит, друзья, сединою,
И множится лет череда за спиной...
Но память жива, и, сознаюсь, не скрою,
Что молодость наша навеки со мной!
В науке всегда нам идти в неизвестность.
Бывает, усталость накатит на грудь.
Но в душу ворвется знакомая песня.
И сразу доступней становится путь.
В пустыне, в лесах, в антарктических водах,
На льдинах дрейфующих станций СП,
Звучат эти песни, как в юные годы,
И чувствуем рядом мы плечи друзей!
И снова мы молоды, полнимся силой.
И, кажется, не было прожитых лет.
За вечную юность, за песни – спасибо,
Спасибо тебе, наш родной факультет!*

С радостью, тепло встретили слушатели выступления авторов песен – Гена Шангина-Березовского и Дмитрия Сахарова.

*Н.Н.Орлова.
Прощальная фотография.
2007 год.
США*

В 1986 году наш курс вновь отмечал, на сей раз 30-ю, годовщину окончания Биофака. Сначала было торжественное собрание в аудитории, потом пошли пировать в 10-ю столовую – традиционное место банкетов нашего факультета. В это время почти все мои однокурсники были живы и здоровы.

На побережье Тихого океана. США

Через год, весной 1987 года, был проведен вечер 30-летия Братского похода, из 23 участников похода присутствовало 20 человек! Мы приготовили рассказ о походе, причем рассказывали почти все, и дали небольшой концерт: отрывок из спектакля М. Светлова «Двадцать лет спустя», пели «Биофаковское трио» хора мужского ансамбля, показали сатирические сценки. Приятно было погрузиться в атмосферу похода.

Посмотреть на «стариков» пришло много народу, и приняли нас очень тепло.

Тогда практически вся самодеятельность факультета была представлена агитпоходными номерами – ведь после 50-х годов студенты ходили в походы каждый год, и уже было пройдено около ста.

В Университете ежегодно проводились веселые праздники – дни факультетов. Был и у нас такой праздник, к которому готовили капустники, концерты и разные шутки. В 1987 году я предложила посвятить День биолога Николаю Ивановичу Вавилову, столетнюю годовщину рождения которого отмечала вся страна. По решению ЮНЕСКО этот год был назван годом Н.И. Вавилова.

В большой биологической аудитории народу набралось много, были не только студенты, но и преподаватели.

Праздник начался моим рассказом о Н.И. Вавилове – Человеке и Гражданине. Конечно, я волновалась – вдруг люди, пришедшие на веселый праздник, не захотят слушать серьезное выступление. Но все вышло иначе.

Приведу часть моего выступления.

«Большая радость, вместе с тем большая грусть говорить сегодня о Николае Ивановиче Вавилове, столетие со дня рождения которого сегодня отмечает весь мир. Радость, потому что отрадно говорить о прекрасном человеке-легенде. Грустно, потому что мы знаем трагическую историю его жизни. Мне хочется показать его притягательность, человеческую красоту, мощь исследователя, организатора науки. Н.И. Вавилов был ботаником, систематиком, генетиком, агрономом, эволюционистом, географом, этнографом, историком науки, путешественником.

И все, кто его знал, называют его человеком с большой буквы, Он – гордость нашего Отечества. Его соратники говорили, что самым характерным в Николае Ивановиче было обаяние. Оно покоряло с первого рукопожатия, с первого слова. Оно исходило из его умных, ласковых, всегда блестящих глаз, из простоты и душевности его обращения. Оно было постоянным редкостным даром, привлекавшим и радовавшим души людей. Оно удивительно адекватно отражало внутреннюю душевную красоту и мощь этого человека. Обаяние Николая Ивановича – это, прежде всего, обаяние истинного ученого, неустанного труженика, упорно и настойчиво добывающего новые научные факты,

смелого мыслителя-теоретика, это обаяние патриота, мужественного общественного деятеля, видевшего перспективы грандиозного переустройства своей родной земли. Один из американских генетиков сказал: "Если все русские такие, как Н.И. Вавилов, нам следует дружить с Россией"».

«Не погибнет Россия, если у нее есть такие сыны, как Николай Иванович Вавилов!» Так сказал выдающийся рус-

Закат на Тихом океане. США

ский селекционер Тулайков на втором Всероссийском съезде генетиков и селекционеров.

Мне кажется, что стихотворение Николая Тихонова говорит и о Н.И. Вавилове.

*Наш век пройдет. Откроются архивы.
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда.
Но то, что было истинно великим,
Останется Великим навсегда.*

Большинство собравшихся внимательно слушали мой рассказ.

А потом, после маленького перерыва, началось обычное веселое действо.

Начиная с 1975 года, я входила в культкомиссию факультета, была членом жюри курсовых и факультетского ежегодных смотров, а также год или два была в составе культкомиссии профкома МГУ и жюри смотров, и поэтому присутствовала на смотрах всех факультетов МГУ (тогда их было, кажется, 23).

За организацию и участие в самодеятельности и за активное участие в работе профсоюзной организации неоднократно награждалась грамотами.

Сейчас, просматривая свой архив, посвященный самодеятельности Биофака, и вспоминая свою педагогическую и общественную работу, удивляюсь тому, как хватало на все это времени и сил, как много было интересного, как много студентов было вовлечено в это. А ведь я перечислила только те вечера, которые готовила или в которых участвовала сама.

Ведь сейчас 4–5 часов любой работы приводят к полному бессилию и желанию прилечь, но все, что имеет начало, имеет и конец...

В 1987 году пришла пора выходить на пенсию, что я и собиралась сделать, тем более, что к тому времени у меня уже появились и подросли внуки – Даша четырех лет и Гриша двух лет.

Но по просьбе С.В. Шестакова согласилась работать еще три года, продолжала читать лекции, вести практические и семинарские занятия и оставалась куратором группы генетиков. При этом старалась, хоть немного, помогать Лешиной семье. Скоро поняла, что совмещать это и полнокровно работать уже не могу.

17 января 1990 года кафедра провожала меня на «заслуженный отдых».

Выступавшие сказали обо мне много приятных, добрых слов, выразили сожаление по поводу моего ухода. На этом прощальном собрании присутствовали преподаватели и

сотрудники кафедры, представители парткома, профкома, учебной части и приемной комиссии. Был зачитан приказ декана: «За многолетнюю безупречную работу на биологическом факультете по подготовке высококвалифицированных биологов и воспитание молодежи объявить благодарность доценту кафедры генетики Орловой Н.Н» и вручена грамота от парткома, где было написано, что «партком награждает грамотой доцента кафедры генетики Орлову Н.Н. – коммуниста, воспитателя, учителя за то, что она всю жизнь – эталон этих понятий».

Потом было застолье с возлиянием и закусками, приготовленными женщинами кафедры, моими пирогами, солеными грибами и вареньем, которые любили у нас.

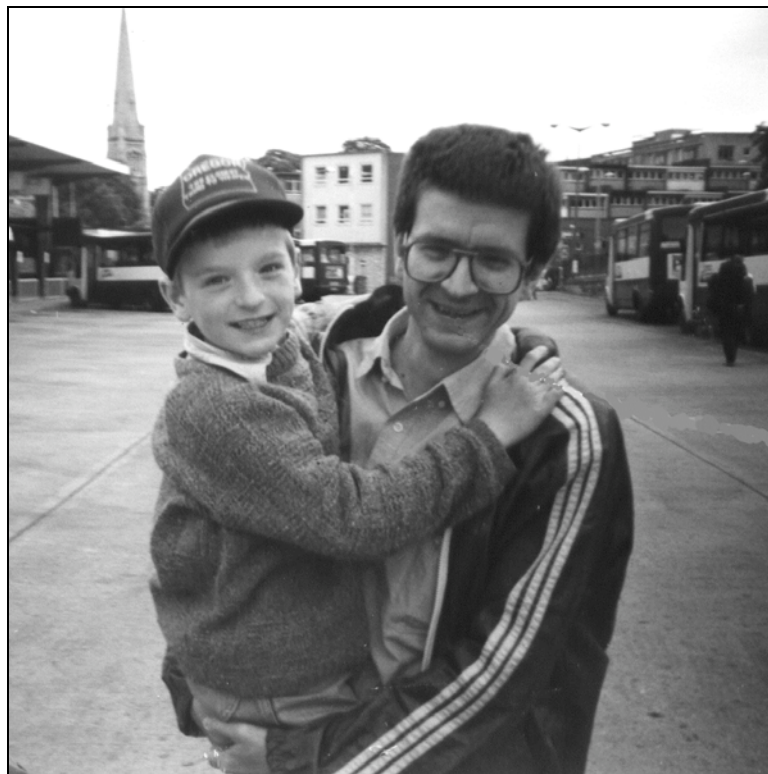
Бывший студент нашей кафедры из Финляндии, Саамо Айно, сделал и подарил мне очень хорошую фотографию, которая теперь всегда стоит возле меня.

Так закончился самый серьезный, значимый для меня, активный и радостный этап моей жизни.

*Олег Юрьевич Орлов на военных сборах
1950-е годы*

А.О. Орлов со своим сыном Гришей

Таня Орлова (Плевако) на берегу Тихого океана. США

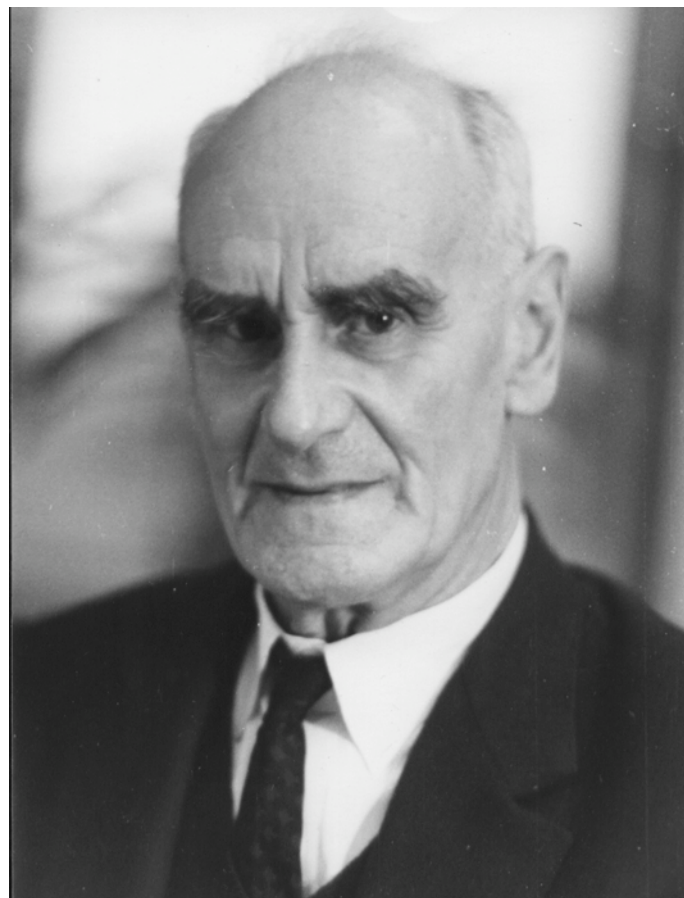
*Мария Ивановна Визжилина
(Рябчикова). 1913–1986.
1950-е годы*

*Николай Алексеевич Визжилин (1903–1976).
1957 год*

*Наталья Павловна Орлова
(Преображенская). 1901–1999.
1960-е годы*

*Юрий Александрович Орлов (1893–1966).
1966 год*

Послесловие издателей

Над этой книгой Нина Николаевна Орлова (Визжилина) работала до самой своей кончины 27 августа 2007 года.

Мы, ее родные, друзья, коллеги и ученики, все, кто ее любил, сочли необходимым издать эту книгу в память об этом удивительном человеке – талантливом педагоге, научном работнике, разносторонне образованном, веселом и музыкально одаренном, необыкновенно трудолюбивом.

Выпускница Биологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, Нина Николаевна Орлова работала в школе, в лаборатории радиационной генетики и в институте общей генетики (ИОГен), под руководством академика Н.П. Дубинина подготовила и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, затем в течение многих лет преподавала генетику на Биофаке МГУ. Доцент Н.Н. Орлова – автор многочисленных учебных пособий и учебника по общей генетике (1991 г.), до сих пор единственного по этой специальности.

Многие из учеников Н.Н. Орловой защитили кандидатские и докторские диссертации и успешно работают ныне на Биофаке МГУ, в различных научных учреждениях Москвы и в других российских городах, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья, где продолжают дело, которому с большой любовью служила их наставница.

Помимо научной и педагогической деятельности Нина Николаевна на протяжении десятилетий была бессменным руководителем биофаковского хора, концертная деятельность которого обрела широкую популярность. Последние годы жизни она посвятила изданию книги «Ты, в сердце моём, Биофак», которая вышла в свет к 250-летию МГУ и

повествует о богатой и многообразной культурной жизни Биофака.

Предлагаемое издание воспоминаний Нины Николаевны представляет, на наш взгляд, несомненный интерес не только для специалистов-биологов, выпускников Биофака МГУ, но и для широкого круга читателей, поскольку в ней описаны самые разнообразные события нашего Отечества, свидетелем и участником которых была Н.Н. Орлова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

– 2 –

Мои родители

– 5 –

Мои братья

– 62 –

Мой сын Алёша

– 81 –

Таня

– 102 –

Моя внучка Даша

– 109 –

Мой внук Гриша

– 125 –

Мое детство

– 139 –

**Война
и Парад Победы**

– 146 –

Моя школа

– 161 –

– 366 –

**Биофак МГУ (1951–1956),
похороны И.В. Сталина**

– 177 –

Семья Орловых

– 222 –

Школа с особым режимом

– 241 –

Работа

в лаборатории радиационной генетики

и в Институте общей генетики –

ИОГене (1958–1969 гг.)

Встреча Ю.А. Гагарина

– 259 –

Работа на Биофаке в 1969–1990 годах

– 293 –

Послесловие издателей

– 364 –

– 367 –

Нина Николаевна Орлова
«Осенний листопад...»

(Мои воспоминания)

Редакционный коллектив:
В.В. Абрамов, Н.Н. Визжилин,
О.А. Гомазков, О.Ю. Орлов, А.О. Орлов, С.Н. Посувалюк.

Все фотографии,
а также архивные материалы,
опубликованные в книге, из личных собраний
Н.Н. Орловой и Н.Н. Визжилина.

Художник книги Н.Н. Визжилин.

Печ л. 23. Подписано в печать 20 февраля 2008 года. Отпечатано в
